ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

В ВОСЬМИ КНИГАХ

Главный редактор серии
академик М. Б. Митин

Редакционная коллегия серии:

докт. филос. наук, проф.
М. Н. Алексеев,
докт. филос. наук, проф.
В. В. Богатов,
докт. филос. наук, проф.
А. М. Коршунов,
докт. филос. наук, проф.
А. Д. Косичев (зам. главного редактора),
А. С. Махов,
чл.-кор. АН СССР
С. Т. Мелюхин,
докт. филос. наук, проф.
В. С. Молодцов,
докт. филос. наук, проф.
З. М. Оруджев,
докт. филос. наук, проф.
Г. В. Платонов,
канд. филос. наук, доц.
В. М. Федоров,
докт. филос. наук, проф.
А. П. Шептулин,
докт. филос. наук
Р. Г. Яновский

КНИГА 2

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Под редакцией
проф. *З. М. Оруджева*,
проф. *А. П. Шептулина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1986

Диалектическая логика / Под ред. З. М. Оруджева, А. П. Шептулина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 298 с.

В книге излагаются основные вопросы диалектической логики: ее предмет и структура, основные принципы, метод восхождения от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического способов познания, роль законов и категорий диалектики как логических форм; раскрываются понятие диалектического метода и пути его применения в конкретно-научном познании; анализируются буржуазные концепции логики и методологии науки.

Для специалистов в области диалектического материализма, логики и методологии науки.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

докт. филос. наук, проф. В. А. Лекторский,
докт. филос. наук, проф. Б. А. Глинский

Редакционная коллегия тома:

докт. филос. наук, проф. З. М. Оруджев (отв. редактор),
докт. филос. наук, проф. А. П. Шептулин (отв. редактор),
докт. филос. наук, проф. И. Д. Андреев,
докт. филос. наук, проф. И. Элез,
докт. филос. наук, проф. Г. А. Югай.

МОНОГРАФИЯ

Марксистско-ленинская диалектика

Книга 2

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

(Под редакцией З. М. Оруджева, А. П. Шептулина)

Зав. редакцией *Г. С. Ливанова.* Редактор *Е. В. Гараджа.* Художник *И. С. Клейнард.* Художественный редактор *Л. В. Мухина.* Технический редактор *Г. Д. Колоскова.* Корректоры *В. П. Кададинская, М. А. Мерецкова*

По подписке ИБ № 2477

Сдано в набор 23.01.86. Подписано к печати 15.07.86. Л-67281 Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 21,98 Тираж 21000 экз. Заказ 297 Цена 1 р. 70 к. Изд. № 4213

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

Д 0302020100—148
077(02)—86 по подписке

© Издательство Московского университета, 1986 г.

В условиях дальнейшего совершенствования социализма, когда развертывающаяся научно-техническая революция охватывает одну за другой все отрасли народного хозяйства, а бурно развивающаяся наука все более и более превращается в мощную производительную силу, проблема всесторонней разработки диалектики и овладения ею советскими людьми — активными строителями коммунистического общества — приобретает исключительно большое значение. Не случайно поэтому КПСС ставит перед философами задачу органически связать свои научные изыскания и идеологическую пропагандистскую деятельность с практикой коммунистического строительства. Партия призывает и «дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе» материалистическую диалектику [7, 57].

Превращение диалектики в метод познания и революционного преобразования действительности предполагает разработку ее как диалектической логики, которая представляет собой своего рода вывод из теории диалектики и теории познания, будучи заключительным звеном, связывающим философскую теорию с жизнедеятельностью людей, с осуществляемыми ими познанием и преобразованием социальной и природной действительности, с решением практических задач.

Поскольку диалектическая логика является выводом из теории диалектики и теории познания, ее предмет, составляющие ее содержание проблемы нельзя понять без выяснения ее соотношения с теорией диалектики и теорией познания. Они играют определяющую роль по отношению к методологическим принципам диалектической логики, закономерностям взаимосвязи и движения изучаемых ею форм мышления и приемов познавательной деятельности.

Как же соотносится диалектическая логика с диалектикой и теорией познания? Впервые четкий ответ на этот вопрос дал К. Маркс. По его мнению, между диалектикой, теорией познания и диалектической логикой существует тождество. Они изучают, по существу, одни и те же законы и составляют единое целое, выполняя различные функции. Все это классически показано им в «Капитале», где диалектика, теория познания и логика не представляют собой самостоятельных, независимых, рядом существующих наук или областей знания, а органически связаны, в известной степени совпадают между собой. В «Капитале» логика раскрытия сущности капиталистической формации воспроизводит реальный процесс становления, функционирования и развития капиталистического способа производства в его необходимых сторонах и связях и вместе с этим закономерности его конкретного

познания. «...Диалектические законы, — пишет по данному поводу французский философ-марксист Жан-Поль Жуари, — являются в «Капитале» законами познания, но они составляют также не только ядро порядка изложения Маркса, но и общую и действительную форму процессов, которые он объясняет» [191, 33]. Другими словами, в «Капитале» диалектика, теория познания и логика совпадают, представляют одни и те же связи и отношения, одни и те же законы движения объективной и субъективной действительности, наглядно показывая не только зависимость субъективной диалектики от объективной, но и соответствие первой второй.

Говоря о реализации Марксом в «Капитале» принципа совпадения диалектики, логики и теории познания, В. И. Ленин отмечал: «Если Маrх не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [4, 29, 301].

Применив открытый Гегелем принцип тождества диалектики, логики и теории познания в конкретном исследовании, Маркс обосновал его истинность, но провести его последовательно в изложении содержания философской науки ни ему, ни Ф. Энгельсу не довелось, хотя при исследовании каждой философской проблемы они, по существу, им руководствовались. Разработка этого принципа применительно к самой философской науке, к диалектическому материализму выпала на долю В. И. Ленина. Показывая отличие марксистской теории познания от гносеологии домарксовского материализма, В. И. Ленин специально обратил внимание на то, что она органически связана с диалектикой, по существу, совпадает с ней, что диалектика и есть теория познания, подчеркнув, что многие марксисты, включая Г. В. Плеханова, упускают из виду как раз эту сторону дела. «Диалектика, — писал он, — *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах». И далее: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектику к Bildertheorie, к процессу, к развитию познания» [4, 29, 321—322].

Аналогичные высказывания имеются у В. И. Ленина и по поводу совпадения логики и теории познания. «Логика, — писал он, — есть учение о познании. Есть теория познания» [4, 29, 163].

Важность поставленной В. И. Лениным проблемы тождества диалектики, логики и теории познания в диалектическом мате-

риализме единодушно признается всеми философами-марксистами. Однако существуют разногласия в понимании сути этого тождества и путей его достижения.

Некоторые авторы считают, что тождество диалектики, логики и теории познания выражается в том, что указанные части или области философского знания, являясь относительно самостоятельными, находятся в определенной связи и зависимости и составляют единое целое, единую теорию — диалектический материализм. Тождество здесь понимается не как совпадение, а как единство — как органическая связь и обусловленность. «...Под единством логики, диалектики и теории познания, — пишет В. П. Брянский, — следует подразумевать не что иное, как единство диалектико-материалистической онтологии и диалектико-материалистической гносеологии. Это единство можно принимать лишь в смысле взаимосвязи и взаимовлияния (которые определяются принципом развития и принципом отражения), а не в смысле простого тождества» [101, 1, 70].

Что касается связи и взаимообусловленности диалектики, логики и теории познания, то они несомненно есть, но суть тождества между указанными областями философского знания заключается не в наличии связи между ними, а в совпадении их по содержанию. Понимание тождества как единства (взаимосвязи, взаимозависимости и взаимного влияния) не только не преодолевает разрыва между учением о бытии (онтологией), учением о познании (гносеологией) и учением о законах и формах мышления (логикой), распространенного в домарксовской философии и еще проявляющегося в настоящее время в работах буржуазных философов, но теоретически обосновывает этот разрыв. В самом деле, известная связь и зависимость между воззрениями на бытие, процесс познания и законы мышления имеются в учении любого философа. И если тождество диалектики, логики и теории познания означает не что иное, как их взаимосвязь и взаимозависимость, то такое понимание, безусловно, не выражает то новое, что внес марксизм в соотношение указанных областей философского знания.

Другие авторы тождество диалектики, логики и теории познания трактуют в плане полного совпадения их содержания. Они считают, что указанные термины являются различными названиями одного и того же предмета. Так, например, М. Ф. Воробьев пишет: «Диалектическая логика есть учение о мышлении на высшей стадии его развития, когда достигнуто относительное соответствие между отражающим предметом мышления и отражаемой мышлением природой. Мышление невозможно понять вне его соотношения с объективным миром, составляющим предметное содержание мышления. Вот почему диалектическая логика, будучи наукой о мышлении и его законах, есть в то же время определенное миропонимание («онтология»), фундаментом которого является философский материализм» [41, 6]. Автор прав, когда утверждает, что мышление нельзя понять вне его соотношения

с объективным миром, но огрубляет действительное положение вещей, когда заявляет, что этот внешний мир составляет предметное содержание мышления. Содержанием мышления является не объективная действительность сама по себе, а ее отражение. Далее, из того, что природу мышления нельзя понять вне соотношения с объективным миром, вовсе не следует, что диалектическая логика, будучи учением о законах мышления, должна в то же время быть учением о мире и всеобщих формах бытия.

Сторонники абсолютного тождества диалектики, логики и теории познания для обоснования своей концепции часто используют выдвинутое классиками марксизма-ленинизма положение о том, что диалектическая логика является выводом из истории развития познания. Раз диалектическая логика представляет собой итог развития познания, вывод из его истории, рассуждают они, значит, она тождественна теории познания, обобщающей практику познавательной деятельности и открывающей законы ее функционирования и развития. И поскольку законы и формы истинного познания суть отражение всеобщих законов и форм объективной действительности, диалектическая логика является учением о всеобщих законах действительности, т. е. тождественна диалектике, «Конкретная (диалектическая. — *А. Ш.*) логика, — пишет по данному поводу Лефевр, — венчает и завершает историю познания, т. е. саму теорию познания как историю общественной практики. Она является самой разработанной ее частью, «живым» результатом, следовательно, резюмированием в кратких формулах всего человеческого опыта. Она должна дать истинные, т. е. объективные, универсальные формы познания; самые общие правила познания должны быть в то же время самыми общими законами всей действительности» [195, 57].

Диалектическая логика, действительно, является выводом из истории познания всей действительности, включая познавательную деятельность, но это вовсе не означает того, что диалектическая логика должна изучать всеобщие законы действительности и все закономерности развития познания.

Диалектическая логика, будучи выводом из диалектики и теории познания, основывается на них, учитывая открытые ими законы при разработке своих методологических принципов, требований, призванных ориентировать людей в их познавательной и практической деятельности, но не подменяет последние, так же как и они не подменяют ее, не решают стоящих перед ней задач. Прав П. В. Копнин, который по данному поводу писал: «Сами по себе объективные закономерности не составляют метода, необходимо выработать на их основе приемы для дальнейшего познания и преобразования действительности, для достижения новых результатов. Метод эвристичен, он отражает закономерность объективного мира под углом зрения того, как человек должен поступать, чтобы достигнуть новое в познании и практике» [79, 38]. Функцию разработки на основе всеобщих законов действительности и закономерностей развития познания принципов, направляю-

щих познавательную и практически преобразующую деятельность людей, — диалектического метода — как раз и призвана осуществлять диалектическая логика.

Некоторые авторы тождество диалектики, теории познания и диалектической логики видят в совпадении их законов. «...Смысл ленинского положения о тождестве диалектики, логики и теории познания, — заявляет М. Н. Алексеев, — состоит не в абсолютном приравнивании друг к другу этих различных сторон марксистской философии, а в подчеркивании одинаковости наиболее общих законов, которые их пронизывают от начала до конца, именно законов диалектики» [10, 14].

Стремление раскрыть тождество диалектики, логики и теории познания через такую форму научного познания, как закон, безусловно, имеет под собой глубокое основание. Ведь закон, как указывал Ф. Энгельс, есть форма всеобщности в природе, и обнаружение законов представляет собой одну из главных задач научного исследования. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет об особого рода законах — всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

Принцип развития указывает, что взаимосвязь природы, общества и мышления носит конкретно-исторический характер, определяемый уровнем развития общественно-исторической практики. Практика обусловливает универсальный характер законов развития, вместе с тем в практике обнаруживается разнообразие способов их проявления.

Что касается тождества законов, изучаемых диалектикой, теорией познания и диалектической логикой, тождества субъективной и объективной диалектики, то оно, несомненно, есть, но оно касается только всеобщих законов. Познание же, как и любое другое конкретное явление, имеет и свои специфические закономерности, которые действуют только в познании и не проявляются в объективной действительности. Например, в объективной действительности процесс развертывается от сущности к явлению (сущность проявляется в явлении), от необходимости — к случайности (необходимая тенденция пробивает себе путь через массу случайных отклонений), от причины — к следствию (причина порождает следствие), в познании же имеет место прямо противоположное движение. Познание развивается от явления к сущности (от фиксации того, что выступает на поверхности, к внутренним, скрытым от познающего субъекта сторонам и связям), от случайного — к необходимому (от описания случайных проявлений к нахождению необходимых отношений, закономерности), от следствия, — к причине (по следствию воспроизводится причина). Правда, в познании есть и движение мысли от сущности к явлению, от необходимого к случайному, от причины к следствию. Но это имеет место лишь после того, как раскрыта сущность, выявлена причина, необходимая связь, закономерность. Лишь после достижения сущности субъект может перейти от нее к явлению, лишь после открытия причины он выводит из нее следствие, после

познания необходимости прослеживает ее связь со случайностями. И хотя закономерности движения познания на первом этапе отличны от тех, которым подчиняются процессы внешнего мира, теория познания и логика не могут их игнорировать. В противном случае они не смогут выполнить своих функций.

Диалектика, логика и теория познания, находясь в состоянии диалектического тождества, имеют определенное качественное различие, занимаются решением своих, свойственных каждой из них задач. В самом деле, диалектика изучает всеобщие законы действительности с целью выявления их собственной сущности, сохраняющейся при всех их проявлениях. Она призвана выделить эти законы из специфического содержания, свойственного различным областям действительности, и представить их в чистом виде. Решение этой задачи является специфической функцией диалектики, ею не занимаются и не могут заниматься ни теория познания, ни диалектическая логика. Теория познания имеет своей задачей исследование не всеобщих законов как таковых, а закономерностей возникновения, функционирования и развития познания в его отношении к объективной действительности. И хотя определенные законы функционирования и развития познания оказываются всеобщими законами действительности, изучаемыми диалектикой, это не меняет существа дела. Они рассматриваются в теории познания не сами по себе, не со стороны их универсальности, а как законы развития познавательной деятельности, раскрывающие (вместе с закономерностями познавательного процесса) сущность этой деятельности, механизм ее осуществления. Что же касается диалектической логики, то она изучает не только законы мышления, но и законы функционирования и развития познания, а также все всеобщие свойства и связи (законы) действительности. Но она изучает их с целью разработки на их основе требований к познающему субъекту, формулирования принципов, предписывающих субъекту познания определенную форму поведения. В частности, подобными требованиями, предписывающими определенную форму поведения субъекта в процессе осуществляемой им познавательной деятельности, являются сформулированные В. И. Лениным такие принципы диалектической логики, как необходимость рассмотрения предмета познания во всех его связях и отношениях, в его самодвижении и развитии [(см. 4, 42, 290]), необходимость раздвоения единого и познания противоречивых частей его, принцип диалектического отрицания [см. 4, 29, 316], принцип объективности рассмотрения, включения практики в определение предмета [см. 4, 42, 290], необходимости движения мысли от сосуществования к каузальности [см. 4, 29, 203] и др.

Итак, хотя диалектическая логика, диалектика и теория познания имеют дело с одними и теми же законами, они рассматривают их различным образом, в иной форме проявления.

В решении проблемы соотношения диалектики, теории познания и диалектической логики следует опираться на сформулиро-

ванный В. И. Лениным принцип рассмотрения категорий диалектики в качестве узловых пунктов, ступеней развития процесса познания. Согласно В. И. Ленину, каждая категория возникает на строго определенной ступени развития общественного познания и практики для выражения выявленных (вследствие более глубокого проникновения человеческого ума в окружающую действительность) новых всеобщих сторон и связей и отражает не только эти объективные формы бытия, но и особенности соответствующей стадии развития познания и практики, характерные для нее формы практического и теоретического освоения действительности. Другими словами, категории, по В. И. Ленину, отражают не только всеобщие закономерности объективной действительности, но и закономерности развития человеческой деятельности, направленной на познание и преобразование действительности. «...Категории мышления, — указывает В. И. Ленин, — не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека» [4, 29, 83]. И далее: «...категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [4, 29, 85].

Появление новых категорий в ходе развития познания не случайно, а необходимо, они формулируются в связи с тем, что выявленные новые стороны и связи не укладываются в существующие категории и требуют для своего выражения новых понятий. Появившись, всякая новая категория встает в определенные необходимые отношения и связи с существующими категориями и, таким образом, занимает свое особое, обусловленное развивающимся процессом познания и общественной практики место в общей системе категорий. И если это так, то, расположив категории диалектики в той последовательности, в которой они появились в процессе развития познания и практики, мы, с одной стороны, представим категории в их естественной необходимой взаимосвязи и взаимозависимости, с другой — воспроизведем ступени развития познания от низшего к высшему и закономерности перехода его от одной ступени к другой, более глубокой. И поскольку переход познания от одной ступени развития к другой обусловливается освоением (практическим и теоретическим) новых сторон и связей объективной действительности субъектом, он неизбежно сопровождается изменением существующих и появлением новых форм мыслительной деятельности (суждений, умозаключений, способов ведения исследования и т. п.), которые приспосабливаются к выражению новых результатов познания и особенностям новой ступени познания. Поэтому рассмотрение форм мышления в связи с движением познания от одной ступени к другой, в частности от одних категорий к другим, позволит нам представить формы мыслительной деятельности, с одной стороны, в их движении, изменении и развитии, с другой — в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости, определить практическую значимость и сферу применимости каждой из них.

Если мы, раскрывая содержание диалектики, поставим кате-

гории, а соответственно и законы, во взаимосвязь, в основном соответствующую «действительному углублению нашего познания мира» [4, 29, 84], отражающую соотношение «ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса» [4, 29, 135], то диалектический материализм предстанет в виде стройной, логически связанной теории, где диалектика, теория познания и логика будут, по существу, совпадать при сохранении определенной самостоятельности, т. е. будут находиться в диалектическом тождестве, неизбежно предполагающем различие тождественного.

В самом деле, раскрытие содержания каждой категории позволит воспроизвести всеобщие свойства и связи (законы), отраженные в ней и в ее соотношении с другими категориями, дать характеристику особенностей ступени развития общественного познания, связанной с данной категорией, а также закономерностей соотношения данной ступени с предшествующими и последующими ступенями познания. На этой основе можно сформулировать соответствующие требования к мыслящему субъекту, принципы диалектической логики, ориентирующие субъекта в его познавательной деятельности. Наконец, мы выявим и рассмотрим формы мышления и приемы научного исследования, связанные с данной ступенью развития познания.

Всеобщие формы бытия, всеобщие свойства и связи (законы), отраженные в категориях и основных законах диалектики, исследованы в книге данной серии «Материалистическая диалектика как научная система». В ней категории и основные законы диалектики рассматриваются в той последовательности, в какой они выступают в качестве ступеней, узловых пунктов развития общественного познания. Закономерности функционирования и развития познания, его движения от низшего к высшему, от явления к сущности и затем от сущности одного порядка к сущности другого порядка рассматриваются в книге «Диалектика процесса познания».

Структура этой книги соответствует изложению материала в вышеуказанных книгах и является дальнейшим шагом в реализации единой концепции диалектики и определенного решения в рамках единой теории проблемы соотношения диалектики, теории познания и логики.

В первом разделе данного тома рассматриваются общие вопросы, касающиеся диалектической логики, определяются ее предмет, основные задачи, которые она призвана решать, показывается ее соотношение с формальной логикой, с так называемой логикой науки, выявляется роль практики в формировании и развитии логических связей, дается характеристика основных законов диалектической и формальной логики.

Второй раздел посвящен исследованию основных принципов диалектической логики, связанных с категориями как ступенями, узловыми пунктами развития познания и рассмотренных в той последовательности, в какой развивается познание.

В третьем разделе анализируются основные формы мышления, которые представлены в их взаимосвязи, движении и развитии. В написании данной книги принимали участие следующие авторы:

Введение (проф. З. М. Оруджев, проф. А. П. Шептулин);
раздел I: глава I (проф. И. Д. Андреев), глава II (д. ф. н. Й. Элез);
глава III (к. ф. н. С. Родригес — Республика Куба), глава IV (проф. З. М. Оруджев и к. ф. н. Н. Ф. Мостовая), глава V (проф. И. Д. Андреев); раздел II: глава I (д. ф. н., проф. В. П. Кохановский и д. ф. н. Й. Элез), глава II (к. ф. н., доц. В. Рута), глава III (проф. З. М. Оруджев), глава IV (проф. З. М. Оруджев и к. ф. н. Лай Ван Тоан — СРВ), глава V, § 1, 2 (проф. А. П. Шептулин), § 3 (к. ф. н. Н. А. Князев), глава VI, § 1 (проф. В. П. Кохановский), § 2 (проф. З. М. Оруджев и к. ф. н. В. С. Егорова), глава VII (к. ф. н. В. В. Черников), глава VIII (проф. Б. В. Ахлибининский и к. ф. н., доц. И. М. Шорохов), глава IX (проф. Г. А. Югай), глава X (проф. В. А. Вазюлин), глава XI, § 1 (к. ф. н., доц. В. М. Федоров), § 2 (проф. А. П. Шептулин);
раздел III: глава I (проф. З. М. Оруджев), глава II (проф. М. Н Алексеев), глава III (проф. В. С. Лутай), глава IV (к. ф. н. Т. М. Махаматов), глава V (проф. З. М. Оруджев), глава VI (к. ф. н. В. В. Ильин); Заключение (к. ф. н. В. М. Федоров).

Раздел I. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК НАУКА

Глава I. ПРЕДМЕТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Диалектическая логика как наука сформировалась в XIX в., когда накопленный главным образом эмпирический материал стал синтезироваться в систему знаний, а метафизический метод, господствовавший в науке, стал не только недостаточным, но и превратился в тормоз ее дальнейшего развития.

Если в период господства метафизики исследователи могли в целом обходиться средствами формальной логики, то к XIX в. она стала все менее удовлетворять потребности развивающегося научного познания. Поэтому наука стала прорывать узкий горизонт формальной логики. «Естествознание, — как отмечал Ф. Энгельс, — покидает ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собой как бы низшую математику логики, ее применение в условиях домашнего обихода» [1, 20, 520]. В связи с этим и возникла потребность в создании новой, диалектической логики.

Крупнейшие мыслители прошлого пытались выйти за пределы формальной логики и создать логику, отвечающую новым потребностям развития науки. Ближе всех подошел к решению этой проблемы Гегель. Он, по существу, создал диалектическую логику. Однако гегелевская диалектическая логика не могла стать подлинной логикой современного научного познания, эффективным методом раскрытия сущности явлений, ибо она была построена на идеалистической основе. Логику Гегеля, писал В. И. Ленин, «нельзя *применять* в данном ее виде, нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideen mystik*: это еще большая работа)» [4, 29, 238]. Эту важную и сложную работу взяли на себя классики марксизма-ленинизма, которые с позиций диалектико-материалистического мировоззрения создали подлинно научную диалектическую логику, соответствующую потребностям современного научного познания.

Что же представляет собой диалектическая логика как наука? Существуют разные определения предмета диалектической логики, каждое из которых раскрывает определенную сторону этой науки. Однако почти все авторы сходятся на том, что диалектическая логика есть наука о законах и формах теоретического мышления.

Формулируя основные требования диалектической логики,

В. И. Ленин писал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-ых.

Во-2-ых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении ...В-3-их, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-ых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [4, 42, 290]. К этому В. И. Ленин добавил, что он этим не исчерпал понятия диалектической логики. Каждый закон, положение, категория материалистической диалектики имеет определенное логико-методологическое значение, обусловливает определенное диалектико-логическое требование к познающему мышлению.

Классики марксизма-ленинизма всегда вели решительную борьбу против кантовского понимания логики как совокупности априорных схем, которые наполняются материалом чувственных данных. Логические категории и формы мысли они рассматривали как своеобразное отражение объективной действительности, ее законов и свойств. Это тем более относится к диалектической логике, к законам и категориям диалектики, выражающим реальные свойства и связи вещей. «Для меня, — писал Ф. Энгельс, — дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее» [1, 20, 12].

Одна из функций диалектической логики состоит в том, что она дает теорию логического вывода, теорию логически правильного мышления (это входит в задачу и формальной логики). Задачи диалектической логики значительно шире и сложнее. Являясь подлинной логикой современного теоретического познания, логикой приобретения нового знания, логикой научных открытий, она, по существу, совпадает с теорией познания диалектического материализма. Поэтому в центре внимания диалектической логики находится и проблема истины, пути и средств достижения истинных знаний.

Диалектическая логика в познающем мышлении изучает действие не только основных законов диалектики, но также и саму диалектику понятий. Это составляет основное содержание диалектической логики. С точки зрения В. И. Ленина, значение логических понятий и категорий в познании, их диалектических связей и отношений определяется прежде всего тем, что они рассматриваются как формы мышления и как ступени, узловые пункты развития процесса познания, процесса расширения и углубления наших знаний.

Таким образом, диалектическая логика является универсальной наукой, разрабатывающей всеобщие теоретические требова-

ния к мыслящему и действующему субъекту, позволяющие решать не только современные проблемы познания, но и практические задачи преобразования природной и социальной действительности. Она распространяет свое действие на все проблемы познания и развития объективной действительности и потому входит в общую структуру науки и общественной практики. Это свидетельствует о том, что диалектическая логика коренным образом отличается как от традиционной формальной логики, так и от современной символической логики.

Для выяснения вопроса о предмете диалектической логики важно правильно определить ее соотношение с материалистической диалектикой и теорией познания. По этому вопросу среди философов нет единодушного мнения. Одни авторы продолжают считать, что диалектическая логика и есть материалистическая диалектика и теория познания, что эти научные дисциплины целиком совпадают. Другие же, наоборот, считают, что их единство не означает абсолютного тождества, что диалектика, логика и теория познания хотя и являются философскими дисциплинами, но каждая из них имеет свой предмет, свои задачи, присущие только ей.

Компромиссную точку зрения по этому вопросу занимает В. П. Рожин. Он полагает, что диалектическую логику необходимо рассматривать в двух вариантах — в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова — это материалистическая диалектика в полном ее объеме как наука о наиболее общих законах не только мышления, но и бытия (природы и общества); в узком смысле слова она представляет собой науку о законах и формах мышления. Она не исчерпывает всего содержания материалистической диалектики, а составляет лишь часть ее предмета. Более того, диалектическая логика в узком смысле слова является частью, аспектом теории познания. Если диалектическая логика в широком смысле слова целиком совпадает с материалистической диалектикой, то зачем присваивать последней два названия: «материалистическая диалектика» и «диалектическая логика»? Из контекста рассуждений В. П. Рожина можно заключить, что собственно логической наукой он считает диалектическую логику в узком смысле слова [см. 134, 28—29].

Е. Ф. Солопов, критикуя точку зрения В. П. Рожина за то, что он из двух пониманий диалектической логики «в большинстве случаев исходит из узкого ее понимания...» [144, 169], в свою очередь сам считает понимание диалектической логики в так называемом широком смысле слова единственно возможным. Он категорически утверждает, что «нельзя согласиться с попытками рассматривать наиболее общие законы природы и общества как выходящие за рамки диалектической логики и с ограничением ее предмета одними специфическими законами мышления» [там же]. Аналогичные позиции по данной проблеме занимают и некоторые другие советские философы.

Характеризуя предмет диалектической логики, Е. П. Ситков-

ский пишет: «Марксистская диалектическая логика есть систематически развитая и систематически изложенная философия диалектического материализма» [142, 72].

Нетрудно заметить, что сторонники рассматриваемой точки зрения говорят об абсолютном тождестве диалектики, логики и теории познания как по предмету, так и по составу категорий. «У диалектики нет предмета, отличного от предмета теории познания (логики), — утверждает другой представитель подобной точки зрения, — так же как и у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там, и тут речь идет о всеобщих универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения категорий» [65, 202]. Заметим, что хотя категориальный аппарат этих трех дисциплин один и тот же, но выполняет он в них различные функции. Поэтому и предметы их вряд ли можно полностью отождествлять. Тем более нельзя сказать, что во всех трех научных дисциплинах речь идет о всеобщих универсальных формах и законах *развития вообще*. Если в диалектике речь действительно идет о всеобщих формах и законах развития вообще, то в теории познания рассматривается проявление всеобщих форм и законов в области познания. В диалектической же логике речь идет опять же не о развитии вообще, а о проявлении всеобщих законов и форм в области мышления.

Полное тождество диалектики, логики и теории познания обосновывают также тем, что все положения материалистической диалектики носят ярко выраженный логический, методологический и гносеологический характер, и с другой стороны, всему познанию и логическому мышлению свойственна диалектика. Но и эта аргументация несостоятельна. Дело в том, что логико-методологическими функциями обладают теоретические положения не только диалектического и исторического материализма, но и всех других общественных и естественных наук. Однако никто не станет утверждать о тождестве материалистической диалектики и, скажем, физики, химии, биологии и т. п. Каждая из этих наук, развиваясь диалектически, обладает своей спецификой, хотя законы и категории диалектики в силу их всеобщности в определенном смысле совпадают с законами и категориями физики, химии, биологии и т. п.

Некоторые авторы, говоря о совпадении предмета диалектической логики и предмета всей марксистской философии, обосновывают это тем, что якобы только опираясь на определенное знание о мире, можно выводить соответствующие нормы подхода к изучению действительности, являющиеся необходимыми условиями ее познания, а также ссылкой на положение Энгельса о том, что «единственным содержанием мышления является мир и законы мышления». Представители данной точки зрения подчеркивают, что «учение об объективном мире и его закономерностях («онтология») нельзя исключить из диалектической логики не только по-

тому, что объективный мир, формы его бытия и законы составляют предметное содержание мышления и его законов, но еще и потому, что само мышление и его законы, законы адекватного отражения действительности не могут быть поняты без уяснения возникновения мышления в результате длительного развития материи» [41, 7].

Нам кажется, что такое понимание диалектической логики слишком расширительно. Разумеется, в рассуждениях сторонников указанной точки зрения содержится много верного. Все аргументы, приводимые ими в обоснование своих позиций, сами по себе не вызывают сомнения. Действительно, между гносеологией и онтологией, законами бытия и законами познания, мышления существует органическое единство, определяющееся тем, что обе эти области действительно управляются одними и теми же всеобщими законами — основными законами материалистической диалектики. Кроме того, движение мысли в процессе познания должно осуществляться в соответствии с движением самого изучаемого объекта. Законы и формы мышления формировались не произвольно, а явились отражением определенных свойств, сторон, особенностей материальной действительности. Это относится не только к закономерностям, изучаемым диалектической логикой, но также к законам и формам мышления, изучаемым логикой формальной. В противном случае с их помощью было бы невозможно раскрыть внутреннюю сущность предметов объективного мира. Обосновывая идею единства законов бытия и законов мышления, Ф. Энгельс писал: если поставить вопрос о том, «что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в определенной среде вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей» [1, 20, 34—35]. Однако из всего этого никак не следует, что диалектическая логика изучает не только законы мышления, но и законы бытия, т. е. она является онтологией. Ссылка на Ф. Энгельса, утверждавшего, что единственным содержанием мышления являются мир и законы мышления, неверна, ибо у Ф. Энгельса речь идет о содержании мышления, а не о законах и формах функционирования наших мыслей. Как правильно отмечает А. П. Шептулин, сторонники данной позиции не учитывают того весьма важного факта, что «логика вообще, в том числе диалектическая, имеет дело не с вещами, не с законами их взаимосвязи, не с формами их движения и развития, а с понятиями — с идеальными образами, с законами взаимосвязи последних, с формами движения и развития мысли. Хотя эти идеальные образы, законы и формы их движения и развития и являются отражением соответствующих свойств и связей объективной действительности, всеобщих законов и форм развития материальных образований, но от этого они не становятся материальными, не включают в себя

последние» [165, 6]. Конечно, учение о законах развития объективного мира нельзя отрывать от логики, методологии и теории познания и тем более противопоставлять друг другу, но их нельзя смешивать, отождествлять и не видеть различия между ними. Это стороны единой науки — материалистической диалектики, но это особые, специфические ее стороны, хотя неразрывно связанные между собой и основывающиеся на одних и тех же всеобщих законах. Несомненно, диалектику можно назвать и теорией познания, и диалектической логикой, ибо она известными своими сторонами выполняет функции этих научных дисциплин, но не наоборот. Если бы мы попытались диалектику назвать, например, только диалектической логикой, то мы бы совершили ошибку, ибо диалектической логикой в собственном смысле мы называем науку о законах функционирования и развития теоретического мышления, а диалектика не исчерпывается только этим, ее законы являются не только законами мышления, но и законами бытия. То же самое можно сказать о теории познания.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Будучи наукой о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления, материалистическая диалектика может выступать и как диалектическая логика, и как теория познания диалектического материализма. Когда употребляется термин «диалектическая логика», то под ним подразумевается не что иное, как материалистическая диалектика, выступающая в качестве учения о теоретическом мышлении, его законах и формах. И в этом смысле мы говорим о тождестве материалистической диалектики и диалектической логики. Это тождество обусловливается тем, что любая диалектико-логическая проблема может быть решена только на основе рассмотрения ее с позиций диалектики. И наоборот, любая проблема материалистической диалектики содержит логический аспект. Теория познания диалектического материализма и диалектическая логика также совпадают между собой. Теоретическое мышление играет решающую роль в процессе познания, является высшей ступенью этого процесса. Поэтому мы можем рассматривать мышление, его законы и формы в отрыве от познания человеком объективного мира, от теории познания. Все проблемы, которые решаются диалектической логикой, в то же время являются и проблемами познания, проблемами теории познания. Это и позволяет нам говорить о тождестве диалектической логики и марксистско-ленинской теории познания. Но вместе с тем между диалектической логикой и теорией познания существуют и определенные различия, ибо «теория познания изучает познавательную деятельность человека в аспекте познавательных отношений субъекта и объекта. В отличие от этого диалектическая логика изучает познавательную деятельность в аспекте отношения между логическими формами мышления и объективным содержанием мышления. Ее предмет — логический (категориальный) строй мышления, который обеспечивает познание объективной истины» [101, 129].

Материалистическая диалектика, являясь всесторонней и глубокой теорией развития, выступает не только как теория и логика научного познания, но и как единственно научный и эффективный всеобщий метод научного исследования, как ядро методологии современного научного познания. В связи с этим возникает вопрос о соотношении между диалектической логикой и методологией познания. Можно сказать, что все основные принципы и требования диалектической логики одновременно являются и принципами марксистской методологии и, наоборот, основные положения методологии диалектического материализма имеют логический аспект. Поэтому по своему объему логика и методология в основном совпадают. Исторически логика и методология также считались понятиями идентичными. В философии Гегеля, например, сущность его диалектической логики составляет именно диалектическая методология. Отмечая это обстоятельство, В. И. Ленин писал: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод*» [4, 29, 215].

О том, что логика и методология диалектического материализма в главном, основном совпадают, свидетельствует и тот факт, что одни и те же философские категории выступают здесь как логические формы и как методы познания. Например, такие категории, как анализ и синтез, индукция и дедукция, историческое и логическое и другие, в нашей философской литературе обычно рассматриваются и раскрываются как методы познания действительности. Но никто не станет оспаривать и тот факт, что указанные категории можно и нужно рассматривать также и как важнейшие логические формы познания сущности явлений. Гипотеза и аналогия тоже являются методами познания, но даже формальная логика обстоятельно раскрывает их логическое содержание, рассматривает их как важнейшие логические формы. Нетрудно показать, что и другие основные категории диалектического материализма обладают теми же свойствами. Сама формальная логика, как отмечал Ф. Энгельс, есть не что иное, как метод познания, метод перехода нашей мысли от известного к неизвестному. Что же касается материалистической диалектики, то классики марксизма-ленинизма всегда рассматривали ее и как методологию, и как логику научного познания.

Однако это вовсе не значит, что логика и методология абсолютно тождественны, что они во всех своих аспектах совпадают. Каждая из них обладает специфическими особенностями, отличающими их друг от друга. Если логический аспект познания отражает логическое развитие наших знаний, последовательное выведение одних знаний из других, построение всевозможных логических систем знания, то методология раскрывает пути и способы построения этих систем, указывает на определенные средства познания действительности. А это значит, что диалектическая логика и марксистская методология совпадают не абсолютно, а лишь в основном.

Суммируя все изложенное, можно сказать, что существует

единая философская система диалектического материализма (или материалистической диалектики), которая рассматривает материальный и духовный мир всесторонне, с различных точек зрения, подходов, с различными целями и задачами. Рассматривая закономерности и формы современного научно-теоретического мышления, диалектический материализм выступает как диалектическая логика. Исследуя основные закономерности познавательного процесса, ступени познания, диалектику истины и ее критерия, сущности и источника познания, диалектический материализм выступает как теория познания. Наконец, изучая основные пути, способы, методы и средства познания, его закономерности, механизм их функционирования, диалектический материализм выступает как современная методология научного познания.

Глава II. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА— УЧЕНИЕ ОБ ИСТИНЕ

Диалектическая логика, как и всякая другая наука, имеет своей задачей постижение истины. Но в то время как специальные науки занимаются некоторой специфической областью явлений объективного мира, логика критически изучает само познание как таковое, всеобщие условия истинного познания, сам процесс познания вообще и на этой основе устанавливает такие правила, которым наше мышление должно следовать, если мы хотим познать истину.

Поэтому в отличие от психологии, которая также занимается мышлением, логика занимается мышлением лишь постольку, поскольку оно представляет собой процесс постижения истины. Именно поэтому определение логики как науки о законах и формах мышления является недостаточным, если оно не сопровождается соответствующими оговорками. Ибо логику интересует «не только описание *форм* мышления и не только *естественноисторическое описание явлений* мышления... но и *соответствие с истиной*...» [4, 29, 156], т. е. логика интересуется законами и формами познающего мышления, которые в применении к конкретному процессу мышления имеют значение наиболее общих руководящих принципов, т. е. методических принципов. Возникает вопрос: каким образом логика приходит к законам истинного познания?

Было бы неправильным считать эти законы некоторыми непосредственно ясными и очевидными принципами и неизменными схемами, которые испокон веков дремали в недрах человеческого разума. Логика есть историческая наука, которая в каждую новую историческую эпоху имеет дело с иным типом мышления, соответствующим новому общественному способу производства. Как и все другие научные законы, законы логики уточняются, углубляются, а иногда даже пересматриваются. Диалектическая логика,

и вообще материалистическая традиция в логике, исходит из того, что законы и формы постижения истины сами должны быть истинными, вернее, должны найти в самой логике такое выражение, которое наиболее адекватно соответствовало бы законам самой объективной действительности. С этой целью логика стремится охватить как можно больше предшествующего практического опыта человечества и на основании его установить такие формы и законы мышления, которые наиболее успешно ведут наше познание к объективной истине. Проблема истины есть, следовательно, основная проблема логики.

Однако если основным вопросом логики является *вопрос об истине*, то понимание предмета и задач логики не может не зависеть от того, как понимается сама истина. От характера понимания истины зависит трактовка логических законов и форм.

Многие логики в прошлом, да и ныне, особенно на Западе, говорят о так называемой формальной истине. Они полагают, что только ею логика может заниматься и только для ее познания определять условия. Формальная истина усматривается в соответствии результатов мышления правилам той или иной науки независимо от реального содержания и конкретных фактов объективной действительности. Соответственно такому пониманию истины логическое мышление должно осуществляться исключительно по этим правилам и, если это удается, полученное знание является так называемой формальной истиной. В какой мере она соответствует объективной действительности — это не должно касаться логики, ибо этот вопрос якобы выходит за рамки задач, которыми она должна заниматься. Логика, которая таким образом понимает истину и соответственно свой собственный предмет, называется со времен И. Канта формальной логикой. В данной связи нельзя не упомянуть и о тех философах, которые, не поднимаясь до понимания социальной природы истины, пытаются построить логику (даже диалектическую) на «надежном» фундаменте математики и естественных наук, забывая, что тем самым они сужают саму *основу* логики и отходят от классического понимания логики *как философской науки* (речь идет прежде всего о ее всеобщности и общезначимости, о том, что новая логика «погружена» в фундаментальные вопросы определенной философской концепции). Соответственно основы для построения диалектической логики можно найти только в развитой философской теории о самом предмете человеческого познания — особенно человеке и его предметной, общественно-исторической деятельности. В обход философских проблем новая логика не может быть построена.

Превращение диалектики в логическую науку неизбежно привело к пересмотру прежних концепций истины, в частности тех, которые рассматривали истину как «голый результат». Истина была понята как диалектический процесс, в результате чего совершенно по-иному встал вопрос о предмете и задачах логической науки. Понимание истины как процесса серьезным образом подорвало представление о логике как дисциплине, оперирующей иск-

лючительно так называемым готовым знанием и отвлекающейся от способа его получения, от процесса познания. Гегель был совершенно прав, когда, критикуя метафизическое сведение истины к голому результату, писал, что, во-первых, «не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением» и, во-вторых, «голый результат есть труд, оставивший позади себя тенденцию» [43, IV, 2]. К. Маркс, развивая эту мысль, также включал в определение истины и становление, и тенденцию, и исследование истины. Он писал: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [1, 1, 7—8]. Такое понимание истины ставит перед логикой вопрос о среде и о законах, по которым совершается истина-процесс, вопрос о методе познания, диалектике процесса познания. При таком подходе логика выступает как учение о познании, как теория познания. Ибо «если предмет логики *истина*», которая как таковая заключается в познании, «то о познании приходится трактовать — в связи с познанием уже... надо говорить о *жизни*» [4, 29, 183]. Таким образом, если предмет логики есть истина и если истина толкуется материалистически и диалектически, то логика через истину втягивает в предмет своего исследования формы и законы реального содержания. Мысль Гегеля о включении жизни в логику В. И. Ленин считал гениальной.

Итак, там, где предметом логики делается истина как процесс, мы имеем дело с диалектической логикой. Но это еще не обязательно должна быть диалектико-материалистическая логика, ибо истину-процесс можно понимать не только материалистически, но и идеалистически. Более того, признание, что истина есть процесс, возможно даже в рамках созерцательной позиции. Различие между гегелевской и марксистской концепциями логики вытекает из различного понимания истины-процесса, прежде всего из того, что Гегель толкует этот процесс идеалистически, тогда как у классиков марксизма он толкуется материалистически. Соответственно у Гегеля этот процесс связывается с абстрактной духовной активностью, в марксистской же концепции логики он связывается с материальной, практической деятельностью живых человеческих индивидов. Отсюда коренное различие в понимании основы метода, понимании самой логики, законов и форм, которыми она занимается. В марксистской концепции диалектической логики эти формы и законы постигающего мышления понимаются глубже и шире, чем в идеалистической диалектической логике.

Классики марксизма-ленинизма, преодолев узость гегелевского идеалистического сведения логики к диалектике «чистой мысли», увеличили «земли» диалектики за счет освоения целины — всеобщих форм и закономерностей развития действительности вне мышления. Но неверно было бы отсюда делать вывод, что во владениях логики они оставили лишь вспаханные Кантом и Гегелем

«земли» мышления о мышлении. Иными словами, становясь материалистической, диалектика не перестает быть логикой, наукой логики. Материалистическая диалектическая логика изучает формы и закономерности познания объективной действительности, т. е. формы и законы всего мыслимого содержания, а не только познания мышления, как это считал Гегель, не признававший развития действительности вне мышления. Предметом логики становятся отраженные в сознании людей объективно-универсальные формы и законы развития действительности вне мышления. В этом состоит отличие диалектической логики материализма от кантианских и нормативистских концепций, согласно которым логические формы и законы не имеют ничего общего с объективной действительностью и не являются отражением бытия, логика изучает не каково мышление необходимо есть, а каким оно должно быть, т. е. нормативное, идеальное мышление. Материалистическая диалектическая логика есть теория познания именно потому, что она преодолевает искусственную пропасть между наиболее общими законами мира и познания, изучает всеобщие (т. е. и природе, и обществу, и мышлению свойственные) формы и закономерности развития, а не так называемые «специфические», одному мышлению свойственные формы и законы. Сторонники понимания диалектической логики как науки о «специфических», т. е. одному лишь мышлению свойственных, формах и законах забывают, что она есть учение об истине. Они тем самым уходят от постановки вопроса об истинности самих провозглашаемых «специфических» форм и законов мышления, от всякого сличения этих форм и законов с формами и законами развития действительности вне мышления.

Величие и слабости той или иной концепции диалектической логики находят свое яркое выражение в понимании этими концепциями истины-процесса. Хотя Гегель и был идеалистом, развитие деятельной стороны сознания дало ему возможность поставить, но игнорирование материальной деятельности как таковой не дало ему возможности решить вопрос об истине как процессе, прежде всего открыть ее революционно-критический характер. И это неудивительно, ибо открытие революционно-критического содержания истины возможно лишь на почве революционно-критической деятельности, как ее выражение. Но такой подход принципиально невозможен в рамках буржуазного сознания, которое даже тогда, когда называет себя практическим («практический разум» Канта, идеальная активность Фихте, объективный и абсолютный дух Гегеля), не идет дальше подмены чувственной, практической деятельности мыслительной активностью, которая подтверждается не в создании реального предмета, а в санкционировании и сохранении его таким, каков он есть для созерцающего сознания. К. Маркс в своей критике гегелевской философии назвал эту позицию «некритическим позитивизмом», который состоит в признании существующего как истинного и единственно возможного и в уверении, будто действительный предмет изменяется от того,

что его охватывают в мыслях и мысленно прослеживают его движение. Здесь не может быть и речи о включении в «позитивное понимание существующего» понимания его действительного отрицания. Но это не может отменить того исторического факта, что в понимании истины как диалектического процесса Гегель дошел до вершины буржуазного кругозора.

Отмечая стремление Гегеля разделаться со всякими представлениями об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия и поправляя его с точки зрения материалистической диалектики, Ф. Энгельс писал: «Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложа руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину» [1, 21, 275].

Никто не обладает готовой истиной, как отчеканенной монетой, которая «может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман» [43, IV, 20] или же передана другому. С помощью этой аналогии Гегель выразил проблему методологического подхода к исследованию истины. Этот подход исходит из признания того, что содержание истины необходимо изменяется: «Истина есть не... сухое «есть»... она по существу своему представляет собой процесс» [43, X, 426], следовательно, «*истина* лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении» [4, 29, 153]. Однако общефилософские предпосылки процесса в системе Гегеля являются ложными: он исходит из неразличимого тождества мышления и бытия, а не из истинного единства мышления с бытием, такого единства, которое предполагает различие, или такого различия мышления и бытия, без которого невозможно их диалектическое единство. Действительное единство мышления и бытия у него «превращается» в «спекулятивное *мистическое тождество бытия и мышления*», которое повторяется «в виде столь же мистического тождества *практики* и *теории*» [1, 2, 211]. Поэтому он не только не смог понять «начало» процесса, называемого истиной, но и не смог найти также того медиума, той среды, в которой этот процесс совершается. Он мистифицировал его, изобразив истину как нечто само себя развивающее и доказывающее, так что «человеку остается *следовать* за ней» [1, 2, 86].

Но Гегель обратил внимание на одно обстоятельство, имеющее существенное значение для материалистического понимания истины как исторического процесса, а именно: истина не есть нечто совершенно равнодушное и безразличное к человеку и человеческой истории. Он, хотя и в идеалистически перевернутой форме, схватывает связь истины с деятельной исторической диалектикой

«труда» и «борьбы», рассматривает истину с точки зрения «диалектики отрицательности», в которой Маркс усматривал величие гегелевской «Феноменологии». Мир, в котором осуществляется труд, не есть, следовательно, чистое тождество, он содержит в себе отрицательный, или отрицающий, элемент. Включить труд в действительность означает, по Гегелю, включить в действительное отрицательность, а следовательно, и сознание, которое открывает действительность с позиций ее диалектического самоотрицания. Развитие действительности, в которую включен труд, имеет явно выраженную диалектическую структуру. Следовательно, и истина является необходимо диалектической в том смысле, что происходит из действительной диалектики труда. Поэтому адекватное языковое выражение истины должно рассматривать и объяснять ее диалектическое происхождение, ее рождение из процесса труда. Это — единственно правильный путь «включения» истины в исторический процесс.

Однако вместо того чтобы втянуть истину в исторический процесс, Гегель «втянул» исторический процесс в истину, «подчинил» его «истине» и совершенно превратно истолковал связь между ними: не истина существует для людей, для истории, а люди и история — для истины. Критикуя такую позицию, К. Маркс писал, что согласно ей «человек существует для того, чтобы существовала история, история же для того, чтобы существовало *доказательство истины*» [1, 2, 86].

В гегелевском понимании истории истина становилась особым метафизическим субъектом, а живые человеческие индивиды — действительные субъекты истины-процесса — низводились на ступень средства, с помощью которого этот метафизический субъект достигает окончательного результата действительного развития, т. е. приходит к самосознанию.

Истина действительно связана с человеком, но не через теологического бога и спиритуалистически понятого человека, а через предметную, практическую деятельность людей. К. Маркс отмечал, что «самая сложная истина, квинтэссенция всякой истины — *люди*» [1, 2, 87]. И если мы выясним эту самую сложную и самую трудную для понимания истину, то мы выясним и другие истины и истину вообще.

Человек присваивает действительность «всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» [1, 42, 120]. Превращение же человека в одну из его способностей — мышление — не могло не обернуться односторонним пониманием истины: Гегель изобразил ее как процесс, совершающийся в лоне абстрактного мышления как внутреннее саморазвертывание, самопознание, как процесс самооткровения абсолютной идеи, окончательно угасающей в «абсолютном знании», к которому приходит абсолютный дух в результате своей феноменологической работы. Ведь при таком понимании все в действительности остается таким, каково оно есть и каким оно было, даже в том случае, когда сама мысль достигла большей или меньшей адекватности, совершенства, точ-

ности и правильности по отношению к предмету, вобрала его в себя и мысленно преобразовала. Здесь нет выхода за пределы движения мысли в себе самой, для которой и в которой действительные предметы или сама действительность со своими реальными формами жизни становятся моментами движения чистого мышления. Но дело не только в этом. Нужно иметь в виду, что, поскольку эта мыслительная операция как исключительно мыслительная может осуществляться только с готовыми и данными предметами и только с такими, какими они (исторически) были и каковы фактически (теперь) есть, она остается в рамках простой фактичности и отвлекается от вопроса о структуре предмета как исторического продукта.

Идеалом этой созерцательной позиции может быть в лучшем случае знание всего, что есть. И независимо от того, понимается ли это знание в гегелевском смысле абсолютного знания, которое отождествляется с его полной исторически предметной исчерпанностью, или же в смысле бесконечного научного прогресса, созерцательный характер позиции не меняется, ибо и в том, и в другом случае речь идет только о сохранении и утверждении существующего, что равносильно превращению созданных человеком предметов, человеческого смысла предметов и, следовательно, человеческих отношений во внешние вещи и движение этих вещей независимо от человека.

Созерцательная гносеология в лучшем случае может интересоваться лишь тем, *что* предмет есть, а не тем, *как* и *почему* он есть, т. е. лишь предметом как данной вещью, существующей независимо от практической деятельности человека. Она не берет в расчет действительно «очеловеченных» предметов и предметных отношений, т. е. тех, которые в гегелевской философии были превращены в моменты движения мысли.

Классики марксизма преодолели недостатки всей предшествующей философии, вследствие которых последняя не смогла выработать цельной научной теории истины и вынуждена была довольствоваться лишь развитием отдельных ее сторон, которые метафизически противопоставлялись другим, не менее существенным сторонам и аспектам истины как целого.

Решение многовекового спора между названными трактовками истины, который велся чисто логическими средствами в особенной, эмансипированной от материальной практики сфере духовной деятельности, было сознательно поставлено марксизмом на почву реальной исторической практики, причем практики революционной, в которой и была найдена опора для научной критической оценки прежних решений. Новое решение исходит из единства отражения и изменения мира человеком, из изменения, предполагающего отражение, из отражения, совершающегося на основе процесса изменения и в этом процессе. Человек, изменяя, отражает и, отражая, изменяет. Это единство является существенным аспектом диалектико-материалистического учения об истине, ибо с ним связаны и из него вытекают все особенности этого учения.

Ключ к преодолению гегелевского понимания истины новый материализм видел не в том, чтобы на место движения духа ставить движение природы. Безразличному деятельному разуму, как он изображен в гегелевской диалектике, новый материализм противопоставил сознательную деятельность человека как исторического существа. Иными словами, в качестве исходного пункта был взят не абстрактный субъект и не абстрактный объект, а общественная практическая деятельность человека. Вопрос об истине становится практической проблемой и сознательно связывается с деятельностью по преобразованию природы и общества.

С этой точки зрения меньше, чем с какой бы то ни было другой, можно довольствоваться вариациями на тему: как соединить противоположности, утратившие свое живое единство и взаимное действие, как с объектом соотнести сознание, отчужденное от предметной деятельности, от общественной практики. Здесь существенным вопросом истины становится вопрос о методе как форме конституирования истины как целого, как всегда открытой системы. Метод преобразования существующего осознается так же, как путь к истине о нем: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*... и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [1, 20, 545].

Из изменения природы человеком происходят сам человек и его сознание, субъект и его объект. Именно «производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета» [1, 46, I, 28], опредмечивает человека и очеловечивает предмет, определяет формы и способы как практического преобразования, так и познавательного отражения мира. Противоречие, возникающее в процессе взаимодействия субъекта и объекта, разрешается каждым конкретным процессом производства. Продуктом этого процесса всегда является полагание вовне внутренней субъективной цели, субъективированная объективность и объективированная субъективность. Как известно, человек-производитель владеет своим предметом сначала идеально, в голове, вместе со знанием о способе превращения идеи в вещь. Субъективное знание, почерпнутое из предшествующего практического опыта, сливается с предметом в процессе его практического преобразования, и истинным оказывается то знание, которое сопутствует практической материализации идеи или осуществлению единства мысли и предметности, т. е. такого единства, каким является и сам производитель как сознательное существо.

Таким образом, истина находит свою действительность и подтверждение в изменении природы человеком, в практике. Объективная истина выступает в форме идеи субъекта, взятой как объект. Это — субъективное существование объективной истины,

выражающее реальную возможность или творческую силу, мощь, действенность мышления. Эта возможность превращается в действительность в практике. Именно это положение развивал В. И. Ленин, когда писал, что «от субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику») [4, 29, 183].

В процессе перехода от субъективной идеи к объективной истине через практику «снимается» чистая форма истины как соответствия абстрактно противопоставленных мысли и предмета и разрешается противоречие между познанием и практикой — между «стремлением» познания отразить действительность такой, какова она есть, и тем, что практика «не признает внешней действительности за истинно-сущее (за объективную истину)» [4, 29, 198]. Иными словами, здесь речь идет не об абстрактном противопоставлении чистой теории, которая должна «открывать истины», чистой практике, которая «открытые» таким образом истины должна «применять» к действительности, а об изначальном и необходимом единстве практического и теоретического отношений, в процессе которого постигается и осуществляется, конституируется и развертывается истина. Это путь «превращения» сознания из возможно истинного в действительно истинное. Мышление, изолирующееся от практики и забывшее свое практическое происхождение, в лучшем случае может обладать истиной лишь в форме возможности; действительно истинным оно делается тогда, «когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики» [4, 29, 193].

Таким образом, *метод преобразования существующего есть путь к истинному знанию о нем.* А это значит, что в позитивное понимание существующего должно быть включено понимание его преобразования, рассмотрение каждой осуществленной формы «в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны» [1, 23, 22], т.е. возможность иного.

Истина как процесс первоначально не выделяется из процесса материального производства; и после отделения умственного труда от физического, когда появляется группа людей, предъявляющих особое право на истину, она не «выходит» из материальной деятельности и материального общения, из сферы материального производства. Ее выход отсюда — только видимость, порожденная и поддерживаемая хотя бы тем фактом, что лишь на высоком уровне общественного развития она участвует, или, как ныне принято говорить, входит в производство в форме науки.

Когда вопрос об истине ставится и решается не только в контексте объяснения, но и в перспективе изменения мира, тогда она сама выступает как процесс труда и борьбы, а не как операция по складыванию фраз согласно правилам комбинаторики. Поэтому — и особенно в настоящее время — нельзя рассматривать истину, отвлекаясь от перспективы борьбы за коммунизм. В этом смысле истинна только та мысль, которая является идейным содержанием общественной практики и в наиболее возможной, исто-

рически определенной мере движет общество и этим в конечном счете содействует превращению его в общество свободных людей, которое, больше чем какое-либо другое, будет «подчиняться» контролю всеобщего интеллекта и развиваться в соответствии с ним.

Подобно тому как лишь на последующей ступени исторического развития обнаруживается ограниченность предшествующей, лишь на последующем этапе познания обнаруживается ограниченность, неполнота предшествующего. В этом мы имеем историческое доказательство того, что «все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем» и что «то, что ныне признается истиной, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно прежде могло считаться истиной» [1, 21, 302, 303]. Но, несмотря на все отклонения, поступательное раскрытие объективной истины осуществляется как основная и доминирующая тенденция исторического движения познания к абсолютной истине через «сумму» относительных истин, через бесконечное познание вечно развивающегося мира, через постоянное разрешение противоречий между субъективностью и объективностью, односторонностью и всесторонностью, частичностью и целостностью, фрагментарностью и систематичностью, абстрактностью и конкретностью — одним словом, относительностью и абсолютностью истины. Это общая характеристика развития человеческих знаний, конституирования истины как целого. Причем это развитие осуществляется не как неразличимое движение мышления в себе самом (в смысле идеалистической филиации идей или созерцательно-материалистической извечной корреляции субъекта и объекта), а как смена одного цикла бесконечного познания другим на основе практики. Поэтому В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что при исследовании процесса познания должны приниматься во внимание не только внешние характеристики, но и переходы от одного этапа и цикла познания к другому, ибо можно признавать смену различных этапов развития человеческого познания, различные стили или типы мышления, взятые в общем историческом ракурсе, и не иметь при этом понятия о диалектике истины как процесса.

Диалектико-материалистическое понятие истины в его развернутой форме — это первая цельная теория истины, органически включающая все положительные моменты, развитые в предшествующих учениях об истине,— «рациональный» синтез противоположных определений. Революционная практика, имплицирующая целостный, всесторонний взгляд на мир, требовала соединения в теории таких определений истины, которые в предшествующей философии рассматривались как выражающие коренное различие в подходах к истине противоположных философских направлений — материализма и идеализма, а именно: а) определения, сог-

ласно которому истина есть соответствие знания предмету, и б) определения, согласно которому истина есть соответствие предмета своему понятию.

Гегель, будучи диалектиком, впервые попытался понять единство, тождество этих определений, но поскольку он как идеалист не нашел основы этого единства в сущности развития, осталось в тени действительно «рациональное зерно». У Гегеля сказано: «Если мы назовем *знание понятием*, а сущность или *истинное* — сущим или *предметом*, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли понятие предмету. Если же мы назовем *сущность* или в себе- [бытие] *предмета понятием*... то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли предмет своему понятию. Очевидно, что то и другое — одно и то же» [43, IV, 47].

С этим тезисом mutatis mutandis (это касается прежде всего гегелевского понимания происхождения и сущности человеческих понятий и понимания предметности) трудно не согласиться.

Если мы берем первую сторону в обособленности от второй и рассматриваем ее как самодостаточное, законченное определение истины, мы неизбежно исключаем «деятельную сторону», а следовательно, саму возможность понять истину как процесс и как принцип творчески преобразующей деятельности. Если же мы берем вторую сторону в ее изолированности от первой, то тогда в понимании истины-процесса мы не сможем выйти за рамки идеалистического миропонимания.

В диалектико-материалистическом определении истины как такого отражения, которое в позитивное понимание существующего включает понимание его отрицания, эти односторонности преодолены.

Хотя в практической деятельности (и в идеологической борьбе) человека «живут» и «работают» обе указанные «стороны» истины, мы почему-то включаем в понимание истины только первую «сторону» (соответствие представления предмету), рассматривая вторую «сторону» (соответствие предмета своему понятию, своей теоретической сущности) не как углубленное понимание первой как исходной и основной, а лишь как чужеродный элемент в диалектико-материалистическом понимании истины. В диалектико-материалистическом учении об истине вторая «сторона» («соответствие предмета своему понятию») является лишь необходимым моментом последовательного проведения понимания истины как верного отражения объективной действительности как первичного, основного. Первая «сторона» осуществляется через вторую как свою противоположность.

Рассматривая «соответствие предмета своему понятию» как один из моментов истины-процесса, мы тем самым в понимание истины как совпадения мысли с сущностью предмета включаем мысль о том, что истина каким-то образом отличается от его наличного бытия: как процесс, как «стремление» и т. п. истина «трансцендирует», переступает его эмпирическую данность, в определенном смысле возвышается над ней, так как она, выража-

ясь словами Гегеля, включает в себя и бытие (разумеется, в идеальной форме), и его отражение, откровение. Хотя познание всегда исходит из существующего, оно идеально выходит за границы этого непосредственного данного и только тогда становится познанием. Сама действительность, отражаемая в сознании, выступает в форме данности и возможности. В диалектико-материалистическом понимании истина также исходит из данности, но открывает отрицание данности в ней самой, возможности, которые объективная действительность в себе содержит. В основе такого понимания лежит практика, открывающая возможности, которые предмет заключает в себе.

На основе сказанного мы пришли к следующим выводам: во-первых, истина не есть процесс, который совершается лишь по специфическим для мышления, т. е. одному мышлению свойственным, законам; во-вторых, истина есть процесс, который созершается не в объекте, взятом в обособленности от субъекта, и не в субъекте, фиксированном в изолированности от объекта, а в той сфере, где объединяются субъект и объект, — в практической, предметной деятельности, в созидании предметного мира человека; в-третьих, что субъектом истины-процесса является не мышление, а человеческие индивиды, «обладающие» также и мышлением.

Возникает вопрос: согласуются ли эти выводы с пониманием, согласно которому истина входит в предмет диалектической логики? Если мы будем исходить из ленинского определения истины и из ленинского понимания диалектической логики, то мы неизбежно придем к утвердительному ответу на этот вопрос.

Понимание истины как исторического процесса не согласуется с концепцией, согласно которой материалистическая диалектическая логика есть наука о законах, которые действуют только в мышлении и применимы только к нему. В этих концепциях истина, по сути дела, изображается (если она вообще изображается как процесс) в качестве чисто мыслительного процесса, совершающегося по специфичным для него законам, отличным от законов бытия, причем не только природного (что можно было бы объяснить своеобразной реакцией на натуралистическое толкование мышления), но и от общественного, основой и сущностью которого является практическая деятельность людей. Здесь ставится под сомнение даже истинность законов диалектической логики, да и самой этой логики как науки о законах «мышления», которые по определению не являются отражением законов бытия и как таковые не имеют аналога в действительности вне мышления. Отрыв же законов мышления в виде так называемых специфических законов диалектики от наиболее общих законов природы, общества и мышления превращается в такой же отрыв диалектической логики от диалектики. Такое понимание диалектической логики и ее законов особенно решительно проводится в книге «Диалектика научного познания» [57]. Основную опасность для своего понимания диалектической логики и ее законов авторы названной книги

видят в толковании диалектической логики как науки об отраженных в мышлении наиболее общих законах природы, общества и мышления. В этом отношении показательно следующее рассуждение, содержащееся во введении к указанной книге: «Самым, пожалуй, распространенным является толкование диалектической логики как науки, изучающей отраженные в мышлении наиболее общие законы развития объективного бытия — природы и общества... Точка зрения, близкая этой, проводилась, например, в работах П. В. Копнина. «Законы мышления и законы бытия, — писал он, — совпадают по своему содержанию, первые являются отражением вторых...» И далее: «... не может быть таких логических законов, содержание которых не было бы объективным отражением законов природы и общества». Исходя из этих положений, можно сделать вывод (и его делает П. В. Копнин), что **«диалектика является одновременно и диалектической логикой**, и, наоборот, диалектическая логика представляет собой общую теорию диалектики» [57, 3—4].

Согласно критикам этого в принципе верного толкования, диалектическая логика не занимается изучением отраженных в мышлении наиболее общих законов объективного (природного и общественного) бытия, в мышлении есть такие законы, содержание которых не является отражением законов природы и общества, и диалектическая логика занимается изучением этих **«законов»**. Сторонники этой точки зрения воображают, будто они идут дальше Гегеля, когда превращают диалектическую логику в учение о формах и законах развития, свойственных одному мышлению. Подразделяя законы диалектики на общие и специфические, авторы указанной книги забыли одну мелочь, а именно: что *специфическими* законами диалектики являются как раз всеобщие (т. е. действующие и в природе, и в обществе, и в познании) законы, тогда как те законы, которые они называют «специфическими», вообще *неспецифичны* для диалектики и входят в компетенцию частных наук (физиологии высшей нервной деятельности, психологии). Это забвение кажется тем более странным, что эти философы решительно выступают против того, чтобы специфическими законами мышления считать формы проявления общих законов диалектики, т. е. общие законы материалистической диалектики, как они выступают в мышлении. Согласно им, специфичность законов мышления состоит не в том, что единый закон «полагает» себя каким-то своеобразным способом, не во «внеположности» этого закона, а в самостоятельности и рядоположности с ним, в совершенном отличии «специфических законов диалектики» от ее всеобщих законов, т. е. от законов, действительно специфичных для нее, т. е. специфичных законов мышления от всеобщих законов развития. «Специфические законы познания», как их понимают авторы рассматриваемой работы, «*вообще не включают в свои формулировки тех характеристик, которые фигурируют в формулировках общих законов диалектики*» [57, 18]. Иными словами, законы диалектической логики не включают в свои формулировки

тех характеристик, которые фигурируют в формулировках законов материалистической диалектики как общей теории развития! Таким образом, «переход» от материалистической диалектики к диалектической логике делается не менее сложным и трудным, чем «переход» от общих законов диалектики к специфическим законам мышления! Более того, при таком понимании этот «переход» делается просто невозможным, ибо «вещи», которые не имеют ни одной общей характеристики, *абсолютно различны.* Это — истина, выработанная историей философии. Абсолютное различие согласно этой истине состоит не в чем ином, как в отсутствии каких-либо общих характеристик. Стало быть, если формы и законы познания (мышления) не имеют общих характеристик со всеобщими формами и законами развития, то они совершенно оторваны от последних, не связаны с ними и абсолютно отличны от них.

Законы материалистической диалектической логики — не абстракция «прирожденных» свойств мышления, они выведены из истории природы и человеческого общества [см. 1, 20, 384]. Не случайно поэтому «наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам» [1, 20, 581], и это единство является «безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления» [там же]. И только субъективисты могут отрицать тот факт, что «философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно — и господство одинаковых законов для всех этих процессов» [там же]. Но поскольку сущность единого диалектического закона и формы ее выражения непосредственно не совпадают и их связь скрыта за многочисленными опосредствующими звеньями и своеобразием условий проявления этого закона в области природы, человеческой истории и в области мышления, создается видимость отсутствия такой связи (прежде всего связи по отражению), вследствие чего различные формы проявления единого закона представляются обособленными друг от друга и делается вывод об отсутствии законов, единых для трех указанных областей действительности, взаимодействие между которыми — поскольку исключается отражение как его основа — неизбежно мистифицируется. У Ф. Энгельса по этому поводу имеется одно весьма меткое высказывание: «Подобный закон может быть познан в двух из этих трех областей и даже во всех трех без того, чтобы рутинеру-метафизику стало ясно, что он имеет дело с одним и тем же законом» [1, 20, 582]. Мы ненамного отличаемся от рутинера-метафизика, когда определяем диалектическую логику как учение о так называемых «специфических законах диалектики» (под которыми подразумеваются лишь одному мышлению свойственные формы и законы), которые якобы не имеют никаких общих характеристик с законами бытия.

Итак, если вопрос об истине есть основной вопрос логики и если истина есть такое содержание человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от

человечества, то мы должны будем признать, что формы мышления, ведущего к истине, суть формы объективного содержания, формы истины, понимаемой как диалектический процесс. Если истина, как говорит В. И. Ленин, есть совпадение мысли с предметом и если это совпадение осуществляется в практике, как практика, то в таком случае совсем нетрудно сделать вывод о том, что диалектическая логика есть логика практически преобразующей деятельности общественного человека, причем наиболее развитой и наиболее истинной исторической формы этой деятельности. Одним словом, если *вопрос об истине* есть основной вопрос логики, то диалектико-материалистическая логика есть логика революционной критически преобразующей деятельности и как таковая является по самому существу своему критичной и революционной. И мы полностью согласны с А. П. Шептулиным, который в своей работе по диалектическому методу подчеркивает: «Важнейшей характеристикой диалектического метода является его революционно-критическая направленность. Он нацеливает людей на выявление противоречий в исследуемом объекте, на то, чтобы определять тенденции происходящих в нем изменений, направление развития и учитывать все это в своей практической, предметно-преобразующей деятельности» [164, 79].

Глава III. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА И ЛОГИКА НАУКИ

Среди некоторых течений современной буржуазной научной мысли получила широкое распространение концепция, согласно которой специальные методологические дисциплины делают философию бесполезной в выполнении ею логической функции, поскольку решают все проблемы, касающиеся научного познания и его методов, подвергая его строгому и подробному анализу. В соответствии с этой точкой зрения, если раньше методологические проблемы научного познания были монополизированы философией и решались в рамках общей и спекулятивной теории познания, то теперь эти вопросы решают сами ученые — специалисты по логике и методологии конкретных наук, не нуждаясь в философских предпосылках или предположениях. Согласно этому явно позитивистскому пониманию, тенденции развития человеческого познания таковы, что область философского исследования будет все более суживаться до полного своего исчезновения. Именно поэтому неопозитивизм одинаковым образом отвергает как теоретико-мировоззренческую функцию философии, так и ее логико-методологическую функцию, отказываясь от той реальной возможности, которую содержит философия для выработки научного понимания действительности, являясь теоретической основой для анализа научного познания, его структуры и общих законов его движения и развития. Современный позитивизм, как и век назад, сводит функцию философии к простой интерпре-

тации или описанию частно-научного познания, не принимая во внимание специфику философского знания и его приемы. Философия сводится к конкретным методологическим дисциплинам, к формальному или лингвистическому анализу языка науки, к его математизации и аксиоматизации. Эти и другие подобные концепции современной «философии» или «логики науки» неопозитивистского характера находятся в явном противоречии с марксистско-ленинским пониманием философии и ее функций.

Научная практика показывает, что позитивистское и неопозитивистское понимание философского знания как анахронического и спекулятивного, а также его предсказания неминуемого и «прогрессивного» исчезновения философии в связи с формированием «позитивистского», строгого и точного познания далеко от реальной действительности. Специфичность философии, вопреки утверждениям неопозитивистов, приобретает новое содержание в современном научном познании. Проявление методологических и логических нефилософских наук делает необходимым подвергнуть критическому исследованию соотношение между философией и науками в таких вопросах, как форма построения философской теории и применения ее методов в тесной связи с частно-научными и обще-научными методами, анализ понимания критериев «научности», смысл понятий «философская теория» и «научная теория» и др.

В связи с этим необходимо выявить специфику философского понимания природы научного познания и установить особенности философского метода по сравнению с методами других наук. Научный анализ отношения «*философия — наука*» должен вестись в двух направлениях: во-первых, в изучении характеристик современного научного познания и выявлении тех методов, которые философия может предложить для этого анализа, во-вторых, в анализе самого философского познания, его методов, приемов и теоретической структуры. Эти направления дополняют друг друга, так как решить первую задачу невозможно, не решив второй, и наоборот.

Раскрывая соотношение философии и науки, мы будем исходить из следующих соображений. Во-первых, хотя наше исследование не выходит за рамки анализа логико-методологической функции марксистско-ленинской философии, подчеркнем, что считаем ложным тезис, игнорирующий мировоззренческую функцию философии. Здесь мы разделяем взгляд В. А. Лекторского, что «анализ методологической проблематики, природы и механизмов научного познания осуществляется философией всегда в контексте решения коренных мировоззренческих проблем отношения человека к действительности...» [89, 26].

Во-вторых, в настоящее время необходимо установить специфические черты различных уровней и видов методологического анализа научного познания для выявления специфики методологического анализа философского характера. Отношение философии и науки сильно менялось с древних времен до наших дней, и это

результат как развития наук, так и развития самого философского познания. Нельзя не согласиться с тем, что наряду с гносеологическими и методологическими философскими исследованиями в наше время методологические исследования проводятся различными нефилософскими научными дисциплинами. Решение вопроса о месте и роли философии в анализе научного познания не может быть достигнуто ни на пути абсолютизации роли философии, ни на пути ее игнорирования или недооценки.

В-третьих, предпосылка нашего исследования заключается в признании, что логико-методологический анализ философского знания о науках вообще относится именно к философской науке о теоретическом мышлении — диалектической логике. Диалектическая логика, изучая структуры и законы развития современного теоретического мышления, служит логико-философской основой любой научно-методологической дисциплины, будь это математическая логика, частно-научная или общенаучная методология.

В чем же состоит различие между диалектическим методом и общенаучными методами познания (например, структурно-функциональным и системным), между философскими категориями и общими научными понятиями?

Важным аспектом в развитии современных наук является появление многочисленных методологических дисциплин, предмет изучения которых — само научное познание, его механизмы и законы. В настоящее время наука превратилась в мощную социальную силу и изучается и социологией, и экономикой, и этикой, и психологией и т. д. Специфика методологического, или логического, анализа науки заключается в том, что она изучается с точки зрения выполнения ею своей основной функции — производить или порождать истинные знания.

Таким образом, изучение самой природы научного познания является важной задачей научного исследования в наше время. Эта область познания является как бы «самопознанием наук» или «критическим размышлением» науки над собой, в результате которого выделились типы и уровни методологического анализа науки. В этой области познания также существует тенденция к интеграции и дифференциации знаний. Это привело к тому, что отношение «наука — философия» включило также третий элемент — методологические науки. Следовательно, проблема должна ставиться следующим образом: взаимоотношение *«наука — методология — философия»*.

Если признать существование различных типов и уровней методологии познания, необходимо ограничить рамки методологического анализа, проводимого философией, так же как и отношение последнего с частно-научными и общенаучными методологическими анализами. В настоящее время этот вопрос стал предметом многочисленных дискуссий как в марксистской, так и в современной буржуазной философии.

Часто отношение «философия — методология» трактуется в плане лишения философии методологической функции или замены

ее общенаучной методологией, причем последней в данном случае придается универсальный характер. Именно так решается вопрос о соотношении философии и методологии представителями логического позитивизма, согласно которым символическая логика является единственно возможной логической моделью анализа научных теорий, или сторонниками концепции структурализма, абсолютизирующими ценность структурно-функционального метода. Другой подход к решению этого вопроса состоит в сведении методологической функции философии к простому описанию и анализу различных методов и типов существующих в настоящее время научных теорий. Не менее ошибочна точка зрения, абсолютизирующая различия между философским методологическим анализом и тем, который проводят представители других методологических наук. Эта точка зрения сводит область действия философии к исследованию только философских знаний, отрицая ее роль в научном познании вообще.

Решить вопрос можно только опираясь на соответствующие диалектико-материалистические принципы. Однако недостаточно утверждать, что философский методологический анализ служит теоретической основой методологии всего научного познания. Необходимо конкретизировать идеи, разграничить основные понятия философской методологии научного познания, выделить ее особые функции.

В современной марксистской литературе встречаются положения, ограничивающие рамки философско-методологического анализа выяснением некоторых общих понятий в свете основного вопроса философии, диалектики субъекта-объекта, условного и активного характера познания и т. д. Эта позиция не оставляет места в конечном счете философскому методологическому анализу. Тем не менее существуют попытки систематизировать логико-методологическую функцию марксистско-ленинской философии, опираясь на науку о мышлении — диалектическую логику. В этих работах определены цель исследования, концептуальная структура и основные законы диалектической логики, поставлены специфические проблемы, которые они решают, включая и интегральное исследование современного научного познания. Наша задача состоит в том, чтобы обозначить функции диалектической логики при анализе современного научного познания.

Познание действительности осуществляется посредством форм мышления: понятий, суждений, умозаключений. В то же время само мышление и его формы являются объектом познания науки *логики.* В наше время существуют многочисленные логические системы, число которых будет расти по мере развития познания. Общим для всех них является изучение структуры, способа доказательства и, наконец, развития научных теорий. Таким образом, всякая логическая система, изучая формы и законы мышления, связана с построением научного знания и его развитием. Понятие логического имеет более широкое и богатое содержание, чем традиционное определение логики как теории форм и зако-

нов «правильного мышления». В этом определении отражен только нормативный характер логики, зафиксированный посредством правил «формальной правильности мышления». Однако сама история науки показывает, что концепция правильности мышления имеет исторически изменяющийся характер. На современном этапе развития науки классическая логика не может охватить всех разновидностей рассуждений и выводов, всех законов и форм движения мысли к новым истинам. Несмотря на это и классическая формальная логика, и диалектическая логика сохраняют свое значение и единство в изучении познания и его движения к истине, хотя и с разных позиций.

В результате развития познания значительно расширилась сфера логического анализа. Сейчас можно говорить о двух общих способах исследования мышления и его форм: средствами современной формальной логики и диалектической логики. Отношения между этими науками о мышлении на сегодняшний день уже окончательно установлены. Теперь не имеют смысла споры, в которых авторы пытались их противопоставить или установить между ними взаимоисключающее отношение. Одинаково ложным является и положение о том, что формальная логика — это единственная наука о формах мышления, и утверждение, что диалектическая логика исключает формальную логику. Даже тезис, противопоставляющий диалектическую логику формальной, как логику содержания логике чисто формального характера, потерял свой смысл.

Современные споры приобрели иной характер и ведутся в другом направлении. Мы имеем в виду дискуссии, в ходе которых высказывалось мнение, что формальная и диалектическая логика имеют прикладную функцию, являются методологией и логикой научного познания. В свете этих споров ставятся следующие вопросы:

— Какое место занимают современная символическая и диалектическая логика в методологическом анализе современных наук?

— Какое отношение существует между символической, диалектической логикой и логикой науки?

Правильное понимание этих проблем требует обращения к истории этих наук, так как место, занимаемое ими при анализе научного знания, является результатом длительного процесса исторического развития. Анализ этого процесса показывает, какими были основные этапы формирования современной формальной логики, логики науки и диалектической логики. Известно, что диалектический метод познания формулирует в качестве очень ценного методологического принципа требование необходимости познания исторического становления предмета для правильного понимания его развитой сущности.

Первый этап в развитии логики как науки тесно связан с именем Аристотеля. Хотя в учениях античных философов можно обнаружить важные элементы логики, именно творчество Аристо-

теля является первой попыткой систематизации логического анализа мышления, его законов и структуры. Анализ мышления, проделанный Аристотелем, никак нельзя свести только к созданию канона мышления, основанного исключительно на установлении формальных правил для процесса доказательства заранее приобретенного знания. Схематическая интерпретация логики Аристотеля и потеря ею значения органона мышления является следствием ее переработки в эпоху средневековья. Сам Аристотель не ограничивался исследованием мышления с точки зрения его «формального содержания», придерживаясь только описания различных типов и форм доказательства. В его труде были намечены принципы индуктивного умозаключения, так же как и философская интерпретация форм мышления. Аристотель указал на связь, существующую между формами мышления и объективной реальности, поставил задачу применения логики как метода познания. Именно он показал значение логики не только как канона, совокупности правил для доказательства ранее приобретенного знания, но и как органона, принципа движения познания к новым истинам.

Мыслители нового времени положили начало важному этапу в развитии логики, уделили внимание именно тому аспекту классической логики, которому не придавали значения в логике схоластической, — исследованию закономерностей движения мысли к новым истинам. Это объясняется тем, что перед наукой нового времени встала необходимость разработки новой логики, не логики доказательства, а логики открытия, направленной на создание новых методов приобретения знаний и на переработку данных экспериментального и математического познания.

Открытая враждебность к бесплодному и непродуктивному характеру традиционной логики Аристотеля, встречающаяся в трудах Ф. Бэкона, Р. Декарта и других мыслителей этой эпохи, объясняется тем, что она дошла до них уже преобразованной схоластикой в жесткий канон дедуктивного доказательства ранее приобретенного знания.

Крайняя необходимость создать «новый органон» научного познания, установить основы логики открытия по-разному рассматривалась в трудах мыслителей XVII в. Так, например, Ф. Бэкон считал чувственный опыт, наблюдение и эксперимент необходимыми предпосылками для рассуждения. В его труде видна односторонняя оценка роли индуктивного рассуждения и эмпирического анализа и недооценка роли дедукции и научной гипотезы в формировании новых знаний. Несмотря на это, Бэкон значительно обогатил логику: во-первых, он провел глубокий и полный анализ структуры и типов индуктивного рассуждения; во-вторых, он расширил предмет изучения и задачи логики, распространив ее на исследование процесса приобретения новых знаний и научного открытия. Поэтому современные представители методологии и логики науки с полным основанием считают Ф. Бэкона основоположником этой дисциплины.

Р. Декарту задача обновления логики представлялась иначе: если Ф. Бэкон вдохновлялся развитием эмпирических наук, то Декарт исходил из модели, представленной математикой и механикой. Декарт поставил целью не только очистить традиционную логику от всего ненужного и отрицательного, но и дополнить, обогатить ее с тем, чтобы с ее помощью можно было идти к новым, достоверным истинам. В его труде особенно подчеркивается роль интуиции и дедукции в научном открытии.

Ф. Бэкон и Р. Декарт внесли свою лепту в развитие логики как органона познания. Тем не менее в «Новом органоне», так же как и в картезианских правилах о методе, подчеркивается нормативное значение логики как канона. Таким образом, логика, применяемая в научном познании, рассматривается в трудах этих мыслителей и в качестве теории исследования, и как теория доказательства.

Теория мышления И. Канта является решающим этапом в развитии логики как науки. В работе «Критика чистого разума» Кант установил, что под названием «логика» существуют две научные дисциплины с различными целями исследования: формальная, или общая, логика и новая, или трансцендентальная, логика. Заслуга кантовского анализа мышления и его законов может быть сведена к следующему. Во-первых, он уточнил цель исследования формальной логики, которая, по Канту, заключается в изложении формальных правил любого мышления. Однако кантовская оценка способствует «формальной» и априорной интерпретации логических форм, которые воспринимаются в абсолютной оторванности от содержания мысли. Этот разрыв между формой и содержанием мышления соответствует трансцендентальному идеализму Канта и не присущ ни одному из предыдущих мыслителей: ни Аристотелю, ни Декарту, ни Лейбницу. Во-вторых, в «Критике чистого разума» Кант заложил основы развития новой логики, следуя в этом Бэкону и Декарту. Формальная логика ограничивается в своих правилах соблюдением «согласия и соответствия знаний между собой» и, следовательно, приводит к знаниям, конкретное содержание которых одинаково может быть направлено на разрешение задач теоретического мышления. Функция трансцендентальной логики в таком случае заключается в разработке и интерпретации принципов и правил априорного применения понятия в процессе приобретения новых научных знаний, которые имеют для Канта исключительно синтетический характер. В-третьих, И. Кант установил основы диалектики «чистого разума». Хотя в своих антиномиях он подвергает критике чистое применение категорий разума, сама постановка в «отрицательной форме» вопроса о диалектике «чистого разума» является важной предпосылкой для развития принципиальной новой концепции мышления. Поэтому можно утверждать, что начиная с Канта логика как наука развивается по трем основным направлениям, которые оформились в наше время в три различные науки о мышлении и его законах: формальную логи-

ку, логику науки и диалектическую логику. Современная формальная логика является в основном логикой доказательства, а логика науки — логикой открытия, решая задачи научного исследования в различных областях научного познания, диалектическая же логика есть и то и другое, поскольку включает в себя в качестве подчиненных моментов общие принципы классической формальной логики и применима к исследованию научного познания, включая и логику науки. В целом она представляет собой логико-методологическое осмысление теоретического уровня познания, преследует цель изучения законов формирования и развития теоретического мышления.

Самая совершенная разработка домарксистской диалектической логики содержится в работе Гегеля «Наука логики». Основополагающий принцип Гегеля — тождество законов бытия и мышления. Исходя из этого принципа, можно рассмотреть развитие форм мышления в их тесном единстве с развитием содержания мышления. Но у Гегеля в результате идеалистической интерпретации действительности получилось абсолютное единство бытия и мышления, что привело к теологизации логики и, следовательно, к потере ее значения как «критического» средства познания. Только материалистическое осмысление диалектики Гегеля К. Марксом позволило логике конкретного содержания мышления преобразоваться в инструмент для понимания законов развития теоретического мышления в процессе построения научных теорий.

Развитие формальной логики в теорию формализованного анализа языка науки связано с процессом слияния математики и логики, начавшимися в XIX в. Эти науки имеют общую цель исследования; абстрактный характер их понятий, сложная (опосредованная) связь между ними и объективной действительностью, отношения, рассматриваемые обеими науками, могут быть раздроблены на гомогенные и дискретные элементы, поддающиеся количественному анализу, — все это в зародыше содержалось уже в трудах Лейбница, который и явился основоположником «алгебраической логики», названной так впоследствии. В свое время Лейбниц поставил проблему необходимости сведения понятий и предложений к определенным знакам и начальным символам и выведения на их основе или построения системы знания, опираясь на универсальные правила, аналогичные имеющимся в исчислении.

Первый этап развития символической логики связан с применением математического метода для решения логических задач. Применение математической символики позволило решить многие логические задачи. Но сама математика и ее символика не смогли изменить сущности логического мышления и создать новое понимание формальной логики. Это явилось последующим этапом в развитии математики, когда задачи последней стали решаться средствами логики (в теории групп, в объяснении сущности математических доказательств).

Так формировалась символическая логика, современный этап развития формальной логики. Метод анализа мышления символической логикой заключается в переводе или реконструкции языка науки, исходя из идеальной модели или языка, искусственно созданного на основе формального исчисления. Эта идеальная модель построения познания или создания искусственного, формализованного языка является тем, что мы называем каноном мышления, служит, в частности, для анализа научного познания. Применение этой модели к результатам реального и конкретного познания позволяет провести строгий и точный формальный анализ языка науки. Этот метод способствует развитию теоретического познания и решению практических проблем, в частности, он связан с задачей передачи функций мышления машинам. Например, кибернетика не была бы возможна без существования этого метода анализа. Поэтому будет несправедливо считать, что этот прием не способствует развитию познания. Основанный на нем анализ позволяет улавливать некоторые еще неизвестные элементы и связи, необходимые для построения теоретических формальных систем, и в какой-то степени обладает эвристической ценностью. Однако этот метод является прежде всего методом построения и доказательства теоретических знаний.

Символическая логика, развиваясь, сталкивается с определенными трудностями, и поэтому необходимо пересмотреть некоторые ее приемы. И все же символическая логика не занимается мышлением вообще, она ограничивается только формализованным анализом языка науки. Таким образом, абсолютизация метода анализа мышления и его изображение в качестве универсального метода познания или в абсолютной логической модели, как это пытался сделать логический позитивизм, ведут к преобразованию этой общей науки в одностороннее, метафизическое понятие познания. В современных условиях развития наук и социальной практики формальная логика потеряла свое значение философского метода. Сейчас она является общенаучной методологией познания. И если формальная логика в настоящее время выделилась из философии как самостоятельная специальная наука, она, как и остальные науки, нуждается в философском обосновании, которое бы давало решение таких проблем, как понятие истины, сущности мышления и его законов, основной вопрос философии и т. д. Таким образом, марксистско-ленинская философия служит теоретико-методологической основой развития современных наук, в том числе математической логики.

Как мы уже видели, в настоящее время анализ мышления и его законов является объектом исследования различных методологических дисциплин. Среди них мы выделили современную формальную логику, логику науки и диалектическую логику. Отношение подчинения, существующее между ними, может быть рассмотрено посредством категорий «всеобщее», «общее» и «особенное». Диалектическая логика как философская наука о познании является теоретико-методологической основой как для

символической логики, так и для логики, науки и в этом смысле она действует как «всеобщее». Символическая же логика, создавая идеальную модель для формализованного анализа научного языка, проводит подробное исследование основного аспекта мышления — языка как материальной оболочки и его непосредственной формы выражения. Поэтому, обладая общенаучной ценностью, она применима для анализа любой теоретической системы. Но, как уже говорилось, этим не исчерпывается исследование (теоретического) мышления, его структуры и законов развития.

Логика науки существует как обобщение приемов и методов процесса научного исследования, используемых наукой. Поэтому она занимает промежуточное положение между общими логическими методами, с одной стороны, и специфическими методами современных наук — с другой. Таким образом, логика науки действует как особенное, как синтез или диалектическая интерпретация и всеобщего, и общего, и особенного.

В современной марксистской литературе показана важная роль «логики науки» в разработке проблем научного исследования. И хотя философы-марксисты по-разному интерпретируют содержание понятия «логика науки», марксистское понимание коренным образом отличается от неопозитивистского по двум основным пунктам: во-первых, неопозитивизм сводит философию к позитивным наукам и их методам, во-вторых, противопоставляет логику науки традиционной философии, рассматривая последнюю как «метафизическую спекуляцию».

Необходимо подчеркнуть, что логика науки изучает формы познания изолированно, анализируя различные методы и исследовательские приемы, используемые частными и общими науками в отдельности. Однако в каждой конкретной науке эти элементы (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, формализация, исторический метод, системно-структурный и т. д.) действуют как единое целое, хотя и имеют свою специфику. Всякая конкретная наука является «прикладной логикой», т. е. частным и специфическим случаем современного научного познания и его структуры. Поэтому логика науки для осуществления более эффективного и систематического анализа нуждается в методологическом и теоретическом обосновании. Иначе ее действия становятся описательными и раздробленными, ограничиваются пересказыванием или составлением «инвентаря» различных приемов, методов и типов современных научных теорий. В этом состоит смысл утверждения П. В. Копнина о том, что логика науки еще не сформировалась как единая и независимая наука, не имеет еще теоретической системы понятий, которая определила бы предмет ее исследования, она существует скорее в форме совокупности «научных проблем» [77, 547].

Диалектическая логика изучает мышление нашей эпохи, в котором (и благодаря которому) современный человек решает научные проблемы, а также проблемы, возникающие в процессе

практического преобразования действительности. Как наука, изучающая мышление в его целостности, диалектическая логика является методом познания и, кроме того, логическим методом, ибо изучает формы современного теоретического мышления, и, как всякая логика, является одновременно и методом познания, т. е. способом перехода от известного к неизвестному (ведь не всякий метод является логическим). Метод приобретает логическую функцию, когда включает в себя исследование форм мышления. Поэтому общие законы диалектики в своей мировоззренческой функции сами по себе не имеют статуса логики и только при применении их к изучению форм функционирования и развития мышления они становятся диалектической логикой.

Центральная проблема диалектической логики — изучение отношения между формами мышления и его конкретным содержанием. Диалектическая логика способна изучать формы мышления в целостности, в организованной и развивающейся системе (научная теория) и в тесной связи с конкретным содержанием мышления, в котором проявляются диалектические законы. Диалектическая логика изучает мышление как результат истории мышления и общественной практики. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» подчеркнул, что в «логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления» [4, 29, 298]. Исходя из ленинского тезиса, П. В. Копнин пишет: «Диалектика существует не для себя, не для определения и обоснования самой себя, а для развития научного мышления, поэтому она должна анализировать не особенные какие-то диалектические понятия и силлогизмы, которые бы возвеличивали саму диалектику, а ход научного познания со всеми его формами, видами и составляющими элементами» [77, 548].

Изучая законы и формы движения и развития теоретического мышления нашего времени, диалектическая логика является универсальным методом познания и служит логико-методологической основой как конкретных наук, так и методологических дисциплин, включая символическую логику и логику науки. Формы, законы, принципы диалектики должны развиваться в связи с историей науки и современной революционной практикой, обогащая свое содержание и регулируя и управляя процессом современного познания.

Глава IV. ПРАКТИКА — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Человеческое сознание, в том числе и его логические структуры, отражает внешний мир, объективные отношения и связи. Однако прямое сопоставление законов логики, логических связей с необходимыми связями объективной реальности хотя и важно, но недостаточно. Следует учитывать опосред-

ствующее звено между ними, каковым является человеческая практика.

По абстрактности и глубине объективно существующие необходимые связи можно разделить на три типа: 1) *повторяющаяся* непосредственная связь (подчеркнем относительность этой непосредственности); 2) количественные зависимости как устойчивые соотношения качественно различных членов связи (они имеют бесчисленные градации изменений, носящих количественный характер); 3) система опосредствований, включения *в определенном порядке* одних связей в другие (она совпадает со структурой процесса развития).

Логические связи суть отражения объективно существующих связей. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Очень глубоко и умно! Законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [4, 29, 165]. Следовательно, логическая связь является субъективной формой выражения необходимой связи. Однако она субъективна, поскольку отсутствует в объективном мире, обладает чертами, свойственными только человеческому сознанию. Первым условием образования логической связи можно считать репрезентативную функцию языкового знака. Другим условием является общественный характер знаков, соотношения которых содержат установившиеся общественные способы действий человека по преобразованию предметов объективной действительности.

В логической связи всегда выражаются необходимые связи реальности. Вместе с тем ее специфика состоит в том, что она сама безразлична к противоположности между необходимостью и случайностью в объективном мире. Так, благодаря практической деятельности человека логическая связь выделяет в случайной связи элемент совпадения, тождества с необходимой связью, в результате чего в ней и выражается эта случайная связь.

На обыденном уровне знания необходимые и случайные связи могут быть различными лишь по степени повторяемости, а не по своей структуре. В отличие от обыденного эмпирическое познание учитывает количественные опосредствующие звенья благодаря методам наблюдения и измерения в опыте и эксперименте.

Диалектическая же логика изучает опосредствованные логические связи, характеризующие структуру теоретического знания. Она отражает в структуре своих логических связей необходимость, всеобщность которой выявляется не через одну лишь воспринимаемую повторяемость, но и через саму структуру отражаемых связей. Крайние (противоположные) члены связи непосредственно исключают друг друга, но связаны между собой опосредованно через систему промежуточных звеньев.

В основе всех типов логических связей лежит непрерывно развивающаяся общественная практика, уровень и структура которой обусловливают способ мышления той или иной эпохи.

Следует отметить, что сам механизм формирования логических связей составляет предмет психологического анализа, и это признается большинством психологов. Так, общий смысл психологических исследований Ж. Пиаже заключается в анализе посредствующих звеньев между материальными действиями и мыслительными процессами [см. 125, 174].

Но психология не может раскрыть структуру логической связи, как бы тщательно и подробно она ни объясняла механизм превращения материальных действий человека в идеальные. Психология может раскрыть единый для всех уровней мышления механизм формирования логических связей, но не *причины* изменения или даже существования данных логических структур. Психология не дает ответа на вопрос, почему от эпохи к эпохе усложняются структуры мысли, не решает проблему соответствия логической связи материальной, объективно существующей связи. Причины изменения логических структур изучает другая наука — гносеология.

Если психологический механизм формирования логических структур на всех уровнях исторического познания один и тот же, то отсюда не следует, что логические структуры, связи осуществляются помимо такого механизма.

Именно общественная практика формирует логическую связь в сознании человека. Обычно человек осваивает законы объективной реальности сначала практически и уже затем теоретически. Например, в мореплавании с самого начала использовались наблюдения за движением звезд, хотя законы последнего в то время еще не были известны. Человек плавал, еще не зная законов гидромеханики, он стал говорить задолго до познания законов фонетики, морфологии, синтаксиса и т. п.

В той мере, в какой человек из простого потребителя природы превращался в ее преобразователя, перемещался соответственно и центр его внимания — от взаимодействия посредством своих органов с внешним миром на взаимодействие предметов внешнего мира друг с другом. В охоте, как и в собирательстве, имела место повторяющаяся связь между человеком и *готовой*, *преднайденной* жертвой, средством к жизни. Но происхождение объекта для первобытного человека оставалось мистическим, случайным. Узость практически-производственной сферы обусловливает наличие непосредственных логических связей в мышлении человека в их разобщенности, разрозненности [см. 53, 645—646]. Поэтому если во время охоты первобытный человек в основном логичен, то за пределами данной деятельности (в мировоззрении, мифологии) он совершенно алогичен. С освоением скотоводства и земледелия наступает новый этап в развитии мышления человека — этап обыденного мышления с устойчивой логической структурой. В домашнем хозяйстве человек уже прослеживает всю связь в ее целостности — от одного цикла возникновения и исчезновения растения и животного до другого. Эволю-

ционная теория доказала, что без посредствующих звеньев животное никогда не превратилось бы в человека. Изучение этого глубоко опосредствованного процесса является предметом теоретического мышления. Отвлечение от посредствующих звеньев приводит к мистицизму, на что указывал еще Гегель, обращая внимание на связь мистического и теоретического, «спекулятивного» мышления: «...мистическое, несомненно, есть нечто таинственное, но оно таинственно лишь для рассудка, и это просто потому, что принципом рассудка является абстрактное тождество, а принципом мистического (как синонима спекулятивного мышления) — конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными лишь в их раздельности и противопоставленности» [44, 212].

Особенность мифологии именно в том, что в ее основе лежит мышление, не учитывающее посредствующие звенья. Игнорирование посредствующих звеньев исторически привело к различным формам религии, которая в фантастической форме позволила выразить те природные и социальные силы, перед которыми человек чувствовал свою беспомощность и бессилие. В течение довольно длительного периода мифология соседствовала с последовательно логическим мышлением, хотя ее доля постоянно уменьшалась. Абстрактное тождество все больше вторгалось в мышление человека, заставляя его отвлекаться от связей, опосредованных промежуточными членами. С развитием науки это соотношение сохраняется, но иначе. В. И. Ленин характеризует эту особенность следующим образом: «NB: связь *зачатков* научного мышления и фантазии à la религии, мифологии. А теперь! То же, та же связь, но пропорция науки и мифологии иная» [4, 29, 225]. Так, с помощью одной большой алогичности, выраженной понятием «бог», человечество избавило себя от множества других «частных» алогичностей при объяснении явлений окружающего мира, происхождения самого человека, животных и т. д..

В отношении первобытного мышления следует подчеркнуть, что связи между вещами для древнего человека так же случайны, как и необходимы, любая вещь может непосредственно превратиться в любую другую вещь. Поэтому прав Л. Леви-Брюль, который считает, что первобытное мышление не допускает посредствующих звеньев или, по крайней мере, если оно их признает, то не придает им никакого значения и не уделяет им никакого внимания.

Первым предметом, вступившим (через человека) во взаимодействие с другими предметами природы, является простейшее орудие производства. Камень, брошенный в мамонта, стрела, пущенная в птицу, и т. д. — вот те предметы природы, которые вступили во взаимодействие с объектом человеческой потребности, как бы соединяя человека с последним. Потому первое взаимодействие предмета с предметом имело для человека непосредственное биологическое значение. Взаимодействие камня, стрелы,

других предметов с жертвой осуществляется при прямом содействии человека, в этом процессе данные предметы служат как бы удлинителями собственных органов человека. Происхождение объекта биологической потребности остается для человека мистическим. С появлением скотоводства и земледелия, т. е. в процессе первого крупного разделения труда, раскрывается относительно целостная картина происхождения продукта его деятельности. Здесь обнаруживается *целостная связь* между началом (как причиной, порождающей объект его потребности) и результатом процесса, у истоков которого он сам стоит. Связь между семенем, стеблем и плодом в земледелии, между отношением самки и самца и детенышем в скотоводстве хоть и непосредственна, но вместе с тем необходима, естественна и целостна. Она повторяется многократно и может быть распространена теперь на происхождение собственного рода. С этого момента мышление человека окончательно становится логически оформленным и празднует свой триумф — особенно с появлением ремесел, кораблестроения, строительства жилищ, ирригационных сооружений и т. д.

В известном силлогизме, доказывающем смертность Кая или Сократа, можно видеть в синтезе действие всех законов формальной логики, вполне пригодных также для научно-эмпирического мышления.

Научно-эмпирическое мышление связано с повторяющимися логическими связями, в структуре которых уже налицо в явной форме количественные посредствующие звенья (т. е. промежуточные значения процессов, изменений). Элементы научно-эмпирического мышления появились уже в древнее время в связи с теми же кораблестроением, мореплаванием, строительством пирамид, земледелием и т. д. Научные предпосылки для разработки эмпирических методов, характерных для эмпирического мышления, сложились в форме силлогистики Аристотеля, геометрии Евклида и начал алгебры. Научно-эмпирическое мышление связано уже с выработкой эмпирических методов мышления, первыми создателями которых были Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Ф. Бэкон. Научный метод требует разработки правил, предписывающих направление движения знания от определенного начала и до конца (в зависимости от задач науки). Поэтому дедуктивная логика Аристотеля, не дававшая правил точного научного исследования, описывавшая лишь формальные способы движения мысли, в том числе и ненаучного, обыденного знания, еще не могла стать методом развития эмпирических наук. Аристотелевская логика не указывала направления развития знания, главного для всех фигур логики, — чтобы любой вид рассуждения их не нарушал. Только в новое время был поставлен вопрос о систематическом исследовании фактов, с которого начинается и развивается научное знание, т. е. знание законов, которым подчиняется природа. Представители индуктивных (Г. Галилей, Ф. Бэкон) и дедуктивных (Р. Декарт) методов относились к

древней логике с недоверием из-за чрезмерной формальности и абстрактности последней.

Необходимость в определенных количественных зависимостях и соотношениях является особенностью логических связей, включенных в структуру развитого эмпирического мышления, прослеживающего устойчивые количественные соотношения непосредственных связей предметов и явлений. Подобного рода необходимость детерминирована экспериментом, созданием таких средств, орудий воздействия на объекты внешнего мира, которые позволяют рассчитать количественный результат, эффект процесса. Непосредственное измерение каждого данного явления, его свойств возможно и в опыте; меновые отношения древнего мира давно сделали эту процедуру повседневным делом. Но запрограммировать весь процесс, который в результате дал бы определенное числовое соотношение, способно лишь развитое эмпирическое мышление, опирающееся на эксперимент (с его специально созданной установкой). Водяные, солнечные и другие часы древних хотя и являются прообразом экспериментальной установки, но вместе с тем еще являются установкой по преимуществу опытной, а не экспериментальной в строгом смысле этого слова. Здесь человек не вызывает к жизни соответствующие явления с помощью искусственно созданного прибора, а лишь придает процессу природы удобную для себя форму протекания.

Эксперимент стал возможным лишь на определенном уровне развития производства, позволившем изготовлять также технические установки, структура которых обеспечивает сведение качественно различных явлений к точным количественным соотношениям и тем самым прослеживание жесткой последовательности процессов на каждом их этапе. Хотя соотношения и носят здесь количественный характер, тем не менее выявление последовательности этих количественных изменений привело к прорыву мышления в область скрытой необходимости, образуемой количественными посредствующими звеньями. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» очень точно отметил, что «эмпирическое наблюдение само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость... Это до такой степени верно, что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра; и действительно, мы теперь знаем, что настанет момент, когда однажды утром солнце *не взойдет*. Но доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу *сделать* некоторое post hoc, то оно становится тождественным с propter hoc» [1, 20, 544]. К этим словам Ф. Энгельс в сноске делает очень важное примечание: «Т. е. если я могу вызвать определенную последовательность явлений, то это тождественно доказательству их причинной связи» [там же].

Если эксперимент продуман и выполнен тщательно, для выявления и доказательства необходимости уже излишне многократное повторение.

Эксперимент связан с определенным уровнем производства, в технологическую структуру которого включена техника, сформировавшаяся в период средневековья. Водяные и ветряные мельницы мощностью в 40—60 лошадиных сил способствовали быстрому развитию металлургии, с XIII в. мехи, приводившиеся в движение уже не человеком, а водой, позволили достичь температуры плавления более 1500° С. А в XIV в. в огромных доменных печах использовался чугун для производства пушек, снарядов, труб, чугунной посуды, плит и т. д.

Еще одна особенность эксперимента заключается в том, что он предполагает предварительную абстрактную логическую схему рассуждений, которая определяет структуру будущей экспериментальной установки.

Практика (производство) не только заложила соответствующую производственно-техническую базу для эксперимента. Резкое для того времени возрастание источников энергии создало возможности для увеличения производства в больших масштабах. Оно все больше становилось массовым и соответственно требовало более точного учета мощности предприятий и эффекта производственной продукции. Это значит, что целостные необходимые (и повторяющиеся) связи оказались насквозь опосредствованными количественными величинами, соотношениями (числовыми посредствующими звеньями). Необходимость как определенная последовательность количественных изменений и соответственно всеобщность, получившие выражение в различных методах познания XVI—XVIII вв., позволяли вскрывать сущность движения по крайней мере в его простейшей, механической форме.

Новый уровень практики, наметившийся в конце XVIII в., — это уже синтез не только производства и техники (мельница и даже печатный станок не предполагают сформировавшейся науки), а синтез производства, базирующегося на технических усовершенствованиях, и науки (точнее, ее результатов: открытых законов механики, химии и т. д.). В производственный цикл включился третий элемент между исходными материальными предпосылками (производительные силы) и материальным же продуктом, результатом. Этот третий, промежуточный элемент — наука. Она сочетает в себе черты указанных крайних членов (являясь непосредственной производительной силой[1], но в то же время отличается от них и даже противоположна им (она не материальный предмет, а форма общественного сознания).

Такое опосредование, при котором промежуточные члены ка-

[1] «Развитие основного капитала, — писал К. Маркс, —является показателем того, до какой степени всеобщее общественное сознание Wissen (knowledge) превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [1, 46, II, 215].

чественно отличаются от крайних и в то же время связывают их друг с другом, в структуре практической деятельности человека имело место и раньше. Любое орудие производства — посредствующее звено между человеком и природой. Однако между всем предметным миром, окружавшим человека, можно было установить количественные зависимости, сведя все отношение к двум полюсам: субъективной деятельности человека и совокупности внешних этой деятельности объективных предметов (все средства производства, включая предмет труда).

Новая структура практической деятельности человека становится «трехчленной» с точки зрения качественной: материальные производительные силы — идеальные результаты науки — материальный продукт. На самом высоком уровне структура практической деятельности человека тем самым обобществляется, включая в себя в качестве элементов то, что ранее в своих результатах существовало обособленно (производство и наука).

С другой стороны, следует учитывать и такой момент изменения производственно-практической деятельности человека, как связь общих положений науки и конкретных форм их реализации в производстве. Посредствующим звеном здесь выступает техника, сочетающая черты как науки, так и материального производства. То, что человек ранее мог воспринимать как две самостоятельные связи двух пар противоположностей, опосредствованных лишь количественными соотношениями, теперь уступает место *созданным им самим новым* типам связей и отношений. Промышленная революция XVIII в. положила начало быстрому проникновению науки в производство через технику. И здесь это уже не случайное явление, как это происходило в XVI—XVII вв., а проявление необходимой связи.

Третьим аспектом практической деятельности человека является его отношение не к природе, а к обществу, другим людям. В докапиталистическом обществе в экономической области отношения людей, их связи (экономические) воспринимались разобщенно: сначала как непосредственный обмен ($Т_1$—$Т_2$), позднее — как купля (Д—Т) или продажа (Т—Д). В сфере собственно производства отношение к продукту труда и средствам труда носило тем более непосредственный характер. И только при капитализме экономические связи обнаружили свою опосредствованную (по меньшей мере «трехчленную») структуру. Произведенный товар обязательно продается для купли уже другого товара (Т—Д—Т). Это, правда, было и раньше, но теперь эта связь становится всеобщей. Отдельные акты купли (Д—Т) и продажи (Т—Д) воспринимаются лишь как части единого цикла, который для рабочего, например, является основой существования (чего нельзя сказать о крепостном, который даже в период разложения феодализма, продавая свой продукт, относил деньги барину, т. е. не выходил за рамки акта продажи (Т—Д). И хотя многие крепостные и покупали, но это не было необходимой чертой их существования как крепостных). Рабочий не сможет приобрести в

акте купли (Д—Т) необходимые средства существования, если не продаст свою рабочую силу капиталисту (Т—Д). Разнообразие потребностей рабочего — городского жителя делает для него неприемлемой формулу экономических отношений Т—Т, поскольку ни один капиталист не сможет в натуральной форме удовлетворить все потребности рабочего.

С помощью логических связей, опосредствованных не только количественными, но и качественно различными промежуточными звеньями, можно было уже раскрывать (отражать) самые сложные, глубокие экономические связи действительности. Но даже в самой экономической сфере структура, выраженная всеобщей формулой движения капитала Д—Т—Д′, была освоена не сразу, хотя предпосылка для ее понимания уже сложилась в форме закрепления их миллиардного повторения, когда, например, труд «не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая.. существовала между определенными индивидами и определенными видами труда» [1, 46, I, 41]. Отсюда следует, что новый тип необходимых связей, имеющих *определенный порядок*, чтобы закрепиться в форме логической связи в сознании человека, должен был все равно для этого повториться миллиарды раз, т. е. носить в самой объективной действительности всеобщий характер. Таким образом, повторяемость как простейшая форма необходимой связи сохраняется в качестве экстенсивной основы всякой необходимой связи, какой бы глубокой последняя ни была.

Конечно, в самой реальной действительности, включая и практику, глубокие опосредствованные связи существовали всегда, т. е. задолго до их превращения в структуре мышления человека в логические связи. Но этот «переход» в форму логической связи осуществляется лишь тогда, когда они становятся многократно, систематически «наблюдаемыми». А этот процесс осуществим только в том случае, если человек оказывается захваченным практически всей данной структурой общественной связи. С появлением скотоводства и земледелия первобытный человек впервые стал участвовать во всем цикле (естественного) происхождения средств существования, и это повлекло за собой формирование непосредственных необходимых связей как логических связей. Но на этом уровне развития практики человек еще не столкнулся с проблемой точного количественного соотношения предпосылок и результата процесса как необходимого условия практической жизни. По мере практического появления перед человеком этой проблемы (мореплавание, архитектурное строительство, судостроение и т. д.) стали зарождаться математика, астрономия, механика с простейшими количественными методами. В новое время указанная проблема превращается в проблему практически-производственной жизни, это влечет за собой разработку и осмысление строгих дедуктивного и индуктивного методов мышления. Поэтому естественно, что во второй полови-

не XVIII в. человек начинает повсеместно участвовать в полном цикле опосредствованной общественной связи (капиталист в цикле Д—Т—Д′, рабочий в цикле Т—Д—Т), складывается способ мышления, базирующийся на логических связях, опосредствованных качественно различными промежуточными звеньями, ступенями. По мере все более целостного охвата структуры общественной связи практической деятельностью отдельного человека растет и количество людей, вовлеченных в данный способ практической деятельности, хотя одновременность здесь не абсолютна.

Возрастание всеобщности практики является основой возрастания всеобщности самого способа мышления людей. Каждый последующий способ мышления человека включает логические связи предшествующего как подчиненный момент (опосредствованные связи включают в себя непосредственные связи). И если обыденное мышление базировалось на опыте индивидов и групп людей, а также примитивном производственном опыте человечества, научно-эмпирическое мышление — на строгом эксперименте, исключающем случайности, и практике технически вооруженного производства, то теоретическое мышление — на всей общественно-исторической практике, в основе которой лежит такой уровень производственной деятельности человека, который включает в себя результаты науки и техники в их синтезе.

Это обстоятельство и объясняет то, что вопрос о практике как критерии научной истины возник именно в начале XIX в., а не тогда, когда практическая деятельность человека еще не «впитала» в себя науку в ее результатах и не выявила в полной мере свою связь с ней. Конечно, связь науки с практикой осознавалась и раньше, когда практика бралась в форме опыта и эксперимента, но по-настоящему во всем объеме, в ее решающей роли она была осознана лишь в XIX в., когда ее основная форма, т. е. производственная деятельность человека, в полном смысле слова включила в себя результаты его духовной, преимущественно научно-теоретической деятельности. Следовательно, теоретическое мышление имеет своей основой практику в ее наиболее обобщенной и сложной форме, и никакая логическая связь, с помощью которой осваиваются весьма глубокие необходимые связи действительности (включая законы развития, т. е. перехода от низшего уровня к высшему), не формируется прежде, чем не будет освоена практически как «непосредственная действительность». «*Практика выше (теоретического) познания,* — писал В. И. Ленин, — ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [4, 29, 195].

Хотелось бы несколько слов сказать и о развитии художественного мышления, которое служит проявлением той же закономерности в формировании и развитии логических связей в структуре мышления человека, о чем говорилось выше.

Уже с эпохи первобытного общества формируется человеческая способность выделять необходимость в более очищенном от случайных форм виде, поскольку в изобразительном искусстве

древнего человека (уже палеолитическая живопись и скульптура) наблюдаются отвлечение от конкретной целостности реального предмета и элементы обобщения.

Изображение послужило источником письменности, и пиктограмма — лучшее тому доказательство. У своих исторических истоков художественное осознание мира было вплетено в практическую жизнедеятельность людей и формировалось на фоне ее многочисленных проявлений. И если можно сказать, что, «открыв изображение, человек «остановил мгновение», таким образом приобретая известную власть над временем» [107, 16—18], то не менее справедливо утверждение, что он «остановил мгновение», создав орудия труда, в которых зафиксировал человеческую деятельность своего поколения, с одной стороны, и свою собственную — с другой, и уже на этой основе создал первые изображения на камнях, гальке, скалах и т. д.

Античность на первых порах еще не видела существенного различия между искусством, ремеслом и наукой. Античное искусство отличается все большим усилением абстрактного элемента в художественном творчестве. Особенно заметно это в «гомеровский период», когда направляющей линией искусства становится ремесло, а именно — керамика. Уже здесь намечается характерная тенденция развития всего художественного творчества, связанная с тем обстоятельством, что искусство каждого нового этапа всегда тесно и непосредственно смыкается с производственной, практической деятельностью человека. Примером может служить геометрический стиль в керамике, который запечатлел повторяемость как первую форму необходимости. Мифология также претерпевает существенные изменения, особенно в сфере своего содержания. Если в хтонической мифологии магической силой наделяли весь мир и демонические существа не отделялись от предметов своего обитания, то в олимпийский период трансформация демона, бога приводит к антропоморфическому их пониманию. А уже в гомеровском эпосе герои противоборствуют богам.

В человеческое сознание в форме мифологического искусства проникает в качестве объекта мышления уже и отношение конечного, смертного человека к могущественному, бессмертному. На передний план выдвигается противоположность человека человеку, а не человека природе, как это было раньше. Следующим шагом стала попытка очищения необходимости от мифологических образов в форме Логоса. Поэтому закономерен вывод, что логическая необходимость как всякая повторяемость, которой подчиняются действия случайных, конечных явлений и сил, была первоначально осознана в художественно-мифологической форме (это было свойственно только самым развитым формам мифологии) и лишь затем — в философской. В связи с этим М. С. Пенкин пишет: «Исторически сложилось так, что вначале возникло религиозно-мифологическое переконструирование мира человеком, вслед за этим поэтически-художественное преобразование

по законам гармонии и красоты, а потом только теоретическое постижение его по законам диалектики и логики» [122, 93].

В VII—VI вв. до н. э. очищение логической необходимости от мифологической формы получает окончательное оформление. Уже с VIII в. до н. э. на передний план выдвигается сюжетно-повествовательное изобразительное искусство, и древнее искусство в целом характеризуется изображением гармонии как единства противоположностей, гармонии «лука и лиры» (Гераклит). Единство божественного и человеческого в искусстве древних греков также носит непосредственный характер. «Как ни старается Гомер поставить своих героев выше человеческой природы, — метко замечает Г. Э. Лессинг,— они все же всегда остаются ей верны, когда дело касается ощущений боли и страдания и выражения этих чувств в крике, слезах или брани. По своим действиям они существа высшего порядка, по своим же ощущениям — люди» [94, 383].

В античном романе изолированность, обособленность человека связывается с абстрактностью окружающего его мира. Эта абстрактность рождает удивительную статику: мир и человек греческого романа абсолютно одинаковы и неизменны. Нет никаких попыток развития, становления, роста.

В позднем греческом романе и раннехристианских житиях наблюдаются уже существенные изменения в образной системе. Обычно в них присутствуют два образа одного и того же человека: грешника (в начале) и святого (в конце). Иногда вводится промежуточный образ героя, когда он проходит очистительное страдание, как например в «Золотом осле» Апулея. Но как в позднем греческом романе, так и в раннехристианских житиях нет еще самого процесса становления, есть только кризис и перерождение, а метаморфоза (греховная жизнь — кризис — искупление — святость и блаженство) построена исключительно на регистрации необходимых количественных изменений, где противоречие еще не стало механизмом становления.

В эпоху средневековья литература и искусство прославляли божественное, идеальное, используя при этом вполне земные, чувственные формы. В целом можно сказать, что до второй половины XVIII в. развивается искусство, которое на смену неподвижной, статичной гармонии противоположностей древнего и отчасти средневекового искусства поставило движение и динамическое взаимодействие человека и среды. В рыцарском романе средневековья, в произведениях энциклопедического рода (таких, как «Божественная комедия» Данте) постепенно наблюдается переход от первого типа необходимых связей, т. е. повторяющихся непосредственных связей, ко второму, где необходимость выступает как определенный порядок, изменяющаяся *зависимость* элементов. Нельзя не согласиться с мнением М. М. Бахтина, что для художественного мышления эпохи Возрождения характерно появление категории роста, притом роста как в пространстве, так и во времени [см. 18, 317]. В корне перестраи-

вается традиционный образ человека. А в живописи «количественные» опосредствования получают свое выражение прежде всего в большом разнообразии оттенков.

В литературе нового времени переходы из одного состояния в прямо противоположное осуществляются постепенно, и для художественного сознания этого периода мир впервые становится историчным, но он раскрывается как эволюция, становление. Одновременно и предметы художественного изображения утрачивают присущую им ранее завершенность, свои готовые формы.

Совершенно иная внутренняя структура характеризует художественное мышление конца XVIII и особенно XIX и XX столетий. Предмет изображения здесь дается в развитии, качественных превращениях. В отличие от предыдущих этапов развития художественного мышления в это время целостность проявляется уже как продукт становления. «Ибо суть дела, — отмечает Гегель, — исчерпывается не своей *целью*, а своим осуществлением, и не *результат* есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не превратилось еще в действительность, а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию» [43, IV, 1]. Внутреннее отрицание является неотъемлемым элементом всех значительных художественных произведений, и с конца XIX в. искусством полностью овладевает идея развития. Практическая деятельность человека охватывает собой не только его собственные средства и способы воздействия на окружающий мир, но и опосредствует само развитие объекта. Природа (как и любой другой объект современного искусства) берется в опосредствованности своей качественной противоположностью — общественной деятельностью человека. В искусство вторгается цикл: природа — общественная деятельность человека — «очеловеченная природа».

Итак, три типа необходимых логических связей, сложившихся в человеческом сознании исторически, лежат в основе внутренней структуры художественных творений, проявлений культуры людей. Причем речь идет об окончательном формировании и господстве в тот или иной период времени того или иного типа логических связей. Психологический механизм соединяет логические структуры человеческого сознания с исторически меняющейся практикой, а не с материальными связями внешнего мира. И с помощью сформировавшихся под воздействием практики логических связей человек осваивает внешний мир духовно, теоретически, художественно, после того, как он освоил его уже практически.

Глава V. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МЫШЛЕНИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ

Диалектическое мышление, как известно, подчиняется в своем функционировании и развитии основным законам диалектики. Так, закон единства и борьбы противоположностей, являясь законом развития бытия, в то же время проявляется в мышлении. Развитие, совершенствование наших знаний об окружающей действительности осуществляется через преодоление противоречий, постоянно возникающих между мыслящим субъектом и развивающимся познаваемым объектом.

Ограниченность метафизиков состоит именно в том, что они не видят противоречий в объективной действительности и их отражения в познавательном процессе. Например, один из противников диалектического материализма — Сидней Хук считает абсурдным утверждение об объективном противоречии в окружающих нас предметах на том основании, что в этом случае их якобы было бы невозможно познать. «Если все в природе противоречиво, — пишет он, — и если, как утверждает Энгельс, правильное мышление есть образ или отражение вещи, тогда последовательность будет постоянным признаком ложности. Наука, которая рассматривает последовательность необходимым условием истины, при таком условии не могла бы сделать ни одного шага вперед. Если все в природе противоречиво, тогда Энгельс едва ли сможет сказать, что мысль, являющаяся продуктом природы, материи, должна «соответствовать» вместо того чтобы противоречить» [213, 7].

Однако факты свидетельствуют о том, что нападки Хука на диалектику ни на чем не основаны. Поскольку все материальные предметы внутренне противоречивы, то и наши понятия, суждения, являясь отражением этих предметов, неизбежно содержат в себе противоречия. Но это не формально-логические, а диалектические противоречия, и потому никакого нарушения последовательности в мышлении они не вызывают. Диалектически же противоречивый характер понятий, суждений и других форм мышления не только не мешает им правильно отражать материальный мир, а, наоборот, способствует этому.

Важное место в процессе диалектического мышления и познания занимает закон перехода количественных изменений в качественные и обратно. Все важнейшие научные открытия XIX и XX вв. неопровержимо свидетельствуют о том, что только диалектическая концепция развития в познающем мышлении способна обеспечить глубокое научное познание, ибо развитие самого объективного мира совершается диалектически в форме перехода постепенных, количественных изменений в быстрые, коренные качественные изменения. Это подтвердили такие научные открытия XIX в., как закон сохранения и превращения материи и энергии,

эволюционное учение Дарвина, периодический закон Менделеева и др.

Особенно большая роль в обосновании диалектического характера познающего мышления принадлежит созданной великим русским химиком Д. И. Менделеевым Периодической системе элементов. Философское значение этой системы состоит в том, что ее автор, хотя и бессознательно, дает блестящее естественнонаучное обоснование закона перехода количественных изменений в качественные. Периодическая система показывает, что переход от одного химического элемента таблицы Менделеева к следующему элементу совершается вследствие количественного роста атомного веса, точнее, увеличения заряда ядра атомов. А это значит, что в основе Периодической системы элементов Менделеева лежит закон перехода количественных изменений в качественные. Именно поэтому Энгельс указывал, что химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава.

Периодическая система элементов Менделеева показывает, что, опираясь на закон перехода количественных изменений в качественные, мы получаем возможность не только познать известные нам предметы, но и предсказать существование еще неизвестных предметов и даже предвидеть важнейшие их свойства. Следует отметить, что сам Д. И. Менделеев, пользуясь законом перехода количественных изменений в качественные, воплощенным в его таблице, научно предвидел существование тогда еще неизвестных элементов — таких, как гелий, скандий, германий и др., которые были открыты спустя некоторое время. «Менделеев, — писал по этому поводу Энгельс, — применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту еще не известной планеты — Нептуна» [1, 20, 389].

Движение познающего мышления от логической обработки фактов и обобщения эмпирического материала к получению новых знаний, к научному открытию совершается на основе закона перехода количественных изменений в качественные. Каждое научное открытие, по существу, представляет собой скачок в процессе познания. И он совершается не случайно, а в результате длительной, постепенной эволюционной подготовки.

Закон перехода количественных изменений в качественные как закон диалектической логики обязывает нас, с одной стороны, учитывать гибкость, подвижность, диалектическую текучесть предметов и их отражений в понятиях, а с другой — иметь в виду и качественную определенность, относительную устойчивость предметов и отражающих их понятий. Если метафизики не признают гибкости, изменчивости предметов и наших знаний о них, то различного рода оппортунисты нередко превращают гибкость в неопределенность, расплывчатость Ссылаясь на диалектическую гибкость, они уходят от определенного ответа на вопрос.

Важным логико-методологическим принципом, вытекающим из закона перехода количественных изменений в качественные, является требование не абсолютизировать ни количественный, ни качественный подход к исследуемому объекту, а диалектически сочетать их. Важность этого принципа особенно рельефно проявляется, когда качественный подход к исследуемому явлению разумно сочетается с математической обработкой полученных данных. Применение математических методов познания, особенно метода формализации, аксиоматического метода и др., значительно повышает эффективность познания, позволяет раскрыть такие стороны, особенности и свойства изучаемого объекта, которые невозможно обнаружить при качественном подходе к исследуемому объекту.

Закон отрицания отрицания, будучи законом развития бытия, так же как и предшествующие два закона, является законом диалектического мышления. Значение этого закона в развитии и функционировании мышления состоит в том, что он нацеливает исследователя на познание объекта как поступательно развивающегося, позволяет ему объяснить отклонения в сторону регресса, которые бывают в ходе прогрессивного развития, вскрыть причину этих отклонений, раскрыть соотношение между старым и новым в развитии, их органическую связь, познать, как новое вырастает из старого, почему новое может возникнуть и развиваться только на базе существующего, почему необходима преемственность между новым и старым как в познании, так и в практической деятельности людей.

Действие закона отрицания отрицания в познании хорошо обнаруживается при рассмотрении исторического хода познания. Выясняя пути и способы познания окружающего нас мира, мы видим, что познание как исторический процесс, по существу, есть непрерывная и бесконечная последовательность отрицания одних принятых наукой положений и появления других теоретических положений, в которых более точно и более правильно отражаются предметы материального мира. Это отрицание не обязательно должно быть полным (хотя и такое отрицание не исключается), но обычно в ходе развития науки и общественной практики происходит частичное отрицание старых теоретических положений в виде их уточнения, исправления или дополнения их новыми положениями.

Формальная логика также изучает операцию отрицания, но это такая операция, когда отрицание того или иного суждения, теоретического вывода сопровождается признанием его ложным. При этом истинное и ложное выступают как полярные, взаимно исключающие друг друга противоположности. Если, например, мы имеем определенную систему суждений и если окажется, что в этой системе, состоящей из множества суждений, хоть одно суждение ложно, то отрицается (признается ложной) вся система.

В диалектике отрицать тот или иной теоретический вывод —

не значит объявить его ложным и отбросить. Отрицание прежнего этапа развития теории означает здесь ее развитие, совершенствование, переход к более глубокому уровню познания действительности.

Действие законов диалектики особенно хорошо прослеживается при рассмотрении таких категорий диалектической логики, как конкретное и абстрактное, единичное и общее, сущность и явление и др.

В самом деле, если процесс познания протекает от конкретного к абстрактному и от абстрактного снова к конкретному или соответственно от единичного к общему и от общего к единичному, то это значит, что познание осуществляется по закону отрицания отрицания. Это видно из того, что переход от конкретного к абстрактному в ходе познания (или от единичного к общему) есть не что иное, как отрицание конкретного (или единичного), а переход от абстрактного снова к конкретному (или общему) в ходе дальнейшего познания представляет собой отрицание абстрактного (или общего), т. е. отрицание отрицания и как бы возврат к прежнему, к конкретному (или единичному), но на более высокой основе, когда это конкретное уже обогащено общими понятиями, определениями и пр.

Такой же закономерностью отличается процесс познания и при переходе его от явления к сущности и от сущности снова к явлению. Ведь процесс познания всегда в конечном счете начинается с явления, с рассмотрения и изучения того, что мы воспринимаем чувственно. На основе материала чувственного познания в ходе абстрактного мышления исследователь постигает сущность изучаемого предмета. Но, познав сущность предмета, исследователь вновь возвращается к явлению, к самому изучаемому предмету для того, чтобы сопоставить полученные данные о сущности предмета с явлением, с тем, что мы воспринимаем чувственно. Таким сопоставлением мы достигаем более глубокого познания предмета, ибо сущность предметов всегда проявляется через явление, и, сравнивая их, мы уточняем и то, и другое. Таким образом, и здесь в ходе познания происходит как бы возврат к старому, к явлению, но это не простое повторение, а возврат к старому на более глубокой основе, когда уже раскрыта сущность изучаемого явления.

Следовательно, закон отрицания отрицания, как и другие законы материалистической диалектики, играет большую роль в диалектическом мышлении, лежит в основе процесса познания.

Материалистическая диалектика имеет дело не только с рассмотренными основными законами, но и с целым рядом других законов, в частности, выражающихся в соотношении так называемых парных категорий (сущность и явление, форма и содержание, необходимость и случайность и др.).

Познающее диалектическое мышление подчиняется также и специфическим закономерностям познания, которые хотя и формируются на основе законов объективной действительности, но не

являются их непосредственным, прямым отражением. Мы имеем в виду такие закономерности, которые выражают связи между абсолютной и относительной истиной, конкретным и абстрактным, чувственным и логическим, — закономерности, характеризующие конкретность истины, методы и формы познающего мышления и т. п.

По вопросу о сущности этих закономерностей в литературе можно встретить различные точки зрения. Одни философы данные законы полностью отождествляют с законами бытия, не видят никакого различия между законами развития действительности и способами ее познания. В идеалистической интерпретации эта точка зрения наиболее ярко представлена в философской системе Гегеля.

Однако идеалистическая система Гегеля, абсолютизируя мышление и отождествляя его с бытием, приводит к онтологизации методов и форм познания, к антинаучной идее об их объективном существовании вне и независимо от человека. На самом же деле полная онтологизация законов мышления не имеет под собой научных оснований, противоречит теории и практике познания. В объективной действительности нет в готовом виде пригодных к использованию методов и форм мышления, закономерностей его развития. Они являются продуктом субъективной деятельности людей, результатом сознательных, целенаправленных усилий, определяемых самим человеком, хотя и не произвольно, не независимо от самой деятельности. Однако наличие объективных оснований этих закономерностей, их органическая связь с предметом познания вовсе не исключают творческой деятельности исследователя. Само собой разумеется, что при выборе, например, метода познания исследователь руководствуется не столько личными, субъективными желаниями, сколько прежде всего спецификой изучаемого объекта и прежним опытом познания в этой области. Выбор метода познания — это одно из проявлений творческих способностей исследователя, его дарования как ученого, наличия богатого опыта исследователя и умения применить этот опыт к конкретным условиям познания. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что законы мышления и бытия полностью совпадают по своему содержанию, что законы объективного мира, после того как они познаны, якобы становятся законами мышления.

Что закономерности развития познания постигаются в процессе раскрытия законов бытия — это бесспорно. Но можно ли утверждать, что сами законы объективного мира, как только их познали, становятся законами мышления? Думается, что в такой прямолинейной форме этого сказать нельзя. Во-первых, сами объективные законы не могут являться законами мышления, поскольку последние существуют в голове человека. Здесь, по-видимому, речь идет о законах науки, отражающих законы объективного мира. Во-вторых, и законы науки сами по себе тоже не могут быть законами мышления, а служат лишь основой для

формирования закономерностей и приемов познавательной деятельности.

То же самое можно сказать о соотношении теории и метода познания. Нам кажется неточным утверждение о том, что метод одновременно является теорией, а теория — методом. Правильно, что связь теории и метода выражается в методологической роли законов и категорий науки. Но играть определенную методологическую роль и быть методом научного познания — это не одно и то же. Определенную методологическую роль действительно играет всякая научная теория в том смысле, что она служит основой для дальнейшего познания данного объекта. Не сама теория является методом познания, а те методологические выводы, требования, которые необходимо вытекают из данной теории. Сама же теория как таковая не является методом в готовом виде.

Требует уточнения и положение о том, что всякая научная теория, любой закон науки, поскольку он адекватно отражает действительность, указывает и на то, как нужно мыслить о соответствующей сфере бытия. Едва ли любая теория может указать нам, как должен мыслить исследователь, чтобы осуществить дальнейшее, более глубокое познание данного предмета, явления. Если бы это было так, то процесс познания упростился бы настолько, что не представлял бы большого труда. Познание осуществлялось бы по принципу цепной реакции.

В идеалистической философии укоренилась и другая, противоположная точка зрения по данному вопросу. Это как раз такой случай, который показывает, что крайности сходятся в идеализме. Если Гегель полностью отождествлял специфические закономерности познания, мышления и законы бытия, то другие идеалисты, в том числе и многие современные, наоборот, воздвигают между ними пропасть, рассматривая специфические закономерности мышления в полном отрыве от общих законов развития бытия и отражающих их теорий. С их точки зрения, все специфические закономерности познания, а также методы и формы теоретического мышления создаются чисто умозрительно в виде определенных правил проведения научных исследований, подобно тем правилам, которые вырабатываются для проведения спортивных игр, для организации движения транспорта и т. п. Например, Сидней Хук утверждает, что закон научного метода есть не что иное, как «правило научной процедуры, вырабатываемое для удобства исследования». Подобную точку зрения разделяют даже некоторые естествоиспытатели в буржуазных странах. Это, по их мнению, следует из того, что методы, разработанные в области математики, с успехом применяются во многих других науках. В журнале «Успехи физических наук» была напечатана статья американского физика и математика Е. Вигнера, которая называется: «Непостижимая эффективность математики в естественных науках». Вигнер исходит из того, что математические теории и методы, которыми пользуется эта наука, не имеют никакого отношения к действительности, что ее поня-

тия, по существу, произвольно выбирают ученые, руководствуясь только тем, чтобы было удобно манипулировать ими. Поэтому успешная применимость математики в других науках заводит его в тупик. Он прямо пишет, что ее «непостижимая эффективность... есть нечто граничащее с мистикой» [154, 49, 540]. И ему остается только верить в соответствие математических понятий и законов природы, воспринимать это как эмпирический факт и не более, в противном случае «у него просто не хватило бы духу совершать открытия, т. е. не было бы достаточных эмоциональных стимулов для успешного изучения законов природы» [там же, 543].

Вигнер и ему подобные не понимают, что методы познания разрабатываются не произвольно, а в соответствии с закономерностями объективной действительности и познания. Методы могут выполнять свои функции только в том случае, если включают в свои требования содержание соответствующих теорий и понятий о материальной действительности, о ее закономерностях, что метод только тогда способен быть действенным инструментом научного исследования, когда он ведет исследователя к истине не по произвольным правилам научной «процедуры», а по законам самого изучаемого объекта. Не случайно один из крупнейших современных естествоиспытателей Луи де Бройль требует основываться на постулате, который сводится к «допущению рациональности физического мира, к признанию, что существует нечто общее между структурой материальной вселенной и законами функционирования нашего разума» [25, 291].

Между структурой материальной действительности, сущностью и содержанием объектов мысли и законами и формами функционирования нашего разума действительно есть много общего. В. И. Ленин писал, что для каждого материалиста «законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют с этими формами» [4, 18, 383]. Движение мысли в процессе познания должно соответствовать движению самого изучаемого объекта.

Между тем некоторые философы, правильно критикуя положение о полном тождестве законов бытия и законов познающего мышления, отрывают их друг от друга, утверждая, что специфические закономерности познающего мышления «нельзя рассматривать сами по себе как непосредственное отражение каких-то особых процессов природы, происходящих независимо от человека» [57, 5]. Подвергается сомнению общепринятое в марксизме положение о том, что диалектика, логика и теория познания оперируют с законами, являющимися и законами бытия, и законами познания, мышления [см. 57, 4]. Как было показано выше, законы развития бытия и специфические закономерности познания, мышления нельзя ни отрывать друг от друга, ни отождествлять. Специфические закономерности и формы мышления не существуют в объективной действительности, но они вырабатываются людьми на основе ее законов.

Таким образом, диалектическая логика в процессе познания имеет дело с законами двух видов: законами диалектики и особенными закономерностями функционирования и развития познания.

Но всякое мышление, в том числе и диалектическое, подчиняется также и законам, изучаемым формальной логикой. Такими законами, как известно, являются закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Рассмотрим логическую и гносеологическую сущность этих законов, их место и роль в познании.

Закон тождества говорит о том, что каждая мысль в процессе данного рассуждения должна сохранять одно и то же определенное содержание, сколько бы раз она ни повторялась. Другими словами, закон тождества требует, чтобы в процессе одного и того же рассуждения о каком-то предмете с определенным содержанием его признаков мы должны мыслить именно данный предмет с тем же самым содержанием его свойств (признаков). Тем самым данный закон обеспечивает определенность, однозначность содержания человеческого мышления, дает возможность выявить свойства данного предмета и его отличие от других предметов действительности.

Несмотря на очевидную истинность закона тождества, его аксиоматический характер в границах формальной логики, многие философы и логики прошлого и настоящего выражали сомнение в истинности этого закона. Уже Аристотель в противовес Пармениду, который впервые пытался раскрыть сущность закона тождества и считал его законом бытия, утверждал о всеобщей изменчивости вещей. Правда, на этом основании Аристотель не отверг закон тождества, обосновывая это тем, что всеобщая изменчивость вещей не противоречит существованию их неподвижной сущности. Однако абсолютный характер закона тождества как закона бытия подвергался серьезному сомнению и ограничению.

В ходе дальнейшего развития науки, когда стал активно изучаться процесс движения, изменения объектов в математике — теория переменных величин, идея эволюции в астрономии, биологии, геологии и других науках, — идее неизменной сущности вещей был нанесен новый удар, и логики вынуждены были думать о том, как процессы, происходящие в природе, выразить в логических формах.

Наиболее остро эта проблема, как известно, была поставлена Гегелем, который ясно видел противоречие между его диалектикой и основами формальной логики, доказал ограниченность, односторонность законов и правил формальной логики — логики неподвижных категорий. О законе тождества Гегель говорил, что он выражает пустую тавтологию и лишен содержания. Он в то же время вынужден был признать, что этот закон отражает одно из важнейших свойств вещей — их определенность, но недостаточен для познания истины в полном объеме, поскольку признает лишь абстрактное тождество.

Несоответствие между законом абстрактного тождества и природой предметов, явлений действительности отмечали и многие последующие логики. Так, известный логик Хр. Зигварт отмечал, что принцип тождества формальной логики «имеет своей предпосылкой постоянство представлений. Но эти логические принципы не могут ручаться за реальное тождество вещей» [61, 1, 90].

Не умея определить действительную сущность закона тождества, его места и роли в научном познании, многие логики-идеалисты прошлого приходили к агностическим выводам. Так, А. Бергсон в своей книге «Творческая эволюция» выражает бессилие идеалистической философии понять и объяснить единство тождественности и изменчивости вещей. Он полагает, что всякая попытка, направленная к тому, чтобы восстановить изменчивость из состояния покоя, включает нелепое положение, что движение состоит из неподвижностей [см. 19, 280]. В конечном итоге он приходит к агностическому выводу о том, что «неподвижность бытия ускользает от научного познания» [19, 300].

В наше время есть авторы, которые считают, что закон тождества является оправданием метафизики как мировоззрения, противоречит коренному положению материалистической диалектики о постоянном движении, развитии предметов материальной действительности, поскольку утверждает тождественность предметов самим им, их постоянство, окаменелость. Именно так рассуждали в свое время философы, полностью отождествлявшие формальную логику с метафизикой как мировоззрением и на этом основании третировавшие формальную логику, предлагавшие отбросить ее как отжившую свой век в эпоху диалектической логики. Однако подобные рассуждения не имеют под собой никакой научной основы. Дело в том, что материалистическая диалектика преодолевает односторонний, узкий горизонт формально-логического абстрактного тождества, рассматривая тождество и различие в вещах в диалектическом противоречивом единстве. Ф. Энгельс подчеркивал, что «для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно все еще властвует над умами и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собою нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия *в* тождество» [1, 20, 531].

Рассматривая предметы, явления действительности не в мертвом, неподвижном состоянии, а в движении, развитии, диалектическая логика исходит из того, что различия, являющиеся результатом изменения предметов, возникают внутри их тождества, их качественной определенности, что и обеспечивает однозначность, определенность мысли при рассмотрении предмета в его развитии. А это значит, что принцип конкретного тождества диалектической логики вовсе не отвергает и не отрицает определен-

ность мышления, а утверждает, придавая ему большую определенность и конкретность.

Следует подчеркнуть, что мышление как раз и призвано отразить в предметах, явлениях главное, что характеризует их коренную качественную определенность. Поэтому в процессе мышления мы не можем оперировать расплывчатыми, неопределенными понятиями о предметах. Пока предмет находится в определенном качественном состоянии, мы должны мыслить именно об этом предмете со всеми присущими ему основными свойствами. В противном случае, и само наше мышление будет расплывчатым, неопределенным, т. е. логически неправильным, и потому не будет иметь познавательного значения, не приведет нас к истине. Во время дискуссий, бесед, споров иногда можно встретить ситуацию, когда спорящие стороны вкладывают в основные понятия, фигурирующие в ходе спора, разное содержание. Именно поэтому В. И. Ленин всегда требовал установить смысл исходных понятий, прежде чем начать дискуссию. Так, критикуя определение понятия «империализм», данное К. Каутским, В. И. Ленин писал «Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию» [4, 30, 93].

Это требование к познающему мышлению кажется очень простым и очевидным. Люди в своей практике элементарного мышления с детства убеждаются в необходимости мыслить четко и определенно. И тем не менее немало философов, которые не поняли этого закона и, по существу, отвергали его. Среди них, как мы уже отметили, находится и Гегель. Закон тождества, несмотря на свою элементарность, играет значительную роль не только «в домашнем обиходе», но и в ходе серьезных, научно-теоретических рассуждений. Он выражает одно из важнейших условий правильного мышления — определенность мысли, которая является отражением качественной определенности, устойчивости предметов, явлений материального и духовного мира.

Но вместе с тем закон абстрактного тождества страдает и ограниченностью, односторонностью, ибо он отражает лишь одну сторону предметов действительности, их устойчивость, качественную определенность и абстрагируется от другой их стороны, от их изменения, развития. Здесь тождество и различие отрываются друг от друга. Закон тождества справедлив и весьма важен лишь на определенной ступени познания, когда предметы и явления рассматриваются в статике и когда можно абстрагироваться от их движения, развития. Поэтому закон тождества нельзя понимать догматически, неправильно представлять, что он вообще запрещает изменение предметов действительности и отражающих их понятий.

Диалектическая логика рассматривает тождество как момент всеобщего развития действительности. Положение диалектической логики о подвижности, гибкости понятий является коренным условием истинного познания. Вместе с тем и закон тождества фор-

мальной логики не запрещает изменять понятия, если они устарели, если состояние относительного покоя нарушено в результате изменения сущности предмета. Более того, как правильно отмечает В. К. Астафьев [см. 14], формальная логика доступными ей средствами сама пытается отразить процесс изменения, развития исследуемого предмета путем формирования ряда понятий об этом предмете, каждое из которых характеризует определенный этап его развития. Например, понятие «живой организм» можно представить в виде генетической последовательности понятий, таких, как «одноклеточный живой организм», «многоклеточное животное» (например, кишечнополостное), «беспозвоночное животное», «млекопитающее животное» и т. п. Правда, в этом случае формальная логика тоже оперирует указанными понятиями как застывшими, неизменными. Хотя эти понятия отражают ступени, этапы развития мыслимого предмета, но они не могут раскрыть самого процесса развития. От этого процесса формальная логика абстрагируется, и потому всегда сохраняется возможность отрыва ее понятий от действительности. В этом и проявляется ограниченность формальной логики. Единственное, чего требует формальная логика с ее законом тождества, это чтобы в данном рассуждении, в данной связи и в данных условиях в понятия, фигурирующие в рассуждении, вкладывали одно, вполне определенное содержание.

Формально-логический закон противоречия предостерегает мыслящий субъект от ошибок, связанных с логическим противоречием. Обычно противоречивыми называют такие мысли, одна из которых утверждает то, что отрицает другая. В формальной логике такая несовместимость одной мысли с другой определяется как логическое противоречие, которое состоит в том, что в процессе мышления сознательно или ошибочно отождествляется различное или выдается за различное фактически тождественное.

Чтобы избежать подобных ошибок, формальная логика сформулировала закон, который нельзя нарушить в любом мыслительном акте и который утверждает, что два суждения, из которых в одном утверждается нечто о предмете мысли, а в другом то же самое отрицается об этом же предмете мысли, не могут быть сразу истинными, если эти суждения высказаны в одно и то же время и в одном и том же отношении. В формальной логике этот закон называется законом противоречия или законом непротиворечия.

Закон противоречия в недавнем прошлом подвергался резкой критике. Главные нападки на этот закон обосновывались тем, что он будто бы сам находится в непримиримом противоречии с материалистической диалектикой. Ведь указанный закон, рассуждали его критики, запрещает *всякие* противоречия в мышлении и отрицает противоречия в действительности. Между тем учение о противоречиях составляет ядро диалектики. На самом же деле закон противоречия направлен только против формально-логических противоречий, которые не являются аналогом действитель-

ности, не являются отражением каких-то сторон, связей, отношений материального мира, а возникают искусственно в результате нарушения законов развития мысли. Именно такие противоречия имеет в виду формальная логика, когда она формулирует закон противоречия. Однако в процессе мышления возникают и совершенно другие противоречия, противоречия живой жизни, противоречия, возникающие объективно, в самой действительности, в ходе ее развития, которые отражаются и в наших мыслях в процессе познания действительности. Формальная логика не имеет совершенно никакого отношения к этим противоречиям, она не может их признавать или не признавать, поскольку они не входят в ее предмет.

Враги нашего мировоззрения ловко используют смешение формально-логических и диалектических противоречий для того, чтобы опорочить, отвергнуть диалектическую логику и диалектико-материалистическую теорию познания. Они полагают, что все противоречия, возникающие в процессе познания, являются помехой истинного познания и возникают в результате ошибок исследователя. Поэтому от них надо освобождаться во что бы то ни стало. Никаких объективных, диалектических противоречий в действительности и их отражений в наших мыслях они не признают.

Иногда утверждают, что закон противоречия формальной логики несовместим с учением о противоречиях материалистической диалектики потому, что многие научные положения, являющиеся, бесспорно, истинными с точки зрения материалистической диалектики, находятся якобы в противоречии с законами формальной логики. В этих случаях приводятся обычно такие положения, как «материя прерывна и непрерывна», «свет обладает и корпускулярной природой, и волновой» и др. Эти положения, не вызывающие сомнения с точки зрения диалектической логики, будто бы совершенно несовместимы с законом противоречия формальной логики. Однако известно, что закон противоречия запрещает одновременно и утверждать о наличии какого-то свойства у предмета, и в то же время в том же смысле отрицать его. В приведенных же положениях речь идет о наличии у предмета двух различных свойств, и потому ни о каком несоответствии с законом противоречия формальной логики здесь не может быть и речи. Формальная логика считает ложными такие положения: «материя обладает свойством прерывности и не обладает им», «свету присущи корпускулярные свойства и не присущи» и т. д. Но эти положения являются ложными по своему существу, а потому они несовместимы с диалектической логикой.

Правда, в процессе сложного диалектического анализа действительности исследователь может прийти к выводу, который по форме будет находиться в противоречии с указанным законом формальной логики. Например, К. Маркс, исследуя в «Капитале» проблему прибавочной стоимости, пришел к таким, казалось бы, совершенно несовместимым выводам: «Прибавочная стои-

мость должна возникнуть в обращении» и «Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения». Убедительно доказывая истинность этих двух суждений и подвергая диалектическому анализу другие вопросы процесса обмена товаров, К. Маркс пишет: «Мы видели, что процесс обмена товаров заключает в себе противоречащие и исключающие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непременно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется, и разрешается» [1, 23, 113—114]. Можно ли на этом основании сказать, что здесь не действовал или оказался ложным или нарушенным формально-логический закон противоречия? Такое утверждение вряд ли можно считать правильным. Здесь мы имеем дело не с формально-логическим, а с диалектическим противоречием.

Чтобы избежать впечатления о несовместимости указанных двух законов, в подобных случаях «объективное диалектическое противоречие при его наиболее точном воспроизведении на уровне теоретического мышления должно быть *в конечном итоге* выражено в логически непротиворечивой форме, дабы, по возможности не примешивать субъективных противоречий к познанным объективным» [57, 287]. Так именно и поступил К. Маркс в приведенном выше случае. Подвергая тщательному теоретическому анализу противоречивые суждения «Прибавочная стоимость должна возникнуть в обращении» и «Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения», К. Маркс пришел к логически непротиворечивому выводу: «Прибавочная стоимость возникает в производстве, но через посредство обращения».

Следовательно, чтобы правильно сориентироваться в решении рассматриваемой проблемы, необходимо учитывать коренное различие между формально-логическими и диалектическими противоречиями.

Этого не понимают метафизически мыслящие логики. Так, немецкий философ-идеалист Е. Гартман, критикуя диалектику Гегеля, заявляет, что изгнание из процесса мышления всяких противоречий является необходимым условием его правильности. Там, где обнаруживается противоречие, необходимо видеть недостаток, ибо противоречие — «признак невозможного, бессмыслицы» [188, 39]. Он делает вывод, что «настоящего диалектика никоим образом нельзя в его сознании довести до абсурда, ибо там, где для других людей наступает абсурд — область противоречия, для диалектика лишь начинается та самая мудрость, к которой он единственно питает любовь» [188, 43].

Подобные приемы критики материалистической диалектики применяют и современные буржуазные философы, пытаясь такими рассуждениями опровергнуть учение диалектического мате-

риализма о противоречивом характере мышления. На самом же деле этот софизм построен на смешении диалектических противоречий с формально-логическими. Задача научного исследователя состоит не в том, чтобы нагромождать субъективные противоречия, а умело вскрыть возникающие в ходе познания диалектические противоречия и своевременно разрешить их, устраняя все и всякие логические противоречия.

Мысль о существовании объективных противоречий еще более определенно высказывается биохимиком К. Мишером, который опубликовал на эту тему специальную статью «Единство в противоположности как одна из основ бытия и нашего познания». Как видно уже из названия статьи, автор признает объективное существование диалектических противоречий не только в познании, но и в окружающем нас мире. Более того, наличие единства в противоположностях он считает одной из основ как нашего бытия, так и нашего познания. Ценно то, что ученый не просто декларирует это положение, но приводит его как совершенно бесспорный и научно обоснованный вывод из его длительного собственного опыта научного исследования и многочисленных экспериментов, проведенных им на протяжении многих лет. Для доказательства этого вывода он приводит убедительные доводы, которые дает нам современное естествознание.

Соотношение между формально-логическими противоречиями и диалектическими хорошо показал В. И. Ленин в целом ряде своих произведений. Так, в статье «Революционная канцелярщина и революционное дело» В. И. Ленин, разоблачая противоречивую по форме и реакционную по содержанию формулу кадетов: «Государственная дума с учредительными функциями для выработки конституции с утверждения государя...», писал: «Даже буржуазно-демократическая печать отметила внутреннюю противоречивость и нелепость этой формулы. «Учреждать» новый государственный порядок «с утверждения» главы старого правительства, — ведь это значит узаконить две власти, две равные (на бумаге) верховные власти... Это противоречие необходимо с точки зрения простой формальной логики. Но его вполне объясняет логика классовых интересов буржуазии. Буржуазия боится полной свободы, полного демократизма... Буржуазия хочет поэтому, в сущности, не полной свободы, не полного самодержавия народа, а сделки с реакцией, сделки с самодержавием. Противоречивое классовое положение буржуазии между самодержавием и пролетариатом неизбежно порождает, независимо даже от воли и сознания тех или иных отдельных лиц, бессмысленные и нелепые формулы «соглашения»» [4, 12, 120—121].

Конечно, только по словесному выражению иногда трудно отличить формально-логическое противоречие от противоречия диалектического. Поэтому требуется конкретный анализ конкретной ситуации, чтобы раскрыть сущность возникшего противоречия, что в полной мере способна сделать диалектическая логика.

Таким образом, закон противоречия формальной логики не

только совместим с учением диалектики о противоречиях, но играет весьма важную роль во всяком, в том числе и диалектическом, мышлении. Всякое мышление должно быть последовательным, логически непротиворечивым, определенным и убедительным.

Закон исключенного третьего тоже связан с необходимостью устранения в процессе мышления логических противоречий. Согласно этому закону из двух отрицающих друг друга суждений об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, одно непременно истинно, а другое — ложно: третьего не дано.

Может показаться, что закон исключенного третьего повторяет закон противоречия. Так именно и рассматривали некоторые логики эти законы, объединяя их следующей формулировкой: «Из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непремено истинно».

Оба указанных закона действительно теснейшим образом связаны между собой. Как в законе противоречия, так и в законе исключенного третьего речь идет о логических противоречиях, возникающих в ходе мышления. Однако между этими законами имеются и существенные различия. Они, в частности, определяются тем, что в законе противоречия речь идет о том, что две противоположные мысли, высказанные об одном и том же предмете, в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть обе истинными. Но здесь остается открытым вопрос о том, могут ли они быть обе ложными. Закон же исключенного третьего утверждает, что из двух отрицающих друг друга суждений об одном и том же предмете, высказанных в одно и то же время и в одном и том же отношении, одно непременно истинно, а другое обязательно ложно. Третьего не дано. Синтез этих двух законов дает более определенный ответ на вопрос об истинности или ложности двух противоречащих суждений. Кроме того, есть такие суждения, которые попадают в сферу действия закона противоречия, однако не охватываются законом исключенного третьего, а не наоборот, ибо все суждения, находящиеся в сфере действия закона исключенного третьего, в то же время охватываются законом противоречия. Например, суждения типа «ни одно S не есть P» и «все S суть P» не могут быть одновременно истинными (согласно закону противоречия), но они могут быть одновременно оба ложными и поэтому не подчиняться закону исключенного третьего. Например, такие суждения, как «все металлы — твердые тела» и «ни один металл не является твердым телом», не подпадают под действие закона исключенного третьего: они оба ложны.

Хотя закон исключенного третьего не дает ответа на вопрос о том, какое конкретно из противоречащих суждений истинно, а какое ложно (это можно сделать только в результате диалектического, конкретного анализа изучаемого явления), он значительно облегчает решение этой задачи. Ведь если исследователю известно, что одно из противоположных суждений истинно (или лож-

но), что он определил в результате конкретного изучения предмета мысли, то он без всяких дополнительных исследований может твердо заключить (на основе закона исключенного третьего), что второе суждение ложно (или соответственно истинно).

Важное место занимает закон исключенного третьего в процессе так называемого доказательства от противного, получившего особенно большое распространение в доказательстве некоторых математических положений. Суть этого способа доказательства, как известно, состоит в том, что подвергается исследованию положение, противоречащее доказываемому тезису. Если будет доказана ложность этого положения, то тем самым согласно закону исключенного третьего будет доказана истинность противоречащего ему доказываемого тезиса.

Поэтому трудно согласиться с философами, которые недооценивают и даже совсем отвергают закон исключенного третьего как якобы бесполезный, ничего не дающий исследователю в процессе его мышления. Например, Гегель по поводу закона исключенного третьего писал: «*Закон исключенного третьего* есть закон определяющего рассудка, который, желая избегнуть противоречия, как раз впадает в него. А согласно этому закону, должно быть *либо* +А *либо* —А; но *этим уже* положено третье А, которое не есть ни +, ни — и которое в то же время полагается и как +А, и как —А [43, I, 203].

Гегель был бы прав, если бы закон исключенного третьего имел в виду всякие, в том числе и диалектические противоречия. Но указанный закон говорит только о логических противоречиях, возникающих при высказывании противоположных суждений. А в этих случаях, как мы видели, в принципе не может быть третьего А, которое бы не являлось ни +А, ни —А. В самом деле что может быть третьим или каким-то средним между такими противоположными суждениями, как «все планеты Солнечной системы не имеют атмосферы» и «не все планеты Солнечной системы имеют атмосферу». Здесь одно суждение обязательно истинно (в данном случае второе суждение), а другое — ложно (в данном случае первое суждение). Никакого третьего суждения по этому поводу высказать нельзя. Ошибка Гегеля заключается опять-таки в том, что он смешивает формально-логические противоречия и противоречия диалектические, полагая, что закон исключенного третьего запрещает всякие, в том числе и диалектические, противоречия.

Однако закон исключенного третьего служит для устранения только таких противоречий, которые возникают в случае высказывания противоречивых суждений трех типов: (1) когда в одном суждении нечто утверждается о единичном предмете, а в другом это же самое отрицается об этом же самом предмете, в то же самое время и в том же отношении; (2) когда в одном суждении нечто утверждается о всем классе предметов, а в другом это же самое отрицается относительно некоторых предметов данного класса; (3) когда в одном суждении нечто отрицается относи-

тельно всех предметов данного класса, а в другом то же самое утверждается относительно некоторых предметов данного класса. Во всех этих случаях согласно закону исключенного третьего одно суждение непременно истинно, а другое суждение (согласно закону противоречия) — ложно. Только на такие противоречия и распространяется закон исключенного третьего. Диалектические же противоречия — это противоречия иного рода и не находятся в сфере действия формальной логики и ее законов.

Конечно, в реальном процессе мышления диалектические противоречия, как уже было отмечено, нередко тесно связаны с противоречиями формально-логическими, а иногда диалектические противоречия выражаются в виде формально-логических противоречий. Ярким подверждением этого является приведенное В. И. Лениным в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» высказывание о том, в чьих интересах государство направляет деятельность монополий:

«— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику.

— либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*...

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий*... вперед идти *нельзя,* не идя к социализму...

Либо бояться шагов к социализму... — и тогда неминуемо... *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции» [4, 34, 192].

Данное противоречие, как видно, носит не формально-логический, а диалектический характер, ибо оно порождено диалектикой противоречий самой действительности, диалектикой классовой борьбы, внутренними противоречиями общественного развития. Но по своей внешней форме оно напоминает противоречие, входящее в компетенцию закона исключенного третьего. Между тем совершенно ясно, что разрешить это противоречие средствами только формальной логики невозможно. Такие противоречия разрешаются в ходе революционной борьбы пролетариата под руководством партии. Однако формальная логика и не претендует на разрешение подобных противоречий. Ее задача значительно скромнее: не допускать логических противоречий в мыслях, в частности, не считать истинным суждение противоположное тому суждению, истинность которого была установлена ранее, что непосредственно и следует из требований формально-логического закона исключенного третьего. На большее формальная логика не претендует. Однако требования закона исключенного третьего (как и других законов формальной логики) действуют только тогда, когда надо отразить *результат* развития, но он бессилен, когда речь идет о процессах *изменения, развития* и их отражения в логической форме. В ходе развития вполне «уживаются» и находятся в

единстве совершенно противоположные по своему характеру явления.

Например, что может быть более противоположно, чем жизнь и смерть? Однако в жизнедеятельности живого организма они находятся в единстве. В самом деле, организм находится в постоянном взаимодействии со средой, между организмом и средой постоянно происходит обмен веществ. В ходе этого обмена старые клетки организма отмирают, а новые нарождаются. Академик А. А. Богомолец установил, что ежедневно в крови человека разрушается, умирает 350—500 миллиардов эритроцитов и столько же нарождается вновь. И, что особенно важно, продукты распада крови способствуют новой кроветворности. А это значит, что процесс созидания не может протекать без противоположного ему процесса разрушения и, наоборот, разрушение организма невозможно без его созидания. Эти процессы могут быть отражены лишь средствами логики диалектической, рассматривающей противоположности в их единстве. Это, разумеется, не значит, что диалектическая логика отрицает закон исключенного третьего, она дает ему более глубокое и конкретное толкование, указывает границы его применимости.

Закон достаточного основания выражает требование к нашему мышлению быть логически стройным, непротиворечивым и доказательным. Этот закон утверждает, что всякая мысль должна считаться истинной только в том случае, если известны достаточные основания, в силу которых она считается истинной. В данном случае речь идет о *логической* обоснованности, доказательности наших мыслей, без которых не может быть не только ни одной научной теории, но и ни одного разумного обмена мыслями. Однако логическое доказательство осуществляется по правилам и законам, которые являются не произвольными конструкциями человека, а выработаны на основе изучения самой действительности в ходе практической деятельности людей, и потому они имеют вполне реальное объективное основание.

Закон достаточного основания впервые был сформулирован Г. Лейбницем в такой редакции: «... ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым, — без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе» [92, 374]. А это значит, что данный закон Лейбниц рассматривал не только как закон мышления, но и как закон бытия. В данной формулировке выражены как логическая, так и онтологическая сторона закона достаточного основания.

Тот факт, что данный закон впервые был сформулирован Лейбницем, вовсе не значит, что до него этот закон не фигурировал в логической науке. Как определенный логический принцип он был известен мыслителям Древней Греции. Проблему логического и реального основания исследовали Левкипп, Демокрит, Аристотель и др. Правда, принцип достаточного основания рассматривался тогда главным образом в онтологическом плане, но античные

мыслители распространяли его и на область мышления. Так, Аристотель, разрабатывая теорию логического доказательства, считал, что «доказывающее знание необходимо исходит из истинных, первых, непосредственных, более известных и предшествующих [посылок], т. е. из причин заключения. Ибо такими будут и начала, свойственные тому, что доказывается» [11, 2, 259].

Однако создатель формальной логики как науки не возвел достаточное основание в ранг закона: он рассматривал его как важнейший логический принцип. В настоящее время логическая наука включает в свое содержание этот логический принцип как один из основных законов мышления. Он играет фундаментальную роль в логическом доказательстве и составляет важное условие правильного мышления, обосновывая определенность последовательности, доказательность мышления.

В отличие от других законов формальной логики, закон достаточного основания органически связан с содержанием мышления, почему он и не входит в систему символической логики, где логическое доказательство формализовано.

Содержательное логическое доказательство, как известно, осуществляется путем *правильной связи* мысли в теоретическом рассуждении. Правильная связь мыслей в логике играет главную, решающую роль. Но связь мыслей в любом рассуждении, в любом акте мышления есть отражение реальных связей между предметами, явлениями материального мира. Поэтому-то всеобщая связь и взаимозависимость явлений, существующие в действительности, имеют решающее значение в познании.

Однако закон достаточного основания, являющийся наиболее общим законом мышления, выражает лишь самое общее требование к мышлению. Он не указывает и не может указать, какие именно аргументы надо привести для обоснования каждого конкретного высказывания. Он выражает лишь общее требование того, что всякое истинное высказывание обязательно должно иметь логическое основание, которое и должно быть приведено тем, кто это высказывание делает. Конкретное обоснование истинности определенных научных положений — это дело специальных естественных и общественных наук, которые делают это на основе конкретного анализа действительности с помощью не только формальной, но и прежде всего диалектической логики.

Закон достаточного основания направлен против таких мыслей в наших рассуждениях, которые внутренне не связаны между собой необходимым образом, не вытекают одна из другой, не обосновывают одна другую, против нелогичного рассуждения, при котором за основание вывода или заключения берутся такие мысли и положения, которые не могут служить таковыми, или когда утверждения берутся на веру.

Ведя беспощадную борьбу с противниками нашего мировоззрения, классики марксизма-ленинизма разоблачали их благодаря тому, что вскрывали логическую и научную несостоятельность, необоснованность их выводов и рассуждений. Неумение противни-

ков марксизма логически точно и убедительно обосновывать свои утверждения, В. И. Ленин называл политической невоспитанностью. В своей статье «Спорные вопросы» он подчеркивает необходимость строгой проверки фактов и документов, приводящихся в ходе дискуссии, и не принимать на веру то, «что *доведется* услышать, о чем более «открыто» кричат, и тому подобное. Но только людей, удовлетворяющихся этим, зовут «легонькими», легковесными людьми, и никто с ними серьезно не считается [4, 23, 67—68].

Закон достаточного основания, таким образом, играет значительную роль не только в обычных, повседневных рассуждениях, но и в политической, научно-теоретической деятельности.

Следует отметить, что закон достаточного основания до сих пор вызывает дискуссии, в ходе которых некоторые логики выражают сомнение в том, что его можно причислить к законам формальной логики. Утверждают, например, что закон достаточного основания не является законом формальной логики потому, что он «имеет исключительно содержательный характер и не может быть формализован, в отличие от законов тождества, противоречия и исключенного третьего, его нельзя представить в виде формулы какого-либо логического исчисления» [156, 2, 54]. Другие логики, например В. К. Астафьев [см. 14], оспаривают эту точку зрения, указывая на то, что ни один закон формальной логики не является чисто формальным в том смысле, в каком их понимал Кант. Отражая определенные стороны действительности и действуя лишь в определенной сфере объектов, законы формальной логики не отделены китайской стеной от содержания мышления.

Правда, закон достаточного основания ограничен в своих возможностях, что объясняется тем, что он не рассматривает предмет мысли в динамике, в его движении, развитии. А это приводит к тому, что те суждения, которые являются логическим основанием для того или иного вывода, берутся в застывшем состоянии, вне их связи с конкретными условиями, что нередко приводит к ошибкам в рассуждении. Диалектическая же логика с ее принципом конкретности истины предотвращает эти ошибки.

Таким образом, закон достаточного основания, несмотря на всю свою значимость в ходе мышления, страдает определенной ограниченностью. Эта ограниченность преодолевается диалектической логикой.

Рассмотрим вопрос о том, как соотносятся между собой законы диалектической и формальной логики. Это соотношение характеризуется тем, что формально-логические законы по своему значению в познающем мышлении имеют относительно абстрактный, односторонний характер, ибо они, в отличие от законов материалистической диалектики, охватывают не весь познавательный процесс, а лишь *определенные стороны* познающего мышления, его последовательность, определенность, логическую непротиворечивость и обоснованность. Законы же диалектической логики не только охватывают и упорядочивают весь процесс научно-теоре-

тического мышления и весь процесс познания, но одновременно являются и наиболее универсальными законами бытия, законами развития всего окружающего нас мира.

Но это вовсе не значит, что с возникновением диалектической логики формально-логические законы утратили свое самостоятельное значение и в «снятом» виде поглощаются законами материалистической диалектики. Как мы видели выше, законы формальной логики сохраняют свое самостоятельное, хотя и относительно частное, значение наряду с законами диалектической логики, выполняя вполне определенные, специфические функции во всех мыслительных операциях. Эти функции законы формальной логики способны выполнять потому, что они неразрывно связаны с материальной действительностью. Во-первых, само мышление — это в известном смысле объективный процесс, совершающийся в мозгу человека, который представляет собой материальное образование. Во-вторых, элементарные законы и правила мышления выражают формы связи между мыслями, но эти связи есть не что иное, как отражение связей между предметами, явлениями материальной действительности. Например, закон тождества, являясь законом мышления (а не бытия), в то же время отражает объективно существующее относительное тождество предметов материального мира.

Существует точка зрения, согласно которой формально-логические законы после их соответствующего преобразования, которое позволит рассматривать с их помощью развивающиеся предметы, явления действительности, становятся законами диалектической логики. Так, закон абстрактного тождества формальной логики, символическое выражение которого А=А, в логике диалектической заменяется законом конкретного тождества, который также можно представить символически в виде формулы А=А и А≠А. Подобному преобразованию, по мнению сторонников данной точки зрения, подвергаются и все другие основные законы формальной логики. Закон противоречия (А не есть не-А) в диалектической логике становится законом диалектического противоречия (А не есть и есть не-А). Закон исключенного третьего (А есть или В или не-В) в диалектической логике преобразуется в закон единства утверждения и отрицания и единства противоположностей (А есть и не есть В; А есть В и не-В). Место закона достаточного основания формальной логики (А есть потому, что есть В) занимает закон конкретного основания (А есть потому, что есть совокупность взаимосвязанных, внутренне противоречивых, претерпевающих изменения оснований В, С, Д и т. д., из которых с необходимостью следует А).

Подобную точку зрения разделяет ряд авторов. Ее обоснованию советский логик В. К. Астафьев посвятил специальное монографическое исследование [см. 14]. Можно ли принять такое толкование законов диалектической логики? Думается, что на этот вопрос можно ответить: и да, и нет. Да, ибо указанные выше закономерности действительно присущи диалектической логике. Она

включает в себя и принцип конкретного тождества, и принцип диалектического противоречия, и принцип конкретного основания, которые по праву можно назвать диалектическими закономерностями. Однако эти закономерности, как нам представляется, нельзя считать *основными* законами диалектической логики, ибо подобных закономерностей в диалектической логике не четыре, а значительно больше. Сюда можно отнести такие диалектические закономерности, как объективность рассмотрения, всесторонность рассмотрения, конкретность истины и многие другие. Основными же законами диалектической логики являются, как было показано выше, основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания.

Раздел II. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Глава I. ОБЪЕКТИВНОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ

§ 1. Основные требования принципа объективности

Если все принципы материалистической диалектики свести к двум основным — к принципу *материализма* и принципу *диалектики,* то принцип объективности будет указывать на связь марксистского диалектического метода с *материалистической* традицией в философии, на его материалистический характер. Однако старая, домарксовская философия, как идеалистическая, так и материалистическая, не оставила нам последовательно научной постановки и решения проблемы «объективности рассмотрения». Основная причина этого коренилась в неверном понимании *человеческой субъективности,* старые материалисты игнорировали основную форму человеческой субъективности — чувственную практическую деятельность; идеалисты же мистифицировали ее, так как идеализм не знает материальной практической деятельности «как таковой». Лишь с выработкой основоположниками марксизма последовательно материалистического понимания человеческой субъективности стало возможным последовательно научное понимание *объективности* рассмотрения, предметности и материальной истинности мышления, рассматриваемого как со стороны результата, так и со стороны процесса. При правильном понимании практики можно обнаружить, что объективность рассмотрения фиксирует саму возможность практической деятельности как основы человеческого мира и самого этого мира.

Для того чтобы жить, люди изменяют мир; субъективная человеческая деятельность по изменению мира совершается в соответствии с объективными законами и свойствами самих вещей. Без истинного отражения объективной действительности в своем сознании человек не мог бы подчинять своей воле действие ни природных, ни общественных сил, не была бы возможной собственно человеческая жизнь и общественное развитие.

На определенном этапе своего развития общественное движение приходит к такому пункту, когда дальнейшее развитие общества невозможно без научного познания совокупного социального организма. Поставить весь социальный организм под контроль всеобщего общественного интеллекта, поднять движение и функционирование этого организма со стихийного на сознательный уровень невозможно без познания действующих в истории объек-

тивных законов, без знания объективной истины о развитии общественного организма как целого. Вот почему принцип объективности рассмотрения, который всегда лежал в основе человеческой практической деятельности и сознания, в настоящее время приобретает особенную важность. Его значение и разработка становятся чрезвычайно актуальными.

Принцип объективности рассмотрения позволяет сознательно выразить основную существенную направленность всего человеческого познания — движение к объективной истине, на основе познания которой и может осуществляться свободная деятельность человека в царстве всеобщей природной и социальной детерминации. Данный принцип выражает основную общую существенную цель и назначение материалистической диалектики, организует и подчиняет этой цели все ее формы, категории и принципы. Другими словами, все другие принципы диалектики ориентируются именно и только на достижение основной цели, решение основной задачи человеческого познания, выраженной в требовании объективности рассмотрения. Рассматриваемые через призму принципа объективности все другие принципы являются требованиями его дальнейшей конкретизации и реализации.

Принцип объективности рассмотрения абстрагирован из реального практического процесса отношения людей к природе и обществу, из материальной практики и исторического практического опыта. Во все эпохи человеческой истории философы так или иначе пытались выразить это требование.

Границы этого принципа в различные исторические эпохи, в различных обществах, у различных классов были разными, но никогда до возникновения социалистического общества они не были столь широкими, чтобы пробиться за рамки классового кругозора, стать требованием без всяких классовых ограничений, вернее, без всякой узкоклассовой ограниченности. Только на сравнительно высоком уровне общественного развития и с позиций определенного класса проблема объективности могла быть поставлена и решена научно как философская. Только с позиций класса, освобождение которого немыслимо без общечеловеческого освобождения, класса, заинтересованного в познании не только законов природы, но и законов общественной истории, можно было понять требование объективности во всем его значении и дать ему не только в жизни, но и в философии соответствующее место. Таким образом, мы можем смело сказать, что принцип объективности рассмотрения был в своем полном понимании впервые разработан в процессе выработки материалистического понимания истории *как принцип революционной практики.* Поэтому не будет преувеличения, если мы скажем, что принцип объективности рассмотрения в своей целостности и полноте есть революционный принцип, принцип революционной теории. Поэтому он и находит свое надлежащее место лишь в структуре этой теории, тогда как в каждой иной теории этот принцип или ограничивается, сообразовываясь с интересами реакционных классов и социальных групп,

или мистифицируется. До его рационального выражения в качестве неограниченного всеобщего требования не доходит ни одна другая теория, кроме материалистической диалектики. Только в этой теории происходит полное слияние требования объективности рассмотрения с партийным подходом к анализу общественных явлений.

Единство объективности и партийности является адекватной моделью рассмотрения самого принципа объективности, осмысления выраженных в этом принципе требований материализма и диалектики, требования рассмотрения вещей такими, каковы они есть, беспристрастного подхода к анализу явлений, полной объективности, т. е. беспристрастия в отыскивании истины, к которой, как говорил К. Маркс, нужно идти прямо, не оглядываясь ни вправо, ни влево. В этом смысле принцип объективности содержит в себе не требование пассивного приспособления, совпадения с тем, что есть, независимо от характера и структуры того, что есть, а *требование активности,* преобразования природного и социального данного. Принцип объективности есть принцип практического преобразования мира; и не случайно поэтому сам этот принцип был сформулирован с позиций *отрицания данного,* а не с позиций его сохранения, утверждения, т. е. он сформулирован с позиций *возможности иного,* заключающейся не только в объективных свойствах предмета, но и в человеческой практике, которая также является видом *объективного процесса* (объективно рассмотреть капитализм, например, было возможно только с позиций его отрицания, в перспективе возможности иного, обеъктивно возможного и необходимого для человека).

Требование объективности (в противоположность субъективизму и объективизму) нашло свое классическое выражение в Марксовом определении материалистической диалектики: «Диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели» [1, 23, 22].

Объективность рассмотрения (особенно при анализе социальных явлений) не есть «позитивное» понимание существующего в некритически-объективистском смысле этого слова, но представляет собой такое понимание существующего, которое включает в себя его отрицание, т. е. рассматривает существующее в развитии. Объективность рассмотрения — прямая противоположность буржуазному объективизму, ориентирующемуся лишь на теоретическое созерцание уже данного, причем такими средствами, которые в абсолютном нивелировании качественных различий одинаково применимы как к материальным вещам, так и к человеку как творчески преобразующему существу и никогда не достигают сферы изменения существующего.

Преодоление объективизма принципом объективности ознаменовало собой в историческом плане возникновение нового идеала научности, в структуру которого было включено рациональное

содержание принципа объективизма лишь в качестве одного из моментов (чем и были определены его границы и границы оправданности апелляции к нему в буржуазной и ревизионистской литературе). Это, конечно, не значит, что с выработкой марксистского принципа объективности эти апелляции прекратились; они продолжаются и по сей день, особенно в оппортунистической литературе, где они зачастую выступают как попытки подменить принцип революционной объективности буржуазным объективизмом, который изображается единственно истинным принципом познания, свободным от всякой партийной и классовой ограниченности, абсолютно беспристрастным принципом. Такие попытки, помимо прочего, исходят из устаревших, немарксистских представлений о критерии «строгой научности», из иллюзий о том, будто объективное рассмотрение имеет место только тогда, когда «рассматривающий» не стоит на какой-либо классовой позиции. Но на поверку оказалось, что эти нейтральные позиции суть типичные классовые позиции, что особенно ярко обнаруживается при анализе исторических событий. Указывая на несостоятельность попыток изобразить марксизм как вид объективизма, выражающего позицию консервативных общественных сил и поэтому непреодолимого без отказа от этих позиций во взглядах на общественную историю, В. И. Ленин писал: «Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*... Нашим нынешним квазимарксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уменье творить будущее, — совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса» [4, 14, 379].

Для того чтобы не только словесно соглашаться с требованием объективности, но и реализовать это требование в своей практической и теоретической деятельности, необходимо, следовательно, стоять на позициях самого революционного класса, с которым исторически связано *исчезновение* «превратного сознания», устранение классово ограниченного и иллюзорного отражения объективной действительности в сознании людей, причем не только в обыденном, но и в научном. Дело не в том, что классики марксизма считали классово детерминированным только мышление своих противников, тогда как мышление пролетариата они якобы считали свободным от такой детерминации — заинтересованности; дело в том, что такая детерминация у рабочего класса толкает к объективной истине, ибо его заинтересованность совпадает с требованием объективного познания проявления законов в истории, а его субъективное желание — с объективной необходимостью. Поэтому у этого класса самые большие возможности достигнуть объективности познания. Если взять эту проблему с точки зрения ее исторического становления, то можно прийти к бесспорному выводу о том, что относительно более высокой ступени объективности рассмотрения достигает тот класс, который находится на генеральной линии исторического прогресса, и что, следовательно, в процессе реализации интересов этого класса луч-

ше всего обнаруживается ограниченность и ошибочность сознания, соответствовавшего прежней форме общения и прежним традиционным представлениям об этой форме общения, «в которой действительные личные интересы и т. д. ... опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия» [1, 3, 283].

В. И. Ленин не сводил объективность рассмотрения к описанию необходимости некоторого данного ряда фактов, а связывал этот принцип с классовым сознанием пролетариата, показывая, что объективистское обоснование необходимости существующего ряда фактов всегда переходит в другую крайность — субъективизм, так как объективно существующее берется не как «исторически субъективное», т. е. исторически обусловленное, а как единственно возможная форма объективной действительности. Это нужно иметь в виду и при решении вопроса о принципе объективности рассмотрения, а именно: неправомерно рассматривать этот принцип в обособленности от марксистско-ленинского понятия науки как выражения единства теории и практики, того единства, в котором органически соединяется «строгая научность» с революционностью и критичностью. Это единство выражает сущность философии диалектического материализма, которая содержит в себе классовое сознание как программную проекцию исторических задач пролетариата, общечеловеческой эмансипации.

К. Маркс и В. И. Ленин ставили и решали вопрос об объективности рассмотрения не только в абстрактно-гносеологическом, но и в социальном плане, всегда имея в виду исторический фактор при оценке объективной значимости сознания, оценивая его с точки зрения того, насколько оно содействует общечеловеческой эмансипации — не только теоретической, но и практической, не только в сознании, но и в реальном бытии. В этом смысле объективной истинностью обладает только та мысль, которая является идейным содержанием общественной практики и в наиболее возможной, исторически определенной мере движет общество и этим в конечном счете содействует превращению его в общество свободных людей. Принцип объективности рассмотрения раскрывает полное свое значение лишь в теории и практике коммунистического преобразования общества, становится важнейшим принципом коммунистического мировоззрения, его первым и основным общим существенным принципом. Неудивительно поэтому, что именно этот принцип подвергается противниками марксизма-ленинизма самым различным извращениям. Методы, исключающие принцип объективности, не могут быть методами отыскания истины, тем более не могут быть научными, ибо *научный метод может быть только материалистическим.* Объективность рассмотрения в своем истинном значении и есть принцип материалистического мышления, природа которого впервые была раскрыта в рамках марксистского мировоззрения.

Но для того чтобы понять это, нужно прочно стоять на революционных позициях по отношению к существующему обществен-

ному порядку. Объективистское понимание объективности уводит от социализма, тогда как марксистское понимание объективности ведет к социализму. В этом можно убедиться на примере Э. Бернштейна, который особенно активно использовал объективистско-позитивистское понимание научности для отрицания возможности научно обосновать социализм и доказать (с точки зрения материалистического понимания истории) его необходимость и неизбежность. Исходя из того, что «по существу познания всегда имеется лишь одна истина», которая строится по образцу так называемой неидеологической «чистой» науки, Э. Бернштейн делает вывод о том, что говорить о буржуазной или социалистической социальной науке не менее абсурдно, чем о буржуазной физике или социалистической математике. Наука, согласно Бернштейну, свободна от тенденциозности; как познание фактического, она не принадлежит никакой партии, никакому классу. Границей науки является познание фактического, которое берется вне тенденции — вне развития определенной действительности, — так как эти «тенденции» выносятся за рамки фактического, вернее, существующего, наличного. Социализм, который содержит программу устройства будущего, не укладывается в «понятие науки» и истины, ибо с этой точки зрения он может быть лишь учением о фактически несуществующем: «Фундаментом всякой истинной науки служит опыт, вырабатывающийся совокупным знанием. Социализм же есть учение о будущем общественном строе, почему ему и недоступен наиболее характерный элемент строгой научности» [20, 26].

Наиболее характерный элемент строгой научности и объективности ревизионисты видят в отрицании возможности выхода за пределы существующего. А это действительно свидетельствует о том, что им недоступно марксистское понимание объективности. Ведь наука рассматривается ими в лучшем случае как вспомогательное средство для проведения мелких постепенных реформ с целью улучшения того, что в основе является необходимым и неизменным.

Если иметь в виду, что действительность является нам не только как данность, но и как возможность и что это не только способ, каким она является, но и отражение ее действительной структуры, то нетрудно понять, что подход к действительности с позиций объективистско-позитивистского понятия научности противоречит сущности познания, так как берет действительность только как нечто окончательно данное, не подлежащее дальнейшему преобразованию. В сознании идеологов данности возможность иного, отличного от того, что было и что есть, выступает не как «структурный элемент» существующей действительности, а как «логически неаргументированное желание», как произвольное субъективное конструирование будущего, не имеющего своего основания в настоящем и существующем. Отсюда попытка доказать, что марксизм, на манер старых утопических теорий, противопоставляет данности существующего воображаемую данность.

Но марксизм вообще не нуждается в таком противопоставлении: он видит свою задачу в том, чтобы «посредством критики старого мира найти новый мир» [1, 1, 379], чтобы из «существующей действительности развить истинную действительность» [1, 1, 380]. Следовательно, марксизм исходит из данности существующего классового общества и открывает отрицание существующего в самом существующем; он видит свою задачу не в регистрации данности, а в открытии возможностей, которые объективная данность скрывает в себе. При таком понимании вопрос о будущем устройстве общества есть вопрос о переходе существующего общества в свою противоположность. Именно вопрос о возможности отражения закономерностей этого перехода и выносится объективистско-позитивистским пониманием науки за скобки «строгой научности», ибо задачу науки оно в лучшем случае видит лишь в обосновании необходимости существующего, а не в познании законов его возникновения, изменения и исчезновения. «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов» [1, 1, 380], материалист же никогда «не ограничивается указанием на необходимость процесса...». «Таким образом, материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм» [там же], ибо «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1, 1, 380—381].

Хотя объективист прямо и открыто никогда не становится на позицию своего класса при оценке событий, в основе его рассуждений также лежит определенная классовая позиция, препятствующая достижению последовательной, глубокой и полной объективности и беспристрастности в отыскании истины о явлениях общественной жизни, законах смены одной общественной формации другой. Переход от классовых позиций, лежащих в основе объективистско-позитивистского характера сущности научного познания, на позиции пролетариата, детерминирующие последовательную и законченную объективность мышления, позволяет раскрыть действительную сущность науки, ее истинно критический и творчески преобразующий характер. Эту критически преобразующую роль науки классики марксизма никогда не противопоставляли ее познавательной функции, ибо наука без этой функции превращается либо в вульгарную апологетику, либо в лучшем случае в утопическо-романтическое фантазирование. Образцом единства этих двух аспектов науки — критически преобразующего и познавательного — является материалистическая диалектика, которой это единство сообщает высшую объективность. Безоглядный и беспристрастный поиск истины, таким образом, нельзя считать только делом личной честности ученого: это прежде всего существенная особенность науки как формы человеческой деятельности.

Включение в рассмотрение предмета соответствующей соци-

альной позиции нисколько не противоречит требованию объективности — познать то, что есть, таким, каково оно есть. Именно с этих позиций В. И. Ленин выдвинул основное требование диалектической логики: «...*объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» [4, 29, 202]. Трудность, однако, состоит в том, *как* понять нечто таким, каково оно есть, *как* доказать, что познаваемое действительно *есть, как* воспроизвести в мышлении «вещь саму по себе».

Истории философии известны три принципиально различных решения рассматриваемого нами вопроса: *материалистическое, идеалистическое* и *дуалистическое*. Большинство представителей домарксовских гносеологических школ исходило из двух основных позиций: созерцательно-материалистической, которая постулирует объект «сам по себе» и все свое внимание сосредоточивает на выяснении того, каким образом субъект может прийти к обеъктивному знанию об объекте, и идеалистической, которая исходит из субъекта как несомненно данного и интересуется только способами и формами конструирования самого объекта. Что же касается дуалистов, то они, как правило, приходят к отрицанию возможности объективного познания, ибо исключают всякую возможность соотношения материального и духовного.

Для перечисленных нами гносеологических концепций характерно то, что каждая из них исходит из той или иной абстракции (абстракции «чистого» объекта или «чистого» субъекта, «чистого» «Я» и т. п.), слишком пустой по содержанию, чтобы на основании ее можно было последовательно решить вопрос об объективности рассмотрения. Только с точки зрения общественной практической деятельности исторически данных людей можно раскрыть подлинную сущность принципа объективности рассмотрения, место этого принципа среди других принципов материалистической диалектической логики. Для марксистского понимания объективности характерно новое понимание предметности, т. е. характера самого предмета, как и ответ на вопрос о том, как мышление вообще может иметь свой предмет, какая форма деятельности преподносит реальный объект мышлению в качестве его предмета.

Материалистическая диалектика в своем понимании принципа объективности отправляется от совершенно иного понимания *предметности* и *субъекта* деятельности (и познания), что позволяет ей дать последовательно материалистическое решение проблемы. Объективность рассмотрения имеет место лишь тогда, когда «истина в себе» становится «истиной для нас» в смысле практики: «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении an und für sich. Но человеческое познание эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, улавляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики. Т. е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания» [4, 29, 193].

В. И. Ленин здесь говорит о «теоретическом познании» не для того, чтобы провести различие между так называемыми теоретическими и нетеоретическими науками, а чтобы подчеркнуть различие между марксистским материалистическим пониманием объективности рассмотрения и тем пониманием, согласно которому объективность познания состоит лишь в том, что можно заметить на поверхности явлений, и не требует проникновения в более глубокие, более фундаментальные, более устойчивые и более общие структуры действительности.

Анализ принципа объективности рассмотрения, исходя из опосредования познания материальной действительности практикой, нельзя рассматривать, как это делают современные антропоцентрические противники теории отражения, как отрицание возможности познания вещей, каковы они сами по себе, независимо от человеческой практики, от исследователя и его субъективных позиций. Если позиция объективной истины не исключает позиции практики, то, следовательно, позиция практики должна быть понята таким образом, чтобы не исключать истинного отражения. Глубокое положение о том, что человек не может познавать мир независимо от практики, современные противники теории отражения превратили в абсурдное утверждение, что человек не может познавать мир, независимый от практики. А между тем объективность рассмотрения является принципом действительной активности только тогда, когда человек *на основе практики познает то, что независимо от практики.*

Своим утверждением, что принцип объективности рассмотрения в своей высшей форме не может быть выражением пассивно-созерцательного отношения к миру, классики марксизма лишь предолевали ограниченность созерцательной философской позиции (прежде всего предшествующего материализма) и, следовательно, углубляли материализм в понимании объективности, т. е. углубляли материалистическое понимание объективности и указывали на единственно возможные пути ее постижения. Этот подход не помешал К. Марксу называть объективным такое рассмотрение (исследование), которое относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи. Оно должно выделить сам предмет, говорить языком предмета, выражать своеобразие его сущности, изменяться вместе с изменением самого предмета. Иными словами, характер самого предмета должен детерминировать способ исследования его.

§ 2. Принцип объективности и критика софистики и эклектики

Разработка материалистической диалектики как логики и теории познания включает в себя в качестве необходимого момента критику таких ее антиподов, как софистика и эклектика.

Сущность софистики и эклектики как форм метафизического способа мышления заключается в том, что они всесторонность,

универсальность, гибкость понятий, доходящую до тождества противоположностей, применяют субъективно, произвольно. Диалектика же как «высшее разумное движение» есть «гибкость, примененная *объективно,* т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его» [4, 29, 99], есть правильное отражение вечного развития мира. Основное различие софистики и эклектики (при всем их сходстве) состоит в том, что характерным приемом последней является субъективистское «выхватывание» лишь отдельных сторон предмета и их произвольное механическое соединение.

Гибкость понятия должна соответствовать движению самого объективного мира. Поэтому критерий объективности — это и есть то, чем отличается диалектика от софистики как субъективистской диалектики. Последняя есть «внешняя», поверхностная, «пустая» диалектика, которая вследствие своего произвола и субъективизма не доходит, по выражению В. И. Ленина, до «диалектики в самом предмете». Для софистики и эклектики характерно предельное «раздувание» релятивного, относительного и полное исключение абсолютного. По поводу этого В. И. Ленин в «Философских тетрадях» писал: «NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» [4, 29, 317].

Софистика и эклектика не достигают внутреннего, сущности, законов существования и развития данного предмета, т. е. выступают как поверхностная, «внешняя, пустая диалектика». Они отрывают явление от сущности, отвергают последнюю, подменяют главное второстепенным, существенное несущественным, что исключает возможность познания глубинных связей и причинных зависимостей. Софистика и эклектика произвольно выхватывают случайные признаки, игнорируя необходимость, часть объявляют целым, единичное всеобщим, смешивают абстрактное, «затемняют» конкретное.

Для софистики и эклектики характерны внешняя убедительность, иллюзорная правильность их «доводов», поверхностная правдоподобность, псевдодоказательность «обосновываемых» ими положений. Доказательство (а строго говоря, лишь «уверение в истинности») здесь строится, «не касаясь самого предмета», заведомо ложные выводы маскируются, прикрываются наукообразными, «солидными» фразами и модными терминами. Это и создает видимость того, что речь идет об объективной истине, а не об «истине», нужной, выгодной субъекту, что не протаскиваются идеи и взгляды, обусловленные его корыстными классовыми интересами и сугубо личными мотивами.

Весьма специфическая особенность софистики и эклектики — игра в слова, чисто словесное искусство «выворачивания наизнан-

ку» понятий, терминов и выражений, преувеличение формальных аспектов познания в ущерб содержательным. Они не только подменяют одни понятия другими, но и паразитируют при этом на многозначности слов, их семантической многоплановости, не исследуют конкретное содержание выражаемых ими понятий. Софистика и эклектика стремятся подменить объективные значения чисто схоластическими рассуждениями, выдать заблуждение за истину с помощью обычно замаскированных словесных манипуляций и субъективистских логических уловок, основанных на нарушении принципов формальной и диалектической логики. Это в конечном итоге и позволяет «явно ложными доводами» «доказать» то, что выгодно субъекту (индивиду, социальной группе, классу), соответствует его интересам и желаниям, оправдать любые неблаговидные дела, «обосновать» все, что угодно.

Классики марксизма отмечали, что софистика и эклектика, как правило, находятся на вооружении у представителей того класса, интересы которого не совпадают с объективными закономерностями социального развития, и потому их «логика идей» расходится с «логикой вещей». Идеологи отживших классов берут на вооружение «целый букет» софистических и эклектических приемов, с помощью которых они стремятся закамуфлировать свои подлинные цели, замаскировать свое действительное классовое лицо, скрыть свое настоящее «нутро» и тем самым ввести людей в заблуждение.

Вот почему В. И. Ленин считал важным «уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро» [4, 6, 70]. Так, говоря о «чудовищном» извращении марксизма «героями» II Интернационала, В. И. Ленин совершенно четко и вполне определенно указывает, что если говорить о философских основах данного явления, то дело сведется к подмене диалектики эклектизмом и софистикой. Каутский — великий мастер такой подмены» [4, 37, 242]. Последовательная «реализация» этих основ и привела в конечном счете к тому, что Каутский, овладев искусством быть марксистом на словах, стал в практически-политическом отношении «лакеем» буржуазии, полностью отрекся от марксизма. Завершая свою книгу «Пролетарская революция и ренегат Каутский», В. И. Ленин дает совершенно четкий ответ на вопрос, что же все-таки «за душой» у «теоретизирующих столпов» II Интернационала: «...мещанский эклектицизм против марксизма, софистика против диалектики, филистерский реформизм против пролетарской революции» [4, 37, 338]. Но В. И. Ленин не остановился на этой констатации, а пошел дальше, глубже, к корням и истокам этого «против». А истоки эти заключаются в том, что каутскианство как идейное течение, будучи продуктом разложения II Интернационала, является вместе с тем неизбежным плодом идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков.

Усиление эклектизма и широкое использование софистических приемов для фальсификации марксизма под прикрытием псевдомарксистской терминологии, для обеления империализма и подрыва социализма (под видом его «совершенствования») — характерная черта современных буржуазно-реформистских ревизионистских концепций. Нынешние ревизионисты, «советологи» и «марксологи» пытаются «синтезировать» марксизм с самыми различными по своему содержанию направлениями и школами буржуазной философии: экзистенциализмом, антропологией, структурализмом, концепциями франкфуртской школы и т. п. Подобное «обогащение», «улучшение» марксизма сопровождается, как правило, изгнанием из него материалистической диалектики (хотя не всегда это делается открыто), подменой ее софистикой и эклектикой.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что критика софистики и эклектики, разоблачение используемых ими приемов и средств для «обоснования» антинаучных взглядов — одна из актуальных задач в плане диалектико-материалистического применения принципа объективности рассмотрения.

Глава II. ВСЕСТОРОННОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ

Принцип всестороннего рассмотрения предмета познания в той или иной степени всегда олицетворял стремление человека к познанию объективной истины в ее целостности. Целостный охват в познании, фиксирование всех сторон и опосредований, выделение сущности, определение условий превращения возможности в действительность, причинной обусловленности — вот далеко не полный перечень вопросов, которые раскрывают содержание принципа всесторонности рассмотрения. Научная реализация этого принципа возможна лишь на основе диалектико-материалистического метода. В. И. Ленин не случайно охарактеризовал диалектику «как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии». Всесторонность, целостность познания — существенная черта материалистической диалектики.

В диалектической логике принцип всесторонности рассмотрения реализуется в системе всеобщих категорий. Выступая как итог и сумма всего опыта познания, диалектическая логика способствует всесторонности рассмотрения любых конкретных предметов человеческого познания. В связи с расширением роли и значения теоретического познания в современной науке возрастает методологическая роль также и принципа всесторонности.

Принцип всесторонности имеет два существенно различных, но диалектически связанных аспекта: эмпирический и теоретический.

Существенное отношение, выделение которого составляет предпосылку всестороннего рассмотрения предмета в теоретическом

познании, должно отвечать по крайней мере одному важному требованию. Оно должно быть действительно всеобщим, включающим богатство особенного и единичного, т. е. быть потенциально конкретным или абстрактным выражением конкретного. Становясь теоретическим, познание более полно отвечает указанным требованиям. Так, в истории философии понятие материи вначале выделяется не как всеобщее. Античные материалисты отождествляют всеобщее с теми или иными конкретными формами существования материи: водой, воздухом, огнем, землей и т. д. Материя будет пониматься как всеобщее лишь в том случае, если она будет взята в единстве со своими важнейшими атрибутами.

Неполную абстракцию исходного существенного отношения предмета можно отметить также в ранний период истории политической экономии. Как показал К. Маркс в «Теории прибавочной стоимости», физиократы, например, не смогли возвыситься до всеобщего определения труда, как источника стоимости, составляющего всеобщее существенное отношение любой общественно-экономической формации. Производительным физиократы считали только земледельческий труд. Ограничение труда в качестве существенного отношения одним из его конкретных видов противоречит всеобщему определению последнего. Поэтому политическая экономия более позднего периода концентрировалась вокруг этого центрального пункта теории.

Всеобщее отношение может быть выражено в плане исходной абстракции, откуда «начинается процесс целостного воспроизведения предмета в единстве всех его сторон, т. е. отношений, связей и формообразований» [86, 119]. В истории наук, развивающихся по пути все более полного и глубокого познания своего предмета, становление их теоретического метода сопровождается выявлением полноты содержания исходной научной абстракции, где выражаются наиболее существенные связи и отношения в еще неразвитой, абстрактной форме.

В «Капитале», например, Маркс выделяет стоимость как простейшее существенное отношение капиталистического способа производства. Товар как носитель стоимости не просто одна из реалий последнего, наряду с множеством других, например с деньгами, капиталом и т. д. В действительности товар есть единственная простейшая и в то же время всеобщая форма развития всего капитализма в целом. В. И. Ленин подчеркивает эту мысль указанием на то, что в товаре содержатся зародыши всех противоречий капитализма. «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост, *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца»» [4, 29, 318]. Развитие и разрешение противоречий исходного существенного отношения предмета, выраженного в исходной научной абстракции,

служит верным методом реализации принципа всестороннего рассмотрения на теоретическом уровне.

Первая проблема, с которой сталкивается всестороннее познание, — это проблема исходной «клеточки», начала творческого познания как начала восхождения от абстрактного к конкретному. Основным логическим критерием исходной научной абстракции являются простота и всеобщность. Эти основные критерии органически взаимосвязаны. Например, в товаре, в этой простейшей реальности, выражены и всеобщие формы бытия капитализма, правда, в неразвитом, абстрактном виде [см. 9]. Проблема исходной «клеточки» теоретического познания успешно реализуется также в биологических науках. Здесь имеется в виду развитие и познавательное значение таких понятий, как «клетка», «условный рефлекс», «ген» [см. 170].

В каждом конкретном предмете стороны, образующие противоречие внутреннего отношения, различны. Однако у этого многообразия имеются также некоторые общие закономерности, которые находят свое выражение в поступательном развитии самого существенного отношения.

Существенное отношение предмета в качестве единства соотношения с собой и соотношения с другими выступает прежде всего как соотношение части и целого. В первом случае предмет есть целое, в единстве с другим он — часть. Предмет является тем и другим одновременно, в чем и состоит его противоречивость. Отношение части и целого содержит в себе противоречие между самостоятельностью и взаимной обусловленностью указанных определений. «...Каждое из этих двух определений, — отмечает Гегель, — благодаря своей самостоятельности и отделению от другого переходит в несамостоятельность и в другое определение» [43, V, 621]. Это противоречие Кант выразил в антиномии о делимости материи. Рассмотрение материи в категориях части и целого исторически и логически необходимо и приводит к обнаружению глубокого объективного противоречия в самой сущности материи. Однако это противоречие ошибочно считать неразрешимым, противопоставлять определение вещи как целого ее столь же существенному определению как части. В действительности, как показал В. И. Ленин, делимость материи на части (до бесконечности) отнюдь не исключает ее субстанциальности и целостности.

Противоречивость существенного отношения в виде отношения категорий части и целого постоянно обнаруживает себя в развитии научного познания. Так, например, в 1897 г. Томпсон открыл электрон, что свидетельствовало о делимости атома. Примерно в это же время были сделаны открытия, обнаружившие относительность ранее считавшихся абсолютными свойств материи, возник методологический кризис. Вслед за идеалистами некоторые физики стали утверждать, будто материя «исчезает». Выяснилось, что определение целого, каковым материя является объективно, понималось в форме, исключающей соотношение с частью. В свя-

зи с делимостью атома материю, наоборот, стали противопоставлять ее субстанциальности. В этом метафизическом противопоставлении действительно противоположных определений части и целого в применении к материи сказалось незнание тогдашними физиками диалектики.

Согласно диалектике противопоставление части целому, обособление одного из них обнаруживает их взаимное превращение: часть, стоящая вне целого, сама есть целое, тогда как это последнее в качестве чего-то существующего вне и наряду с частью само есть не более, как такая же часть. «Их самостоятельность есть лишь их отрицательное единство» [43, V, 629].

В современной физике переход к квантовому уровню познания тесно связан с проблемой элементарности. Так, В. Гейзенберг отмечал, что одним из истоков квантовой теории «явилась сформулированная в 1900 г. идея Планка о дискретных уровнях энергии в атомных системах». На основе этой системы Эйнштейн «предложил гипотезу о существовании нового объекта, а именно кванта света, или ...фотона» [47, 81]. Вначале казалось, что открытие этой элементарной формы материи устраняет противоречие между волновой и корпускулярной теориями света. Однако уже в 1924 г. Луи де Бройль высказал предположение, что этот дуализм может также играть роль и для электронов, что в данном случае возможно существование чего-то такого, что было бы подобно волнам материи. В 1928 г. Дирак выдвинул гипотезу о позитроне, образующемся в результате поднятия электрона до положительного состояния энергии. «Быть может фотон, — заключает Гейзенберг, — поднимая электрон из отрицательного энергетического состояния в положительное, порождает электронно-позитронную пару» [47, 85]. Эта последняя форма элементарности представляет собой существенное отношение, посредством которого вещество выражается в единстве с энергией и, следовательно, с движением, или, как выражается Гейзенберг, «трансмутацию энергии в материю». В результате экспериментального подтверждения гипотезы о возникновении электронно-позитронных пар в физике появилась возможность отказаться от метафизического противопоставления части и целого в трактовке проблемы элементарности. Оказывается, в качестве целого может выступать любая «элементарная» частица, хотя она и не «состоит» из порождаемых ею при взаимодействии частиц. Так, в процессе распада ядро, состоящее из протонов и нейтронов, может излучать электроны и нейтрино, если имеется достаточно энергии для их порождения. Эти физические представления вполне согласуются с такими моментами диалектики категорий части и целого, как признание того, что целое есть одновременно свой собственный момент и что часть в моменте соотношения с самой собой тождественна целому.

Следующим, более глубоким отношением является отношение, выражаемое в категориях *внутреннего* и *внешнего*. Единство внутреннего и внешнего образует единство противоположностей по содержанию.

Принцип всестороннего рассмотрения включает в себя, с одной стороны, изучение вещи самой по себе в ее обособленности, ее внутренней структуры как многоразличных отношений и связей, с другой — это выявление всех связей и опосредствований отдельного явления с окружающей действительностью. Этот последний момент познания всесторонности В. И. Ленин сформулировал как особый элемент диалектики: «...вся совокупность многоразличных *отношений* этой вещи к другим» [4, 29, 202]. На необходимость же рассмотрения вещи самой по себе В. И. Ленин по существу указывает в целом ряде сформулированных им элементов диалектики. Так, он указывает на необходимость рассматривать *«развитие»* этой вещи (respective явления), ее собственное движение», а также «внутренне противоречивые *тенденции* (и стороны) в этой вещи», «вещь как сумму, единство, борьбу и развертывание ее противоположностей» [там же].

Познание внутреннего и внешнего в их взаимодействии осуществляется как единый диалектический процесс на любом уровне познания, однако в собственно теоретической форме оно выступает лишь на высоком уровне развития научных дисциплин. Так, категории внутреннего и внешнего употребляются для познания таких конкретных целостностей, как организм, психическая деятельность человека, общественные отношения и другие целостные предметы, существенные стороны которых находятся в таком соотношении, когда «каждое есть как раз через другое то, что оно есть в себе, т. е. тотальность отношения». Поэтому здесь то, что «нечто есть, оно есть целиком в своей внешности, его внешность, его тотальность, она есть также и его рефлектированное в себя единство. Его явление есть рефлексия не только в другое, но и в себя, и его внешность есть поэтому проявление во вне того, что оно есть в себе...» [43, V, 635].

В «Капитале», например, стоимость и потребительная стоимость рассматриваются Марксом соответственно как внутренняя и внешняя общественные формы существования труда, единство которых осуществляется через их противоречие. В анализе форм стоимости Маркс дает глубочайшие образцы развития и разрешения противоречий исходного существенного отношения предмета исследования.

В развитии форм стоимости Маркс, в частности, анализирует противоречие между всеобщим характером стоимости (внутреннего) и единичной и особенной формами выражения указанной всеобщности. Согласно диалектике категорий внутреннего и внешнего, первое не должно выступать в виде особого содержания наряду с внешним. Противоречие внутреннего и внешнего в простом меновом отношении Маркс формулирует следующим образом. Здесь «один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга» [1, 23, 58]. В простом меновом отношении не находят еще отражения обратная связь и обратный переход противоположностей.

В анализе форм стоимости взаимодействие внутреннего и внешнего завершается их полным слиянием во всеобщем эквиваленте, в котором общественное отношение — стоимость — «срастается» (К. Маркс) с веществом природно существующего драгоценного металла. Маркс подчеркивает, что во всеобщем эквиваленте стоимость получает и внешнее наличное бытие. С другой стороны, развитие предмета (формы стоимости) ведет также и к противоположному результату, а именно к тому, что противоположности — внутреннее и внешнее — сами «овеществляются», распадаясь на внешние друг другу существования. Маркс отмечает, что в результате развития обмена товар «раскалывается» на самостоятельный образ его внутренней стоимости в виде всеобщего эквивалента, с одной стороны, и на собственно товар — с другой. Таким путем обнаруживается, что единство внутреннего и внешнего в развитом виде реализуется не в товаре самом по себе, а в процессе обращения *товаров*. В ходе развития предмета противоречие не только разрешается, но и углубляется.

В определенных практических и познавательных ситуациях для полной реализации принципа всесторонности необходимо выделение субстанциального «свойства» исследуемого явления. Субстанциальное «свойство» не является обыкновенным, рядовым свойством. Рядовое свойство существует лишь наряду с другими, предполагает и одновременно исключает другие свойства.

Относительность свойств, их изменчивость обнаруживает вместе с тем основание и субстанцию явлений. Зависимость свойств друг от друга, а тем самым и переход их друг в друга происходят не непосредственно, но опосредуются лежащей в их основе субстанцией. Свойство, определяющее остальные свойства предмета, является субстанциальным. В работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» В. И. Ленин определил профсоюзы как школу коммунизма. Это основное и главное в определении профсоюзов, от которого зависят все остальные производные определения. В особенном и отдельном, таким образом, представлено всеобщее, природа предмета и его сущность. В указанной работе, имеющей принципиальное значение для понимания принципа всесторонности, В. И. Ленин пишет о профсоюзах: «Не „с одной стороны, школа, с другой — нечто иное", а *со всех сторон*... *„школа"*...» [4, 42, 292]. Логика всесторонности рассмотрения заключается не в эклектическом соединении всех сторон предмета, а в выделении главного (субстанциального) момента, от которого зависит бытие всех остальных моментов.

Сторонники эклектической «методологии», по словам В. И. Ленина, «громоздят» один довод на другой, занимаются «серьезным» разбором мелочей, рабски описывают лишь внешнее, случайное, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, оставляя в стороне «основу», главную сторону предмета. В итоге вместо подлинной — мнимая всесторонность, чисто эмпирическая, количественная многосторонность, лишь видимость

«всестороннего учета», иллюзия «более детального» рассмотрения. По этому поводу В. И. Ленин писал: «При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития» [4, 33, 21].

Эклектика служит методологическим основанием не только оппортунизма, но и всего антикоммунизма, в том числе и буржуазной идеологии. Так, в качестве основы социальной структуры общества современными буржуазными социологами принимаются не классы, а всякие внесоциальные группы, слои населения, которые разделены по профессиям, возрасту, продолжительности жизни и т. д. Подобные эклектические концепции называются «теориями» социальной стратификации, мобильности и т. п.

В историческом познании эклектика выражается также в отказе от идеи целостной, глобальной истории и в стремлении к раздроблению ее путем выделения различных структур, серий, квантов и т. д. Дробление и эклектическое соединение различных структурных компонентов общества дает возможность комбинировать их по своему произволу, т. е. чисто субъективистски. В результате утрачивается объективность и всесторонность рассмотрения общества. При таком подходе «смазывается» тенденция прогрессивного развития общества от капитализма к социализму. Эклектическая реконструкция истории есть попытка сохранить статус-кво капитализма. «...Теоретики серийной, кватитативной истории не случайно избрали для себя в качестве эвристической гипотезы отрицание идеи всеобщего. Расчленение исторической реальности на серии, уровни, подсистемы и обоснование ненужности для историка согласования, упорядочения отдельных элементов общества в целостную систему нацелены на то, чтобы избавить историю от «религии прогресса». Последовательное применение научного метода с неизбежностью приводит историческое исследование к выводу, что общество — это динамичная, развивающаяся система с внутренне присущими ей источниками развития, что качественные изменения в обществе имеют прогрессивную направленность. Напротив, расчлененная историческая реальность как идеал и как высший смысл серийной истории открывает возможности для любых произвольных комбинаций отдельных общественных элементов и для различных спекуляций на этой основе в отношении идеи прогресса» [15, 188—189].

В определениях класса, нации, государства и всех других общественных явлений В. И. Ленин неизменно выделяет главный и определяющий признак. Таков императивный подход к принципу всесторонности рассмотрения, обеспечивающего требование учета всех сторон предмета, а также условий и обстоятельств его существования с тем, чтобы быть как можно больше застрахованным от ошибок и просчетов. «Чтобы действительно знать пред-

мет, — отмечал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» [4, 42, 290].

Принцип всестороннего рассмотрения наиболее полно может быть реализован, когда рассматриваемый предмет развит и представляет собой относительно завершенную целостную систему. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что капиталистический способ производства полнее можно объяснить лишь на высшей ступени его зрелости. Именно на этом основании классики марксизма, подчеркивая научную объективность теорий физиократов А. Смита, Д. Рикардо и др., отмечали вместе с тем историческую ограниченность теорий, в которых предмет отражен лишь в процессе становления, т. е. до момента его зрелости.

Реализация принципа всесторонности возможна на теоретическом уровне познания. Вместе с тем там, где имеется развитая на основе указанного принципа теория, теоретическое понимание всесторонности оказывает обратное методологическое влияние на любое эмпирическое исследование и находится в органическом единстве с последними. «Всестороннее рассмотрение предмета, — подчеркивают в этой связи Ф. Кумпф и З. М. Оруджев, — представляет собой процесс эмпирического выделения его сторон и теоретического изучения внутренней связи этих сторон на основе субстанционального отношения, преобразующего сами эти стороны предмета как отношения, формы движения одного и того же содержания» [86, 134—135].

Глава III. ПРИНЦИП ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Источником принципа определенности теоретического мышления в объективной реальности является закон перехода количественных изменений в качественные. Всякая определенность вещей, явлений есть характеристика либо качества, либо количества. Но их изменения, переходы включают в себя объективно и элемент неопределенности.

Качественная определенность вещей связана с их структурой («системное качество») и единством свойств, отличающих данный предмет от остальных. Неопределенность в случае «системного качества» (или коренного качества) имеет место в момент перехода от одного качества к другому. В переходный момент всегда имеет место единство элементов предыдущего и последующего качеств, форм развития предмета. В случае же изменения качества как определенного единства свойств граница между качествами «размыта» (неопределенна) в еще большей степени. В этом случае вообще невозможно установить, когда *началось* превращение одного качества в другое. Можно, например, установить начало революции по первым же революционным актам (захват власти, установление новой формы собственности и т. д.), но невоз-

можно установить точно границу, когда отдельная совокупность рабочих, возрастая количественно, превратилась в класс. Качественная неопределенность является, таким образом, моментом изменения качества.

Так же обстоит дело и с соотношением количественной определенности и неопределенности. Количественная неопределенность совпадает с односторонней (или «дурной») бесконечностью. Любой отрезок линии можно продолжать до бесконечности, любой ряд чисел (натуральных или дробных) можно продолжать до бесконечности, которая неопределенна. В реальной действительности, «наполненной» непрерывными процессами, движениями, эта неопределенность не оказывается камнем преткновения и «преодолевается» самим реальным движением, изменением вещей. Так, например, тело преодолевает расстояние от А до В за конечный промежуток времени, несмотря на то, что оно делимо до бесконечности, а тело не может миновать ни одной из точек этого отрезка и должно пройти их. Неопределенность бесконечности преодолевается тем, что действительное движение как бы «облекает», «заключает» бесконечность в конкретную форму, «оконечивая» ее. Если неопределенное бесконечное есть первое отрицание конечного, то истинное, определенное бесконечное есть возвращение снова к конечному, которое теперь не противоречит бесконечному, а само выступает формой бесконечного. Это — закон движения любого конечного предмета. Например, если взять возрастающий числовой ряд, то он может осуществляться в любой пропорции: а) 1, 2, 3, 4, 5 и т. д.; б) $\frac{1}{2}, \frac{3}{4}, \frac{4}{8}$ и т. д.; в) 3, 6, 12, 24 и т. д. Все эти и любые другие числовые прогрессы (или регрессы, если взять последовательное убывание чисел) уходят в неопределенную бесконечность, выраженную с помощью одинакового «и т. д.», хотя сами числовые ряды совершенно разные. Однако математика давно нашла способ освоения бесконечностей в их определенности. Так, по формуле арифметической прогрессии $a=a_1+d(n-1)$ где a_1 — первый член прогрессии, d — разность прогрессии, n — номер взятого члена) мы можем судить о характере бесконечности, к которой ведет арифметическая прогрессия, и вычислить любой член по формуле арифметической прогрессии $a=a_1-g^{n-1}$ (где a_1 — первый член, g — знаменатель прогрессии, n — номер взятого члена) мы можем вычислить любой член геометрической прогрессии.

В ответ на утверждение немецкого ботаника Негели, что «мы можем познавать только конечное», Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал, что «это положение нуждается вместе с тем в дополнении: «по существу мы можем познавать *только бесконечное*». И в самом деле, всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность, заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма все-

общности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности, она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» [1, 20, 548—549]. В конце концов мы можем сказать, что «бесконечное столь же познаваемо, сколь и непознаваемо, а это все, что нам нужно» [1, 20, 549]. Конечно, вся совокупность единичностей бесконечна и не может быть исчерпана не только в силу конечного количества познающих голов, но прежде всего в силу объективной неисчерпаемости всей бесконечной совокупности единичностей. Количественная бесконечность неопределенна вне того способа (определенной формы) существования, который регулирует в качестве закона движение *каждой* единичности данной бесконечности.

Отсюда видно, что количественная неопределенность *относительна*; она существует лишь как момент количественной определенности, подчинена ей. С другой стороны, неопределенность выступает как *форма проявления определенности:* общий закон эмпирически, фактически проявляется, выступает в действительном мире, получает свое выражение как случайное скопление единичных фактов, явлений, событий и т. д., которое могло бы быть и иным. *Неопределенность обладает объективным бытием в случайности.* Неопределенность необходима в той мере, в какой необходима случайность. Отличие неопределенности и случайности друг от друга в том, что случайность дана актуально, а неопределенность — это потенциальная случайность, случайность в возможности. Нет ничего неопределенного в том, что в стручке оказались три горошины, хотя это чистая случайность. Нет также ничего неопределенного в том, что игрок А выиграл первую шахматную партию у игрока Б, который играет с ним «на равных». Но эта победа игрока А так же случайна, как и поражение, если бы оно имело место. Неопределенностью характеризовалась ситуация накануне созревания стручка и игры в шахматы игроков А и Б.

Однако все вышеприведенные примеры носят эмпирический характер и служат лишь наглядной демонстрацией только отдельных сторон объективно существующей определенности. Внутренняя сторона явлений, процессов действительности характеризуется единством, в котором определенность преобладает, что же касается неопределенности, то она выступает в качестве момента определенных изменений сущности предмета, и в силу своей относительности сама неопределенность определена, ибо выступает в качестве формы выражения, проявления определенных изменений сущности. Определенность связана с наличием конкретной формы явлений, движения, изменения, процесса и т. д. Форма актуальна, придает определенность процессу, движению, явлению. Поэтому внутренняя форма предмета, которая совпадает с его структурой, характеризует его необходимую определенность. Внешняя же форма, совпадающая с некоторой совокупностью свойств, характеризует случайную определенность предмета, которая изменчива, менее устойчива, больше зависит от внешних условий и обстоятельств.

В теории вероятностей неопределенность также связана с *возможностью случайных* характеристик каждого события, элемента множества. Каждое событие случайно, и закономерности статистические базируются именно на «игнорировании» конкретных характеристик какого-либо отдельного события, элемента множества. Относительность неопределенности здесь заключается в том, что поведение отдельного элемента множества (например, молекулы газа или жидкости) неопределенно *по отношению* к общему закону (закону Бойля — Мариотта, например), как это имело место и в случае принципа неопределенности Гейзенберга, где неопределенность в поведении микрообъекта имела место *по отношению* к определенной траектории его движения и точным значениям импульсно-энергетических характеристик последнего.

В теории информации неопределенность связана с возможностью случайных сообщений. Происходит ограничение многообразия: получатель информации (вольно или невольно) как бы выбрал часть существующих элементов организации, структуры, переводя возможность информации в ее действительность. И здесь *по отношению* к структуре, форме полученной информации вся совокупность элементов, организация материи является неопределенной.

Имея в виду лапласовский детерминизм, претендовавший на абсолютную предсказуемость любого сколь угодно отдаленного будущего события, если точно заданы все исходные параметры Вселенной в настоящем, Л. Бриллюэн замечает, что в «классической механике *нет строгого детерминизма,* особенно когда мы помним о том весьма важном факте, что система не «задается», а *изменяется с ограниченной точностью*», в прошедшие периоды времени. В начальных условиях всегда существует некоторая экспериментальная неопределенность, которая с течением времени постепенно возрастает» [24, 202]. Другими словами, даже в классической механике лапласовский детерминизм в полной мере неприменим. По Б. Бриллюэну, таким образом, неопределенность в классической механике выступает как неточность «измерений» исходных данных в эксперименте. Но это не характеризует объективность неопределенности. Между тем объективная неопределенность заключается в том, что нет ни одного механического движения, которое бы абсолютно «точно» осуществлялось в соответствии с тем или иным законом механики, т. е. для описания того или иного действительного движения тела необходимо учитывать влияние внешних факторов, которое может быть весьма большим или незначительным, но никогда не равно нулю. Поэтому реально нет абсолютно равномерного и прямолинейного движения тел, инерция у разных тел в разных условиях различна, но всегда существует в конечной (случайной) форме, не существует абсолютно точных эллиптических траекторий в движении небесных тел и т. д. и т. п. Поэтому каждое осуществленное механическое движение и действие представляет собой реализацию одной из бесчисленных случайных возможностей отклонения от «абсолютной нормы»

(«чистого» действия), и неопределенность движения существует *по отношению* к этой вполне определенной «норме». И каждая случайная форма осуществления, реализации этой определенной «нормы», закона движения вполне подчиняется ему.

Таким образом, общая определенная необходимость выступает как определенность, включающая в себя элемент неопределенности осуществления, реализации через ту или иную определенную случайную форму, и лишь реальное движение, в ходе которого эта необходимость осуществляется, становится действительностью, преодолевает эту неопределенность, придавая общему закону (необходимости) конкретную форму.

В логике мышления всегда ставился вопрос о необходимости избавляться от неопределенности: неопределенность всегда рассматривалась как отрицательная величина в познании, как злая необходимость или просто признак отсутствия ясности. В таком подходе заключена лишь доля истины и его нельзя абсолютизировать. В познании абсолютизация определенности ведет к догматизму, а абсолютизация неопределенности — к релятивизму и агностицизму. И поскольку «крайности сходятся», абсолютная определенность догматизма оборачивается абсолютной неопределенностью, ибо безмерная претензия догматических положений, рассчитанных на все времена и состояния, не компенсирует отсутствия связи с конкретными формами проявления в каждой ситуации, которые только и придают общим положениям окончательную определенность.

В. И. Ленин подчеркивал, что в познании различие между абсолютной и относительной истиной «настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» [4, 18, 138—139]. Абсолютизация неопределенности в познании ведет к фидеизму, агностицизму, идеализму и софистике. Практический критерий познания также включает в себя момент неопределенности, на что В. И. Ленин также обращал особое внимание, подчеркивая, что он «настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [4, 18, 146].

Абсолютная истина всегда выступает в форме относительной истины как ее момент, а относительная истина включает в себя также элементы неполноты, неточности и заблуждения. Поэтому абсолютная истина никогда не существует в «чистом» виде, точное отражение предмета всегда воплощается, реализуется через свою противоположность — неточность, отклонение от абсолютно точного отражения предмета. Относительная истина есть случайная форма осуществления абсолютного знания, она поэтому вно-

сит элемент неопределенности в процесс абсолютного, безграничного человеческого познания. Ф. Энгельс писал: «...Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно. Однако у этого абсолютного познания есть серьезное «но». Подобно тому, как бесконечность познаваемого материала слагается из одних лишь конечных предметов, так и бесконечность абсолютного познающего мышления слагается из бесконечного множества конечных человеческих голов, которые работают над этим бесконечным познанием друг возле друга и в ряде сменяющих друг друга поколений, делают практические и теоретические промахи, исходят из неудачных, односторонних, ложных предпосылок, идут ложными, кривыми, ненадежными путями и часто не находят правильного решения даже тогда, когда уткнутся в него носом (Пристли» [1, 20, 549].

Таким образом, в развитии человеческого познания (и практики) существует неопределенность, связанная с переходом от общего принципа, сущности к конкретным, случайным формам реализации.

Неопределенность случайной формы осуществления общего закона (в процессе его реализации, перехода из возможности в действительность) оказывается не чем иным, как моментом перехода одной противоположности в другую: общего — в частное, абстрактного — в конкретное, простого — в сложное, одного качества — в другое. То, что выступает в качестве жестких и точных границ, разделяющих вещи и явления, состояния и ступени, есть не что иное, как переходы, которые не только разделяют, но и соединяют их в промежуточных звеньях.

В процессе развития определенность становится результатом *формирования* предмета: с формированием предмета определенность возрастает, а неопределенность уменьшается. Последняя же возрастает по мере нашего возвращения к возможности, потенции действительной формы предмета. Определенный ребенок, например, это неопределенная личность. Ф. Энгельс потому и писал о белке как основе возникновения жизни, что когда он будет изготовлен химическими методами «в том определенном или, вернее, неопределенном виде, в котором он потенциально содержит в себе все другие формы белка (причем нет нужды принимать, что существует только один вид протоплазмы), то диалектический переход будет здесь доказан также и реально, т. е. целиком и полностью» [1, 20, 571].

Таким образом, формирование предмета есть процесс преодоления неопределенности развитием, когда структура предмета становится зрелой, развитой и тем самым исключающей другие альтернативы (возможности). Определенность, таким образом, есть начало, процесс и результат, а неопределенность — момент исходного и переходного состояний.

Уничтожить форму — значит уничтожить определенность предмета, но именно *данную определенность*. В практике «дея-

тельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (=меняет те или иные ее стороны, качества»...» [4, 29, 199]. Общетеоретическое само по себе, пока противостоит конкретному объективному миру, еще неопределенно. Оно обретает определенность, воплотившись в ту или иную конкретную форму.

Проделанный анализ понятий определенности и неопределенности раскрывает нам объективные основы логического принципа определенности. В основе последнего лежит, как видим, закон перехода количественных изменений в качественные, связанный со скачкообразным переходом одного качества в другое в процессе превращения возможности качественно новой формы движения предмета в ее действительность.

В мышлении воспроизводится та же диалектика, но в субъективной форме. Здесь неопределенность может даже превалировать над определенностью, определенность может быть абсолютно противопоставлена неопределенности и превратиться в догму, а тем самым в свою противоположность — лишенную определенности и содержания фразу и т. д. Но специфика принципа определенности заключается именно в субъективной форме действия, а не только в негативных свойствах. Определенность в мышлении связана с соблюдением законов логики и обеспечивает *конкретность* истины, которая вне соответствующей системы знания превращается в свою противоположность — в заблуждение.

Ф. Энгельс в работе «Положение Англии», обсуждая различные социалистические доктрины, сложившиеся к 40-м годам XIX в. в Европе, писал: «Выводы — ничто без того развития, которое к ним привело, — это мы знаем уже со времен Гегеля, — и выводы более чем бесполезны, если они превращаются в нечто самодовлеющее, если они не становятся снова посылками для дальнейшего развития. Но выводы должны принять на время определенную форму, они в развитии своем должны освободиться от расплывчатой неопределенности и сложиться в ясные мысли, и тогда они, — во всяком случае, у такой чисто эмпирической нации, как англичане, — неизбежно должны принять форму "моррисоновых пилюль"» [1, 1, 585]. Ф. Энгельс, вслед за Гегелем, связывал с развитием мыслей не только определенность, но и неопределенность как неотъемлемую, необходимую черту этого развития. Определенность мыслей обеспечивается теми конкретными следствиями, которые сопоставимы с эмпирическим миром фактов. Каждая *эмпирическая форма* явления случайна по отношению к самому общему теоретическому положению. Она даже часто противоречит ему. Общее теоретическое положение обретает определенность тогда, когда оно доведено до конкретных, особенных выводов, имеющих прямое отношение к эмпирическому миру фактов с их случайными формами проявления сущности исследуемого предмета. Принцип определенности, следовательно, требует доводить общие теоретические положения до конкретных

следствий. Общее (в «Капитале» К. Маркса, например, прибавочная стоимость) неопределенно по отношению к особенному и конкретному (например, по отношению к прибыли, ренте, проценту, с которыми реально имеют дело люди в эмпирическом мире). Поэтому прибавочная стоимость (объективно всеобщее) обретает конкретность, лишь воплотившись в особенные формы своего существования. В них она становится действительной. Однако, с другой стороны, всякий общий закон, всякая научная абстракция определеннее (потому что однозначнее) эмпирического мира явлений, где необходимость еще не отделена от случайности, от случайных форм проявления. Поэтому В. И. Ленин писал, что абстракция «*материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [4, 29, 152].

Относительность противоположности определенности и неопределенности действительно имеет место (общее определенно по отношению к эмпирическому многообразию случайностей, но неопределенно по отношению к конкретным, особенным формам своего существования). Но она выявляется путем конкретной постановки вопроса об уровне (теоретическом и эмпирическом) рассмотрения предмета. Например, с помощью общего закона хаотическое скопление эмпирических фактов приобретает определенный («логический») смысл и ясность. Различные концепции истории ставили перед собой задачу «внести смысл» в историю, раскрыть закон, регулирующий исторический процесс смены событий. Так, теория стоимости К. Маркса «внесла смысл» в хаотическую игру цен, имевшую место в эмпирическом мире обмена товаров, где в каждом единичном акте обмена цены меняются от случая к случаю неопределенным образом.

С этой точки зрения принцип определенности позволяет раскрывать определенное в неопределенном, т. е. за неопределенностью обнаруживать определенность, ведь общий закон в каждом отдельном случае проявляется случайным, «неповторимым», отличным образом.

Принцип определенности позволяет доводить знание общего теоретического закона до необходимой конкретной формы, в которой он реализуется, и следовательно, действителен. Так, например, закон нормы прибавочной стоимости еще непроделенен по отношению к законам прибыли, ренты и процента, которые прямо сопоставимы с эмпирическим, фактическим положением вещей. Так же обстоит дело и с законом гравитации, который противоречит фактам «невесомости» космонавтов в орбитальных полетах, следовательно, невесомости самих движущихся планет или факту свободного падения тела, где, по видимости, притягиваются не оба взаимодействующих тела, а лишь одно к другому и т. п. Однако этот общий закон Ньютона получает свое действительное выражение в более конкретных законах эллиптического движения планет, свободного падения тела и т. д.

Оба указанных аспекта теоретического принципа определенности имеют большое практическое значение для научного предвидения. В научном предвидении определенность всегда тесно связана с неопределенностью. Но научное предвидение избегает неопределенности тем, что не отрицает, не игнорирует ее, а сохраняет, утверждает ее до определенных границ. Дело в том, что предвидение, исходя из того или иного закона или системы законов, формулирует общий принцип будущего вне конкретной формы, которая только и делает этот общий принцип конкретным и действительным. И предвидение, если оно является последовательно теоретическим, не претендует на предсказание конкретной формы осуществления конкретной формы будущего. Так, К. Маркс и Ф. Энгельс предсказали историческую неизбежность установления диктатуры пролетариата в результате пролетарской революции. Однако они воздержались от указаний относительно государственной формы, которую примет диктатура пролетариата, пока первый опыт в 1871 г. (Парижская коммуна) не подсказал, что это будет демократическая республика. Точно так же обстояло дело с предвидением самого коммунизма как состояния общества будущего. В противоположность утопическим социалистам К. Маркс и Ф. Энгельс не «разрисовали» общество будущего в его конкретных деталях, а только провозгласили общие принципы первой и второй его фаз («от каждого по способностям, каждому по труду» — для первой фазы и «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — для второй). Гегель был совершенно прав, критикуя утопистов за их пророчества относительно будущего, заявляя, что воображение слишком мягкий материал и на нем можно запечатлеть все, что угодно [см. 43, VII, 16]. Но, с другой стороны, он ошибался, полагая, что для предвидения будущего теоретическое мышление, философия выступает слишком поздно [см. 43, VII, 17—18]. Отсюда консерватизм гегелевской философии, в которой применительно к государству, например, ставится задача познания «разума как розы на кресте современности», для которой «нахождение удовлетворения в последней, эта разумная точка зрения есть *примирение* с действительностью» [43, VII, 16].

По поводу нового, подлинно научно-теоретического способа предвидения, открытого марксизмом, В. И. Ленин писал: «Всякий знает, что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только... Всякий знает, что, например, «Капитал» — это главное и основное сочинение, излагающее научный социализм — ограничивается самыми общими намеками насчет будущего, прослеживая только те... элементы, из которых вырастает будущий строй. Всякий знает, что по части перспектив будущего неизмеримо больше давали прежние социалисты, которые со всеми подробностями разрисовали будущее общество» [4, 1, 186—187].

Эта особенность теоретического предвидения, оставляющая в будущем элемент неопределенности (касающейся конкретных форм осуществления принципа), имеет огромное практическое значение не только по части предвидения общественного развития. История знает немало примеров, когда ученые открывали тот или иной принцип, не располагая никакими научными и техническими способами их реализации. При этом они часто избегали всяких измышлений по части той формы, в которой этот принцип должен быть реализован, осуществлен. А когда это и делалось, то неудачи не свидетельствовали о ложности самого принципа. Проблема конкретной формы оставалась для них неопределенностью, и они не распространяли ее на сам общий принцип. И это свидетельствовало об их гениальности. Ярким примером может служить принцип реактивного двигателя К. Э. Циолковского.

Таким образом, проведение границы между общим принципом, которому подчиняется будущее явление, и формой его реализации, которая, с одной стороны, пока неопределенна по сравнению с самим принципом, но, с другой стороны, делает последний определенной реальностью, действительностью, когда уже осуществится, — является неотъемлемым условием теоретического предвидения будущего. Этим теоретическое предвидение отличается от предвидения на обыденном уровне знания, которое всецело относится к форме осуществления движения вещей (охотник может предсказать конкретное поведение зверя в той или иной обстановке в зависимости от обстоятельств, скотовод, садовод, ремесленник, кузнец и т. д. и т. п. предвидят результаты своей деятельности и даже планируют их наступление почти во всех главных деталях). Теоретическое предвидение отличается от эмпирического тем, что не включает в себя предвидение отдельных свойств в их количественных выражениях, что присуще эмпирическим расчетам. Вспомним предвидение Менделеевым химических элементов, не открытых в его время («эка-алюминия», например), или прогнозирование, используемое в хозяйственном планировании, и т. д. В отличие от предвидения на обыденном уровне, основанном на опыте, эмпирическое предвидение основано на знании отдельных научных законов. Теоретическое предвидение основано на знании системы теоретических законов.

Принцип определенности связан также с вопросом об определении понятия. Определение понятия необходимо для выделения существенного признака предмета, отражаемого в содержании понятия. Такие определения, которые имеют целью выделить специфический признак предмета и тем самым «найти предел (границу), отделяющую предметы, охватываемые данными понятиями» [76, 355], являются дефинициями, открытыми традиционной логикой. «Все дефиниции, — писал Ф. Энгельс, — имеют в научном отношении незначительную ценность» [1, 20, 84]. «Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Для того чтобы выяс-

нить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» [1, 20, 634—635].

Основным способом формального определения понятия, который лежит в основе большинства других определений, открытых формальной логикой, является определение через ближайший род и видовое отличие. Например, можно определить человека как животное, способное производить орудия труда. Отождествление человека с животным есть указание на родовой признак, а характеристика его способности производить орудия труда есть указание на его «видовое» отличие, на его специфический (причем весьма существенный) признак. Но это глубокое определение человека (через выделение существенного признака) еще не раскрывает сущности его как системы общественных отношений. Целостная сущность предмета не может быть раскрыта с помощью одной или целой совокупности дефиниций. Недостаток дефиниций прежде всего в том, что они указывают лишь на *свойство*, пусть даже специфическое и весьма существенное, но только свойство, не раскрывая ни особенных форм, ни тем более внутренней структуры предмета.

В теоретическом познании используются определения, совокупность, единство которых представляет собой раскрытие целостной сущности предмета. Но эти определения даются в той последовательности, в которой развертывается сущность предмета. Каждое из таких определений абстрактно по сравнению с целостной сущностью предмета, но в единстве все они дают конкретное понятие сущности предмета.

Что же представляют из себя эти определения? Теоретическое определение формулируется как необходимое отношение — теоретический закон. Однако это необходимое отношение является единством противоположных понятий, поддающихся дефиниции. Поэтому теоретическое определение включает в себя дефиниции, их отношения, но не сводятся к ним. Например, определение стоимости как количества общественно полезного труда, опредмеченного в товаре, есть вместе с тем формулировка теоретического закона стоимости (товары обмениваются друг на друга в соответствии с количеством труда, затраченного на производство каждого из них). В этом определении выражено необходимое отношение (связь) между такими противоположностями, как труд (живая деятельность человека) и товар (мертвый предмет, связанный, однако, с деятельностью человека). И труд, и полезный предмет (товар) отдельно являются объектами дефиниций.

В теоретическом определении обязательно сопоставляются друг с другом противоположные понятия, в то время как в дефи-

нициии менее общее понятие подводится под более общее. Уже первое теоретическое понятие в классической механике — категория инерции определяется в форме формулировки закона: всякое тело находится в одном и том же состоянии покоя или движения, пока внешняя сила не выведет его из этого состояния. Анализ показывает, что теоретическое понятие инерции действительно является преодолением противоположности массы и движения. Если у Кеплера масса еще не выступала как отрицание, «импотенция» движения, сопротивление ему, то в теоретическом законе инерции масса не только «сопротивляется» движению, но также «сопротивляется» и его остановке. Тело поэтому может до бесконечности находиться либо в состоянии покоя, либо в состоянии движения. В этом сущность инерции. Точно так же первое начало термодинамики в определении Гельмгольца связывает *сохранение* и *превращение* энергии друг с другом, являясь формулировкой теоретического закона.

В материалистической диалектике все определения категорий построены по принципу связывания противоположных понятий друг с другом. В формальной логике такое определение называют определением понятия через противоположность. Но такое определение не является формальным, так как может быть дано только на теоретическом уровне. Например, определение случайности как формы проявления необходимости до XIX в., как показал Энгельс, вообще выглядело недопустимой нелепостью. И первой формой естественнонаучного понимания этой связи послужило открытие Дарвина. Т. е. лишь на основе возникшей теоретической биологии стало возможным понимание *внутреннего единства* необходимости и случайности, эмпирические представления о которых существовали еще с древних времен.

Определение материи до возникновения марксизма не давалось как определение понятия через противоположность. Материя бралась всегда в эмпирически обобщенной форме либо первокирпичиков мироздания (земля, огонь, апейрон, атомы и т. д.), либо как та или иная форма явлений (вещество). Другими словами, материя бралась как онтологическое, а не гносеологическое, философское понятие. Между тем марксизм впервые показал, «что нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» [4, 18, 149]. В. И. Ленин поэтому дает «необычное» для традиционного подхода определение материи: «Признание той философской линии, которую отрицают идеалисты и агностики, выражается определениями: материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении и т. п.» [там же].

Некоторые критики марксизма пытаются представить это определение как по меньшей мере несовершенное и неопределенное, совместимое с объективным идеализмом, поскольку-де и объективная идея существует вне сознания человека и т. д. Од-

нако ленинское определение материи является подлинно теоретическим. Во-первых, по своему содержанию оно является формулировкой основного закона материалистической философии — закона первичности и познаваемости материи и вторичности познания. Во-вторых, оно не абсолютизирует тот или иной элемент, состояние, форму движения материи, не является ее онтологической характеристикой, заимствованной из других наук. В-третьих, оно направлено против субъективного идеализма, отрицающего объективность и независимость материи от сознания, ощущений и т. д. В-четвертых, оно направлено против агностицизма, отрицающего принципиальную познаваемость материи через наши ощущения, восприятия. Наконец, в-пятых, оно направлено против объективного идеализма, рассматривающего внешний мир как воплощение или выражение духовной субстанции, которая чувственно невоспринимаема, в то время как материя воспринимаема именно посредством органов чувств.

Универсальность, присущая теоретическим понятиям, — характерная черта ленинского определения понятия материи. Это определение не ограничивается односторонним выделением специфического свойства, признака предмета (такие определения рано или поздно сводятся на нет обнаружением исключающего его признака, свойственного тому же предмету, или отсутствием подобного признака у такого же предмета, как это имело место в истории классификации живых организмов в биологии, которые, начиная с Линнея, каждый раз перестраивались, пока не возникла теоретическая биология и на ее основе систематика Геккеля), а представляет собой выделение всеобщего необходимого отношения, которое лежит в основе всякого специфического, особенного свойства предмета, даже если это свойство противоречит другим свойствам предмета, исключает их. Мы видели, что теоретическое понятие гравитации, формулируемое как закон силы притяжения тел, объясняет эмпирические явления невесомости (когда притяжение и отталкивание количественно равны друг другу), свободного падения тела и т. д., которые вполне можно определить через подведение под родовое понятие. Таким образом, теоретическое определение свободно от угрозы полной неопределенности, проникающей извне, когда познание неожиданно обнаруживает свойство, сводящее на нет исходное определение. Ленинскому определению материи «угрожает» лишь дальнейшее обогащение его содержания. Такова же судьба всех подлинно теоретических определений.

Особенность теоретического определения в том, что оно не сводится на нет другим определением и не «исправляется» им, а развивается дальше, т. е. сохраняется в следующем определении или по крайней мере «дополняется» им. В результате формируется конкретное общее понятие предмета как его «исчерпывающая определенность», по удачному выражению Гегеля.

Принцип определенности является также эффективным средством идеологической и политической борьбы коммунистов про-

тив проводников буржуазной идеологии — ревизионистов, оппортунистов и др. — в рабочем движении. В. И. Ленин всегда придавал огромное значение выявлению за неопределенными лозунгами различных оппортунистов их истинных, весьма определенных политических и философских позиций. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин на примере махизма показал, что всякие попытки отойти от борьбы партий в философии не могут ввести в заблуждение подлинных марксистов, которые дали научный анализ и критику махизма. В первых трех главах указанной работы В. И. Ленин показал «*по всей линии* гносеологических вопросов *сплошную реакционность* эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки *идеализма и агностицизма*» [4, 18, 379]. В. И. Ленин подчеркивал, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденцию и идеологию враждебных классов современного общества» [4, 18, 380].

В политической борьбе ясное определение понятий для коммунистов имеет весьма принципиальное значение, ибо неопределенность, неясность понятий, позиций представителей буржуазных и оппортунистических партий мешает трудящимся в определении их отношения к самим партиям и событиям политической жизни и т. д. В. И. Ленин поэтому предостерегал социал-демократов против того, чтобы верить, будто кадеты — главные представители буржуазной демократии: «всякая неясность в определении социал-демократами понятия «буржуазная демократия» играет на руку этой лжи» [4, 12, 351].

Таким образом, принцип определенности в диалектической логике, как видим, имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Глава IV. ПРИНЦИП КОНКРЕТНОГО ТОЖДЕСТВА

В формальной логике важную роль играет закон тождества. В соответствии с ним всякое понятие и выражающее его слово тождественны, т. е. каждая мысль, которая приводится в данном рассуждении, умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же определение, устойчивое содержание и смысл [см. 76, 520—521].

Безусловно, в своих рассуждениях мы не должны путать смысл слов и употреблять одни и те же слова в различных значениях и смыслах. Это требование важно для любой науки. Если, например, в рассуждениях экономистов речь идет о ренте, то, безусловно, они должны иметь в виду либо феодальную, либо буржуазную ренту. Это два разных понятия, и поэтому термин «рента» не может быть в одном и том же рассуждении, в одной

и той же мысли употребляться в разных смыслах. Однако такое тождество, хотя и является необходимым условием правильного рассуждения, истинного мышления, не достаточно для понимания природы теоретического мышления, отражающего структуру противоречивых переходов в движении и развитии вещей, явлений и процессов. И здесь такое тождество необходимо, но оно слишком абстрактно для отражения более сложных структур переходных состояний, которые невозможно понять с помощью одного только тождества, оторванного от различия.

Важнейший принцип марксистской диалектики — единство противоположностей. Именно в свете этого основного положения следует анализировать принцип конкретного тождества, играющий важную роль в понимании природы, общества и мышления. «*Диалектика*, — писал В. И. Ленин, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга» [4, 29, 98]. Именно с этих позиций метафизическая абсолютизация абстрактного тождества подвергается критике со стороны марксизма.

Формальная логика безразлична к противоположности диалектики и метафизики в вопросах движения и развития. Поэтому ее законы вполне могут быть использованы в рамках как диалектической, так и метафизической концепции. Развитие без противоречия, без тождества противоположностей можно вполне принять на основе закона абстрактного тождества, что метафизика и делает. Тем самым она превращает закон формальной логики в категорию метафизического метода. Формальная логика не рассматривает иной вид тождества, метафизика же возводит абстрактное тождество в абсолютный принцип.

Обращаясь к истории вопроса, мы можем говорить о наличии и разработке закона тождества в философской системе Аристотеля, именно им были впервые сформулированы абстрактные логические принципы. «Поэтому очевидно, — писал он, — что тождество есть некоторого рода единство бытия либо вещей числом более чем одна, либо одной, когда ее рассматривают как нечто большее, чем одна (например, когда о ней говорят, что она тождественна самой себе, ибо в этом случае ее рассматривают как две)» [11, 1, 158]. Аристотель различал «тождество», «инаковость» и «различие». «Инаковость» односторонне противостоит тождеству, в то время как различие есть их единство. «Различными называются вещи, которые, будучи инаковыми, в некотором отношении тождественны друг другу, но только не по числу, а или по виду, или по роду, или по соотношению, т. е. род которых неодинаковый, а также противоположности и те вещи, в сущности которых заключена инаковость» [там же]. Аристотель не рассматривал единство тождества и различия как единство противоположностей, взятых в одном и том же отношении и в одно и то же время. Поэтому конкретное тождество как структура переходов в развитии не стало предметом его анализа.

Вообще в домарксовской философии проблема соотношения тождества и различия и прежде всего выведения из абсолютного (абстрактного) тождества реально существующих различий оставалась камнем преткновения. Исключение составляет философия Гегеля.

В философской системе Гегеля отнюдь не отрицается необходимость абстрактного (или формально-логического) тождества, указывается лишь на принципиальную недостаточность последнего, его ограниченное значение по сравнению с диалектическим понятием конкретного тождества как основного определения сущности. «*Истина*, — подчеркивает Гегель, — *достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью*» [43, V, 485]. Подвергнув критике как абстрактное тождество, так и абстрактное различие, Гегель дал определение противоречия как единства того и другого и таким образом поставил вопрос о тождестве и различии по-новому. «*Тождество и различие*, — писал он, — суть моменты различия, заключенного внутри него самого; они суть *рефлектированные* моменты его единства» [43, V, 499]. Отношение противоположностей, заключающих в себе момент тождества, рассматривается Гегелем как противоречие, ибо «различие вообще есть уже противоречие *в себе*» [43, V, 509]. И далее он подчеркнул, что «отрицательное, противостоящее положительному, имеет смысл лишь в указанном соотношении с этим своим другим; оно, следовательно, содержит последнее *в своем понятии*» [43, V, 515—516]. Таким образом, всякая конкретная вещь обладает внутренней противоречивостью, так как находится в многообразных отношениях со всеми другими вещами, бывает сама собой и другими одновременно.

Основной итог гегелевских размышлений о тождестве таков: тождество конкретно, т. е. представляет единство различного вопреки своей непосредственной видимости. Однако конкретный анализ диалектического тождества был дан только в марксизме.

Основоположники марксизма разрабатывали проблему диалектического тождества, как и все вопросы диалектики, в процессе конкретного исследования социально-экономических реалий современного им капиталистического общества, в то время как у Гегеля категории выступают «как что-то предсуществующее, а диалектика реального мира — как их простой отблеск» [1, 20, 519].

Ф. Энгельс, вслед за Гегелем, анализировал ограниченность закона тождества, критиковал его абсолютизацию метафизическим мировоззрением. «*Принцип тождества*, — писал он, — в старо-метафизическом смысле есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе. Все считалось постоянным — солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот принцип в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и

другой». И тем не менее естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение. — Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени...[1]» Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество» [1, 20, 530—531].

Конкретное тождество как закон объективной реальности существует повсеместно, без всяких исключений. Абстрактное тождество, безусловно, также существует объективно, но лишь как сторона, момент тождества конкретного. Абстрактное тождество само по себе есть продукт нашей абстракции, отвлечения от внутренних различий в процессах изменения, переходах состояний, качеств вещей и явлений друг в друга. Каждый предмет находится в процессе изменения, и поэтому он в каждый данный момент времени *тождествен* самому себе и вместе с тем отличен от самого себя, т. е. *не тождествен* самому себе.

В XX в. во многих работах по формальной логике стали появляться специальные рассуждения, сопоставляющие понятия тождества, изменения и развития. Смысл этих рассуждений сводится к тому, что закон тождества не противоречит идее развития и вообще изменения вещей. Но в таких рассуждениях нет особой актуальности и надобности. Марксизм не считает закон абстрактного тождества несовместимым с идеей развития. Закон абстрактного тождества *безразличен к противоположности метафизической и диалектической* концепций развития. Можно говорить о развитии без скачков, прерывов постепенности, противоречий и т. д., соблюдая при этом закон абстрактного тождества. Но можно говорить о развитии и по-другому, опять же соблюдая закон абстрактного тождества. Однако для этого необходимо представить развитие как цепь скачков, прерывов постепенности, как противоречие, т. е. единство, *тождество противоположностей.* Вот почему конкретное тождество как тождество различного и даже противоположного выступает в качестве *принципа* диалектической логики.

В обыденной жизни и часто в эмпирической науке проводились и проводятся весьма жесткие разграничительные линии между предметами и явлениями, которые, однако, размываются при бо-

---

[1] Во времена Ф. Энгельса наука еще не знала микромира с его мгновенными превращениями элементарных частиц друг в друга.

лее пристальном и глубоком взгляде на вещи с высоты теоретического уровня познания. Начиная с XIX в. наука сплошь и рядом имеет дело с переходными состояниями, сочетающими в себе противоположные свойства, т. е. свойства, присущие как исходному, так и конечному состоянию процесса. Поэтому абсолютно резкие разграничительные линии несовместимы с теорией развития. Известны организмы, сочетающие в себе свойства животных и растений (росянка и др.), а между живой и неживой природой находятся вирусы и другие образования, которые сочетают в себе черты как химических кристаллов, так и живых организмов, не будучи ни тем ни другим.

И хотя все эти переходные состояния тождественны сами себе, наука не может ограничиться лишь констатацией подобного тождества, которое не определяет ни направления, ни стадии изменения, развития предмета. Недостаточно, например, сказать, что росянка во всех случаях есть росянка, а не нечто другое. Важно выяснить ее место в системе живых организмов как звена в эволюции видов. Точно так же недостаточно указать на то, что мелкая буржуазия есть мелкая буржуазия и ее нельзя путать с капиталистами и рабочими. Важно выяснить, какое место занимает мелкая буржуазия в капиталистическом обществе. А она сочетает в себе свойства как класса капиталистов, так и класса рабочих, потому что мелкий буржуа сам труженик, с одной стороны, и является в то же время частным собственником — с другой. Другими словами, он тождествен как трудящемуся, так и капиталисту. Существуют и такие мелкие буржуа, которые хоть и трудятся сами, но вместе с тем используют и наемный труд. Они в большей степени тождественны капиталистам. Или, например, в переходный период от одной экономической формации к другой бесполезно ставить вопрос о том, что это за общественно-экономическая формация. Социально-экономический и общественно-политический строй в этот период тождествен как предшествующей, так и последующей общественно-экономической формации, не будучи ни тем ни другим. Являясь тождественным самому себе (в полном соответствии с законом абстрактного тождества), он вместе с тем тождествен и другим укладам, общественным системам, отличным от него. И диалектика здесь не довольствуется лишь тем, чтобы фиксировать это различие, ибо в таком случае остается неясной сама природа переходного состояния в развитии общества.

Общий смысл конкретного диалектического тождества заключается в том, что самые различные и даже противоположные явления (в силу материального единства мира) тождественны друг другу и поэтому могут вступать в связь друг с другом и превращаться друг в друга. Так, например, элементарные частицы тождественны друг другу в силу того, что являются лишь различными вещественными формами одной и той же энергии, превращаясь друг в друга непрерывно. Открытие и исследование элементарных частиц выявило тождество многообразных атомов,

структура которых до того оставалась неизвестной. Тождество качественно различных атомов, состоящих из одних и тех же элементарных частиц, послужило основанием для допущения возможности их взаимопревращения, что и было позже подтверждено экспериментально.

Процесс познания есть непрерывное воспроизводство тождества различного и противоположного. Образ предмета, вещи, свойства всегда отличен от него, никогда абсолютно не совпадает с ним, но в то же время тождествен ему с точки зрения структуры. С точки же зрения субстрата образ противоположен отражаемому предмету, он является *субъективным* образом объективного предмета. В этом смысле тождество мышления и бытия существует, но это не абстрактное тождество, а тождество противоположностей, т. е. их единство.

Понятие тождества рассматривается В. И. Лениным как аналогичное понятию единства противоположностей, но последнее шире по своему объему и, безусловно, включает в себя тождество как необходимый момент отношения противоположностей. Различие терминов «тождество» и «единство» несущественно. В. И. Ленин писал: «В известном смысле оба верны» [4, 29, 317]. Но, переходя к анализу основных элементов диалектики, В. И. Ленин имел в виду различные формы единства и не ограничивался констатацией несущественности различия этих терминов. Говоря о тождестве противоположностей, он охарактеризовал его как превращение противоположностей друг в друга. Единство же противоположностей предполагает многообразие отношений между различными сторонами противоречия. Тождество противоположностей, например, представляет собой аспект этого единства.

Кроме того, термины «тождество» и «единство» не следует смешивать потому, что первый может означать и абстрактное тождество, и конкретное тождество. В последнем случае мы можем говорить о диалектическом единстве. Оно включает в себя тождество как момент отношения. Другим моментом единства является различие. Но диалектическое единство не есть простая совокупность тождества и различия, а представляет собой процесс взаимодействия различных и противоположных вещей, явлений, понятий, есть процесс их взаимных переходов — переходов, которые становятся возможными благодаря конкретному тождеству между ними.

Термины «тождество» и «совпадение» одинаковы по смыслу. Однако «совпадение» не является философским термином. Классики марксистской философии часто пользовались этим словом как метафорой, как синонимом тождества.

Конкретное тождество всегда имело место не только в объективном мире, но и внутри самого познания. Так, в любом предложении, писал В. И. Ленин, «листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п.», «есть *диалектика*», ибо «противоположности (отдельное противоположно общему) тож-

дественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное» [4, 29, 318].

Но такого рода предложения (и даже более сложные) использовались человеком с древнейших времен. Поэтому конкретное тождество имело место в мышлении человека во все времена. Однако то, что делает конкретное тождество принципом мышления, — это его функция выступать в качестве содержания мышления (это, впрочем, относится и к остальным диалектическим законам развития). Человеческое мышление как одно из явлений мира не может не подчиниться законам диалектики. Но лишь тогда эти законы превращаются в принципы мышления, когда они изучаются мышлением, независимо от того, в общем, «чистом» виде (часть предмета логики) или в особенной форме химических, биологических, экономических и иных процессов.

Конкретное тождество всегда имеет место не только в объективном мире, не только в самом познании, но и в отношении к внешнему миру. Это находит свое отражение, например, в совпадении исторического и логического. «С чего начинает история, — писал Ф. Энгельс, — с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме» [1, 13, 497]. Исторический и логический методы исследования суть два аспекта исследования одного и того же развивающегося объекта. В литературе нередко пишут так: логический метод воспроизводит теорию системы, а исторический — историю системы [см. 156, 2, 352]. но с этим нельзя согласиться, ибо получается, что один метод воспроизводит теорию, а другой — историю. В действительности оба метода воспроизводят и теорию, и историю одновременно. Ф. Энгельс, разбирая различия этих двух методов, противопоставляя их друг другу, подчеркивал вместе с тем их совпадение, говоря, что логический метод, в сущности, является тем же историческим методом, только «освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [1, 13, 497].

Таким образом, логическое и историческое не только различны, но и тождественны. Их тождество состоит в том, что оба метода друг без друга невозможны, немыслимы. Исторический метод содержит в себе логический, а последний также в себе содержит исторический. Вне подобного соотношения это были бы не научные методы, но либо абстрактная схема вне конкретной истории, либо описание случайных исторических фактов без выявления сущности, что было бы в действительности не менее абстрактной схемой. Ф. Энгельс, определяя логическое как исправленное историческое, в то же время отмечал, что «логическое развитие... нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [1, 13, 499]. Кроме того, тождество этих методов обнаруживается в принципе их совпадения, взаимопревращения.

Этот принцип был разработан Гегелем. Он установил, что, во-первых, индивидуальное сознание на различных ступенях развития есть не что иное, как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием; во-вторых, логика развитого мышления совпадает с историей формирования этой логики. В логике Гегеля логическое развертывание категорий совпадает с историей возникновения категорий.

Всесторонне этот принцип разработан К. Марксом в «Капитале». Маркс впервые установил, что проблема совпадения исторического и логического имеет два аспекта: во-первых, совпадение логического отражения познания с историей развития предмета и, во-вторых, совпадение логического отражения предмета с историей его познания. Не только исторический, но и логический метод рассмотрения, по существу является также отражением истории объекта, т. е. развития, пройденного объектом с момента его возникновения до настоящего времени. Ход движения мыслей поэтому не может не совпадать, хотя бы в общем и целом, с действительным развитием самого исследуемого объекта. Марксов анализ капиталистического способа производства в «Капитале» начинается с категории товара, исторически послужившего исходным пунктом развития капиталистического способа производства.

Как развитие истории, так и его отражение в логическом методе рассмотрения совершается от простого к сложному. Всякое развитие, включая и историческое, можно представить как ряд ступеней, связанных друг с другом, так что любая последующая является отрицанием предыдущей и вместе с тем содержит ее в себе как элемент. Поэтому исторически последующая стадия всегда богаче и сложнее исторически предшествующей. Так происходит в истории, так должно происходить и в логическом способе мышления, восходящем от абстрактного к конкретному. «Товар» — самая абстрактная категория, с которой начинается логика исследования буржуазных производственных отношений в «Капитале», является одновременно и простейшей категорией, выражающей наиболее простое экономическое отношение буржуазного общества. Вообще «более простая категория, — писал Маркс, — может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, то есть отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [1, 12, 728—729].

Однако логический метод рассмотрения имеет свои отличительные черты, свидетельствующие о его относительной самостоятельности по отношению к историческому.

Логический анализ зрелого капитализма, данный Марксом в «Капитале», содержит и его историю, даже тогда, когда она спе-

циально не изучается. Вот почему В. И. Ленин писал, что в «Капитале» даны история капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее.

Важнейшим выводом из разработанного К. Марксом соотношения исторического и логического является установление тенденции развития исследуемого предмета, научное предвидение. В борьбе с враждебной рабочему классу буржуазной и ревизионистской идеологией марксизм выдвинул конкретно-исторический подход в противовес их абстрактному методу изучения явлений и процессов реальности. Этот метод включает в себя несколько моментов: во-первых, выяснение того, «как известное явление в истории возникло», т. е. изучение генезиса исследуемого предмета; во-вторых, «какие главные этапы в своем развитии явление проходило»; в-третьих, выделение самого существенного звена в этой цепи развития явления; в-четвертых, выявление основной тенденции его дальнейшего развития.

Методологическое и мировоззренческое значение конкретно-исторического подхода для научного познания и практики огромно. Особенно важно понимать и последовательно применять этот принцип к решению задач развития теории и социалистического переустройства общества.

Необходимость всестороннего учета конкретных особенностей каждого этапа общественного развития в тесной связи с глубоким изучением социальных закономерностей является основой марксистского подхода к изучению явлений социальной действительности. В нем нет метафизического противопоставления тождества различию, общего особенному, повторяемости неповторимости. Марксизму, использующему конкретно-исторический подход к рассмотрению явлений объективной реальности, принципиально чужды как наделение атрибутом всеобщности тех или иных отдельных черт социальных явлений, схематизм, перенесение значения этих черт на все без исключения социальные процессы, так и недооценка особенного, специфического в изучении того или иного социального явления.

Таким образом, принцип конкретного тождества является одним из наиболее общих принципов материалистической диалектики, ему присущи многообразное, в том числе социально-экономическое и политическое содержание. Принцип конкретного тождества является одним из важных элементов в структуре теоретического мышления, отражающего в наиболее адекватной форме глубинные, диалектически противоречивые и многообразные процессы действительности.

Глава V. ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА

По мере накопления знаний о свойствах и связях исследуемого объекта, расчленения их на единичные и общие, качественные и количественные характеристики возникает необхо-

димость их объяснения, выведения из других свойств и связей. На этой ступени развития познания вступает в действие принцип детерминизма, выражающий обусловленность одних материальных образований, свойств и состояний другими материальными образованиями, свойствами и состояниями, зависимость одних от других.

Объективную основу принципа детерминизма составляют всеобщность причинной обусловленности явлений, наличие необходимых связей и закономерностей изменений материальных образований, подчинение их функционирования и развития соответствующим законам. Данный момент подчеркивается многими авторами, анализирующими проблемы детерминизма [см. 70, 7; 62, 52].

Среди всеобщих форм бытия, составляющих объективную основу принципа детерминизма, определяющей является причинно-следственная связь, хотя она и представляет собой лишь частичку всеобщей взаимосвязи явлений, но такую частичку, которая обусловливает переход материи из одних своих качественных состояний в другие, преемственность в движении и развитии, а вместе с этим и вечность бытия. Учитывая это обстоятельство, некоторые авторы рассматривают причинно-следственную связь в качестве простейшей ячейки, из которой можно вывести все другие формы детерминации [см. 71; 85, 67]. В анализе принципа детерминизма мы тоже будем исходить из причинности как простейшего отношения, составляющего основу всех других форм детерминации.

§ 1. Принцип причинности, его основные требования

Причинность как особый вид взаимосвязи явлений действительности уходит своими корнями во взаимодействие, выражает его связь с изменениями, которые оно вызывает. В самом деле, в связи с тем, что материальные образования представляют собой относительно устойчивые системы движения, они не просто сосуществуют, а воздействуют друг на друга и вызывают друг в друге соответствующие изменения. Взаимодействие тех или иных материальных образований по отношению к возникающим во взаимодействующих образованиях изменениям будет выступать в качестве причины, а сами изменения — в качестве следствия. Если это взаимодействие не лишает самостоятельности вступающих в него образований, то оно представляет собой внешнюю причину по отношению к возникающим изменениям. Например, взаимодействие движущихся навстречу друг другу металлических шаров, вызвавшее изменение направленности и скорости их движения, будет внешней причиной. Шары и после столкновения продолжают существовать как относительно самостоятельные целостные образования.

Если же вступившие во взаимодействия материальные образования вызывают друг в друге такие изменения, которые приво-

дят к возникновению нового относительно устойчивого образования, то такое взаимодействие составит внутреннюю причину по отношению ко всем возникшим в результате него изменениям. Например, взаимодействие двух атомов водорода и одного атома кислорода, обусловившее возникновение нового образования — молекулы воды, будет составлять внутреннюю причину по отношению к появившимся в результате этого новым свойствам, характерным для воды как особого вещества.

Итак, причина — это взаимодействие материальных образований, вызывающее соответствующее изменение в них; следствие — изменения, возникающие во взаимодействующих материальных образованиях в результате их взаимодействия.

Поскольку все материальные образования представляют собой относительно устойчивые системы движения и в силу этого являются активными, воздействуют друг на друга и вызывают соответствующие изменения, постольку причинно-следственная связь является всеобщей, она охватывает все материальные образования. Именно она является формой выражения внутренней активности материи [см. 13, 34], формой связи направленного взаимодействия [см. 140, 52].

Всеобщность и объективность причинно-следственной связи признают не только сторонники диалектического материализма, но и многие представители современной буржуазной философии. Так, например, канадский буржуазный философ Р. Бредли пишет: «Каждое событие имеет причину» [178, 98]. Причинно-следственная связь входит в структуру каждого явления и по мнению американского философа М. Ризера. «Некаузальный мир, — отмечает он, — состоял бы из фактов (фактум — сделанное) без факторов (фактор — тот, кто делает), что внутренне противоречиво» [209, 85].

Вместе с тем многие буржуазные философы отрицают объективность причинно-следственной связи, считают, что она характерна только для мышления, для взаимосвязи понятий, представляет собой вид объяснения, предусматриваемый той или иной теорией. «Причинность, — пишет, например, Браун, — есть вид объяснения, а не нечто, существующее в самой природе. И пытаться найти это нечто, которое связывает причину и следствие, — значит совершать категориальную ошибку. Причинные объяснения возможны потому, что мы имеем теории, с помощью которых пытаемся понять окружающий нас мир. Мы видим мир в терминах этих теорий» [180, 191]. В другом месте он замечает: «Все восприятия теоретически нагружены, и поэтому сами теории, а не восприятия, дают причинную связь. Причины связаны со следствиями потому, что наши теории связывают их, а не потому, что мир связан космическим клеем» [180, 190]. «...Детерминизм как регулятивный принцип, — заявляет Б. Мейо, — относится к структуре теории, но не к структуре мира» [200, 90]. Аналогичную мысль высказывают американский физик Р. Шлегель и американский буржуазный философ Е. Нагель. Шлегель

подчеркивает: «...причинность не есть просто фактическое наблюдение. Она зависит от теории. Только в контексте теории мы определяем последовательность причины и следствия» [210, 10]. «Принцип причинности, — отмечает Нагель, — не является эмпирическим обобщением, относящимся к внутренней структуре мира» [202, 316]. В общей форме указанная мысль выражена и швейцарским философом Х. Титце: «Логические принципы заданы априорно, формально, экзистенциально в человеческом духе для различения возможностей, тождества, инобытия и для того, чтобы связать события. Они являются необходимым условием возникновения понятия причинности» [215, 572].

Если причинность характерна для теории, для связи между понятиями, категориями, естествен вопрос: откуда она (причинность) попала в теорию? Если встать на точку зрения теории отражения, согласно которой сознание и такая важнейшая его форма функционирования и развития, как мышление, представляют собой отражение действительности, то придется согласиться с утверждением, что причинно-следственная связь обнаруживается в сознании, в движении мыслей (понятий, суждений), в их взаимосвязи, представляет собой отражение реальных отношений, связей вещей, материальных образований, их движения и развития. Об этом свидетельствует и тот факт, что причинное объяснение исследуемой действительности дает нам истинное знание, что признают и авторы рассматриваемой концепции. В самом деле, методологическое требование открытия причины у исследуемого явления и объяснения из нее присущих ему свойств и связей (причинное объяснение) дает положительный результат, способствует получению истинного знания только потому, что данное требование отражает действительное положение вещей, закономерности, по природе присущие материальным образованиям, входящие в их внутреннюю структуру.

Рассматриваемые авторы явно не сводят концы с концами. Они видят, что принцип причинности играет важную роль в развитии научного познания, в раскрытии сущности вещей, но не понимают того, что все это имеет место потому, что требования данного принципа — не произвольно сформулированные правила, а регулятивные нормы, отражающие одну из всеобщих форм бытия — причинную обусловленность явлений действительности.

Правда, есть среди буржуазных философов и такие, которые отрицают какое-либо значение принципа причинности для научного познания, объявляют его пустым, бессодержательным утверждением. «Делая детерминистические утверждения, — пишет, например, американский буржуазный философ К. Нильсон, — мы используем декларативные суждения. Мы не имеем никаких доказательств того, что такие высказывания в действительности функционируют как замаскированные императивы или квазиимперативы, предписывающие нам, ученым, искать причины. Более разумно назвать их пустыми утверждениями... Такие детерминистические утверждения вторгаются в область философских и ме-

танаучных дискуссий, но они буквально не работают в науке и повседневной жизни» [204, 119]. В том же духе высказывается и английский методолог науки Уоткинс: «Положение о причинной предопределенности событий не имеет никакого значения в научном исследовании, оно бесполезно для науки» [214, 263].

То, чего не понимают названные выше авторы, было предельно ясно уже древним философам, в частности Аристотелю, который подчеркивал, что вещь можно считать познанной только после раскрытия ее причины. Поэтому в определении, призванном выразить сущность определяемой вещи, Аристотель требовал указать причину. «Определение (предмета), — писал он, — должно показать не только то, что он есть, как это делается в большинстве определений, но оно должно заключать в себе и выявлять причину» [11, 1, 396]. И в другом месте: «Определение... остается неясным, если не содержит причины» [11, 1, 320].

Что же касается значения принципа причинности для практической деятельности, для «повседневной жизни», в чем тоже сомневается Уоткинс, то здесь ведущая его роль более чем очевидна. Дело в том, что без уверенности в причинной обусловленности явлений, без познания причин соответствующих изменений, без планомерного воспроизведения причинно-следственных связей невозможна практическая деятельность людей — целенаправленное воздействие на природу, превращение веществ в жизненные блага. Поэтому принципом причинности сознательно или интуитивно пользуются все участвующие в практической деятельности люди.

Многие буржуазные философы, признавая причинную обусловленность явлений, оспаривают всеобщность причинно-следственной связи, заявляют, что далеко не каждое явление имеет свою причину или что «в настоящее время нет убедительных свидетельств того, что нет событий без причин» [190, 186—187]. А если это так, рассуждают они, то «детерминизм должен оставаться предметом метафизической веры» [171, 21], «принцип причинности не является эмпирическим обобщением, относящимся к внутренней структуре мира» [202, 322] и т. п.

Признание всеобщности причинно-следственной связи, по мнению буржуазных философов, является необоснованным потому, что это утверждение нельзя проверить. Каждая проверка, рассуждают они, касается единичных случаев, но то, что присуще некоторым случаям, не обязательно должно быть присуще всем явлениям. «Из того факта, что отдельная причина произвела отдельное следствие, — пишет А. Макинтайр, — не следует общего правила производства этого следствия» [196, 144]. «Легко опровергнуть положение, что единичное причинное суждение, — заявляет И. Мэкки, развивая эту же мысль, — включает утверждение закономерности, так что примеры известного рода событий всегда или хотя бы часто сопровождаются примерами другого рода событий» [197, 77].

Действительно, то, что присуще отдельным случаям, не обя-

зательно должно иметь место во всех других случаях. Но доказательство всеобщности причинно-следственной связи основывается не на наблюдениях отдельных случаев, а на выявлении ее необходимости и практическом подтверждении этого положения. В самом деле, если связь причины (взаимодействия тех или иных образований) со следствием (изменениями во взаимодействующих образованиях) необходима, то, обеспечив на практике то или иное взаимодействие, мы вызываем к жизни соответствующие изменения. Практика людей, таким образом, доказывает необходимость, а вместе с тем и всеобщность причинно-следственной связи.

Для опровержения всеобщности причинно-следственной связи используется также указание на невозможность предсказания изменений, касающихся микрочастиц. «...Индивидуальные события на квантовом уровне, — рассуждает американский физик Р. Шлегель, — не поддаются математическому описанию и предсказанию, имеется внутренний элемент случайности в природе. Поэтому мы можем сделать вывод, что квантовая физика подтверждает элемент индетерминизма на уровне малых частиц» [210, 14].

В квантовой физике действительно невозможно точно (однозначно) предсказать движение элементарных частиц, их изменения фиксируются вероятностными методами. Но предсказание тех или иных изменений и наличие причинно-следственной связи не одно и то же. Возможность предсказания предполагает не только существование причинно-следственной связи, но и ее познание и умение использовать полученные знания в осуществлении опережающего отражения, в воспроизведении будущих состояний. В мире элементарных частиц невозможно предвидение не потому, что здесь отсутствует причинная обусловленность, не имеет места причинно-следственная связь, а потому, что мы не можем достаточно полно и точно воспроизвести, описать, в частности, мы не можем зафиксировать одновременно координату и импульс движущейся частицы, а также иметь необходимую информацию и о ее взаимодействии с полями, через которые она проходит во время своего движения.

В микромире, так же как и в макромире, все имеющие место изменения являются результатом взаимодействия материальных образований (элементарных частиц, создаваемых ими полей), т. е. они представляют собой следствия соответствующих причин, взаимодействий, обусловливаются ими.

Из всеобщности причинной обусловленности можно сделать следующий методологический вывод, представляющий собой соответствующее требование к мыслящему и действующему субъекту. При исследовании любого материального образования необходимо выявить причину его возникновения и из нее вывести (объяснить) присущие ему свойства.

Поскольку конечной причиной существующих в объективной действительности образований и их изменений является взаимо-

действие, постольку свойства и связи, присущие исследуемому объекту, следует объяснить из взаимодействий элементов, его образующих (внутренняя причина), и из взаимодействий его как целого с другими материальными образованиями (внешняя причина). «...Естествознанием подверждается то, — пишет по данному поводу Ф Энгельс, — ...что взаимодействие является истинной causa finalis вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать» [1, 20, 546].

Важнейшей характеристикой причинно-следственной связи, как известно, является временна́я последовательность: причина всегда во времени наступает раньше следствия. Дело в том, что, будучи взаимодействием элементов, составляющих целостное материальное образование, или относительно самостоятельных материальных образований, причина начинает действовать, т. е. выполнять свои функции тогда, когда следствие отсутствует. Следствие появляется позже. Чтобы оно появилось, необходимо время, в течение которого взаимодействующие реальности вызовут друг в друге определенные изменения. Другими словами, требуется определенный (в каждом отдельном случае свой) интервал времени, прежде чем то или иное взаимодействие даст результат. Причина — процесс взаимодействия, следствие — его конечный результат (возникшие изменения состояний, свойств, связей, структуры взаимодействующих образований). Если бы между взаимодействием и его результатом (соответствующими изменениями) не было определенного временно́го интервала, не было бы никакой истории, никакого развития. Тогда все осуществилось бы в одно мгновение, в бесконечно далеком прошлом или растворилось бы в непрерывном потоке изменений, исключающем какую-либо устойчивость, а вместе с этим качественную определенность. Между тем материя существует в расчлененном на отдельные относительно устойчивые, качественно определенные материальные образования и состояния виде. Последние в результате взаимодействия переходят друг в друга и в новые относительно устойчивые состояния: все эти переходы представляют собой звенья развертывающихся от настоящего к будущему причинно-следственных цепей.

Некоторые авторы утверждают, что причина и «предшествует следствию, и существует с ним одновременно» [162, 134]. Выдвинув такое положение, они поясняют: «Превращение одного явления в другое представляет собой развивающийся во времени процесс, при котором новое явление (следствие) сосуществует с угасающим явлением (причиной) в течение всего материального процесса взаимодействия» [162, 134].

Что касается того, что причина, после того как она породит следствие, начинает существовать с ним одновременно, превратившись в его основание, то это несомненно. Например, взаимодействие атома натрия с атомом хлора (причина), обусловив соответствующие изменения в электронной оболочке и породив мо-

лекулу поваренной соли (следствие), обладающую новыми свойствами, отличными от тех, которые характерны для натрия и хлора, продолжает существовать вместе со своим следствием, став его основанием. Или другой пример: взаимодействие (борьба) антагонистических классов, породив государство, продолжает существовать вместе с ним как его основание. Но все это не изменяет того положения, что причина всегда предшествует следствию. Данная закономерность касается не существования уже возникших причины и следствия, а их возникновения. Возникают они в строго определенной последовательности: сначала причина, затем следствие. Это вынуждены признать и авторы рассматриваемой точки зрения. Так, А. Г. Чусовитин заявляет: «Между причиной и следствием имеется определенная внутренняя направленность, не устранимая ни при каких обстоятельствах... Предшествование причины следствию — главная существенная черта причинности» [162, 142].

Итак, всякий объективный процесс развертывается от причины к следствию. Причина во времени всегда предшествует следствию.

Но если причина во времени всегда предшествует следствию, то в познании объекта присущие ему свойства и их изменения следует объяснить из взаимодействий, предшествовавших во времени их появлению.

Временна́я последовательность является важнейшей характеристикой причинно-следственной связи. Однако она еще не выражает специфической сущности причинности. Временно́й последовательности далеко не достаточно для того, чтобы отличить причинно-следственную связь от других видов связей, ибо она свойственна и целому ряду некаузальных связей, например связи состояний. Для причинности характерно не простое появление следствия после причины, а его порождение причиной. Следствие представляет собой изменения, возникающие в результате взаимодействия соответствующих образований. Значит, причина (взаимодействие материальных образований) вызывает к жизни следствие, производит его. Наряду с временно́й последовательностью причинности свойственна производительность. «Причинность, — пишет по данному поводу Я. Ф. Аскин, — выступает именно как генетическая связь явлений, как порождение одного явления другим, как воздействие, имеющее силовой характер» [13, 29].

Производительность причинно-следственной связи имеет прямое отношение к развитию материи, она органически входит в механизм порождения нового, показывает, как осуществляется переход от одного качественного состояния к другому [см. 62, 26]. Не случайно данный тезис материалистической диалектики подвергается нападкам со стороны современных буржуазных философов, отвергающих развитие в объективной действительности.

Многие буржуазные философы вслед за Юмом сводят причинно-следственную связь к временно́й последовательности явлений, отрицая способность причины порождать следствие, т. е. ее про-

изводительность. «В природе, — пишет английский буржуазный философ А. Айер, — одна вещь просто следует после другой. Причины и следствия имеют место только в силу упорядочения и экстраполяции в нашем воображении этих первичных фактов» [173, 183]. Аналогичным образом высказывается по поводу причинно-следственной связи и Х. Френкел: «Мы наблюдаем постоянную последовательность, скажем, приема маковой эссенции и наступления сна. Эту регулярность, постоянство связи этих событий мы называем причинной связью. Какого-либо другого основания для причинной связи путем обращения к исследованию скрытых сил дать нельзя» [184, 566].

Отрицает производительный характер причинно-следственной связи, сводя последнюю к функциональной зависимости, и шведский философ Х. Лауэнер: «Вместе с Юмом мы отрицаем возможность «более глубокого» проникновения в «сущностную силу», которая связывает члены причинного отношения «в себе». То, что мы постигаем в зависимости действия от причины, есть только функция, изображаемая математически дифференциальными уравнениями, а не собственный способ самого функционирующего. Такие выражения, как «причина необходимым образом вызывает действие» или «причина порождает действие с необходимостью», не имеют в нашем языке никакого смысла» [194, 69].

Если мы будем только наблюдать повторяемость появления каких-либо явлений в определенной временно́й последовательности, то, кроме определенной регулярности, известной зависимости одного явления от другого, мы действительно ничего не заметим. И во всем этом действительно не содержится основания для вывода о том, что одно явление (предшествующее) является причиной другого (последующего). На это в свое время специально указал Ф. Энгельс: «...регулярно повторяющееся post hoc никогда не может обосновать propter hoc» [1, 20, 545]. Но человек не только наблюдает определенную регулярность, повторяемость, временну́ю последовательность появления тех или иных явлений, он активно действует на природу, целенаправленно изменяет ее, он создает соответствующие условия, заставляет определенные материальные образования взаимодействовать между собой, производить изменения и таким образом вызывает к жизни соответствующие явления. Практическая деятельность человека доказывает, что то или иное следствие не просто следует за причиной, но порождается ею, что причинно-следственная связь имеет производительный характер. «...Благодаря *деятельности человека*, — пишет по данному поводу Ф. Энгельс, — и обосновывается представление о *причинности*, представление о том, что одно движение есть *причина* другого... Если при помощи вогнутого зеркала мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой же эффект, какой дает аналогичная концентрация лучей обыкновенного огня, то мы доказываем этим, что теплота получается от солнца» [1, 20, 545].

Силовой характер причинного воздействия, а вместе с этим и

порождаемость следствия причиной вынуждены признать и некоторые буржуазные философы. Так, американский философ И. Беннет специально подчеркивает, что причинно-связанные события должны иметь следы влияния одного на другое, переходить в другое, что причинность есть процесс, а не отношение, что «процессный взгляд на причинность дает возможность раскрыть механизм причинения, его «производительность» [175, 12], «что природная необходимость не есть вещь или сила, а способ, каким связаны причинные события» [176, 407]. На производительный характер причинно-следственной связи обращает внимание и другой буржуазный философ — Р. Харре. «Между природой вещи и ее действием, — пишет он, — имеется онтологическая связь, и эту связь нужно понимать как порождающий механизм» [187, 53].

Из того факта, что причина порождает следствие, следует вывод о том, что причинение не сводится к переносу всех свойств и связей от причины к следствию, что оно предполагает возникновение нового — новых свойств и связей, отсутствующих у причины.

Например, в процессе взаимодействия двух атомов водорода и одного атома кислорода (причина), обусловившего возникновение молекулы воды (следствие), имеет место не только передача свойств и связей, характерных для водорода и кислорода, но и порождение новых свойств и связей, новой качественной определенности. Следствие, таким образом, нетождественно причине, существенно отличается от нее, в процессе причинения оно приобретает новые свойства, связи, качественную определенность.

Из признания производительного характера причинно-следственной связи следует важное методологическое требование: если причина, производя строго определенные изменения во взаимодействующих образованиях, не только передает следствию присущие ей свойства и связи, но и порождает новые свойства и связи, то из нее, из взаимодействий составляющих ее элементов, сторон, можно объяснить не только те свойства и связи следствия, которые перешли к нему от причины, но и новые свойства и связи, возникшие в процессе причинения.

Из порождаемости следствия причиной вытекает необходимый характер причинно-следственной связи. В самом деле, если те или иные реальности вступили между собой во взаимодействие, то изменения в них наступают неизбежно, они не могут не наступить, и в каждом конкретном случае наступают не любые, а строго определенные изменения. Например, водород, взаимодействуя с азотом, при соответствующих условиях (под давлением в 5000 атмосфер) образует аммиак (NH_3), взаимодействуя с кислородом, он всегда порождает воду (H_2O), при взаимодействии с фтором — фтористый водород (HF), при взаимодействии с хлором — хлористоводородный газ и т. д. Необходимость, таким образом, является важнейшей характеристикой причинно-следственной связи и всеобщей формой ее проявления.

Некоторые буржуазные философы оспаривают данное положение, не считают связь причины со следствием необходимой и пытаются доказать, что эта связь случайна. «Обычно считают, — пишет, например И. Мэкки, — что действующая причина сводится к законам или закономерностям и что эти законы делают причины достаточными для своих действий, что они необходимо вызывают следствия. Я отвергаю такие допущения... Кажущаяся сила причинных законов, их кажущаяся способность поддерживать фактически имеющуюся последовательность причины и следствия можно объяснить и без предположения о том, что такие законы отличаются по форме или по содержанию от случайных обобщений» [197, 270—271].

Что касается того, что последовательность причины и следствия можно объяснить и не используя необходимого характера их связи, то это верно, но из этого вовсе не следует, что указанная связь не является необходимой. Для существования необходимой связи причины и следствия в объективной действительности не имеет никакого значения, объясняет эту связь кто-нибудь или нет, каким способом она объясняется. Хотя для воспроизведения необходимой связи в познании требуется строго определенный способ объяснения, именно теоретический, в то время как для объяснения простого следования одного явления за другим, в том числе и следствия за причиной, годятся и эмпирические способы объяснения.

Весьма распространенным в буржуазной литературе является сведение всякой необходимости, в том числе и необходимости связи причины со следствием, к логической необходимости — к необходимой связи понятий, необходимому следованию одних суждений из других — и отрицание на этой основе объективной, необходимой связи между вещами, между их взаимодействиями и вызываемыми последними изменениями. Наглядным примером такой точки зрения могут служить рассуждения Лауэнера. «Встает вопрос, — пишет он, — не отражает ли понятийная необходимость объективную необходимость в природе? Поскольку под объективной необходимостью понимают познаваемую «онтологическую связь», мы бы ответили на этот вопрос отрицательно... Не имеет смысла говорить о необходимости в отношении природы, так как последняя имеется только в структуре математических формализмов, которые мы используем для изображения причинных законов. Не природа «должна»... а мы должны признать известные заключения действительными, потому что мы заранее опираемся на определенные синтаксические, семантические и другие правила» [194, 19—20].

По Лауэнеру получается, что необходимая связь между причиной и следствием в объективной действительности сама по себе не существует, что она привносится в мир субъектом, когда он пытается выразить эту связь в понятийной форме, руководствуясь различными семантическими и синтаксическими правилами. Но если это так, то правомерен вопрос: почему мы, руковод-

ствуясь соответствующими семантическими и синтаксическими правилами, используя различные математические формализмы при описании той или иной объективной причинно-следственной связи, получаем истинное знание? Ведь в наших рассуждениях, в движении и связи понятий имеет место необходимость, в познаваемом же объекте ее нет. Значит, наши знания не отражают действительного положения вещей, значит, они не истинны. Но мы считаем их истинными. Но если они истинны, соответствуют действительному положению вещей, то необходимость существует не только в движении мыслей, но и в познаваемой объективной действительности, в вещах. И только потому, что необходимость существует объективно (вне и независимо от сознания, мышления), она имеет место в познании, в мыслительной деятельности, ибо последняя подчиняется законам, которые являются отражением всеобщих законов объективной действительности. Подчиняясь, по существу, одним и тем же законам, мыслительная деятельность в своем развитии приходит к результатам, соответствующим действительности, т. е. к истинному знанию.

Таким образом, логическая необходимость не только не исключает, но неизбежно предполагает объективное существование необходимой связи причины и следствия.

Итак, связь причины и следствия всегда необходима. Если в объективной действительности связь взаимодействий тех или иных материальных образований с вызываемыми ими изменениями всегда необходима, то и в познании, которое является отражением действительности в сознании людей, каждая мысль должна необходимо вытекать из других мыслей, выступающих в роли основания, каждое суждение должно с необходимостью следовать из других суждений. И далее, в процессе мышления, воспроизводящего в идеальных образах (понятиях) причинную обусловленность исследуемого объекта или его свойств, мысли должны следовать друг за другом с необходимостью.

Говоря о том, что каждая причина необходимо порождает строго определенное следствие, что она со своим следствием связана однозначно, мы не должны думать, что и всякое следствие обусловливается только одной причиной. Одно и то же следствие может быть порождено различными причинами, т. е. одно и то же следствие может иметь несколько причин. Например, расширение объема тела может быть вызвано трением, пропусканием через него электрического тока, нагреванием солнечными лучами и т. д. Гибель живого организма может быть вызвана повышением температуры выше той, при которой он может существовать, отсутствием необходимой пищи, ударом тяжелого предмета и т. д.

Каждая из многих причин, способных при соответствующих условиях породить данное следствие, связана с последним необходимым образом. Поэтому в процессе познания любая из них является достаточным основанием для объяснения следствия, она содержит в себе реальную возможность для его выведения.

Другое дело логический переход от следствия к причине. Поскольку одно и то же следствие может иметь несколько причин, оно не содержит в себе возможности перехода к причине, которая имела место в данном конкретном случае. Следствие содержит в себе лишь реальное основание для построения той или иной гипотезы.

Анализируя причинно-следственную связь, мы брали простейшую форму ее проявления: рассматривали в качестве причины взаимодействие двух или нескольких факторов (материальных образований, элементов, сторон), а в качестве следствия — изменения, возникающие в результате этого. В действительности же все обстоит гораздо сложнее. Рассматриваемые образования, стороны, как правило, имеют многочисленные связи с другими образованиями, сторонами. Поэтому то или иное явление на самом деле порождается не одной какой-либо причиной, а совокупностью одновременно действующих причин.

Как же быть в этом случае? Из какой участвующей в порождении следствия причины объяснить его? Могут сказать: из всех одновременно действующих причин. Но все их учесть невозможно, их бесчисленное множество. На этом как раз спекулируют буржуазные философы, показывая несостоятельность причинного способа объяснения, а вместе с этим и отвергая причинность как методологический принцип познания.

Так, например, А. Марх, показывая, что множественность причин, вовлекая в познавательную ситуацию, по существу, всю предшествующую возникновению исследуемого явления действительность, уводит нас в бесконечность и делает бессмысленным познание. «Какое-либо событие, — пишет он, — никогда не имеет только одну причину, а бесконечно много причин, взаимосвязанных друг с другом в виде цепей... Одно событие имеет своей причиной не просто второе событие, оно связано причинно со всем прошлым миром» [198, 132].

Эту же мысль пытается провести У. Штегмюллер, правда, он делает акцент не на уходе в бесконечность, а на произвольности выбора причины из бесконечного множества имевших отношение к порождению познаваемого явления причин. «Действие, — рассуждает он, — обычно вызывается многими факторами, но мы более или менее произвольно называем причиной лишь один из них. Мы руководствуемся при этом не теоретико-познавательными, а психологическими мотивами, считаем причиной что-то необычное, что особенно бросается в глаза, что непосредственно предшествовало событию и т. п.» [211, 175].

Имея в виду множественность причин, рассматриваемых применительно к тому или иному событию, и проблему объяснения из них следствия, М. Бранд и М. Свайн тоже делают вывод о невозможности выделения причинных факторов, которые были бы необходимыми и достаточными для выведения свойств и связей, присущих исследуемому объекту: «Ни один адекватный анализ причинности не может содержать положения, что какое-либо мно-

жество событий является необходимым и достаточным для другого» [179, 359].

Итак, как же быть с требованием объяснения свойств и связей исследуемого объекта, его качественной определенности из причин? Как сориентироваться в множестве взаимодействий, имеющих отношение к его порождению? Какие из них взять в качестве исходных в объяснении следствия?

В диалектическом материализме на этот счет имеются достаточно четкие рекомендации. В отличие от буржуазных философов, которые все причины, участвовавшие в порождении того или иного явления, считают равноценными, представители диалектического материализма заявляют, что не все причины, обусловившие возникновение того или иного явления, играют одинаковую роль. Одни из них являются необходимыми, без них явление не может возникнуть, другие, хотя и имели место, но их могло бы и не быть, данное явление все равно возникло бы. Первые причины рассматриваются в качестве существенных, вторые — в качестве несущественных, второстепенных.

Это деление причин определенным образом ориентирует субъекта познания в исследовании объекта. Из всего многообразия причин, имеющих отношение к возникновению исследуемого объекта, он должен выделить существенные, без которых рассматриваемый объект не мог возникнуть.

Но делением причин на существенные и несущественные не завершается их классификация в диалектическом материализме. Из существенных причин выделяются основные, определяющие, которые играют главную роль в возникновении, становлении, функционировании и развитии материального образования. Диалектический метод рекомендует начинать исследование с определения основной причины, основного взаимодействия.

Поскольку основное взаимодействие обусловливает возникновение, формирование и развитие всех важнейших сторон целостного образования, из него можно объяснить (вывести) все другие, неосновные, но необходимые, существенные для функционирующего целого причины и обусловленные ими следствия, установить между ними необходимую взаимозависимость и таким образом раскрыть сущность исследуемого объекта.

Не случайно поэтому К. Маркс при исследовании общества как целостного организма выводит все стороны социальной системы, все ее свойства и связи из экономических отношений людей. Экономические отношения (взаимодействия) людей он рассматривает в качестве основы, основной причины, определяющей функционирование и развитие всех других сторон общественной жизни и социального организма в целом. По Марксу, нельзя понять состояние образования, науки, тенденций ее развития, сущность социальной психологии, социальных идеалов, искусства и даже моды, не раскрыв сущности экономических отношений, господствующих в обществе, ибо последние влияют определяющим образом на указанные и другие социальные явления, на их

сущность и тенденции развития. Все эти и другие явления, хотя и существенны, играют важную роль в обществе, но не являются равнозначными с экономическими отношениями. Они производные от экономических отношений. Поэтому Маркс и выводит первые из вторых. И это единственно правильный в научном отношении путь раскрытия сущности конкретной социальной системы.

§ 2. Принцип необходимой связи

Говоря о необходимости, мы имели в виду связь причины со следствием. Но необходимость существует не только в виде причинности. Она является важнейшей характеристикой и других связей, в частности функциональных, корреляционных, связей состояний. Более того, необходимыми могут быть и свойства, стороны, по природе присущие материальным образованиям. Будучи важнейшей характеристикой причинно-следственной связи, необходимость, как и ее противоположность — случайность, является всеобщей формой бытия, атрибутом материи. Каждое материальное образование обладает необходимыми свойствами и связями, которые существуют не сами по себе, не в чистом виде, а в органической связи со случайностью, выступающей как форма проявления и дополнения необходимости.

Представители идеализма, как правило, сводят необходимость к логической необходимости и взаимосвязи мыслей, понятий и на этом основании отрицают существование необходимых связей в природе и обществе. Так, современный буржуазный философ У. Куайн утверждает: «Необходимость находится в способе, которым мы говорим о вещах, а не в вещах, о которых мы говорим» [цит. по: 206, 26].

Правда, надо отдать должное некоторым буржуазным философам, которые понимают необоснованность и бесперспективность сведения необходимости к логическим связям и предпринимают попытку обосновать ее зависимость от природной необходимости — необходимости вещей. К ним относится, в частности, английский философ А. Плантинго. Выступая против сведения необходимости к логической модальности, он заявляет: «Откуда появляется модальность в нашем способе говорения, если ее нет в вещах? Не правильнее ли считать, что модальность de dicto есть частный случай модальности de re?» [206, 28]. На этой же позиции стоит американский философ М. Фаск. Он считает, что наряду с логической необходимостью существует «физическая необходимость». А «физическая необходимость, — подчеркивает он, — имеет объективную основу, это природная необходимость» [183, 24].

Некоторые буржуазные авторы понятия необходимости и случайности связывают с качеством нашего знания. Они не признают существования необходимости в объективной действительности, рассматривая ее как знание того или иного положения вещей, как истинное суждение; заблуждение же или незнание то-

го или иного явления трактуется ими как случайность. К этой группе авторов относится, в частности, бельгийский физик А. Меессен. «Часто понятие «детерминизм», — рассуждает он, — употребляют в смысле внутренней необходимости: внутри каждой вещи как бы живет некое принуждение, которое не допускает чтобы событие протекало иначе, как по определенному закону. ...Но в действительности дело только в качестве нашего знания о вещах.

...Если мы имеем знание, достаточное для достоверного предсказания, то это есть необходимость. Если же наши знания недостаточны, то мы вводим понятия «случайность» и «вероятность». ...Необходимость — это вводящее в заблуждение понятие. Заблуждение рассеивается, если мы заменим понятие «необходимость» достоверностью нашего знания события» [201, 110, 114, 143]. Рассуждения Меессена весьма противоречивы. Во-первых, он старается доказать отсутствие необходимости в объективной действительности анализом не свойств объективной действительности, а свойств знания, что является явным нарушением закона тождества. Во-вторых, рассуждая о различных видах знания, он приходит к выводу, свидетельствующему о прямо противоположном тому, что он собирался доказать, т. е. не об отсутствии необходимости в объективной действительности, а о ее наличии. В самом деле, анализ качества знаний людей наводит Меессена на мысль, что необходимость — это знание, позволяющее сделать достоверное предсказание. Но достоверное предсказание может обеспечить лишь такое знание, которое касается необходимого, необходимых связей и свойств объекта. Значит, необходимость существует не только в качестве знаний — совокупности идеальных образов, дающих субъекту информацию об исследуемом фрагменте действительности, но и в качестве свойств и связей самой объективной действительности, что необходимость «живет» не только в представлениях субъекта о вещах, но и в вещах, «внутри каждой вещи».

Есть среди буржуазных авторов и такая точка зрения, согласно которой хотя и признается объективное существование необходимости, но этот вид ее существования объявляется неполноценной необходимостью, «суррогатом необходимости». Данная точка зрения развивается, например, Р. Харре. Выражая реальный процесс развития явлений в логической форме, он пишет: «Если С, то В, посредством М, если процесс не будет прерван внешним влиянием или внутренним нарушением М. В этой общей форме находят выражение условные и практические концептуальные суррогаты необходимости» [186, 372—376]. Почему же реально в объективной действительности необходимость представляет собой суррогат, а не подлинную необходимость? Оказывается, потому, что эта необходимость не является безусловной, абсолютной, а проявляется лишь при соответствующих условиях, которые могут нарушиться включенностью посторонних факторов, препятствующих ее осуществлению. Но такое обстоятельство

является вполне нормальным, естественным для необходимости, ибо она существует не в чистом виде, а в органической связи со случайностью, проявляется только через случайные свойства и связи, обусловливающие отклонение необходимости в ту или иную сторону и ее обогащение теми или иными деталями, не вытекающими из ее природы, а привнесенными внешними обстоятельствами.

Не лишает полноценности объективной необходимости, существующей через отдельные вещи, их свойства и связи, и то обстоятельство, что процесс ее познания уходит в бесконечность и что мы в объяснениях объекта вынуждены останавливаться на том или ином структурном уровне. Харре рассматривает этот факт как негативное явление, мешающее необходимым природным связям выступать в качестве полноценной необходимости. Он пишет: «Научное исследование идет от одного слоя вещи к другому, но всегда остается в рамках эмпирической гипотезы. ...Таким путем мы освобождаемся от бесконечного регресса и останавливаемся на конечном для нас слое, который обеспечивает непостоянный, но всегда применимый метафизический суррогат необходимости, позволяющий науке в целом избегать разрушительной силы классических парадоксов» [186, 372—376]. Харре не понимает, что движение познания к абсолютной истине через овладение конкретными относительными истинами бесконечно и что это представляет собой закономерность развития познания. Будучи закономерностью развития познания, она свидетельствует не о слабости науки, а о ее силе, о том, что в процессе своего развития она проникает все глубже и глубже в объективную действительность и открывает новые необходимые свойства и связи. Но от того, насколько глубоко люди познали необходимость, насколько полно овладели ею, совершенно не зависит ее объективное существование. Незнание той или иной необходимости (тех или иных необходимых свойств и связей) не делает ее ущербной, неполноценной. В объективной действительности она всегда полноценна, существует в ограничесой связи со случайностью, являющейся всеобщей формой ее проявления.

Итак, необходимость является важнейшей стороной действительности, существует вне и независимо от человеческого сознания и, будучи отраженной в сознании, выступает в качестве логической необходимости.

В объективной действительности необходимость существует не сама по себе, не в чистом виде, а в органической связи со случайностью, которая в отличие от необходимости, обусловленной внутренними причинами материального образования, его природой, обусловлена внешними причинами, стечением обстоятельств. Будучи формой проявления необходимости, случайность, как и последняя, существует объективно, вне и независимо от человеческого сознания и познавательной деятельности.

Объективное существование случайности, так же как и необходимости, своими корнями уходит в причинность. Если в основе

необходимости лежит связь причины и следствия, то в основе случайности — связь (пересечение) двух или нескольких причинных рядов. Звенья каждого такого ряда связаны между собой необходимым образом, но в момент их пересечения образуются новые причины, возникают взаимодействия, не вытекающие из внутренней природы вступивших в них реальностей. Эти взаимодействия и порождают случайные явления. Возникнув случайно, такие причины (взаимодействия) дают начало новым необходимым рядам, которые, пересекаясь с другими, не связанными с ними причинными рядами, обусловливают возникновение новых случайных взаимодействий, с необходимостью вызывающих соответствующие изменения и т. д. без конца. Необходимость и случайность, таким образом, оказываются органически связанными между собой, в процессе взаимодействия переходят друг в друга, обусловливая возникновение новых материальных образований и качественных состояний.

Объяснение случайности из пересечения необходимых по своей природе рядов мы находим у целого ряда философов и идеалистического, и материалистического направлений.

Говоря о том, что случайность является следствием пересечения различных причинных рядов, авторы, разделяющие эту току зрения, правильно подчеркивают, что указанные ряды должны быть действительно самостоятельными, независимыми друг от друга, если же между ними имеется связь, например, они имеют общее начало, то в пункте пересечения никакой случайности не возникает. А если пойти дальше и предположить общее начало у всех причинных рядов, то мы вынуждены будем признать абслоютную необходимость и объявить случайность миражем.

Характерно в этом отношении рассуждение американского философа К. Дортера. Отправляясь от этимологии слова «случайность», которое означает буквально совпадение, Дортер утверждает, что случайность есть совпадение двух или более причинных цепей. В качестве примера он приводит случай с пересечением процесса падения камня со скалы и движения человека по дороге. «Падение камня со скалы,— пишет он,— обусловлено его весом, формой, состоянием почвы, на которой он находился, темпом эрозии скалы солнцем, водой и т. д. Также и присутствие человека в данном месте, в данное время обусловлено его желанием прогуляться, временем начала прогулки, скоростью и т. д. И если прослеживать дальше в прошлое, то мы обнаружим, что предшествовавшие случаю факторы уходят в бесконечность, таким образом, случайность оказывается неустранимой. Если же предположить, что эти два процесса в итоге имеют общее начало, и оно необходимо, то это означало бы установление абсолютной необходимости для всех событий, и случайность стала бы иллюзией» [181, 103—104].

Ограничение, вводимое сторонниками рассматриваемого способа объяснения объективности случайности, заслуживает самого серьезного внимания. Породить случайность, действительно, мо-

жет пересечение лишь тех причинных рядов, которые не имеют общего исходного начала и никак не связаны между собой.

Итак, необходимость существует объективно, является всеобщей формой бытия материи, присуща каждому материальному образованию. Но существует она не сама по себе, не в чистом виде, а в органической связи со случайностью, проявляется через случайные свойства и связи. Если это так, то в процессе познания какого-либо объекта следует выявлять присущие ему необходимые свойства и связи, ибо только они, составляя природу материального образования, неизбежно повторяются при соответствующих условиях, обеспечивая его относительную устойчивость и определенность. Что же касается случайности — случайных свойств и связей, которые, будучи обусловлены внешними причинами, «стечением обстоятельств», неустойчивы, изменяются от одного материального образования к другому, то от них надо отвлекаться, абстрагироваться.

§ 3. Сведение к закону как одно из требований принципа детерминизма

Как было указано, необходимость является всеобщей формой бытия. Она присуща каждому отдельному материальному образованию. Существуя в каждом отдельном материальном образовании, в каждой отдельной вещи, необходимость выступает в виде как единичных, так и общих свойств и связей. Единичной является, например, причинно-следственная связь обусловленного случайной причиной явления, общими будут необходимые свойства и связи, составляющие природу материального образования. Единичные необходимые связи неустойчивы, преходящи, неповторимы, общие же необходимые связи устойчивы, повторяются во всех явлениях соответствующего класса, относятся к сущности материального образования. Общие, необходимые, существенные связи рассматриваются в качестве законов.

Будучи сохраняющимися, устойчивыми необходимыми связями, законы обусловливают определенный порядок в функционировании и развитии материальных образований, определяют направление, характер и рамки изменений, осуществляющихся в них. Объективные (природные и социальные) процессы, протекающие в соответствии с определенными законами, являются закономерными. Закономерность, таким образом, представляет собой наличие определенного порядка в процессах, имеющих место в объективной действительности, в материальных образованиях, подчинение их движения и развития соответствующим объективным законам.

Следует отметить, что далеко не все философы признают объективное существование законов. Некоторые вслед за И. Кантом считают, что законы являются формами мыслительной деятельности, представляют собой разрабатываемые субъектом схемы, формы для объяснения действительности. Так, например,

Е. Каезер утверждает, что сначала ученый разрабатывает определенную теорию, формулирует соответствующие законы, а затем, руководствуясь этой теорией, «находит и даже производит физическую реальность, в которой обнаруживается реальный порядок природы. В этом смысле законы математической физики первичны по отношению к миру отдельных явлений» [192, 277]. Произвольно разрабатываемыми умственными конструкциями считает законы Л. Витгенштейн. В своей совокупности они, по мнению Витгенштейна, образуют своего рода сеть, которая накладывается субъектом на беспорядочный случайный мир явлений. Идею сети, накладываемой субъектом на мир явлений с целью его познания, использует К. Гемпель. Номическая сеть, состоящая из разрабатываемых учеными идеальных моделей, по Гемпелю, используется для объяснения явлений действительности. Формируемые наукой законы он предлагает рассматривать не «как утверждения, претендующие на понимание мира, а как эвристические принципы научного исследования» [189, 374]. Концептуальными схемами, используемыми для объяснения исследуемых явлений, считает законы Г. Райт. «Социальные законы,— утверждает он,— не являются обобщениями, полученными из эксперимента. Они суть концептуальные схемы для интерпретации конкретных исторических ситуаций. Их открытие или, скорее, изобретение — вопрос анализа понятий» [216, 434].

Рассуждения о том, что в природе и обществе не существует никаких законов, что они представляют собой идеальные конструкции (схемы, модели), создаваемые субъектом для упорядочения познаваемых явлений объективной действительности, не новы. Они характерны для позитивистов, неокантианцев, экзистенциалистов и представителей других направлений буржуазной философии. В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» убедительно показал антинаучность этой концепции, ее идеалистическую направленность. «...Выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п.,— писал он,— не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы» [4, 18, 159].

Если бы в объективной реальности не было никаких законов, если бы они представляли собой идеальные конструкции, создаваемые человеком и накладываемые человеком на объективные явления с целью их познания, то мы не смогли бы иметь истинного знания об окружающем мире, ибо идеальные конструкции, которые не отражают ничего в объективной действительности, не способны служить средством объяснения исследуемых явлений. Но развитие науки свидетельствует о том, что создаваемые учеными идеальные модели, схемы, научные законы способствуют проникновению человеческого разума в окружающий мир, объяснению исследуемых явлений. Значит, они отражают реальные связи, существующие в объективной действительности независимо от

сознания, от мыслительной деятельности людей. Если бы законам науки ничего не соответствовало в объективной действительности, если бы они представляли собой чисто субъективные конструкции, используемые для упорядочения познаваемого материала, то люди, руководствующиеся ими в своей практической деятельности, не смогли бы осуществлять целенаправленное преобразование природы и общественной жизни, вообще, не смогли бы ориентироваться в окружающей действительности. Между тем общественно-историческая практика показывает, что используя достижения науки, опираясь на разработанные ею теории, научные законы, люди успешно действуют, достигают тех результатов, которые предполагалось получить. Это свидетельствует о том, что научные законы — не произвольно созданные идеальные конструкции, а отражения реальных связей внешнего мира — объективных законов, что законы существуют реально, вне и независимо от сознания и так или иначе отражаются, воспроизводятся в идеальных конструкциях, создаваемых людьми в ходе познания.

Весьма распространенным в современной буржуазной философии является отрицание необходимого характера законов, сведение их к случайности. Так, например, западногерманский философ У. Штробл пишет: «...закон не должен быть, и он мог бы быть другим, чем он есть. Это означает как само наличие закона природы, так и то, что он именно таков, является в онтологическом отношении случайным» [212, 640].

Если закон не представляет собой необходимой связи, а является случайностью, то он не может обладать устойчивостью, сохраняемостью. Наоборот, он должен изменяться: в одно время действовать, в другое — не действовать, в одних случаях представлять собой одно, в других — другое. Одним словом, если закон — случайная связь, то ему должны быть присущи все характеристики случайности: его действие не обязательно. В свете сказанного понятны рассуждения буржуазных философов об изменчивости законов, о том, что «каждый закон природы может в любой момент потерять свое действие» [198, 97].

С точки зрения марксистско-ленинской философии закон не является внешним по отношению к тем материальным образованиям, которые он связывает. Его содержание всецело определяется природой этих образований. Поэтому он не может исчезнуть, перестать действовать в любой момент времени. Он будет действовать до тех пор, пока будут существовать материальные образования, с которыми он связан, пока не изменится их природа и они не превратятся в другие материальные образования.

Закон представляет собой необходимую, устойчивую связь, повторяющуюся во всех явлениях соответствующего класса. Вместе с необходимыми сторонами, которые он связывает, закон выражает природу материального образования и выступает в качестве момента его сущности. «Закон,— указывал В. И. Ленин,— есть *отношение*. ...Отношение *сущностей* или между сущностями» [4, 29, 138].

Если закон есть такая необходимая связь, которая относится к сущности материального образования, то в процессе познания объекта: 1) необходимо раскрыть действующие в нем законы и из них объяснить присущие ему свойства, качественные и количественные характеристики; 2) обоснование каждой мысли, касающейся исследуемого объекта, необходимо доводить до того пункта в доказательстве, когда в роли основания выступает тот или иной закон.

Когда мы говорим о том, что в процессе познания того или иного материального образования фиксируемые у него качественные и количественные характеристики следует объяснить из свойственных ему законов, мы не должны думать, что буквально все характеристики исследуемого объекта, все присущие ему свойства и связи обусловлены действующими в нем законами. Законами обусловлены лишь те свойства и связи объекта, которые выражают его природу, составляют его сущность, т. е. необходимые свойства и связи. Что же касается несущественных, единичных, случайных свойств и связей, то они могут быть обусловлены не законами, а внешними обстоятельствами и единичными взаимодействиями. Поэтому, наряду с объяснением свойств и связей исследуемого объекта из законов, можно и нужно использовать другие пути, в частности причинное объяснение, которое не ограничивается выведением качественной и количественной определенностей объекта из его законов, а рассматривает все взаимодействия, все элементы, составляющие причину, обусловившую возникновение рассматриваемого явления.

Некоторые буржуазные авторы абсолютизируют данный момент и приходят к выводу, что обоснование путем сведения к закону неприемлемо в исторической науке. Закон, рассуждают они, обусловливает общие свойства и связи, характерные для большой группы явлений, для всех явлений данного рода, историческая же наука имеет дело с индивидуальными явлениями. Поэтому объяснение через закон неприменимо в историческом исследовании. «Историков интересуют не столько законы или общие характеристики группы событий, сколько индивидуальные события и индивидуальные ситуации.., — заявляет У. Дрей, — отсюда априори следует: поскольку законы управляют классами или типами вещей, а исторические события единичны, то историки не могут объяснить свой предмет посредством покрывающих законов» [182, 45—47].

Никто не будет спорить с тем, что в историческом исследовании ученые имеют дело с индивидуальными событиями, происходящими в индивидуальных ситуациях, но понять сущность происходящих событий они не смогут, не выявляя всеобщих законов исторического процесса, законов функционирования и развития социального организма, отдельных областей общественной жизни. Сущность любого явления, в том числе и социального, включает в себя общее, и оно играет в ней определяющую роль по отношению к индивидуальному, единичному. Чтобы раскрыть сущность

того или иного исторического события, следует не только фиксировать (описывать) свойственные ему индивидуальные черты, но и выявлять общие необходимые свойства и связи, вызывающие его к жизни, обусловливающие его функционирование и развитие, и, основываясь на них, объяснять его качественную и количественную определенность, учитывая, разумеется, и единичность связанных с его появлением причин, и специфичность обстоятельств.

Если закон является формой существования всеобщего, неизбежно повторяется во всех материальных образованиях соответствующего класса, то, опираясь на него, можно делать выводы, касающиеся всех материальных образований этого класса.

Итак, принцип детерминизма имеет исключительно богатое содержание, которое развертывается в целом спектре требований, ориентирующих субъекта в его познавательной деятельности.

Глава VI. ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

В системе законов и принципов диалектической логики одно из центральных мест занимает принцип историзма. В. И. Ленин отмечал, что историзм является важнейшей характеристикой, неотъемлемой стороной, моментом диалектики как наиболее полного, глубокого и всестороннего учения о развитии.

Значение этого фундаментального принципа для практики и познания чрезвычайно велико. Принцип историзма необходим прежде всего для более глубокого анализа сложных динамичных социальных процессов современной эпохи, всестороннего понимания всей внешней и внутренней политики КПСС, проблем развитого социалистического общества, характерными чертами которого являются «органическая целостность и динамизм социальной системы». Потребность конкретно-исторического подхода ко всем этим вопросам обусловлена тем, что социализм может успешно развиваться только на базе науки.

§ 1. Содержание и структура принципа историзма

В нашей философской литературе принцип историзма является предметом специального рассмотрения в работах Б. А. Грушина, Ф. А. Подкорытова, В. И. Столярова, В. В. Иванова, Н. П. Французовой и некоторых других авторов. Опираясь на достигнутый уровень разработки проблемы, попытаемся дать анализ структуры и содержания историзма как всеобщего диалектико-логического принципа, имеющего универсальное значение, обратив особое внимание на малоисследованные аспекты.

Принцип историзма есть отражение развития материальных

систем преимущественно в плане одной из существенных характеристик этого процесса — его направленности во времени в виде целостного, неразрывного единства таких состояний, как прошлое, настоящее и будущее. При таком понимании принцип историзма не совпадает полностью с «учением о развитии» (принципом развития), ибо последнее, кроме историзма, выражается также принципами объективности, всесторонности, конкретности и рядом других, которые, наряду с обще- и частнонаучными приемами и методами, являются основными условиями реализации историзма на протяжении всего исследования истории тех или иных явлений.

Отдельные верные моменты, элементы действительного историзма содержались в домарксовской философии, однако основные недостатки этой философии в целом — идеализм и метафизичность — не позволили ее представителям создать целостную, последовательно-научную концепцию историзма. Подлинно научный историзм впервые был создан К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе открытия материалистического понимания истории. Поэтому диалектико-материалистический историзм не есть простое продолжение предшествующих концепций, а есть качественно новый принцип, коренным образом отличающийся от всех своих более ранних исторических форм.

Эти основные отличия заключаются в следующем. 1. В марксистско-ленинской философии принцип историзма разрабатывается на основе признания решающей роли материальной деятельности людей, общественной практики в познании и преобразовании объективной действительности. 2. Саморазвитие имеет место прежде всего в самом материальном мире, который представляет собой непрерывный процесс возникновения и уничтожения, бесконечное восхождение от низшего к высшему. «Обнаруживающееся в природе и истории диалектическое развитие, причинная связь того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему» [1, 21, 301], находит свое отражение в диалектике понятий. 3. Субстратом, «носителем» развития, самодвижения являются определенные материальные системы. Наиболее полно развитие выражено в системах взаимодействующих явлений, сторон, связей и т. п., выступающих как органическое целое, т. е. такое целое, которое воспроизводит все необходимые условия своего саморазвития. 4. Саморазвитие материальных систем, их история как целостное единство их прошлого, настоящего и будущего невозможны вне времени, которое является основным условием всякого развития.

Без рассмотрения предмета в его развитии нельзя понять его действительную сущность, которая только и раскрывается в ходе этого развития. Исследование истории предмета в целом необходимо для более полного, всестороннего понимания существенных особенностей данного предмета, его специфики. Историзм, будучи всеобщим логическим принципом, имеющим универсаль-

ное значение, требует изучать не только историю предмета, но и историю отражающих его понятий. Эти две стороны принципа историзма неразрывно связаны и немыслимы друг без друга. Поэтому марксистско-ленинский историзм противостоит как вульгарному эмпиризму, для которого история является только собранием единичных, притом «мертвых, застывших» фактов без их обобщения, так и схоластике которая дает лишь историю представлений, оторванную от реальных фактов.

Исходя из того, что история предмета есть целостное единство таких его временных состояний, как прошлое (генезис и этапы развития предмета), настоящее и будущее, логическую структуру историзма можно представть в виде системы следующих основных компонентов: 1) настоящее — ключ к прошлому и будущему — исходный пункт исторического рассмотрения исследуемого предмета; 2) генезис предмета — выявление взаимосвязи его предпосылок (условий возникновения), начала и становления; 3) этапы развития предмета — выделение необходимых фаз, основных периодов его истории, установление их естественной последовательности и анализ диалектики общего и единичного в этом процессе; 4) будущее как необходимый результат прошлого и настоящего, предвидение будущего, основных тенденций развития предмета — завершающий момент исторического рассмотрения.

Хотя действительное историческое развитие идет от прошлого к настоящему и далее к будущему, однако теоретическое рассмотрение реальной истории, «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинает post festum [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития» [1, 23, 85]. А эти «готовые результаты процесса развития» выступают перед исследованием прежде всего в форме настоящего, которое является поэтому исходным пунктом исторического рассмотрения. Предмет, как он дан нам «теперь», в его современном состоянии, дает возможность открыть «тайну» его прошлого и выяснить тенденции его развития вследствие того, что настоящее есть результат всей предшествующей истории, ее «снятие» и содержит в себе «зародыши» будущего.

Анализ современного состояния предмета, осуществляемый с позиций того, что оно есть сложное, противоречивое единство прошлого и будущего, позволяет сформулировать предварительные, наиболее абстрактные и схематические представления об этом предмете, о его важнейших свойствах, функциях и т. п., без которых совершенно невозможно «сдвинуться с места» в деле изучения истории данного предмета и прежде всего его прошлого. Настоящее является именно ключом к прошлому, а не самим прошлым, которое с помощью этого ключа надо еще «открыть», т. е. исследовать специально. И ничего удивительного нет в том, что прошлое может оказаться явно непохожим на настоящее, а иногда

и прямо противоположным ему. Но при этом нельзя допускать ни произвольной модернизации исторического прошлого, ни его искусственной архаизации.

Настоящее в целом обусловлено генетически прошлым, представляет собой «сумму», «спектр» многих событий, которые, находясь в рамках современности, все же разновременны, так как не осуществляются все сразу, а располагаются в определенном порядке, будучи связанными и в пространстве, и во времени, имея ту или иную продолжительность своего существования. Поскольку настоящее — это все же «не нулевая длительность», то следует улавливать не только сходство, но и различия между современностью и прошлым, четко видеть дистанцию между ними, а также между настоящим и будущим, не «сближать» или, наоборот, не «раздвигать» их.

Характерная черта марксистско-ленинской диалектики заключается в том, что исторически, а значит творческо-критически, конструктивный подход осуществляется здесь в первую оередь по отношению к современности, к настоящему, ибо без этого не может быть объективного, подлинно научного рассмотрения ни прошлого, ни будущего. Только критический анализ настоящего, взятого не как законченный итог, «мертвый результат», а как одна из ступеней исторического развития, является единственно научным, плодотворным и в полной мере конкретно-историческим.

Истинность и глубина, содержательность наших знаний об истории предмета во многом определяются также и тем, насколько «далеко» в своем развитии зашел этот предмет, какова степень зрелости его современного состояния, являющегося ключом ко всей его истории. Поэтому совершенно естественно, что, во-первых, чем более зрелым будет настоящее, тем более полными, глубокими и содержательными будут наши знания о прошлом, тем точнее и достовернее мы сможем предвидеть будущее.

Каждое новое явление в природе, обществе и мышлении не начинается на пустом месте, не появляется «ниоткуда», не развивается из ничего, а всегда возникает на почве, созданной всем предшествующим развитием, т. е. на основе определенных предпосылок, условий возникновения. Предпосылки всякого нового явления представляют собой единичные вещи, явления, процессы, из которых, как из своей основы, возникает данный конкретный предмет. Предпосылки предмета не им самим установлены и не являются его собственным продуктом, а образуются в недрах предшествующего ему явления, существуют до него и независимо от него. Тем самым предпосылки (условия возникновения) явления составляют предысторию этого явления, его «пролог». Они находятся вне того предмета как целого. Последний появляется только тогда, когда имеются налицо полностью все его предпосылки, и возникает как качественно своеобразный продукт их взаимодействия.

Среди весьма разнообразных и многочисленных условий возникновения того или иного явления не все имеют равное значение

и играют одинаковую роль в его возникновении. Одни из этих предпосылок являются непосредственным «строительным материалом» для предмета, после появления которого они в преобразованном, «снятом» виде входят в его состав, в его содержание и становятся взаимодействующими сторонами его как единого целого, результатами его бытия, моментами его движения. Предпосылки другой группы только содействуют возникновению данного конкретного явления, не входя непосредственно в его состав, в его содержание, или, наоборот, препятствуют этому возникновению или даже делают последнее невозможным. Предпосылки этой группы образуют ту среду, на фоне которой предмет возникает, в которой он существует и развивается. Различие между этими группами предпосылок относительно.

Вновь возникшее явление ассимилирует (специфически в каждом конкретном случае) свои предпосылки, «переплавляет» их, строит из них и при помощи их свое тело (своеобразно для данного типа диалектического процесса), преобразует их сообразно своей собственной природе, подчиняет их своим требованиям и законам. Возникнув из своих предпосылок, данное явление затем своим собственным развитием не только воспроизводит свои необходимые предпосылки (которые теперь становятся его постоянными продуктами), но воспроизводит их, как правило, в непрерывно растущих масштабах и во все более соответствующих его природе формах. При этом каждая новая историческая форма «погружает в реку времени» все те «обломки», которые не были абсолютно необходимыми предпосылками ее рождения. Преобразуя и воспроизводя свои предпосылки, ставшие теперь его элементами, явление в то же время вырабатывает внутренние условия возникновения другого, следующего за ним по линии восхождения явления. Таким образом, условия существования возникшего предмета включают в себя не только «снятые» его предпосылки, но и те условия, которые создаются саморазвитием этого явления в его собственных рамках.

При рассмотрении возникновения предмета и его предпосылок необходимо исходить из того, что любое явление проявляется из «своего» предшествующего как продукт созревания, обострения и разрешения определенных противоречий. Само развитие и обострение противоречий данного явления подготавливает разрешение этих противоречий и создает тем самым предпосылки для своего диалектического отрицания и возникновения нового явления.

Подлинно научное конкретно-историческое понимание предмета исследования может быть достигнуто только тогда, когда будет верно решен вопрос об отношении этого предмета к своим предпосылкам и правильно определено его начало — исходная, отправная точка развития предмета, тот пункт, с которого начинается его действительная история. Требование диалектической логики рассматривать предмет в его движении, изменении, развитии с необходимостью предполагает изучение его истории с самого начала. Но тут сразу же возникает принципиальное затруд-

нение: а с какого же именно момента кончается предыстория и начинается подлинная история данного предмета и каковы критерии определения этого начала?

Поскольку данный предмет имеет позади себя бесконечное множество явлений и процессов, каким-то образом причастных к его возникновению, то стремление понять этот предмет «исторически», путем анализа последних, неизбежно ведет к «дурной» бесконечности. В этом случае предмет исследования оказывается утерянным, так как его история растворяется во множестве предшествующих ему явлений, что, конечно, не позволяет найти подлинное начало и, следовательно, понять его действительную сущность. Правильно установить начало каждого конкретного предмета может лишь исследование, сознательно выполняющее все требования диалектической логики и руководствующееся определенными объективными критериями. При этом особенно важно помнить о том, что понимание возникновения предмета зависит от того, как понимается сам этот предмет, его специфика, его качественная определенность.

Исходя из анализа конкретного фактического материала различных областей действительности и опираясь на логику «Капитала» К. Маркса, можно сформулировать следующие критерии начала предмета, явления. Явление начинается (ведет свою историю) с того момента, когда оно: а) появляется как целое, хотя еще не законченное, не завершенное, как внутренне самостоятельная, качественно своеобразная система всех своих «снятых» предпосылок, ставших ее элементами (объединенных в целое главным элементом), хотя эта система еще полностью не оформленная, не зрелая, не развитая; б) встречается не спорадически, эпизодически, случайно, как аномалия, не в виде исключения, а систематически, регулярно; в) приобретает определенную прочность, известную устойчивость и достаточную широту распространения; г) однажды возникнув, появившись где-либо, уже не исчезает, а развивается вширь и вглубь на основе своего собственного внутреннего источника (прежде всего основного противоречия), т. е. когда имеется в виду дальнейшее поступательное движение, в процессе которого данное явление успевает в определенной мере развернуть свою сущность.

Названные критерии характеризуют начало предмета прежде всего и главным образом со стороны качества, хотя, несомненно, каждый из них (и все они в целом) имеет и количественную сторону, но она здесь не является определяющей. Указанные критерии начала предмета должны применяться все вместе, одновременно, в единстве, иначе они не «сработают» правильно, не окажутся полезными для познания.

Вследствие того что любое конкретное явление не существует с «начала мира», а имеет временны́е рамки своего бытия, вполне определенные исторические даты своего возникновения и исчезновения, то для научного исследования весьма важно установить по возможности более точно, когда конкретно во времени появилось

то или иное явление, т. е. определить начало явления с количественной стороны, его возраст (относительный и абсолютный) и продолжительность существования в единицах времени.

Однако определение начала развития сложно. С этим связаны и встречающиеся ошибки при определении. Они выражаются в следующем: а) предпосылки и законы первоначального возникновения явления как такового смешиваются с предпосылками и законами появления более поздних его конкретных форм; б) все явление в целом, история и законы предпосылок отождествляются с историей и законами самого явления; в) недооцениваются или совсем отвергаются предпосылки явления.

Новое явление, которое только возникло, начало свое существование, хотя уже и представляет собой некоторое целое, определенную систему, но эта система выступает как незрелое целое, не развернувшее все свои свойства и моменты, не расчлененное внутри себя на составные части, это слитное, «сплошное целое». Оно не развернуло еще всей глубины и богатства, многообразия и специфики своего содержания, ибо последнее еще полностью не сформировалось, не выкристаллизовалось. Поэтому вновь возникшая система проходит период «становления целостностью». Указывая на это обстоятельство, К. Маркс при рассмотрении одного из конкретных и характерных случаев становления — становления капитализма — писал: «Эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития» [1, 46, I, 229].

Таким образом, становление системы целостностью представляет собой один из существенных и важных этапов истории предмета, особую стадию его развития, закономерности которой нельзя распространять механически на весь предмет в целом, на всю его историю. Сущность процесса становления состоит, по К. Марксу, в том, что в этот период явление одновременно, во-первых, поглощает, ассимилирует и преобразовывает свои предпосылки, подчиняя их своим требованиям и законам, и, во-вторых, создает еще недостающие ему органы, моменты, стороны.

Становление как «первоначальное формирование» «начавшегося» предмета есть переход, сложный и конкретный процесс, представляющий собой единство возникновения и уничтожения, бытия и небытия, «кусочков» старого и нового, однако при этом происходят именно переход от старого к новому, рост этого нового, являющегося ведущей противоположностью, его упрочение и утверждение. Поэтому становление предмета означает, что он приобрел уже определенное направление своего развития. В период становления начинают действовать новые законы, свойственные возникшему новому явлению, и вместе с тем еще сохра-

няют действие некоторые из законов предшествующего ему старого явления. Проявление тех или других законов осуществляется в форме борьбы противоположных сил. Поэтому характерными особенностями становления являются обилие различных противоречий, их сочетание и взаимодействие, непосредственный процесс разрешения старых противоречий и одновременно процесс постоянного возникновения и развертывания новых противоречий, которые являются вместе с новым предметом и являются источником его саморазвития.

В этой связи следует указать на некоторые приемы, с помощью которых метафизически мыслящие теоретики отрицают процесс разрешения реальных противоречий или искажают его понимание: а) стремление представить разрешение противоречия как «примирение», «нейтрализацию» составляющих его противоположностей; б) попытки выдать одну из возможных форм разрешения данного противоречия за единственную форму; в) представление о том, что разрешение противоречия может происходить в любой момент независимо от конкретно-исторических условий; г) понимание разрешения противоречия как простой перемены мест противоположностей без изменения их качества, как «перевертывание ситуации»; д) стремление выдать за разрешение противоречия лишь внешнее соединение «противоположностей», полученных путем простого механического разделения целого на две части и т. д.

В результате процесса становления явление, возникнув как незавершенная, нерасчлененная система, превращается в целостную, в основном сформировавшуюся, дифференцированную систему, начинает развиваться на своей собственной основе, продолжая свое всестороннее совершенствование и развитие уже на базе предпосылок, созданных в процессе становления.

Исследуя историю возникшего явления, необходимо иметь в виду, что это сложный диалектический поступательный процесс «появления различий», включающий в себя ряд качественно своеобразных этапов, фаз и т. п. Поэтому задача познания состоит в том, чтобы добиться понимания действительного исторического процесса в его различных фазах, установить специфику этих фаз, их сходство и отличия, их границы и связь между ними. Каждую из этих ступеней следует рассматривать как некоторую целостность, как качественно определенную систему, имеющую свою специфическую структуру, свои «составляющие», свои элементы, связи и т. п. Хотя границы между этапами истории предмета не являются «абстрактно-строгими», их правильное проведение в соответствии с объективной природой самих предметов служит важнейшим условием успешного исследования. Причем следует стремиться к изучению всех ступеней развития предмета, всех фаз его истории с тем, чтобы затем выделить среди них главные, необходимые, «узловые». Существуют два основных вида периодизации: формальный (абстрактный), когда в основу деления истории предмета на соответствующие ступени кладется тот или

иной отдельный «признак» (или их группа), и диалектический (конкретный), когда основой деления становится основное противоречие исследуемого предмета, которое необходимо выделить из всех других противоречий.

Формальная периодизация широко применяется особенно на начальных этапах исследования истории предмета, т. е. на эмпирической ступени, и поэтому ее нельзя, разумеется, недооценивать или тем более полностью отвергать. Вместе с тем значение этого вида периодизации нельзя преувеличивать, абсолютизировать ее возможности. Переход в научном познании на теоретический уровень, вскрытие противоречий исследуемого предмета и их развитие означают, что периодизация его истории должна уже осуществляться с точки зрения не формальной, а диалектической логики. На этом уровне предмет необходимо изобразить как следствие развивающегося противоречия. Главные формы, ступени развертывания этого противоречия и будут главными этапами развития предмета, необходимыми фазами его истории.

Таким образом, развитие, история предмета, его переходы от одного этапа к другому есть в конечном счете не что иное, как развертывание основного, фундаментального противоречия между его полюсами. Каждый основной этап, главная, необходимая ступень — это одно из посредствующих звеньев этого развертывания, причем эволюция основного противоречия — это процесс возрастания не только количества посредствующих, промежуточных звеньев, но и их качественных различий, выражающих специфику каждого главного этапа истории предмета.

При переходе к диалектическому, теоретическому способу периодизации формальный способ не отбрасывается полностью, а сохраняется, «снимается» в качестве абстрактного, подчиненного момента. Выделение главных периодов истории предмета как главных этапов развертывания его основного противоречия должно сопровождаться также выявлением тех «черт», совокупность которых и определяет специфику именно данного периода и отличает его от предшествующих и последующих исторических фаз. Здесь «черты» фиксируются и группируются не случайно, не произвольно, не по принципу координации, как в случае чисто формальной периодизации, а берутся в их субординации, которая определяется их местом на «линии развертывания» основного противоречия предмета.

После своего возникновения предмет, хотя и изменяется, преобразуется, вместе с тем в основных своих чертах остается тем же, сохраняет свои самые характерные черты, наиболее существенные стороны. Диалектико-материалистический историзм требует изучать не историю «вообще», а конкретную историю данного предмета и понимать развитие, историю последнего не как плавный постепенный процесс, а как ряд сменяющих друг друга качественно своеобразных ступеней, для каждой из которых существуют все конкретно-исторические условия и специфические закономерности. Принцип конкретного историзма обязывает под-

мечать в первую очередь именно то, что характерно для данной ступени развития явления (и прежде всего ее законы), а не только то, что применимо ко всем его ступеням (поскольку именно в специфическом различии этих ступеней и заключается развитие), и не забывать существенные отличия каждой из них как от того общего, которое лежит в их основе, так и друг от друга.

В материалистической диалектике всеобщее — это не только и не столько «абстрактно-общий признак», но прежде всего конкретно-общее (сущность, принцип, закон существования и развития многообразных единичных явлений в рамках некоторой материальной системы), которое воплощает в себе все богатство особенного и отдельного. Тем самым конкретно-общее представляет собой тождество противоположностей — общего и единичного, сущности и ее модификаций, закона и форм его проявления и т. д. и потому оно выступает в качестве основания, субстанции конкретной системы взаимодействующих элементов данного целого и развертывания, развития, истории этой целостной системы. Конкретно-историческое мышление должно не просто зафиксировать, с одной стороны, общие (свойственные всем ступеням), с другой — единичные (свойственные одной из ступеней) определения, а обязательно найти особенное, т. е. внутреннее неразрывное единство общего и единичного, вскрыть их глубокую имманентную диалектику, найти всю цепь посредствующих звеньев, через которые осуществляется взаимопереход общего и единичного и разрешается противоречие между ними. При этом надо исходить из того, что, будучи основой единства различных конкретных ступеней истории предмета, общие закономерности специфически преломляются на каждой из них, действуют через посредство специфических закономерностей данных ступеней, в неразрывной связи с этими закономерностями, видоизменяются в зависимости от различия условий своего действия. Однако недопустимо как «растворять» общие закономерности в частных, сводить первые без остатка ко вторым, так и «разводить» их на разные полюсы как существующие изолированно друг от друга.

В связи с этим необходимо назвать основные искажения этой диалектики, состоящие в следующем: а) закономерности высших (конкретных) ступеней истории предмета сводятся к закономерностям низших (абстрактных) ступеней; б) принципы низших фаз развития механически переносятся на высшие, закономерности вторых объясняются закономерностями первых; в) закономерности одной ступени развития предмета распространяются на всю его историю; г) закономерности, присущие всей истории предмета, т. е. свойственные всем ступеням его развития, распространяются на какую-либо одну из его ступеней, а специфические закономерности последней отбрасываются; д) фиксируется, с одной стороны, общее, с другой — единичное, но не вскрывается их единство, не анализируются посредствующие звенья, связывающие общее и единичное; е) смешиваются периоды разных уровней, разных порядков.

Воспроизводя этапы развития исследуемого предмета в теории, следует иметь в виду, что логическое развитие понятий не должно слепо, некритически «тащиться» за так называемой естественной, т. е. поверхностно наблюдаемой временной последовательностью событий, ибо это внешняя лишь кажущаяся последовательность. Логика должна следовать за историей, но при этом она должна ориентироваться не на внешний, а на внутренний «порядок» явлений в историческом развитии, выявлять внутреннее за внешним, сущность за видимостью, необходимое за массой случайностей. Только в этом случае будет обнаружена действительная историческая последовательность, а не только та последовательность исторического развития, которая лишь кажется, представляется естественной, но на самом деле не является таковой.

Последовательное проведение принципа историзма неизбежно предполагает выяснение главного направления, основной тенденции дальнейшего развития изучаемого предмета, т. е. предвидение будущего, представляющее собой третье звено в цепи логической операции, два предшествующих звена которой составляют анализ настоящего и исследование прошлого. Точность и достоверность предвидения определяется прежде всего тем, насколько глубоко и всесторонне изучены как предшествующее и современное состояние предмета исследования, так и закономерности его изменения. Без знания этих двух важнейших моментов в их единстве невозможно и само научное предвидение как таковое.

Хотя «механизм» превращения прошлого в настоящее и настоящего в будущее в принципе одинаков, с точки зрения познающего эти процессы мышления, здесь имеется существенное различие. Оно заключается в том, что если в первом случае познание имеет дело с тем, что уже было и прошло, то во втором — с тем, чего еще не было и что может только произойти. Первый путь — это реконструкция прошлого по его «обломкам» в настоящем, второй путь — конструирование будущего по его «зародышам» в настоящем. Поскольку будущее вырастает не откуда-нибудь, а именно из настоящего, то борьба за наступление будущего (в особенности в социальной жизни) — это прежде всего борьба за успешное решение тех задач, которые поставлены всем ходом текущего, современного общественного развития.

Понимание сущности предмета и тенденций его дальнейшего развития предполагает выявление и раскрытие всей совокупности его противоречий, прежде всего внутренних (а среди них — основного). Исследование основного противоречия предмета и его эволюции имеет первостепенное значение для теоретического обоснования той будущей новой формы, в которую превратился данный предмет вследствие разрешения этого и других противоречий. При таком подходе каждый этап развития любого предмета берется в неразрывном единстве с его собственными, внутренне присущими ему противоречиями, которые появляются одновременно с этим этапом, существуют и исчезают вместе с ним. Только такой подход является действительно конкретно-историческим.

Как показал К. Маркс, осуществление именно такого подхода оказалось невозможным для буржуазных экономистов-апологетов, которые в угоду классовым интересам буржуазии с помощью всевозможных софистических приемов стремились скрыть объективно существующие противоречия капитализма. Вот некоторые из этих приемов: а) противоречия отвергались без всякого объяснения и аргументации, они «устранялись» тем, что предполагались несуществующими, лишь кажущимися, а не действительными; б) ликвидация реальных противоречий происходила в собственном воображении апологета при помощи «схоластически нелепых» определений, чисто словесным путем — путем рассуждений и болтовни, т. е. от противоречий действительной жизни «отговаривались фразами» (В. И. Ленин); в) единство противоположностей превращалось в их непосредственное (абстрактное) тождество, исключающее их различие, и тем самым противоречие благополучно «удалялось» как из теории, так и из реальной действительности; г) сохранялись «хорошие» стороны противоречий, устранялись их «дурные» стороны, что означало уничтожение противоречий как таковых, как «живого единства» противоположностей; д) одна сторона противоречия рассматривалась исторически, в развитии, а другая изучалась неисторически, как неизменная; е) действительные противоречия объявлялись продуктами теоретической рефлексии.

Существенная особенность марксистско-ленинского историзма состоит в том, что он тесно, органически связан с практикой, с революционной деятельностью народных масс по преобразованию мира в соответствии с закономерными объективными тенденциями исторического процесса. Теоретической основой этой деятельности является строго научный анализ действительности. Этот анализ исходит из того, что в процессе развития одна конкретно-историческая система взаимодействия (настоящее) превращается в другую систему исторической конкретности (будущее), и те элементы, которые в первой системе были единичными, подчиненными, но соответствовали общей основной тенденции развития, во второй системе становятся всеобщими, определяющими «лицо» данной системы.

Таким образом, научное предвидение в своей сущности сводится к тому, чтобы мысленно, в самом общем виде, в соответствии с выявленными законами, сконструировать «модель» будущего по тем его единичным фрагментам, которые существуют сегодня. А для этого нужно уметь найти эти фрагменты и выделить их из огромного числа других единичностей, затемняющих, скрывающих те «ростки», которые станут впоследствии элементами будущей конкретно-исторической целостности.

Когда осуществляется предвидение событий, еще не имеющих места в действительности, то на основе уже известных законов и теорий происходит экстраполяция на будущее процессов настоящего и прошлого. Однако это не означает фатальной предопределенности, ибо при данной экстраполяции учитываются до-

пустимые пределы, в рамках которых можно проецировать в будущее закономерные тенденции, выявленные в настоящем, возможность изменения данных пределов и данных тенденций и т. д. Любое научное предвидение, какое бы точное оно ни было, всегда неизбежно ограничено, имеет свои пределы, за которыми оно превращается в утопию, в пустую беспочвенную фантазию. В науке очень важно знать также и то, чего принципиально быть никогда, ни при каких условиях не может. По мере развития практики и самого познания предвидение становится все более точным и достоверным, одни его элементы не подтверждаются и отбрасываются, другие — находят свою реализацию, предвидение в целом развивается, конкретизируется, наполняется более глубоким содержанием.

Итак, основными «шагами», ступенями восхождения при последовательном проведении исторического подхода являются: 1) анализ настоящего; 2) изучение прошлого — генезиса и главных ступеней развития предмета; 3) выявление тенденций развития исследуемого предмета, предвидение будущего.

Первая из этих ступеней — начало, исходный пункт всего исторического рассмотрения, где формируется предварительное представление о предмете, которое носит схематический, довольно общий и абстрактный характер. Объективной основой этого первоначального представления, которое служит «руководящей идеей» для дальнейшего движения мысли, является целостный образ настоящего, выступающего как единство «следов» прошлого, «основ» современности и «зачатков» будущего.

Вторая ступень — отрицание и «снятие» первой ступени. Зная в общих чертах сущность, специфику изучаемого предмета, выявленную на первой ступени, исследователь начинает мысленное движение от настоящего к прошлому. Здесь настоящее берется главным образом в том его разрезе, что оно есть «снятое» прошлое, и основное внимание, особенно в начале этого пути восхождения, обращается именно на «следы», «обломки» прошлого, по которым и осуществляется реконструкция истории. Познание возникновения предмета и этапов его развития становится содержательнее, богаче и конкретнее, история представляется все более «живой» и «полнокровной». Первоначальное представление о предмете «обрастает» знаниями исторических деталей, подробностей и т. п., становясь глубже, всестороннее и точнее. В определенный момент познание меняет знак своего «хода» на обратный, т. е. преобладающим направлением его движения становится движение от прошлого к настоящему, вернувшись к которому оно поднимается на новый, более высокий этап.

Третья ступень — отрицание отрицания, «снятие» двух первых ступеней, возврат познания на новой основе к настоящему — возврат, обогащенный знанием всей предшествующей истории. На этой ступени в результате такого спиралевидного движения имеет место синтез знаний о настоящем и прошлом, и только на базе этого глубокого и богатого содержанием знания возможно опре-

деление — с той или иной степенью достоверности — перспектив дальнейшего развития предмета, предвидение будущего.

На этой третьей ступени происходит возврат якобы к старому, те знания о настоящем здесь имеют лишь формальное сходство с аналогичными знаниями, полученными на первой ступени (ибо и те и другие — знания о настоящем), но сильно отличаются по глубине и полноте содержания. На третьей ступени имеет место воспроизводство знаний о настоящем, которые были добыты на первой, исходной ступени, но на новой основе, во-первых, на базе тех понятий, теорий, законов и т. п., которые были получены при изучении прошлого, и, во-вторых, на основе новых фактов о самом настоящем. При этом сохраняются, удерживаются те знания, которые оказались неверными, не подтвердились рассмотрением прошлого. Одновременно осуществляются переработка сохраненных знаний, их преобразование и углубление, наполнение новым содержанием. Тем самым происходит не только простое дублирование двух предыдущих ступеней, не только повторение их «известных черт», а существенное приращение знаний о настоящем, которые, развиваясь уже на новой основе, в новых условиях, углубляются и расширяются, все более адекватно совпадая с реальной историей.

На третьей ступени настоящее рассматривается прежде всего с точки зрения тех «зародышей» будущего (и условий их осуществления), которые порождены всем предшествующим развитием и служат объективной основой построения тех или иных «моделей» будущего. Иными словами, на данной ступени исследования теоретический образ настоящего «разворачивается» не к прошлому, а ориентируется на будущее, предвидение которого становится здесь главной задачей познания. Тем самым, во-первых, настоящее понимается теперь не столько как результат, итог всей прошлой истории, сколько как основа, начало дальнейшего движения по направлению к будущему, которое является неизбежно закономерным продолжением прошлого и настоящего; во-вторых, последнее трактуется более полно и глубоко, так как становятся известными тенденции его развития.

Таким образом, принцип историзма может быть реализован во всем объеме только тогда, когда познание прошло все три рассмотренные ступени и завершилось обнаружением основных тенденций развития исследуемого объекта, его будущего. Данная схема развертывания исторического подхода является именно схемой, и не более того, поскольку реальный процесс познания истории тех или иных объектов не может быть, разумеется, втиснут в жесткие рамки схемы, а имеет множество «вариаций и градаций». Кроме того, завершение цикла «настоящее — прошлое — будущее» не означает, конечно, завершения исторического рассмотрения как такового. Последнее есть бесконечный процесс восхождения, углубления, развития знаний о данном предмете и его истории, а указанный цикл лишь одна из ступеней этого процесса.

В условиях современной НТР, когда необычайно возрастает роль науки и ее методологических проблем, очень актуальной является задача представить диалектику как систему принципов — всеобщих требований, универсальных норм, направляющих и регулирующих познавательную деятельность людей, т. е. имеющих «силу» во всех сферах их жизнедеятельности: в политике, в науке, в освоении и создании мира культуры и т. д.

При этом речь идет, разумеется, не об «ущемлении» объективного содержания законов и категорий диалектики, а о том, чтобы на основе этого содержания были сформулированы в систематической форме вытекающие из них нормативные, методологические требования, которые познающий субъект должен хорошо знать и умело применять. Принципы диалектики — это не что иное, как ее законы и категории в их методологической функции. Взятые в их субординированной связи, они образуют наиболее общую исследовательскую программу, универсальный «алгоритм деятельности», специфически преломляющийся в каждой науке, в конкретной познавательной ситуации, при решении той или иной практически-политической задачи.

В своем полном объеме и во всех своих аспектах принцип историзма может существовать лишь в «чистом виде», ибо в реальном научном исследовании в зависимости от тех или иных конкретных условий он соответствующим образом «преломляется», приобретает специфическую форму своего существования. Так, в одном случае на первый план может быть выдвинута задача исследования настоящего, в другом — акцент делается на выявлении тенденций развития предмета, его будущего, в третьем — главным становится анализ прошлого, где, в свою очередь, исследователя может интересовать либо преимущественно генезис предмета, либо главным образом этапы его истории.

Кроме того, в одних условиях для одних наук наиболее важным является «конкретно-хронологический» компонент историзма. Это, по Ф. Энгельсу, «исторический способ рассмотрения», который обязательно следует за всеми зигзагами, скачками и отступлениями истории и принимает во внимание «много материала незначительной важности». В других условиях для других наук наиболее важным становится «абстрактно-теоретический» компонент историзма. Это, по Ф. Энгельсу, «логический способ рассмотрения», который, в сущности, есть тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих его случайностей [см. 1, 13, 497; 51; 58; 149].

Различие этих двух форм историзма не означает, что первый из них чисто эмпирический, а второй — чисто теоретический способ постижения истории,— речь идет именно о преобладании того или другого. Так, в «Капитале» применен преимущественно «логический метод», анализируется огромное количество фактов действительности.

Вместе с тем следует отметить, что при осуществлении требований принципа историзма в целом (в каждом из его элементов)

познание проходит два относительно самостоятельных этапа: эмпирический и теоретический. На первом из этих этапов преобладают такие операции, как отбор и систематизация фактов, наблюдение, эксперимент и моделирование, описание фактов, их первичное обобщение и классификация на основе определенного концептуального аппарата и т. п. На втором этапе основной задачей становится выявление сущности, законов, построение теории с помощью таких логических средств, как абстрагирование, идеализация, мысленный эксперимент и т. п. Большое значение на этом этапе приобретает исследование самих понятий, категорий и методологических принципов, обнаружение противоречий «в самой сущности предметов», прослеживание развития и разрешения этих противоречий.

Однако «преломление» принципа историзма в виде его модификаций и форм не означает недооценку или тем более игнорирование обще и частнонаучных способов и приемов познания, которые должны соотноситься с историзмом в плане диалектики общего, особенного и единичного. В какой бы форме ни выступал историзм в той или иной конкретной познавательной ситуации, нельзя при этом забывать и полностью отвлекаться от тех элементов этого принципа, которые не «работают» в данный момент, ибо так или иначе они в «снятом» виде присутствуют в любом исследовании и их всегда необходимо иметь в виду.

§ 2. Единство исторического и логического и его связь с всесторонностью рассмотрения

Единство исторического и логического особенно полно реализуется в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Метод восхождения от абстрактного к конкретному является способом логического воспроизведения системы взаимосвязанных, переходящих друг в друга категорий, связь между которыми отражает реальную структуру и способ функционирования объекта, находящегося на определенной стадии развития. Связь категорий, установленная для высшей формы, и есть действительная история предмета, резюмированная в понятиях. Вот почему раскрытие законов движения объекта есть в то же время обнаружение исторического пути процесса его становления.

Термин «историческое» имеет два смысла. Он означает, во-первых, исторический путь, пройденный развивающимся объектом, во-вторых, путь, пройденный познанием объекта.

Логическое есть историческое, очищенное от случайностей и «зигзагов» истории, причем речь идет не только об истории познания, но и о реальной истории предмета. Логическое совпадает с историческим развитием предмета в его необходимых, узловых точках. Поэтому между логическим изображением сущности предмета и эмпирическими данными, явлениями истории предмета существуют противоречия, вполне разрешимые теоретическими

средствами. Анализ подобных диалектических противоречий дан К. Марксом во введении к работе «Экономические рукописи 1857—1859 годов».

Как же соотносится принцип совпадения исторического и логического способов понимания предмета с принципом всесторонности его рассмотрения?

Логическое понимание предмета, сохраняющее его целостность, осуществляется в процессе восхождения мышления от абстрактного понятия к конкретному. Абстракции, из которых образуется конкретное понятие, выражают развитые отношения предшествующих форм предмета (или господствующие принципы исторически предшествовавших теорий). Однако в составе современной логической конструкции, представляющей конкретную целостность, они сохраняются в существенно преобразованном виде как подчиненный момент, элемент целого.

Метод восхождения от абстрактного понятия к конкретному на первый взгляд как бы воспроизводит историю предмета наизнанку: исторически предшествовавшая капиталистической прибыли рента в структуре «Капитала» К. Маркса выступает как нечто производное от капиталистической прибыли. Но капитализированная рента не тождественна феодальной, так как не является основной формой продукта буржуазного производства. Она не только логически, но и фактически производна от прибыли. Таким образом, логический процесс воспроизведения предмета в его конкретной целостности имеет своей основой исторический процесс развития самого предмета (или его познания).

Но тот же способ восхождения от абстрактного понятия к конкретному является способом *всестороннего раскрытия сущности предмета.*

На эмпирическом уровне познания (в естествознании он господствовал в XVII—XVIII вв.) под стороной предмета понималось его *свойство* (иначе и не может быть, так как объект эмпирического знания — непосредственные связи свойств предмета). Но исчерпать знание всех без исключения свойств предмета невозможно, поскольку их бесчисленное множество. Поэтому в XVIII в., когда выяснилась эта ограниченность эмпирического познания, стали брать верх скептические учения.

Однако уже в XVIII в. естествознание в лице ньютоновской системы — первой теоретической системы физики — начало переходить на теоретический уровень духовного освоения природы. В качестве сущности познаваемого предмета отныне берется внутренняя необходимая связь. На эмпирическом уровне познания внутренняя необходимая связь также является предметом исследования. Но сущностью здесь выступают отдельные параметры, законы. Например, в законе Бойля — Мариотта давление и объем — свойства газов. В теоретической же системе знания, изображающей предмет в его целостности, каждый теоретический закон лишь одна из сторон, не имеющая самостоятельного значения.

Исходная категория (теоретическое понятие) имеет своим содержанием закон. Закон стоимости является содержанием категории стоимости в «Капитале» Маркса так же, как закон инерции является содержанием категории инерции в классической механике. Переход от исходной категории теоретической системы знания к следующей представляет собой переход к более конкретному закону, более сложному, предполагающему исходный закон (соответственно исходную категорию). Второй закон Ньютона ($f=ma$) предполагает закон инерции, хотя из него не дедуцируется, так же как законы денежного обращения предполагают закон стоимости в «Капитале» К. Маркса. Каждый из последующих законов (соответственно категорий, т. е. теоретических понятий) в теоретической системе знаний выступает как соответствующая сторона познаваемого предмета, стоящая в определенном отношении к исходной и последующей категориям (соответственно законам).

Благодаря этому обстоятельству всестороннее знание предмета перестает быть недостижимым идеалом науки. Восхождение от абстрактного понятия к конкретному и выступает логическим способом всестороннего познания предмета, где каждая сторона (связь, необходимое отношение) предмета стоит в определенном последовательном отношении к другим его сторонам. И та сторона, которая является более абстрактной и общей, предшествует более конкретной и особенной. В истории развития предмета или его познания эта последовательность сторон была той же самой. Каждая категория «Капитала» К. Маркса выражала соответствующую связь (сторону и ступень) предмета: категория стоимости — закон стоимости, категория прибавочной стоимости — закон прибавочной стоимости и т. д. Иногда исторически одновременно всплывала группа связей (сторон) предмета, но это в сущности ничего не меняет, т. е. это не меняет указанной последовательности в принципе. Например, закон инерции был бы все равно исторически раньше сформулирован, чем второй и третий законы Ньютона, хотя последнему принадлежит формулировка всех трех законов классической механики. Закон инерции и логически, и исторически предшествует второму и третьему законам, хотя оба последних закона и могли быть открыты одновременно с первым. В общем и целом историческая последовательность возникновения категорий и логическая последовательность их совпадают. В итоге всестороннее изображение, раскрытие сущности предмета оказывается основанным на исторической последовательности формирования его сторон. Всестороннее знание предмета является, таким образом, продуктом такого логического движения мысли, которое имеет историческую природу, совпадает с историческим способом познания предмета. Именно с помощью восхождения мышления от абстрактного понятия к конкретному в каждом последующем знании сохраняется, удерживается положительное содержание предшествующего знания.

Исходный закон системы «пронизывает» все другие законы

(стороны) как единый *объединяющий принцип* системы. По своей структуре он таков, что позволяет как бы накапливать в себе все новое и новое знание. Он представляет собой единство основных противоположностей. Все последующее движение, отражающее развитие самого предмета, заключается в «уплотнении» этого отношения противоположностей путем возрастания системы посредствующих звеньев. Так, отношение между потребительной стоимостью и стоимостью в ходе изложения «Капитала» К. Маркса усложняется за счет появления таких посредствующих звеньев, как деньги, цена, рабочая сила как товар, конкуренция и т. д. Отношение между человеком и природой, опосредствованное примитивными орудиями труда, исторически «уплотнялось» транспортом, мифологией, искусством, религией, наукой, техникой и т. д., посредством которых отношение человека (субъекта) к природе (объекту) все более усложнялось, характеризуя все более высокий уровень развития исходного общественного отношения «человек — природа».

Итак, логическое изображение сущности предмета, основанное на реальном процессе исторического развития, заключается во все большей конкретизации исходного отношения (единства) противоположностей. И каждое посредствующее звено в этом отношении является выражением стороны реально существующего предмета познания.

Проследим все это на примере гражданской истории, общем способе ее изучения.

Являясь комплексной дисциплиной, прикладной системой законов других наук об обществе, гражданская история дает *всестороннее* знание о развитии и жизни общества в целом. Однако каждая из сторон предмета изучения гражданской истории — это не отдельный закон, необходимое отношение, а *система законов* других наук, взятых в особенной и часто случайной форме их действия. Поэтому гражданская история является не суммой всех наук об обществе (в том числе истории естествознания), а их приложением к живому процессу жизнедеятельности и развития общества в целом.

Отсюда вытекает, что именно в области гражданской истории применение (метода) исторического материализма играет первостепенную роль. Какая сторона общественной жизни является определяющей для развития общества в целом? Это вопрос, от ответа на который зависит изображение всей гражданской истории. Об этом специально писали классики марксизма. Ясно, что для исследования в области политической экономии вопрос о соотношении и взаимосвязи между искусством и наукой не играет никакой роли или если и имеет значение, то не первостепенное. Но для гражданской истории этот вопрос так же важен, как и вопрос об экономической жизни общества.

Безусловно, и политическая экономия того или иного способа производства, и теория государства и права, если они достигли теоретической зрелости, призваны «дать предмет» в его всесто-

ронних связях и отношениях. Но ни одна из этих дисциплин не нуждается в таком полном использовании всех категорий исторического материализма, как гражданская история. Речь идет о таких категориях, как художественная форма общественного сознания, религия и т. д. Политическая экономия может обойтись без использования этих категорий так же, как теория государства и права. Но гражданская история не сможет изобразить ни одной эпохи без использования *всех категорий* исторического материализма (за исключением, может быть, таких категорий, как род, племя, и еще нескольких частных понятий, действительных лишь для отдельных эпох).

Применение метода исторического материализма во всех науках об обществе опосредствовано целым рядом общенаучных, интегративных, «гибридных» и соответствующих специфических методов исследования, поскольку *непосредственное приложение* категорий философии к той или иной науке скорее даст философию этой науки, нежели новое положение этой науки. Например, невозможно применить исторический материализм (такую его категорию, как уровень развития производительных сил) к политической экономии без применения статистического метода.

Что же касается гражданской истории, то здесь применение исторического материализма «опосредствуется», «преломляется» не только (и может быть, не столько) общими методами исследования, сколько результатами научного исследования в других науках об обществе. С одной стороны, это обусловливает комплексный характер гражданской истории как науки, а с другой — гражданская история не является синтезом самих наук об обществе, поскольку здесь используются лишь их готовые результаты.

Однако гражданская история не только использует результаты других наук об обществе, но в свою очередь доставляет другим наукам соответствующий эмпирический материал, информацию о той или иной эпохе прошлого. Эта функция гражданской истории обусловливает первостепенное значение для нее специфических методов работы над историческими источниками (документами, свидетельствами, археологическими данными, памятниками и т. д.). Результаты других наук не являются для гражданской истории источником эмпирических данных. Таковыми для нее являются именно исторические источники. И поэтому главные специальные методы исследования гражданской истории связаны с использованием этих источников [см. 30]. Эмпирической основой исторического знания являются исторические факты, которые констатируются исследователем в результате критического анализа источников, целью которого является доказательство объективности существования того или иного события, явления, процесса исторической действительности.

Однако теоретически зрелая гражданская история изображает свой предмет как единство тех его сторон, которые раскрываются другими науками об обществе. Изучение исторических источников и установление на их основе исторических фактов дает возмож-

ность соотнести развитие этих сторон с определенной шкалой исторического времени и придать этим сторонам определенную форму, которая в данных науках рассматривается как историческая случайность. Например, для политической экономии феодального общества совершенно безразлично, в каком веке (а тем более году) было отменено крепостное право. Для гражданской же истории эта *историческая случайность* очень важна. Причем это событие (в данном случае) вовсе не является случайностью, так как гражданская история изучает *причины,* приведшие к этому событию *именно в данное время.* Несущественна для гражданской истории другого рода случайность (не историческая): на какой бумаге был изложен указ, как были одеты присутствующие при оглашении указа и т. д. Эти случайности часто сохраняются в музеях (расположение столов и стульев в доме исторического деятеля и т. д.), но они не принадлежат гражданской истории, достигшей теоретического уровня развития. Они принадлежат эмпирической истории, истории на уровне летописи.

В истории, изложенной на уровне летописи, логическое, безусловно, присутствует. Но это не та логика теоретического мышления, которая дает предмет в его всесторонних связях и отношениях. Летопись дает временну́ю последовательность событий. Но поскольку она односторонняя, она и не раскрывает всего смысла этих событий. Летопись — необходимый элемент гражданской истории, внешняя сторона ее. Ограниченность летописи, оторванной от всестороннего рассмотрения предмета, и обусловливает недоверие к историческому познанию вообще.

Летопись — это внешнее проявление действительного исторического развития общества, которое может быть изучено только на основе систематического применения законов всех наук об обществе. Если же целью исторического исследования является отдельное общественное явление (государство, искусство и т. д.), то в этом случае всестороннее изображение его истории должно опираться на использование законов (результатов) соответствующей науки и законов (результатов) смежных наук. Однако во всех случаях необходимыми, неотъемлемыми элементами исторического исследования являются два противоположных полюса — исторический материализм (общее) и летопись (единичное). Что касается исторических памятников, документов и т. д., то вне летописи они не являются элементами исторического знания. То, что делает их элементами, источником исторического знания, есть летопись, превращающая их в эмпирический материал истории.

Итак, историческое познание вообще, включая все науки об обществе, может осуществляться как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. В последнем случае применяется принцип совпадения логического и исторического способов исследования предмета в единстве с принципом его всестороннего рассмотрения. Исторический материализм при этом является той логикой всестороннего и исторического познания предмета, которая обеспечивает теоретический уровень любой науки об обществе.

Глава VII. ПРИНЦИП ПРОТИВОРЕЧИЯ

Научная теория противоречия, критически использовавшая рациональное содержание гегелевского учения о противоречии, весь научный и философский материал предшествующей истории, получила свое подлинное обоснование и развитие в марксистско-ленинской философии. Отмечая все то положительное, что имелось в диалектике Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин вместе с тем показали, что в рамках идеалистической философии были исчерпаны все возможности ее дальнейшего развития. И как указывал В. И. Ленин, дальнейшее движение диалектики вперед от Гегеля возможно лишь по пути материалистического осмысления.

Если Гегель всего лишь гениально угадал законы диалектики и представил их в виде законов мышления, законов развития идеи, то К. Маркс и Ф. Энгельс создали прямо противоположную гегелевской — материалистическую диалектику. Их учение о единстве и борьбе противоположностей как сущности диалектики явилось не только обобщением диалектики природы и диалектики исторического развития человеческого общества в целом, но обобщением противоречий капиталистической формации. Оно показывает историческую необходимость непримиримого противоречия между буржуазией и пролетариатом, вскрывает антагонистический характер взаимоотношения этих классов и, что самое главное, показывает пути разрешения этих противоречий на основе пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

Марксистская диалектика видит в противоречии внутренний источник самодвижения, саморазвития природы, общества и мышления. «Развитие капитализма,— пишет В. И. Ленин,— не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму» [4, 4, 49].

Ядром, сутью марксистской диалектики В. И. Ленин считал закон единства и борьбы противоположностей. Ленинское учение о противоречии является результатом анализа и обобщения нового исторического опыта — эпохи империализма как высшей стадии капитализма, эпохи Великой Октябрьской социалистической революции. Оно представляет собой итог анализа и обобщения прежде всего основного противоречия этой новой эпохи. Глубокий анализ противоречий империализма и пролетарской, социалистической революции позволил Ленину обосновать новую теорию социалистической революции, разработать вопрос о специфике неантагонистических противоречий, присущих социализму, а также специфические пути и формы их разрешения.

В. И. Ленин всегда обращал внимание на то, что важнейшим условием познания сущности общественных явлений должен быть глубокий анализ присущих им противоречий. «Условие познания всех процессов мира в их „*самодвижении*“, в их спонтанейном

развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей» [4, 29, 317]. Познав противоречия, можно сознательно содействовать их скорейшему разрешению, а следовательно, и развитию общественной жизни.

Так, на основе общего анализа противоречий империализма В. И. Ленин пришел к выводу о возможности революции прежде всего в тех странах, которые являются наиболее слабым звеном в цепи империализма и узловым пунктом противоречий мировой системы капитализма. А на основе конкретного анализа исторической обстановки Ленин сделал вывод, что такой страной является Россия. Великая Октябрьская социалистическая революция блестяще подтвердила правоту ленинского учения.

Анализируя место и роль закона единства и борьбы противоположностей в природе, обществе и познании, классики марксизма-ленинизма указывали на его огромное значение, особо подчеркивая, что диалектическое противоречие составляет главное содержание теоретического мышления.

Полное, адекватное отражение в познании диалектического противоречия, однопорядкового с сущностью, законом, и лишь интуитивно угадываемого на эмпирическом уровне, стало возможным лишь с достижением познанием теоретического уровня. Но их внутренняя взаимосвязь такова, что теоретическое мышление, в свою очередь, стало возможным лишь благодаря глубокому исчерпывающему исследованию диалектического противоречия. Ибо дать теоретическое изображение предмета в виде целостной системы можно только через адекватное отображение противоречия этого предмета и последовательных этапов его разрешения. Это именно то, чего не могло сделать эмпирическое мышление. Предметом исследования теоретического естествознания конца XVIII в. и особенно XIX в. стали внутренние диалектические связи, представляющие собой опосредованное промежуточными звеньями единство противоположностей [см. 1, 20, 527—528]. На этом уровне познания изучение противоречий объективной реальности с помощью одних только (хотя и важных) законов формальной логики невозможно. Оставаясь необходимым моментом для обеспечения определенности и непротиворечивости мышления, они уже недостаточны как орудие познания и поэтому выполняют подчиненную роль [см. 86, 85].

Неудовлетворенность принципом эмпирического мышления, полярно обособляющим противоположности, выразилась в попытках обнаружить связь, переход между противоположностями еще задолго до того, как наука перешла на теоретический уровень. В негативной форме это проявилось уже в апориях Зенона Элейского, зафиксировавшего непостижимые для античной науки противоречия в понятиях движения, времени и пространства. В новое время (XV—XVI вв.) Николай Кузанский и Джордано Бруно обнаружили эту связь в совпадении противоположностей в «максимумах» и «минимумах». Свою идею совпадения противоположностей Н. Кузанский доказывал на математических примерах.

Например, при бесконечном увеличении радиуса окружность превращается в прямую. Однако он считал, что полное познание совпадения противоположностей не может быть доступно человеку. Один только бог, по его мнению, способен до конца познать это, потому что он «превыше всякого противоположения» [80, 334]. Дж. Бруно развил эту идею дальше, отмечая, что противоположности, присущие всем предметам и явлениям мира, не только совпадают, но и превращаются друг в друга — конец одной противоположности служит началом другой. Хотя идеи Н. Кузанского и Дж. Бруно являются лишь догадкой, это был определенный шаг в борьбе против насаждавшегося схоластикой принципа «или — или», обособляющего противоположности, разграничивающего их непроходимым барьером и отрицающего возможность какой-либо связи между ними, это и был первый шаг по пути к пониманию внутреннего единства противоположностей.

И. Кант в своей философии обнаруживает промежуточное звено между противопоставляемыми наглядными представлениями и «чистыми» понятиями в виде допущения такой формы сознания, которая являлась бы неким «третьим», промежуточным между ними. Такой формой промежуточного сознания, по его мнению, является время, которое может связать противоположности. Аналогичную попытку представить время как промежуточное звено, опосредствующее противоположности, предпринял позднее и Людвиг Фейербах.

Таким образом, все попытки предшествующих марксизму философских течений обнаружить подлинную связь между противоположностями оказались безуспешными. Причем никто из философов не видел, что связь между противоположностями должна отражать не только момент их единства, но и момент борьбы, ведущий к разрешению противоречия. Близок к этому был лишь Гегель, но он дал идеалистическую интерпретацию. Важным моментом его философского учения можно считать предпринятую им попытку определения структуры диалектического противоречия, исследование которой до сих пор является одной из самых актуальных и сложных проблем марксистско-ленинской философии, диалектической логики. Гегель правильно подчеркивал необходимость обнаружения и глубокого исследования внутренней связи противоположностей, их взаимоперехода. Именно переход противоположностей друг в друга является, по его мнению, кульминационным моментом развития противоречия.

К. Маркс и Ф. Энгельс сохранили разработанную Гегелем терминологию структуры диалектического противоречия, наполнив ее новым, материалистическим содержанием. Так, они приняли гегелевское выделение в структуре противоречия двух уровней: внешнего и внутреннего, особо отметив значимость внутреннего уровня, где находится сложная и наиболее важная часть структуры, раскрывающая механизм опосредствования крайних членов противоречия промежуточными звеньями. Взаимосвязь, взаимопереходы, опосредствование противоположностей, составляющие со-

держание механизма противоречия, могут быть обнаружены лишь на внутреннем уровне структуры противоречия и воспроизведены с помощью теоретического мышления.

Гегель тоже пытался выявить переходы, связывающие противоположности, но эти попытки, не доведенные до логического конца, были настолько робкими, что В. И. Ленин назвал обнаруживаемые Гегелем переходы «просвечивающими» сквозь туман сверхтемного изложения [см. 4, 29, 159]. Лишь на основе материалистической диалектики удалось исследовать структуру диалектического противоречия, раскрыть методы его теоретического и практического разрешения. При этом главным в структуре противоречия для К. Маркса и Ф. Энгельса стало не просто обнаружение явления взаимоперехода противоположностей на внутреннем уровне, а исследование элементов, составляющих цепь условий, при которых происходит процесс опосредствования крайних членов.

Научный анализ многочисленных конкретных противоречий привел К. Маркса к выводу, что сложная диалектическая связь противоположностей, обнаруживаемая на внутреннем уровне структуры, представляет собой цепь промежуточных звеньев, опосредствующих собой противоположности. Этим выводом был сделан значительный шаг в понимании структуры противоречия, совершен переход от абстрактного понимания взаимосвязи противоположностей к конкретному, т. е. действительно был раскрыт внутренний механизм диалектического противоречия. Общее представление о взаимопереходах противоположностей наполнилось конкретным содержанием. А так как познание структуры противоречия дает ключ к его разрешению, то обнаружение и исследование последнего недостающего элемента в структуре — промежуточных, опосредствующих звеньев — явилось одновременно и открытием метода теоретического разрешения диалектического противоречия, на что указывал сам К. Маркс. Это видно из той критики, которой он подвергает представителей буржуазной политэкономии, выявивших противоречие буржуазного производства и пытавшихся найти его теоретическое разрешение методом непосредственного соединения противоположностей. Буржуазные политэкономы в своих исследованиях основного противоречия производства остановились на этапе, называемом нами внешним уровнем, где констатировали непосредственное соотношение полярных противоположностей. Именно за это К. Маркс критиковал Дж. Миля, пытавшегося непосредственным сопоставлением категорий экономического отношения получить их тождество. «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями,— писал К. Маркс,— здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному...» [1, 26, III, 85].

Сам Маркс, например, выводит законы прибыли из законов прибавочной стоимости путем обнаружения и анализа целого ряда

посредствующих звеньев: органического строения капитала, постоянного и переменного капитала, конкуренции и др. В. И. Ленин отмечал: «Маркс показывает, здесь, каким путем он шел и каким путем надо идти к объяснению закона стоимости. Он учит... своему методу» [4, 14, 372]. В. И. Ленин использует этот метод для теоретического разрешения противоречия перехода России от капитализма к социализму и обнаруживает в нем опосредствующее звено — переходный этап, соединяющий в себе черты обеих противоположностей. Рассматривая возможность перехода народов окраин России от капиталистических отношений к социализму, он видит единственный метод решения этого противоречия в поиске промежуточных, посредствующих звеньев: «И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму» [4, 43, 228]. Именно таким путем и шло разрешение противоречий некапиталистического развития народов Монголии, Средней Азии, Казахстана, Дальнего Востока, Севера. Ленинское положение о закономерном разрешении противоречий перехода народов, избравших некапиталистический путь развития, к социализму методом посредствующих звеньев в настоящее время сохраняет свою актуальность и является методологически важным для развивающихся стран.

Метод теоретического разрешения противоречий, предложенный К. Марксом, является, несомненно, всеобщим. Ф. Энгельс утверждал, что опосредствование противоположностей «является методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» [1, 20, 528].

Наука безусловно постоянно нуждалась и сейчас нуждается в этом методе теоретического разрешения противоречий, в динамическом осмыслении опосредствованных связей, анализе промежуточных звеньев. Но, к сожалению, до сих пор этот ценный метод некоторые философы незаслуженно обходят своим вниманием. В этой связи надо отдать должное многим представителям частных наук, которые высоко оценили плодотворность данного метода, о чем свидетельствуют многочисленные факты из различных отраслей естествознания. Психолог Л. М. Веккер указывает, что опосредствующим звеном между понятием отражения и его конкретными формами является теория информационных процессов, частный случай которых — возникающий в рецепторе нервный процесс и формирующийся на его основе психологический процесс восприятия [см. 35, 7—16]. О необходимости применения этого метода для разрешения теоретических противоречий в медицине и биологии пишет видный патофизиолог, академик АМН СССР А. М. Чернух [см. 159, 405—407], в химии — Ю. А. Жданов [см. 60, 109], в истории — М. А. Барг [см. 17, 265—267], в юриспруденции — Н. С. Самощенко [см. 138, 29], в физике — Е. Вигнер [см. 38, 31, 32, 51], И. Я. Лойфман [см. 97, 95—96] и др.

Эти примеры наглядно показывают всеобщность и методоло-

гическую значимость метода теоретического разрешения противоречий путем выделения и анализа посредствующих звеньев и необходимости его дальнейшего исследования.

Основные положения классиков марксизма-ленинизма легли в основу материалистического учения о диалектическом противоречии, его структуре и разрешении. Дальнейшая разработка и конкретизация его является важной задачей марксистско-ленинской философии.

В советской философской литературе отсутствует единое мнение по отдельным вопросам проблемы, даже по такому узловому вопросу, как понимание сущности диалектического противоречия. Многие авторы (Н. В. Андреев, Э. В. Ильенков, З. М. Оруджев, М. М. Розенталь, А. И. Шептулин и др.) рассматривают диалектическое противоречие как отношение противоположностей, взятых в одном и том же отношении, в одно и то же время, в одном и том же месте. Противоположную точку зрения высказывают Е. К. Войшвилло, И. С. Нарский, В. И. Свидерский и др. И. С. Нарский приходит к выводу, что «нет никакой нужды требовать от сторон диалектического противоречия, чтобы они относились друг к другу в одном и том же смысле и отношении» [108, 100]. Э. Н. Глаголева, пытаясь примирить указанные точки зрения, объявила правомерным одновременное существование обоих названных противоречий в реальном мире [см. 48, 205—206].

Нет единого мнения и в вопросе об элементах структуры диалектического противоречия. Существующие определения структуры диалектического противоречия [см. 23; 42; 49] представляются недостаточными в плане отражения ими всех этапов динамики процесса становления, развития и особенно разрешения противоречия. Они носят в основном общий характер, авторы при этом ограничиваются преимущественно рассмотрением внешней стороны противоречия и слабо отражают его главное содержание — механизм перехода, взаимопроникновения противоположностей, являющийся ключом к разрешению противоречия. А именно взаимосвязь, переход являются существенным моментом структуры противоречия.

Поэтому для более адекватного отражения процесса развития и разрешения противоречия в его структуре должны быть выделены следующие элементы: 1) уровни противоречия (внешний и внутренний); 2) стороны противоречия (противоположности); 3) внутренняя связь противоречия (единство, взаимопроникновение противоположностей, которые раскрываются через промежуточные звенья, опосредствующие противоположности); 4) условия разрешения противоречия (условия, при которых промежуточный член может опосредствовать противоположности); 5) ступени развития противоречия (тождество, различие, конфликт, полное разрешение).

Более обстоятельного рассмотрения требует четвертый элемент структуры, который отражает ее временной аспект, так как

не при всех обстоятельствах, а следовательно, не в любой момент времени, промежуточный член (объект, подходящий для этой роли, но пока не являющийся в полном смысле промежуточным членом) может опосредовать противоположности и быть, таким образом, ключом к разрешению противоречия.

Показательно в этом отношении разрешение известного противоречия образования капитала «в обращении и не в обращении», связанное с установлением обстоятельств, при которых промежуточное звено опосредует противоположности. Разрешение этого противоречия — возникновение прибавочной стоимости «в обращении и не в обращении (производстве)» — заключается в обнаружении определенного единства производства и обращения, а это может произойти лишь при выявлении такого фактора экономической жизни, который соединил бы в себе черты обеих противоположных сторон — обращения и производства и, следовательно, обеспечил бы возможность взаимоперехода этих противоположностей друг в друга.

Таким требованиям отвечает рабочая сила, именно она может быть промежуточным звеном во внутренней связи противоречия между противоположными процессами: в сфере обращения и вне сферы обращения. Но разрешение противоречия возникновения капитала происходит только тогда, когда рабочая сила превращается в товар, создается возможность разрешения противоречия — совмещения процесса потребления товара и созидания стоимости.

Подобная ситуация, связанная с необходимостью соблюдения определенных условий при разрешении гносеологического противоречия, имеет место в физике. Противоречие между теориями динамической и геометрической симметрии разрешается при строго определенных условиях, через выделение и анализ промежуточного звена — перекрестной формы симметрии, сочетающей в себе свойства динамической и геометрической форм [см. 39, 33, 51]. Аналогично разрешается противоречие между концепциями близкодействия и дальнодействия [см. 97, 95—96].

Следовательно, для разрешения диалектического противоречия недостаточно выявить промежуточный член во внутренней связи, необходимо еще определить условия, при которых он опосредует противоположности, т. е. условия разрешения противоречий.

Рассматриваемый элемент структуры представляет определенный интерес также в связи с тем, что в нем отчетливо проявляется различие между разрешением противоречия в объективном мире и в мышлении. Если разрешение противоречия в мышлении происходит методом обнаружения и анализа промежуточных звеньев, то разрешение предметного противоречия начинается с диалектического отрицания, уничтожения основания существующего противоречия.

Необходимым условием и предпосылкой успешного разрешения диалектических противоречий выступает максимальная сте-

пень их зрелости. У теоретических противоречий это находит выражение в резком «заострении» противоречия до антиномической формы «А и не-А», т. е. обозначающего обычно точки роста науки. К такому приему неоднократно прибегали в своих работах классики марксизма-ленинизма. Изучая движение противоположностей, обострение их взаимодействия, нарастание враждебности, мы выявляем их функцию источника развития. Именно обострение взаимоотношения противоположностей, развитие их до крайности и есть, по выражению классиков марксизма, энергичная, напряженная форма, побуждающая к разрешению этого противоречия. «Мыслящий разум (ум),— писал В. И. Ленин,— заостривает притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*» [4, 29, 128].

Безусловно, в структурах конкретных диалектических противоречий имеется определенное различие, но вместе с тем в них сохраняется нечто общее, инвариантное, что позволяет говорить о единой структуре противоречий.

На внешнем уровне противоречие существует как внешняя противоположность, отношение между исключающими друг друга противоположностями. Здесь еще не обнаруживается внутренняя связь между ними. Отсутствие взаимоперехода, взаимосвязи между полюсами противоречия — отличительная черта внешнего уровня. Основная часть развития и разрешения противоречия находится на внутреннем уровне, где противоположности, бывшие на внешнем уровне полярными крайностями, начинают проявлять признаки подвижности, связи, а затем и перехода друг в друга через промежуточные, опосредствующие звенья. На этом уровне обнаруживается глубокая, органическая, нераздельная взаимосвязь полюсов противоречия, и сами они ускользают от каких-либо жестких разграничений. Увеличение количества промежуточных звеньев во внутренней связи противоречия позволяет полнее детализировать картину «механизма» взаимопроникновения противоположностей, осуществления и теоретического разрешения противоречия. Теоретическое разрешение противоречия, таким образом, учитывает его внутреннюю структуру, воспроизводит процесс развития противоречия.

Особенностью, спецификой промежуточных, посредствующих членов является их способность сочетать в себе одновременно отдельные свойства обеих противоположностей, не являясь ими. При этом в системе промежуточных звеньев соотношение свойств распределяется таким образом что, чем ближе данное промежуточное звено к В, тем меньше у него свойств, общих с А. Целый ряд свойств, присущих членам, примыкающим к А, отсутствует у членов, примыкающих к В, а это означает, что в В достигается полное (но не абсолютное) диалектическое отрицание А (и наоборот). На указанную особенность промежуточных звеньев указывал В. И. Ленин, характеризуя переходный период от капитализма к социализму: «...между капитализмом и коммунизмом

лежит известный переходный период. Он не может не соединить в себе черты или свойства обоих этих укладов» [4, 39, 271].

Таким образом, диалектическое противоречие есть целостное единство крайних (А и В) и промежуточных членов отношения, через которые и благодаря которым противоречие осуществляется и разрешается, т. е. противоположности совпадают, переходя друг в друга через опосредствующие звенья.

Процесс развития, не заканчиваясь разрешением одного противоречия, предполагает смену состояний, в основе которой лежит невозможность сохранения старых форм функционирования, а следовательно, и структуры. Возникшее новое противоречие будет иметь измененную структуру, включающую в себя новые посредствующие звенья и новый способ взаимосвязи противоположностей.

Структурный анализ соотношения формально-логических и диалектических противоречий позволяет сделать вывод о том, что основным их отличием является наличие опосредствующей связи между противоположностями диалектического противоречия (промежуточные, опосредствующие звенья) и непосредственность отношения между противоположностями формально-логического противоречия (промежуточные звенья отсутствуют). В структуре формально-логического противоречия по меньшей мере одна из противоположностей является ложной. В диалектическом противоречии противоположности противостоят друг другу лишь как положительная и отрицательная стороны единого, здесь предпочтение не может быть отдано лишь одной противоположности как истинной.

Существенно отличаются и методы разрешения диалектических и устранения формально-логических противоречий. Если первые разрешаются теоретическим путем — методом поиска и анализа посредствующих звеньев, то в устранении формально-логических противоречий большую роль играют методы либо эмпирической, либо формальной проверки, вследствие чего одна противоположность признается ложной, а другая — истинной (в формально-логическом противоречии, возникшем в результате нарушения закона противоречия, ложными могут быть обе противоположности). Помимо структурного различия, существующего между диалектическим и формально-логическим противоречием, имеется различие, вытекающее из природы противоположностей. Суть его заключается в том, что в диалектическом противоречии обе противоположности — конкретные, реальные. Будучи взяты вне связи друг с другом, они образуют антиномию. В формально-логическом противоречии одна противоположность конкретная, другая — абстрактная, а точнее, неопределенная.

Антиномия как постановка теоретической проблемы возникает обычно при переходе с эмпирического уровня познания на теоретический, при переходе от известных фактов к выявлению существенных, необходимых связей между ними. Однако, хотя антиномия иногда по внешнему виду и напоминает формально-логи-

ческое противоречие, по существу, она существенным образом отличается от него уже потому, что в ней оба члена отношения истинны. Вместе с тем она еще не является полным отражением диалектического противоречия. Антиномия, связывая оба вида противоречий, сочетает в себе черты обоих: 1) оба члена отношения истинны (диалектическое противоречие); 2) отсутствуют промежуточные, посредствующие члены (формально-логическое противоречие).

Антиномия является значительным этапом в процессе познания, свидетельствующим об осознании существующего теоретического противоречия в познании и необходимости его разрешения. Примером этого является теория света, развитие которой через взаимное отрицание односторонних корпускулярных и волновых представлений привело в начале XX в. к единой синтезированной концепции.

Диалектический подход требует дифференцированно учитывать особенности диалектических и формально-логических противоречий, их различие и единство, что обеспечивает наиболее полное, адекватное отражение объективной действительности в познании.

Глава VIII. ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ

В диалектической логике марксизма принцип системности во многом определяет ее структуру. Системность в единстве с другими всеобщими принципами теоретического мышления (такими как историзм, единство абстрактного и конкретного, логического и исторического и др.) образует концептуально-методологическое основание исследования сущности развивающегося научного мышления.

Разработка проблемы системности в работах современных философов-марксистов (А. Н. Аверьянова, В. Г. Афанасьева, Л. Ф. Ильичева, В. П. Кузьмина, Л. К. Науменко, З. М. Оруджева, А. П. Шептулина, И. Элеза и др.) связана с необходимостью общеметодологического обобщения «системного движения» в современной науке и практике [см. 21; 109; 136].

Между логико-методологическими установками структурализма, функционализма и историзма как направлений в современных теоретических исследованиях и категориально-методологическими схемами систем немецкой классической философии, философских концепций нового времени существует большое сходство, особенно в способах интерпретации системности мышления [см. 110; 113]. В этой связи исследование системности как принципа диалектической логики должно осуществляться в форме критической оценки отношения «системные идеи в истории философии — системная методология современной науки». Принцип системности в теории и методологии К. Маркса анализируется преимущественно в форме методологических средств исследования и построения «Капитала».

Как подчеркивает В. П. Кузьмин, «Маркс хотя и употребляет понятия «система», «органическая система», «развитие системы в целостность» и т. п., однако употребляет их прежде всего в содержательном плане, без специальных методологических рассуждений общего порядка, тогда как в рамках современного системного подхода такого рода понятия становятся важными компонентами специального языка и предметом методологического обоснования» [82, 13].

Системность как категория и принцип получает методологическое обоснование в диалектической логике. Обобщая достижения историко-философского мышления и современного этапа частнонаучной системной методологии, диалектико-логический принцип системности выражает закономерности общетеоретического мышления, формы его сущности, единства философского и частнонаучного теоретического познания.

В наиболее общем смысле принцип системности указывает на системность, сложность развития теоретического мышления, его иерархичность. На каждой стадии развития логики понятие «система» приобретает определенный смысл и содержание через фиксацию ее отношения или связи с определенными группами философских категорий [см. 105]. Так, например, система определяется в первом приближении посредством категорий: «вещь», «качество», «свойство», «количество», «мера», «отношение», «элемент», «единство», «структура» и т. п. Более сложное противоречивое определение системы связано с категориями: «противоречие», «функция как опосредование противоположностей», «противоречивое развитие» и т. п. Наиболее конкретное определение содержания категории «система» связано с такими понятиями, как «отрицание», «отрицание отрицания», «системность развития», «целостность», «развитие как единство поступательности и цикличности (системности)» и т. д.

Иерархичность содержания понятия «система» связана с ее «генетическим», «логико-историческим» представлением в сложном теоретико-методологическом содержании самой диалектической логики. Теоретическое изложение категории «система» связано с диалектическими принципами противоречия, развития и подчинено им. «Система» как категория и принцип, следовательно, приобретает особый смысл и значение на каждом из этапов или уровне диалектики как логики противоречивого развития. «Система» охватывает и содержит внутри себя «логику самодвижения», этапы которой и предстают в качестве фиксированных логических ее определений. Именно в этом смысле только и можно говорить о «системе» как универсальном, всеобщем принципе диалектики, как методологии развития, о принципе системности в его единстве с принципом развития.

Наиболее простым в современной науке и первичным в истории теоретического мышления представлением предмета познания является «вещь как совокупность свойств». Понимание предмета теоретической мысли в качестве «вещи вообще», «совокупности

вещей» (объектов, тел, процессов, феноменов и т. п.) является главным в философских системах прошлого. «Вещное» представление предмета является центральным в современном естествознании (особенно в комплексе астрономо-физических наук) и многих направлениях обществознания, использующих так называемую вещно-структурную методологию, системно-структурный подход, системный анализ и т. п.

Исследуя метод построения «Капитала» К. Маркса, рассматривая его как образец системной методологии, В. П. Кузьмин выделяет «вещноцентризм» («предметоцентризм») в качестве особой методологической установки, в качестве исходной и необходимой формы познания наукой своего предмета и изложения собственного теоретического содержания [1].

Первичное рассмотрение предмета исследования как системы посредством категорий вещи, качества, совокупности свойств, структуры и компонентов и т. п. характеризует в общем большую часть работ, использующих методологию системно-структурного подхода. Понятие «система» здесь имеет двоякий смысл. С одной стороны, система обозначает феномен объекта, т. е. совпадает с понятием «вещь», с другой — она характеризует сущность и тождественна понятию «структура» («внутренняя форма»). Каким образом осуществляется логический переход, совпадение данных форм понимания системы?

В истории философии, науки, в современных частных дисциплинах, использующих преимущественно аналитическую методологию, можно выявить определенную закономерность. Предмет теории, оперирующей внутри себя концептуальными, идеальными «образами», часто идентифицируется с эмпирически-наглядным, воспринимаемым непосредственно предметом исследования, т. е. с «вещью». «Вещь как совокупность имманентных свойств» и «мир как совокупность вещей» были главными категориальными формами осмысления мира и знания о нем со времен античности. Из всех свойств «субстратно-оформленной» «вещи» выделялась как сущность ее структура, «внутренняя» форма. Единство мира как совокупности вещей или «вещи вообще» отыскивается путем анализа вещи, ее редукции сначала к компонентам, а потом — к элементам, находящимся, как правило, на грани чувственного восприятия как доказательства их реальности. Элементаризм как способ исследования и представления «вещно-центристского мира», его сущности или единства, выступает в качестве основного методологического средства философии и науки. «В известном смысле элементаризм, — пишет Н. И. Степанов, — был основным способом рационализации действительности, получившим отзвук во всех сферах культуры, а не только науки, — и в римской правовой системе, рассматриваемой Лейбницем как олицетворение

[1] Выделяемые и анализируемые нами формы системности в диалектической логике во многом основываются на исследованных В. П. Кузьминым трех основных формах или методологических схемах системного знания: «предметоцентризме», «системоцентризме» и «метасистемности» [см. 82].

формальной логики, и в античном театре масок, призванных выражать скрытую и неизменную природу персонажей, и в литературной концепции характера как устойчивой, себе тождественной величины независимо от меняющихся ситуаций и т. д.» [147, 24].

Элементаризм выступал логико-методологической схемой представления сущности «вещно-субстратного» мира как предмета познания для различных направлений домарксовской философии. Представление бытия как «идеализированной природы» или «натурализированного мышления» [148, 7], сущность которого сводилась к ограниченному множеству элементов и «выводилась» из последних как из «первопричины» (будь то элементарные «логико-онтологические» категории, атомы или «комплексы ощущений»), сближало объективный и субъективный идеализм с абстрактным, метафизическим материализмом как «субстанциальным натурализмом». В. И. Ленин, подвергая критике метафизический материализм, согласно которому вещам мира «предшествует» как их основа или сущность «неизменная», «элементарная субстанция», писал: «Никакой «абсолютной субстанции»... для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны...» [4, 18, 277].

Антитезой «естественнонаучному аналитическому элементаризму» в области гуманитарных наук выступает современный «структурализм» или «системно-структурный подход». Структурализм как особая методология и направление в науке, претендующее на роль «системно-сущностного», «нового» подхода, наибольшее распространение в литературе получил в лице «французского структурализма» [50, 150].

Структурализм как методологическое направление является формой распространения методов «точного», «объективного естествознания» на область анализа общественных явлений. В этом смысле он есть продолжение и «дополнение» элементаризма. На уровне философской методологии структурализму соответствует «логический формализм», «формальный элементаризм», который является столь же древним, как и представление сущности вещей в виде элементарного закона, формы, числа и т. п.

И элементаризм, и структурализм основываются на модели предмета теоретического познания как объективного «компонентного единства». Последнее обозначается в современном структурном анализе как «система», тогда как ранее оно обозначалось в качестве «единства свойств» или «вещи» (идентифицируемой в естествознании с «вещественным объектом», «телом» и т. п.).

Элементаризм связан с расчленением «субстратной вещи» на компоненты, компонентов — на «наглядно-чувственные» элементы. Законы взаимосвязи и «самодвижения» элементов и выступали в качестве «функциональных» законов «мира вещей». Таковы, например, основные законы механики Ньютона в механистическом мировоззрении XVIII—XIX вв. Элементаризм находит свое обоснование в механическом (атомарном, лапласовском) детерминизме, а последний — в «механико-математической картине» мира.

Математизация, формализация физической элементарности была исторически первой формой структурализма (в его современном понимании). Например, современный лингвистический структурализм, основы которого заложены в работах Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона и др., во многом повторяет методологические приемы «математического структурализма» (школа Н. Бурбаки и др.).

Если «элементаристский редукционизм» сущность или субстанцию мира представлял в форме элементов или элементарных законов (форм и т. п.), то структурализм сущность и «тайну целостности» ищет в структурах (как элементарных, фундаментальных формах, законах, отношениях и т. п.). «Если обозначить *схему отношений между элементами целого* как *структуру,* а методы исследования, направленные на ее обнаружение, как структурные, то можно считать, что перенесение центра тяжести с элементов на их соотношения и знаменует новый, или структурный, подход к объекту» [112, 25].

Структура, или внутренняя форма объекта, представляется как эквивалент его целостности, сущности. Структура иерархична. Как конкретное, относящееся к данному объекту образование, она есть совокупность отношений между иерархическими уровнями (компонентами) внутренней организации объекта, а на каждом уровне — как совокупность отношений между его составляющими. Как абстрактное, фундаментальное или абстрактно-всеобщее основание объекта структура есть совокупность отношений между его элементами. Объект, редуцируемый к элементарной структуре, становится по своей сущности тождественным другим объектам, их элементной структуре, образуя в единстве с ними «мир как структурно-элементарный универсум». Именно данное понимание структуры и рассматривается методологами структурализма в качестве общего, ивариантного, универсального, сущностного и т. п.

Основным недостатком структурализма как методологии является принципиальное отсутствие в нем возможности системно-монистического или конкретно-сущностного объяснения явлений. «Внутренне-внешняя» универсальная структура принимается за детерминанту целостности, системности. Центральные для структурализма или системно-структурного подхода понятия «система» и «структура» определяются обычно как множество элементов, отношений, совокупность или комплекс компонентов и т. п. [см. 136; 92—102]. Как справедливо подчеркивает В. Н. Садовский, «противопоставление «системное — теоретико-множественное исследование» во многом является решающим как для понимания существа системного подхода, так и для построения специфического системного концептуального аппарата» [137, 49].

Другим существенным недостатком структурализма является отсутствие объяснения самого происхождения структуры (из которой «выводятся» все остальные качества объекта как «феноменологические»), генезиса ее «множественной элементарности». Что касается истории философского мышления, то его различные на-

правления традиционно делились и противополагались именно в зависимости от способа объяснения происхождения «элементарной» формы как сущности мира, а следовательно, и от способа представления самого мира.

Итак, первичной, наиболее абстрактной моделью предмета научно-теоретического мышления является «вещь». Системность здесь выступает в форме абстрактно-общей структурности или в качестве всеобщей простой взаимосвязи как совокупности отношений между элементарными объектами. Развитие на данном уровне теоретического мышления предстает как абстрактно-общее структурированное движение, структурированное иерархическое усложнение, как логический переход от одного уровня структур к другому согласно самой «структуральной логике».

Логический переход от «вещноцентризма» в теоретическом мышлении к «системоцентризму» (согласно терминологии В. П. Кузьмина) как современной и конкретной методологической установке в науке имеет, разумеется, свои практические и теоретические детерминанты. Растущий синтез самих философских, частнонаучных и социально-практических детерминационных факторов вызвал необходимость представления предмета научного мышления в форме структурированной, функционирующей и развивающейся «системы». Системно-функциональное представление предмета познания и самого познания существенно отличается от их «вещно-субстратного» способа моделирования.

Данная методологическая установка, свойственная современному системно-функциональному подходу в частнонаучном познании, является конкретизацией элементаристской методологии и имеет свои развитые в логическом плане аналоги в диалектике Гегеля и в системно-диалектическом методе К. Маркса.

Сущность или системность объекта теоретического мышления объясняется здесь не только и не столько из его элементарной структуры или структурированных элементов, но прежде всего из конкретного сложного целого — среды данного объекта, куда исследуемый объект входит как функциональный компонент. Исследование сущности движется в пределах противоречивого отношения «элементарная структура объекта» (абстрактное) — структура его среды (конкретное)». Само элементарно-структурное основание объекта выступает теперь в качестве объяснения не всей сущности, а только абстрактного (не целостного, частичного, множественного и т. п.) ее эквивалента. Структура рассматривается в качестве простого, одностороннего выражения или отражения более конкретной, развитой системы, детерминирующей и объясняющей исследуемый объект. Здесь детерминационное объяснение, двигаясь от «конкретно-целого к абстрактно-целому», «снимает» и содержит в себе собственную противоположность — абстрактно-причинное объяснение конкретного из его структурных элементов (элементарной структуры). Другими словами, конкретное есть «ключ» к объяснению абстрактного, а абстрактное есть одностороннее, простое, частичное объяснение конкретного.

Анализируя Марксов принцип объяснения системной сущности социальных объектов, вещей, В. П. Кузьмин выделяет в них два качества — природное и социальное. Если природное качество вещи подчиняется объективным, природным законам, открываемым способом аналитического редукционизма, то социальные качества вещи, как более развитые, конкретные, определяются «той общественной системой, в которой они созданы и существуют». «Главным является социальное качество, именно оно и создано человеческим трудом» [83, 135].

Объекты, включенные в сферу теоретического мышления, в сферу духовной культуры, бытия как общества в целом, в своем природном основании подчиняются законам неорганической и органической природы. Однако системность или сущность объектов познания и практики объясняется прежде всего из функциональной, деятельной организации общества: последняя несводима к природным законам и «не выводима» из них. Причем социальная сущность или системность объектов теоретического исследования имеет актуально-объективный характер, что и послужило поводом для полной идентификации в методологии структурного анализа объектов культуры их социальной и природной форм объективности.

Таким образом, в теоретическом осмыслении объектов основным признается их моделирование в качестве «функциональных систем», т. е. включенность в систему социальной деятельности (производства, потребления и т. д.). Функционально-деятельное представление объекта теоретического исследования как системы определяет его «структурно-субстратное» основание в качестве абстрактной стороны детерминирующего противоречия «структура — функция» или «абстрактное единство — система». Системообразующий центр функционально представленного объекта познания переносится из структуры в сферу функционирования. Само функционирование приобретает системный характер, т. е. выступает в качестве системы или противоречивого единства (функциональных) компонентов.

Система как «функциональная система» есть противоречие, диалектическое тождество противоположных компонентов (в нашем рассмотрении это тождество природно-субстратного и общественно-деятельного качеств или функций социальной вещи).

Система как противоречие, противоречивое тождество компонентов (качеств, функций, свойств, отношений и т. п.) диалектически тождественна собственному развитию, сущность которого есть также системное противоречие. Развитие как противоречие, интерпретированное в качестве методологии системного теоретического исследования, движется в пределах отношения «система—компоненты» как «абстрактное — конкретное». Системность выступает как развитие целостности или процесс конкретизации самой системности. Другими словами, системность есть всегда определенный этап и результат сущностного «систематизированного» развития. Феноменологически развитие предстает здесь в

форме усложняющегося перехода одной системы в другую, более сложную. Развитие «как система» и развитие «как переход, трансформация простой системы в сложную» относятся друг к другу как сущность и явление, т. е. образуют диалектическое тождество.

Таким образом, в функциональной системе, в системе функционирования причина и следствие диалектически тождественны друг другу как «развитие» и «система». В отношении «системность — функциональность — развитие» функционирование является «средним членом», конкретным звеном, опосредующим тождество «развития» и «системы».

Теоретическое исследование социальных систем как систем организованной деятельности с необходимостью учитывает в прогнозе развития функциональную системность последнего. Данный способ диалектического, т. е. функционально-противоречивого, единства системности и развития был применен как методологическое средство К. Марксом в анализе «функционально организованного» развития буржуазного общества. «Если в законченной буржуазной системе, — подчеркивает К. Маркс, — каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положение есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития» [1, 46, I, 229].

Если система в ходе исторического развития превращается в целостность, то, следовательно, ей соответствует и целостное понимание самого развития аналогично тому, как противоречивому пониманию принципа системности соответствует и противоречивое понимание принципа развития, а абстрактно-всеобщему содержанию структуры, в свою очередь, противостоит абстрактно-всеобщее понятие движения.

Вслед за «вещно-центристской» (элементарно-структурной) формой теоретического мышления мы выделили вторую, более конкретную «системно-функциональную» (системно-противоречивую) методологическую схему представления предмета познания. Данной форме методологии исследования соответствует противоречивое единство системности и развития.

Принцип системности в диалектической логике приобретает свою наиболее развитую форму в качестве конкретного единства принципов целостности и историзма (исторического развития). Им соответствует и наиболее конкретное представление научным мышлением мира как собственного предмета исследования. «Третий род объектов познания, — пишет В. П. Кузьмин, — сложная действительность, представленная множеством разнотипных объектов (систем). Соответственно моноцентристские установки пред-

шествующих форм («предметоцентризм» и «системоцентризм») здесь неадекватны, на их место выдвигается новый принцип познания, согласно которому изучаемая реальность рассматривается как полицентрическое сверхсистемное единство» [82, 30—31].

Полицентрическое сверхсистемное единство — это отношение конкретного тождества системы и компонентов, их сущностное совпадение, когда системообразующий центр, целостность или сущность, находятся в каждом из компонентов, а следовательно, и в их системе как конкретной целостности.

Содержательно-теоретическим основанием диалектико-логического конкретного тождества принципов целостности и исторического развития является социально-философская концепция коммунизма как системного историзма или конкретного гуманизма. В. П. Кузьмин пишет: «Подлинная целостность как общества, так и человека уже не только в производственно-экономическом, но и в собственно социальном смысле достижима только при коммунизме» [там же, 134].

Становление целостной, всесторонне развитой коммунистической личности осуществляется в системном историзме, в прогрессе целостности общественного развития. Становящийся человек, сущность которого есть система всех общественных функций, форм деятельности (а сущность общества есть система конкретно-человеческих отношений), логически воспроизводится в принципиальной форме системного историзма, т. е. общественной истории в ее всестороннем, системном синтезе, центром которого выступают все индивиды коммунистического общества. Системный историзм с центром в целостном человеке реализует себя в прогрессивном процессе освоения классовым индивидом отчужденной от него сущности, имеющей внеиндивидный, социально организованный характер в сфере культуры, политики и экономики. Односторонний, абстрактный прогресс в процессе роста его системности трансформируется в целостный историзм коммунистического общества.

Системный историзм как конкретное тождество целостности и исторического развития в теоретическом его осмыслении показывает, что только системное, всестороннее развитие, развитие как целостность есть действительное развитие. Частичный прогресс, критически оцениваемый с позиции единого, по сути дела диалектико-логического принципа «целостного историзма», или «исторической целостности», выступает как одностороннее, абстрактное усложнение, как квазиразвитие, как возможная или реальная деградация, упрощение других компонентов, форм прогресса.

Итак, основными формами диалектико-логического выражения содержания принципа системности являются: требование абстрактно-всеобщего единства структуры и движения, противоречивого тождества системности и развития и конкретно-всеобщего тождества целостности и историзма.

Логическое восхождение от понятий структуры и движения как наиболее абстрактных форм проявления системности и развития к принципам целостности и историзма осуществляется согласно

логическому способу движения «от абстрактного к конкретному» или согласно закону отрицания отрицания [см. 65, VI] и указывает на тождество целостности и «открытости» — «цикличности» и «поступательности» развития в его диалектико-логическом понимании. Теоретическое рассмотрение основных форм единства развития и системности осуществляется согласно структуре развития самого научно-теоретического познания, на уровне логики диалектического мышления, опосредуется взаимосвязью с другими его основными принципами, образуя с ними основание диалектической логики как развивающейся системы.

Глава IX. СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Категории «субстанция» принадлежит особое место в материалистической диалектике. Являясь всеобщим основанием построения целостной системы категорий, она составляет также исходный пункт теоретического познания. Субстанциональный подход, будучи основным критерием подлинной теоретичности осмысления действительности, обеспечивает постижение внутреннего единства разнообразия эмпирических фактов, их общности. Очевидна методологическая значимость такого подхода для построения общей теории поля в физике, общей теории жизни в биологии и для многих других отраслей знания, испытывающих на современном этапе острую необходимость в интегративных методах исследования. Интеграция знания невозможна без соблюдения принципа субстанции, лежащего в основе различных способов синтеза знаний как отражения внутреннего единства самой объективной реальности.

Учитывая, что субстанциональный подход органически связан с категорией субстанции, мы в данной главе рассмотрим основные ступени ее теоретического осмысления. Можно выделить: 1) субстанциальные свойства (всеобщность, существенность, активность); 2) субстанциальные отношения (причинность, взаимодействие и противоречие); 3) субстанциальные законы (развития и функционирования).

Субстанциальные свойства. Как известно, выделение свойств — первоначальная стадия познания. Основными свойствами субстанции являются всеобщность, существенность и активность.

В истории философии стало традицией определять субстанцию как всеобщее основание развития и познания явлений. При всех различиях и расхождениях в определениях субстанции ни у кого не вызывает сомнения то, что субстанция есть выражение всеобщности. Другое дело, что понимать под всеобщим основанием развития и познания явлений — материальное или идеальное. Из всех определений категории субстанции наиболее удачно опреде-

ление, содержащееся в «Философской энциклопедии»: «Субстанция (лат. — Substantia — сущность, то, что лежит в основе) — объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства, безотносительно ко всем тем бесконечно многообразным видоизменениям, в которых и через которые она в действительности существует; *материя* в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей» [66, 151]. Здесь верно подчеркнута специфика категории субстанции как гносеологического принципа обнаружения внутреннего единства как всего мира в целом, так и более ограниченной области изучаемой реальности и последовательного проведения этого принципа в объяснении всех явлений без исключения. Все явления изучаемой предметной области должны рассматриваться как формы проявления единой субстанции — традиционно данная философская проблема выступала как соотношение субстанции и модусов. Субстанция как выражение всеобщего основания относительно неизменна, устойчива, инвариантна, а модусы как формы проявления субстанции более подвижны, изменчивы или вариантны (вариабельны). Многообразие модусов есть проявление единого и инвариантного всеобщего основания — субстанции.

В истории философии субстанция понимается либо как пассивное, неизменное вещество (субстрат), из которого состоят все вещи, либо как активное, нематериальное начало (идея, душа и т. д.). Если метафизический материализм склонен отождествлять субстанцию с пассивным субстратом, то идеализм всегда стремится оторвать субстанцию от материи с тем, чтобы заменить субстанцией материю. Отмечая это, В. И. Ленин писал, что субстанция — «слово, которое гг. профессора любят употреблять «для ради важности» вместо более точного и ясного: материя» [4, 18, 175].

В. И. Ленин вел борьбу и против метафизического понимания субстанции как некой неизменной сущности: «Рассуждения Богданова в 1899 г. о «неизменной сущности вещей», рассуждения Валентинова и Юшкевича о «субстанции» и т. д. — все это такие же плоды незнания диалектики. Неизменно, с точки зрения Энгельса, только одно: это — отражение человеческим сознанием... независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. «Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов...» [4, 18, 277].

Идеалистическому и метафизическому пониманию субстанции противопоставляется марксистское понимание материи как субстанции. Материя есть единственная внутренняя всеобщая основа развития и многообразия явлений в природе и обществе. Иной субстанциональной основы нет в мире. Материя есть бесконечная сущность и всеобщее основание (субстанция), формами (модуса-

ми) проявления которой является все многообразие явлений в мире, включая человека и его сознание. Мир есть развивающаяся материя и больше ничего. Отсюда следует следующий методологический вывод: субстанция есть всеобщая, наиболее универсальная реальность, формами (модусами) проявления которой являются все явления в мире.»... Материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений, как «субстанция-субъект», т. е. как активная причина всех своих формообразований, не нуждающаяся поэтому в формировании извне, вне ее и независимо от нее существующим деятельным субъектом, как бы тот ни назывался или интерпретировался, — как бог, как «Я», как идея или самосознание, как душа или экзистенция. Субъект, наделенный сознанием и волей, т. е. личность, тут понимается как модус той же самой всеобщей субстанции, как способ ее саморазличения, как ее представитель, и лишь постольку — как субъект» [66, 153].

В определении материи как субстанции содержится другой методологический вывод, связанный с характеристикой атрибута материи — движения. Движение — это такой атрибут, благодаря которому сама материя обладает свойством самодвижения или внутренней активности (самопричинности). Поэтому антиномия — пассивный материальный субстрат или нематериальное активное начало (идея, душа), предполагающая, по крайней мере, наличие двух самостоятельных субстанций, здесь преодолевается. Субстанцией не может быть лишь субстрат, взятый вне его самодвижения. Объединяя оба методологических вывода, можно сказать, что субстанция есть единство субстрата и движения в их наиболее универсальной, всеобщей форме. Логика такого определения субстанции продемонстрирована в «Капитале» К. Маркса, где субстратом субстанции является товар, а его движущим началом, основой — труд. В условиях капитализма всеобщий характер приобретают товарные отношения, ибо все окрашивается и определяется ими, включая и сам труд. Рассматривая труд как источник стоимости, Маркс определяет товары и их стоимости как «кристаллы этой общей им всем общественной субстанции» [1, 23, 46].

Субстанция как единство материи и движения модифицируется в более конкретные формы субстрата и функции. Субстрат есть форма наличного бытия материи в виде определенной предметной, вещественной основы, имеющей всеобщее значение в данной конкретной сфере. Функция есть осуществление способа действия (движения). Следовательно, субстанция есть единство субстрата и функции, где субстрат выступает в форме «наличного бытия» материи (предметности, вещественности), а функция осуществляет способ действия. Функция, являющаяся непрерывным процессом, обретает в субстрате (структуре) свою угасшую, застывшую, приостановленную форму. «Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте... Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в фор-

ме деятельности (Unruhe), теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства (ruhende Eigenschaft), в форме бытия» [1, 23, 191—192].

Таким образом, принцип единства материи и движения может быть применен не только к миру в целом, но и к отдельным определенным, более узким сферам многообразия действительности. В последнем случае они модифицируются в принцип единства субстрата и функции. В этом убеждает уже приведенный пример из «Капитала» К. Маркса.

Одним из основных пунктов марксистского понимания содержания категории субстанции является идея однопорядковости категорий сущности и субстанции: «Сознание человека, наука... отражает сущность, субстанцию природы...» [4, 29, 170]. Как и сущность, субстанция также выражает наиболее глубокие, внутренние связи и отношения. Вместе с тем имеются и различия в их содержании.

На наш взгляд, основные различия в категориальном содержании понятий сущности и субстанции заключаются в следующем. При всей однопорядковости содержание понятия субстанции шире содержания категории сущности. Предмет выступает как субстанция в том случае, если он рассматривается со стороны способа действия (движения), способа функционирования данной системы явлений. Таким образом, в нашем понимании субстанция суть действия, совпадающие в значительной мере с сущностью предметов или явлений. Определить субстанцию системы — это значит определить основной способ ее функционирования. Какова основная функция системы, такова ее сущность. Кроме того, субстанция выступает в качестве основы саморазвития и всеобщего основания, модификациями которого являются все другие частные, отдельные формы проявления той или иной конкретной системы явлений или предметов.

На тождественность субстанции предмета с его действиями, функцией обратил внимание еще Б. Спиноза. В значительно более полном и всестороннем виде эта идея развита К. Марксом. «По какому же окончательному, — пишет он, — наиболее надежному признаку мы отличаем одно лицо от другого? По какому признаку *тела*. Высшей функцией тела является *деятельность*...» [1, 1, 264].

Действие, по Марксу, есть «высшая функция» предмета или явления. Поэтому способ действия, движения или существования предмета или явления совпадает с их сущностью. Эта мысль получила глубокое развитие в «Капитале». Анализируя сущность явления, Маркс обращает внимание на то, что определить сущность капитала — значит исследовать движение, в процессе которого он образуется. Процесс создания капитала есть процесс непрерывного движения: из денежной формы он превращается в производительную, из производительной — в товарную, а из товарной снова воплощается в денежную. В этом самодвижении, самовозрастании заключается тайна и специфика капитала. «Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися

деньгами, и как таковая она — капитал» [1, 23, 166]. Капитал «выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы» [1, 23, 165]. Остановка движения, застой немыслимы для капитала, так как это прервало бы процесс самовозрастания стоимости.

Еще одно различие категорий сущности и субстанции связано с тем, что субстанция имеет тесную связь не только с сущностью, но и с другими категориями. Связь субстанции с другими категориями обнаруживается теперь уже в сфере отношений, ибо свойства ее проявляются в отношениях.

Субстанциальные отношения. Первым из них является причинность. Она универсальна, носит всеобщий характер, ибо нет в мире беспричинных явлений. Поэтому субстанция не может проявиться вне причинности. Связь субстанции и причинности наиболее четко выражается в определении субстанции как причины самой себя (Causa sui), т. е. того, что существует само по себе, не завися ни от чего другого. Эту связь показал В. И. Ленин: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции» [4, 29, 142—143]. Согласно диалектике не только природа как целое — причина самой себя, но и каждый относительно отдельный объект также развивается на основе внутренней самопричинности.

Однако природа самопричинности является далеко неоднородной. Она имеет по крайней мере три уровня. Первый, наиболее простой ее уровень — обычная причинно-следственная связь, где подчеркивается все же больше активная сторона причины по отношению к следствию, действие которой носит силовой характер — причинение. В этом смысле причинно-следственная связь есть связь генетическая, т. е. возникновение и развитие какого-либо явления есть следствие причинения сил. Эта силовая природа имеет направленность от причины к следствию. Конечно, эта направленность не является абсолютной, ибо следствие также активно и оказывает обратное влияние на свою причину. Абсолютизация односторонней направленности действия от причины к следствию, в частности механицизмом, приводит, по определению Гегеля, к дурной бесконечности или прогрессу в бесконечность. Преодоление ограниченности концепции однонаправленности причинно-следственного отношения возможно путем перехода к анализу следующего уровня самопричинности — взаимодействия.

Как отмечал Гегель, во взаимодействии «бесконечный прогресс причин и действия снят истинным образом, ибо однонаправленный переход от причин к действиям и от действий к причинам отклоняется от своего пути и принимает обратное направление. Этот поворот бесконечного прогресса к замкнутому в самом себе отношению состоит здесь, как и повсюду, в простой рефлексии того, что в этом лишенном мысли повторении имеется лишь одно и то же, а именно две причины и их отношение друг к другу» [44,

1, 334]. Развитие этого отношения есть взаимодействие, являющееся следующим, более сложным уровнем самопричинности. Этот уровень самопричинности Гегель определяет как «шествие субстанции через причинность и взаимодействие» [44, 1, 336]. То же самое отмечает и Ф. Энгельс: «Спинозовское: *субстанция есть Causa sui* — прекрасно выражает взаимодействие» [1, 20, 546].

Субстанция как причина самой себя есть в то же время интегральное и имманентное качество целого, специфически характеризующее предмет и в то же время являющееся внутренним основанием взаимодействия всех его сторон. Характеризуя труд как субстанцию стоимости товаров, К. Маркс отмечал, что отношения двух товаров опосредованы чем-то третьим — их общей субстанцией: «Обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к третьему» [1, 23, 45]. Значит, «тайна», «секрет» этого третьего заключается в том, что при всех внешних различиях между взаимодействующими сторонами они имеют в то же время общую природу, являясь в сущности различными способами выражения одного и того же — единой им субстанции.

Предмет как целое познан, если различные стороны его поняты как модификация всеобщего основания — субстанции. Великолепным образцом такого развития науки является «Капитал» Маркса, где различные, разнородные вещи рассмотрены «как соответственные *выражения одного и того же общего им всем единого элемента,* элемента, совершенно отличного от их природного существования или внешнего вида» [I, 26, III, 129]. Такой всеобщей основой капиталистических отношений оказался общественный труд, который есть «то, в чем различные товары *одинаковы,* единое в них, их субстанция, внутренняя основа их стоимости» [1, 26, III, 140].

Субстанция как всеобщее основание системы воплощает в себе все богатство особенного и единичного. Это находит выражение в том, что, во-первых, субстанция как всеобщее основание есть в то же время и характеристика предмета с его особенной, специфической стороны. Например, труд есть субстанция, специфически характеризующая особенности социальной формы движения. Но, во-вторых, это всеобщее (труд) есть в то же время и внутренняя основа всех единичных явлений, т. е. конечных форм проявления субстанции предмета. С этой стороны субстанция выступает своеобразным инвариантом по отношению к конечным формам своего проявления.

Определить сущность предмета — значит определить его субстанцию как причину самой себя. Субстанция есть выражение и приближение к абсолютному определению предмета, которое конкретизируется и углубляется суммой относительных истин.

Как всеобщий способ деятельности, в процессе которой предмет раскрывается всесторонне, целостно, субстанциальное определение сущности предмета есть определение по способу действия

объекта. И поскольку способ действия или функционирования есть в то же время и способ взаимодействия, то действие есть причина самого себя. Следовательно, в субстанциальном определении сущности предмета достигается также единство сущности и причинности. А раз поняты сущность и причина явления — предмет определен всесторонне, целостно.

Но если сущность предмета определяется через субстанцию, то не противоречит ли данный подход установившемуся уже (и потому ставшему традиционным) подходу к определению сущности предмета через изучение его свойств? Противоречия нет, так как свойства вещей проявляются в движении или в их отношениях друг к другу. Определение сущности предмета через субстанцию невозможно без изучения его свойств. При субстанциональном подходе свойства изучаются в их отношении к внутренней основе предмета, т. е. к субстанции. Поэтому, обнаруживая субстанцию, мы определяем и свойства предмета, т. е. субстанциональный подход включает в себя определение свойств. Соотношение субстанции и свойств есть соотношение сущности и явления. Сущность вещи совпадает со способом движения, обеспечивающим ее непрерывное развитие и функционирование. Субстанция обнаруживается в свойствах. Поэтому изучение свойств есть способ обнаружения и постижения самой субстанции. В определении сущности предмета недостаточно акцентировать внимание лишь на свойствах вещей самих по себе, без связи с их сущностно-субстанциональной основой. Кроме того, разграничение свойств на существенные и несущественные также невозможно без связи их с субстанцией.

Завершающей стадией выявления субстанциональных отношений является противоречие, в котором преодолеваются недостатки и ограниченность отношения взаимодействия. Хотя взаимодействие есть ближайшая истина причинно-следственного отношения, тем не менее «во взаимодействии причинность еще не положена в своем истинном определении...» [43, 1, 336].

Именно в противоречии как виде самопричинности (Causa sui) преодолевается как однонаправленность причины и следствия, так и непосредственность взаимодействия. На этой стадии познания субстанции достигается ее теоретическое понятие.

Преодоление концепции непосредственности взаимодействия и утверждение концепции опосредованности сторон взаимодействия возможно на основе рассмотрения их как моментов третьего — целого. Применительно к противоречию анализ его сторон в непосредственной связи и взаимодействии есть эмпирический способ выражения через внешнюю противоположность. Это отмечал К. Маркс: «Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность... в которой один товар... непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой... непосредственно играет роль лишь меновой стоимости» [1, 23, 71].

По К. Марксу, понятие стоимости как выражение внутренних противоречий товарной формы есть нечто третье, не совпадающее непосредственно ни с одной из своих полярных форм, взятых порознь, ни с их механическим сочетанием. Аналогично обстоит дело и с понятием труда как субстанции стоимости. Диалектическое взаимодействие противоположных сторон труда образует новое качество или целое, составляющее третий момент, которым определяется взаимодействие этих противоположностей.

Целым является, по К. Марксу, совокупный, «общественно необходимый труд». Общественное производство и его объективные потребности являются подлинным источником стоимости и ее субстанции. Часть (частный труд) подчиняется движению целого (общественного труда). С одной стороны, целое формируется из взаимодействия частей, а с другой стороны, целое подчиняет себе движение частей, регулирует и направляет их движение.

Эта определяющая роль целого по отношению к частям объясняется тем, что по своему содержанию труд товаропроизводителей носит общественный характер, а по форме — частный или частичный. Подобно тому как каждый орган целостного организма строго выполняет определенную функцию целого, каждый частный производитель, хотя и формально может производить любую потребительную стоимость, на деле должен производить потребительные стоимости, нужные обществу (целому). Соответственно формально товаропроизводитель имеет право выбрать любой вид конкретного труда. Но по содержанию он должен выбирать такие виды конкретного труда, которые являются необходимыми звеньями общественного или абстрактного труда. В этом заключается диалектическое единство конкретного и абстрактного труда, их взаимообусловленность и обусловленность (опосредованность) их отношения третьим моментом — целым (общественно необходимым трудом). Если для отдельного, частного товаропроизводителя безразлично, в какой сфере приложить свой труд, то для общества в целом этот вопрос имеет принципиальное значение. Таким образом, противоречие между частным и общественным трудом развертывается в противоречие между конкретным и абстрактным трудом. «*Частный труд* должен, следовательно, выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный* труд; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд,* который поэтому и выражает себя в некотором всеобщем эквиваленте» [1, 26; III, 137].

Методологическое значение учения К. Маркса о двойственной природе труда для определения категории субстанции заключается в том, что отношения противоречия субстанции (труда) являются самой глубинной («последней») причиной самого движения. Благодаря противоречию субстанция становится всеобщей внутренней основой саморазвития предмета.

Субстанциальные законы. Выявление субстанциальных свойств и отношений есть важный, но предварительный этап познания.

Теоретическое познание идет дальше — переходит от исходного противоречивого отношения к субстанциальным законам. Эти законы делятся на два вида: законы развития и законы функционирования.

Каждый закон есть форма всеобщности в природе и обществе. Тем не менее не все из них являются субстанциальными, а только основные законы той или иной науки, отражающие такие общие стороны, на основе которых можно объяснить все факты данной предметной области. Остальные (неосновные) законы являются зависимыми от основных, их дополнениями.

Самая характерная черта основного закона марксистской философии — определяющая роль как всеобщего основания (субстанции) по отношению ко всем другим законам как формам модификации основного закона — наиболее рельефно проявляется в законе единства материи и движения. Функции его как основного закона не ограничиваются сферой философии, а распространяются на все другие науки, ибо все в мире есть различные состояния движущейся материи.

Характерной чертой субстанциального закона является также соединение принципов основного противоречия и развития. Познание развития предмета на основе основного противоречия является центральным моментом субстанциального закона. Субстанциальность основного закона связана с отражением в нем основного противоречия. Основное противоречие есть выражение всеобщей сущности, субстанции. Принцип субстанции в познании заключается в сведении всех форм многообразия явлений к единому внутреннему основанию как выражению основного противоречия и выведению из этого противоречия форм его проявления и продуктов развития. Дедукция как логическая форма процесса развития совпадает с процессом познания, движущегося от всеобщего в сторону выделения, обособления из него особенных и единичных форм.

Субстанциальная природа законов развития выражается в том, что в них в концентрированном виде получают систематизацию категории, выражающие процесс развития. Логическую природу законов развития выражают философские категории, отражающие субстанциональные свойства и отношения: всеобщность, закон, сущность, материя, движение, причинность, необходимость, противоречие, качество. Их можно назвать категориями субстанции, выражающими процесс развития, так как природа субстанции как философской категории раскрывается через них. Категория субстанции является, таким образом, логическим основанием дедукции категорий материалистической диалектики и построения их системы.

Методология разграничения законов развития и законов функционирования содержится в «Капитале» К. Маркса, в частности в послесловии ко второму изданию первого тома, где приведены соответствующие выдержки из рецензии на его труд, помещенной в Петербургском «Вестнике Европы»: «Для Маркса важно только

одно»: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому... Одно и то же явление, вследствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам» [1, 23, 20—21]. К. Маркс выразил полное согласие с указанным разграничением законов развития и функционирования.

Важно выделить следующие моменты. Во-первых, в отличие от законов развития, «перехода от одной формы к другой», законы функционирования суть законы явлений, находящихся в том «взаимоотношении, которое наблюдается в данное время», т. е. в синхронном взаимодействии. Законы же развития асинхронны. Во-вторых, законам развития и функционирования может быть подчинено «одно и то же явление». В-третьих, если законы развития суть законы изменения, то законы функционирования суть законы сохранения, динамической устойчивости. Функционирование есть основа сохранения системы. Отсюда важность принципов сохранения для законов функционирования.

Действие законов функционирования связано со специфическими особенностями отдельных систем, связанных с функциональным взаимодействием как структурных компонентов системы между собой, так и системы в целом со средой. Структура и функции системы оказывают влияние и накладывают определенный отпечаток на действие законов развития, порождая дополнительные связи — функциональные или системно-организационные. Связи эти не вытекают непосредственно из законов развития, но в то же время не только не противоречат, а, наоборот, подчиняются законам развития, сохраняя при этом свою относительную самостоятельность.

Познать систему в целом и через нее объяснить частные формы ее проявления — в этом состоит существо субстанциального принципа познания. В соответствии с этим всякий единичный предмет должен быть рассмотрен не столько сам по себе, сколько в связи с другими предметами или системами, т. е. в свою очередь как часть, компонент системы. Это значит, что всякая индивидуальная система должна быть понята не только как продукт и выражение собственной структуры, но и как момент или часть более широкой системы и ее законов, точнее, как выражение ее сущности, субстанции.

На ступени познания единичной вещи последняя не рассматривается как форма проявления всеобщего, так как она не осознается как выражение субстанции, как выражение конкретной системы взаимодействующих вещей. В действительности же сущность каждой вещи проявляется в ее отношении к другим вещам, вер-

нее, в определенной системе взаимодействия, внутри которой данная вещь выполняет свою специфическую роль.

По мнению К. Маркса, любая теория, предметом которой является органически целостная система, должна быть основана на принципе субстанциальности, и потому этот принцип имеет методологическое значение, выходящее за рамки анализа закономерностей только общественного развития.

Субстанциальное качество как основной закон функционирования системы есть внутреннее, необходимое отношение. Мысль эта получила глубокое развитие у К. Маркса, в частности в его критике гегелевской философии права: «Субстанциальное отношение есть отношение необходимости... *Субстанциальная*, только внутренняя и потому только внешняя необходимость, случайное [сплетение] «властей и функций» не может быть выдано за разумное» [1, 1, 234, 241].

Как необходимое, внутреннее отношение, субстанция есть бесконечная сущность, проявляющаяся в конечных вещах, т. е. в модусах. Следовательно, субстанциальное отношение есть отношение бесконечного и конечного, сущности и явления, всеобщего и единичного, общего и отдельного и т. д. Бесконечность субстанции, однако, относительна. Она бесконечна в пределах только данной определенной группы явлений, сущностью, субстанцией которой она выступает. Поэтому бесконечность субстанции не есть выражение абсолютной неизменности сущности.

Из сказанного вытекает важный методологический вывод. В процессе теоретического познания необходимо определить, во-первых, субстанциальное качество системы и, во-вторых, обнаружить форму наличного бытия этой бесконечной сущности в конечных проявлениях, т. е. модификации ее в отдельных, конечных, индивидуальных образованиях, моментах. Установление субстанциальной связи, сущности системы как целого с его конечными формами проявления — модусами возможно через анализ той функции, которую выполняют части в системе данного целого. Поэтому нужно сначала определить функции целого, т. е. субстанцию системы как целого, с тем, чтобы правильно определить функции отдельных сторон, моментов.

Глава X. ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Восхождение от абстрактного к конкретному — способ отображения сущности объекта как органического целого.

Непревзойденным, классическим образцом исследования объекта как органического целого служит «Капитал» К. Маркса. Именно в «Капитале» способ восхождения от абстрактного к конкретному представлен в наиболее развитом виде. Подход К. Маркса к капиталистической общественно-экономической формации

как к органическому целому коренным образом отличается от подхода буржуазных экономистов. Классики буржуазной политэкономии представляли себе общество в основном как сумму изолированных индивидов, как такое целое, элементы которого связаны друг с другом главным образом внешне. Элемент как часть целого, будучи взят отдельно от других элементов, не мог быть понят.

Представление буржуазной политэкономии об изолированном человеке (так называемая робинзонада) вырастало на почве частной собственности. Частная собственность отчуждает людей друг от друга. Люди, захваченные отношениями частной собственности, представляют себе человека как «атом», как изолированного индивида, а общество — как механическое целое, как агрегат таких индивидов. К. Маркс, отстаивавший практически и теоретически интересы класса, «призванного» объективным ходом истории возглавить борьбу за общественную собственность, в области методологии упор сделал на изучение внутренней связи явлений, на внутреннее взаимодействие.

Предмет в качестве органического целого изучал уже Гегель. Но позиция К. Маркса коренным образом отлична от гегелевских воззрений на органическое целое. С одной стороны, Гегель видел некоторые отрицательные последствия отчуждения, порабощающего человека разделения труда (например, отрицательное воздействие на человека одностороннего механического труда). Но с другой стороны, он пытался преодолеть отчуждение, оставаясь в целом на позициях теории отчуждения. Гегель представлял органическое целое, по сути дела, как исключительно духовный продукт. Органическое целое представлялось ему существующим не в самой реальной действительности, не независимо от мышления, а лишь в мышлении. Предметный мир, действительность представлялись как не имеющие своей сущности, их сущностью оказывалось мышление. Мышление в предметном мире познает лишь себя. Следовательно, представление, мысль об органическом целом была понятна как изначальная, оторванная от материальной действительности, духовная реальность.

Если Гегель попытался преодолеть отчуждение лишь мысленно, на основе сохранения существующего антагонистического общества, то К. Маркс выражал взгляды последовательно революционного класса, возглавлявшего борьбу всех трудящихся против эксплуатации, борьбу за упразднение старого, антагонистического общества. В области методологии он, во-первых, строго различал реальное органическое целое и его отображение в мышлении и, во-вторых, последовательно рассматривал органическое целое в его развитии.

Выяснение роли, места, значения метода восхождения от абстрактного к конкретному предполагает рассмотрение процесса отображения органического целого в его развитии.

С чего начинается отображение органического целого? Прежде всего необходимой предпосылкой отображения органического це-

лого является его реальное существование. Реально существующее органическое целое обозначается термином «реальное конкретное». Реально существующее органическое целое первоначально отображается чувственно, в живом созерцании, воспринимается по преимуществу непосредственно, внешне. Попадающие в «поле зрения» стороны реального конкретного представляются в основном как не связанные друг с другом, здесь преобладает хаотическое представление о предмете.

От хаотического представления о целом, т. е. от конкретного, как оно дано в живом созерцании, познание движется ко все более и более простым определениям, пока, наконец, не выделится простейшая сторона (отношение) целого. На этом пути преобладает анализ. Но уже здесь движение познания противоречиво. Анализ совершается в единстве с синтезом, существует противоречие между догадкой (отнюдь не всегда верной) о сущности и предметом как непосредственно данным. Наличие догадки о том, что предмет собой представляет, направляет познание и в определенной степени заставляет искать связи анализируемых сторон, не сводимые к установлению лишь их сходства. Тем не менее первоначально все же господствует анализ.

Таков первоначальный путь познания органического целого. Осознание же его может быть односторонним. Преобладание анализа может заслонить наличие в этом процессе познания моментов синтеза, тогда эта стадия познания органического целого предстанет как только аналитическая.

Конечный пункт движения от хаотического представления о целом, от чувственно-данного конкретного к абстрактному — выделение простейшей стороны, простейшего отношения органического целого. Что же такое простейшая сторона (отношение), если ее определить в связи с обозначенным выше движением познания?

Дальнейшее расчленение уже выводит за рамки данного предмета, так как теряется его специфика. Например, простейшее отношение капиталистической экономики — товар. Товар имеет потребительную стоимость и стоимость. Стоимость нельзя понять, не поняв, что такое потребительная стоимость. Но потребительную стоимость нельзя взять в качестве простейшего при рассмотрении экономики капитализма, ибо потребительная стоимость существует не только при капитализме и даже не только при наличии товара. Если взять в качестве простейшего потребительную стоимость, то будет утеряна специфика капитализма. Правда, стоимость существует не только при капитализме, для капитализма стоимость специфична лишь в ее полном развитии, когда она пронизывает и «освещает» соответственно все производство. Но такое понимание стоимости создается главным образом на следующей, более глубокой стадии познания предмета. Следовательно, отражение простейшей стороны, поскольку оно происходит в процессе и в результате преобладания движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, преобладания анализа, представляет собой понятие абстрактное.

Выделение простейшего отношения, таким образом, есть результат движения познания от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Результат этот становится исходным пунктом следующей стадии познания, от абстрактного к конкретному. Отражение простейшего отношения в процессе восхождения от абстрактного к конкретному существенно углубляется и полное понимание простейшего отношения достигается с завершением процесса восхождения от абстрактного к конкретному.

Если на предыдущей стадии органическое целое главным образом (но отнюдь не исключительно) расчленялось на отдельные стороны, которые изучались преимущественно по отдельности, сравнивались между собой по сходству и различию, то восхождение от абстрактного к конкретному в качестве главной задачи имеет установление связи, единства, взаимодействия различных сторон. Результат восхождения от абстрактного к конкретному — такое отображение реально существующего органического целого, в котором стороны этого целого поняты в единстве. Главная цель движения познания, совершающегося способом восхождения от абстрактного к конкретному, — раскрытие сущности органического целого.

На предыдущей стадии связь, если она фиксируется, представляется по преимуществу как простое сосуществование сторон предмета друг с другом или как следование одного за другим, как внешняя связь сторон. На стадии восхождения от абстрактного к конкретному преобладает отражение внутренней связи, внутреннего единства сторон, т. е. такой связи, когда каждая сторона выступает определенной по своей сущности именно вследствие ее связи с другими сторонами органического целого. Конкретное как результат, конечный пункт восхождения от абстрактного к конкретному есть единство (и притом главным образом внутреннее единство) различных, многообразных определений предмета.

В восхождении от абстрактного к конкретному преобладает синтез. Вместе с тем если на первой стадии анализ хотя и преобладал, но все же не осуществлялся в полном отрыве от синтеза, то на стадии восхождения от абстрактного к конкретному на первый план выступает синтез в его внутреннем единстве с анализом. Установление различия отдельных сторон (анализ) невозможно без фиксирования того или иного сходства, связи между ними; установление сходства, единства сторон (синтез) невозможно без фиксирования различия между ними. Но преобладание анализа или синтеза возможно.

Однако в движении познания от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному анализ есть преимущественно изоляция сторон, а синтез — преимущественно сходство, одинаковость, внешняя связь изолированных сторон. В восхождении от абстрактного к конкретному имеет место в большей мере единство синтеза и анализа, различие представлено через единство, а единство есть внутренняя связь различного, т. е.

синтез осуществляется через анализ, а анализ через синтез. Следовательно, так или иначе мышление человека и на первой, и на второй стадии осуществляется в единстве противоположностей — анализа и синтеза. Кроме того, и сами стадии существуют как противоположности по отношению друг к другу: на первой преобладает анализ, притом преимущественно как фиксирование различий внешне сходных сторон, а на второй — синтез, внутренне единый со своей противоположностью, анализом.

В целом — если брать основную линию движения познания — отображение органического целого совершается по спирали, причем движение совершается в противоположных направлениях. От чувственно-данного, а значит, в общем и целом, еще теоретически не расчлененного отображения реального конкретного, познание идет к абстрактному, путем вычленения отдельных сторон и их изучения, затем познание идет в противоположном направлении: к установлению связи, единства, но уже теперь расчлененных сторон. Одновременно, еще на первом пути, имеется противоположное движение познания — возникает догадка о сущности, а следовательно, и зародыш синтетического отражения предмета, проникновения во внутренние связи; на втором же пути первый путь не исчезает полностью, а присутствует в «снятом» виде.

Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой главную стадию в отображении органического целого, ибо именно на этой стадии первостепенной задачей становится раскрытие внутренних связей, внутреннего единства сторон органического целого, иначе говоря, совокупности законов и закономерностей, сущности органического целого.

В истории познания человечества было два наиболее типичных заблуждения по поводу описанных выше стадий познания. Реальный процесс познания очень сложен, труден, и эти заблуждения при определенных условиях могут иметь место — пусть и не в развитом виде — и в индивидуальном познании. Знание истории и сути заблуждений — довольно эффективное лекарство против них.

Первое типичное заблуждение: движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному познающий человек воспринимает в отрыве от восхождения от абстрактного к конкретному, анализ в отрыве от синтеза и абсолютизирует движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, абсолютизирует анализ. Такое заблуждение, если его придерживаться последовательно, ведет к беспорядочному, хаотическому накоплению знаний, к скольжению по поверхности предметов, процессов, к отрицанию сущности, к отрицанию внутренних, невидимых на поверхности связей предметов, процессов. В наиболее отчетливом виде такая позиция в области политической экономии присуща вульгарным экономистам, а в области философии — эмпирикам и позитивистам.

Второе типичное заблуждение — восхождение от абстрактного к конкретному отрывается от противоположного движения позна-

ния, синтез отрывается от анализа и абсолютизируется восхождение от абстрактного к конкретному, абсолютизируется синтез. Это заблуждение в наиболее развернутом и последовательном виде представлено в логике Гегеля. Гегель высказал много гениальных догадок о месте и роли способа восхождения от абстрактного к конкретному в познании, о его механизме и т. д. Однако Гегель представил восхождение от абстрактного к конкретному как единственный способ образования знания и лишил действительного познавательного значения движение познания от чувственного конкретного к абстрактному. Движение от чувственного конкретного к абстрактному есть движение от живого созерцания к мысли, к понятию, это есть процесс сопоставления мыслей, понятий с фактами. Лишить действительного познавательного значения движение от чувственного конкретного к абстрактному и утверждать, что только восхождение от абстрактного к конкретному есть действительное познание, — значит оторвать ход мысли от сопоставления с чувственными данными, с данными живого созерцания, с фактами, значит, признать, что развитие мысли не зависит от фактического положения дела. В еще более общем виде это означает, что мышление отрывается от реальной действительности и изображается как только само себя порождающее. И это есть не что иное, как идеализм.

Последовательное, диалектико-материалистическое понимание способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо включает в себя следующие моменты.

Во-первых, восхождение от абстрактного к конкретному — не чистое самопорождение мыслью самой себя, а отображение реального органического целого, реального конкретного. В восхождении от абстрактного к конкретному отображается главным образом сущность, внутренние связи органического целого, причем отображение осуществляется от простейшего отношения органического целого ко все более сложным отношениям этого целого. Чтобы способ восхождения от абстрактного к конкретному стал господствующим отображением органического целого, нужно чтобы оформились его стороны, отношения. Простейшее отношение реально становится вполне простейшим отношением данного органического целого тогда, когда формируются остальные, более сложные отношения этого целого.

Во-вторых, правильное применение способа восхождения от абстрактного к конкретному необходимо предполагает предварительное осуществление стадии движения познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Это относится и к науке в целом, и к отдельному индивиду. Наука, предметом которой является данное органическое целое, должна пройти путь, на котором преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному. Познающий индивид должен быть достаточно развит, чтобы в его познании данного органического целого мог стать господствующим способ восхождения от абстрактного к конкретному. Для этого он также должен прой-

ти в своем развитии стадию, на которой преобладает движение познания от чувственного конкретного к абстрактному.

В-третьих, оба хода движения познания — от чувственного конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному — должны постоянно браться в их единстве, но при этом следует различать преобладание то одного, то другого на разных этапах познания. Способ восхождения от абстрактного к конкретному применим постольку, поскольку те или иные черты процесса, развития созрели, достигли развитого вида. В классическом же, наиболее полном виде способ восхождения от абстрактного к конкретному есть мысленное отображение зрелой стадии процесса развития.

Сформулированная таким образом проблема восхождения от абстрактного к конкретному оказывается проблемой исторического и логического, а именно проблемой отношения отображения в мышлении реального процесса развития (логического) и самого реального процесса развития (исторического).

Реальное органическое целое развивается, оно не возникает в готовом виде, сразу. Его развитие проходит несколько стадий, прежде чем новое органическое целое не преобразует унаследованную основу, из которой оно возникло. Органическое целое, преобразуя унаследованную основу, достигает стадии зрелости. Стадии развития незрелого, неразвитого органического целого по преимуществу воспроизводятся посредством движения познания от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, а восхождение от абстрактного к конкретному играет здесь подчиненную роль. Положение меняется на прямо противоположное в процессе отображения развитого, зрелого органического целого: теперь доминирует восхождение от абстрактного к конкретному, а движение от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному становится подчиненным моментом. Известно, что прошлое не сохраняется полностью в настоящем, но и не исчезает полностью, оно сохраняется в настоящем в преобразованном виде. Настоящее изменяется, развивается, а значит, так или иначе содержит зародыш будущего, превращается в будущее. Поэтому в марксистском понимании восхождение от абстрактного к конкретному должно быть таким отображением существующей стадии развития настоящего, чтобы это отображение было и отображением тенденций будущего в настоящем.

Рассмотрим, каковы универсальные моменты отображения в мышлении двух взаимодействующих сторон органического целого. С чего начинается отображение? С отображения простейшего, элементарного отношения, являющегося в то же время и всеобщим для данного органического целого. Так, К. Маркс в «Капитале», начиная рассмотрение товара с потребительной стоимости, т. е. с наиболее «массовидного», всеобщего, вначале характеризует эту сторону главным образом саму по себе, независимо от другой стороны, взаимодействующей с ней. Затем уже обнаруживает-

ся, что потребительная стоимость при определенных условиях является носителем стоимости. От установления связи между указанными двумя сторонами товара мысль движется к характеристике второй, внутренней стороны самой по себе, вторая сторона берется независимо от первой. Так, К. Маркс в «Капитале» после рассмотрения потребительной стоимости товара самой по себе и установления ее внешней связи со стоимостью переходит к определению стоимости самой по себе, в ее независимости от потребительной стоимости. Вторая, внутренняя, сторона взаимодействия и оказывается сущностью взаимодействия. Только на этом уровне начинает познаваться собственно самодвижение. Дойти до познания сущности предмета — значит дойти до отражения его внутренних противоречий.

Мы упомянули, что вторая сторона, сущность предмета теперь рассматривается сама по себе, независимо от первой стороны. Однако речь идет не об абсолютном забвении того, что стало известно о первой стороне. При диалектическом движении мышления предшествующий путь познания не исчезает полностью, а сохраняется в «снятом», преобразованном виде. Во второй стороне «снимается» первая, первая становится моментом второй. Сущность предмета противоречива: предмет в сущности соотносится с самим собой, как с другим, внешним ему предметом.

После того как определена сущность сама по себе, мышление отправляется в обратный путь: от сущности к явлениям. Но теперь явления предстают иначе, другими сторонами, гранями, нежели до определения сущности. В явлениях оказываются теперь интересными лишь те ее грани, через которые «светится», проявляется сущность. Это есть явление сущности предмета. В анализе товара К. Маркс, рассмотрев сначала потребительную стоимость саму по себе, затем внешнюю связь потребительной стоимости со стоимостью и стоимость саму по себе, излагает учение о формах проявления стоимости, т. е. как бы возвращается назад, к потребительной стоимости, ибо стоимость является лишь в отношениях потребительных стоимостей товаров.

Наконец, фиксируются единство явления и сущности, а также и формы этого единства. Оформленное единство явления и сущности есть действительность. Можно заметить, что термин «действительность» здесь употребляется не в значениях «реальность», «материя», «реализованная возможность» и т. п. Важно не путать эти значения друг с другом.

Только на пути рассмотрения сущности самой по себе и на пути движения от сущности к явлению и действительности предметом специального рассмотрения становятся внутренние связи и отношения. На пути от поверхности к сущности на первом плане стоит анализ внешних связей и отношений. Однако сказать только это было бы недостаточно. Мышление все время движется в противоположных направлениях, реализуется как единство противоположностей. Уже на пути от явления к сущности хотя и не доминирует, но присутствует в качестве подчиненного момента проти-

воположное движение мысли. Так, К. Маркс определяет потребительную стоимость в товаре через стоимость, хотя саму эту связь он еще не рассматривает специально. К. Маркс выделяет в определении потребительной стоимости самой по себе только то, что важно для обмена товаров. Каждого товаровладельца (чтобы он мог обменять свой товар и получать другой) интересует лишь способность товара удовлетворять соответствующую потребность; товаровладельцу безразлично, как была открыта и создана потребительная стоимость товара другого товаровладельца и т. п. К. Маркс в определении потребительной стоимости самой по себе отвлекается от того, чем порождается потребность, как данная вещь удовлетворяет человеческую потребность. Он не поясняет, почему им одно выделяется, а другое опускается. Лишь затем, при специальной характеристике обмена товаров читатель может обнаружить эти основания.

Следовательно, мысль тут идет и от поверхности к сущности и от сущности к поверхности, хотя господствует первый путь. На пути от сущности к явлению и действительности положение меняется на прямо противоположное, господствует движение от сущности к явлению и действительности, а движение от поверхности к сущности сохраняется в качестве подчиненного момента.

Освоение теоретического отображения органического целого также должно быть одновременно и движением вперед, и как бы возвращением к уже освоенному материалу.

Движение познания от явления к сущности, поскольку осознается категориальный строй этого движения, есть «снятое» в восхождении от абстрактного к конкретному движение от чувственного конкретного к абстрактному, отображение простейшего отношения, причем последнее движение оказывается стадией уже внутри самого восхождения, восхождения в широком смысле слова. Движение же от сущности к явлению и действительности представляет собой, так сказать, собственно восхождение в узком смысле слова. Иначе говоря, восхождение от абстрактного к конкретному в широком смысле слова — это движение познания в единстве со «снятым» в нем противоположным движением познания; в узком смысле слова восхождение есть первая из этих противоположностей. Если рассматривать восхождение в узком смысле слова, то оно необходимо предстает как начинающееся с сущности; если же рассматривать восхождение в широком смысле слова, то оно начинается с «элементарного, простейшего отношения». Если не различать эти два смысла, то это необходимо влечет за собой большее или меньшее смещение сущности и простейшего отношения.

Исходя из всего сказанного выше, можно высказать соображения о возможностях применения способа восхождения от абстрактного к конкретному в современных науках. Движение мышления от абстрактного к конкретному происходит везде, где наука проникает во внутренние связи своего объекта. Осознание этого обстоятельства, осознание способа восхождения позволяет приме-

нять его более целенаправленно. Но восхождение от абстрактного к конкретному не доминирует в науке в тех случаях, когда она имеет дело с неразвитым органическим целым или когда она, имея дело с развитым органическим целым, еще не прошла путь от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному. Когда наука имеет дело с развитым органическим целым и завершает путь движения от хаотического представления о целом, от чувственного конкретного к абстрактному, тогда и применение метода восхождения от абстрактного к конкретному оказывается более плодотворным и необходимым. Так обстоит дело с марксистской политэкономией капитализма. Подобная перспектива встает и перед другими науками. Но это уже предмет специального исследования.

Глава XI. ЕДИНСТВО АНАЛИЗА И СИНТЕЗА КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

§ 1. Анализ и синтез в развитии научного познания

Анализ и синтез представляют собой моменты единого процесса познания, результатом которого является внутренне расчлененная и целостная, систематически развернутая характеристика объекта исследования. Наиболее глубоко сущность диалектики анализа и синтеза раскрыта К. Марксом в его определении метода восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении. Это определение выявляет целый ряд взаимосвязанных сторон диалектики анализа и синтеза в научном познании.

Прежде всего следует отметить, что в методе восхождения от абстрактного к конкретному диалектика анализа и синтеза выступает как процесс развертывания понятия объекта, как процесс связывания, опосредования, синтеза определений объекта. «Конкретное потому конкретно, — пишет К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного» [1, 46, I, 37].

Восхождение к конкретному понятию в мышлении представляет собой процесс познания истины, процесс установления соответствия между объектом и его понятием. Развитое понятие объекта и представляет собой «синтез многих определений», единство многообразных определений, посредством которых можно выразить все богатство свойств и отношений, присущих объекту, их целостную взаимосвязь. В таком понятии раскрывается способ, каким различные определения опосредуют друг друга, и тем самым выявляется существенность того или иного определения объекта исследования, иначе говоря, выясняются место и значение каждого из определений объекта.

Формирование синтетического, развитого понятия объекта предполагает аналитическое исследование объекта, в ходе которого последний расчленяется на различные свойства, признаки, стороны, изучаемые в их «чистом», нерасчлененном виде. В результате аналитического исследования возникает целая совокупность дефиниций, характеризующих ту или иную сторону, свойство или признак объекта. Затем возникает задача привести всю эту совокупность дефиниций в систему, наиболее адекватно раскрывающую сущность объекта и формы его проявления.

Таким образом, одним из основных моментов диалектики анализа и синтеза является движение от отдельных дефиниций к системе взаимосвязанных дефиниций, опосредствующих друг друга. Это самая общая, еще абстрактная и односторонняя, схема связи аналитического и синтетического познания. Согласно этой схеме анализ предшествует синтезу.

Логический аспект этой схемы движения от анализа к синтезу рассмотрен Гегелем в «Науке логики». Целью аналитического исследования, как подчеркивал Гегель, является «превращение данного материала в логические определения» [43, 3, 248]. Анализ, понимаемый как вычленение различных свойств объекта, происходит и на уровне чувственного познания — в форме ощущений, восприятий и представлений. Однако познание не может на этом остановиться, оно необходимо должно перейти к форме понятия. «Познание отличается от простого восприятия и представления именно формой понятия вообще, которую оно сообщает содержанию» [43, 3, 268]. «Анализ предмета, — писал Гегель, — не может состоять в том, что его просто разлагают на те особенные представления, которые он, возможно, содержит, такого рода разложение и его постижение есть дело, не относящееся к познанию, а касающееся лишь более подробного ознакомления, некоторого определения внутри сферы представления» [43, 3, 247].

Дефиниция сводит «богатство многообразных определений созерцательного наличного бытия к простейшим моментам» [43, 3, 256], она является итогом аналитического познания. Логическая функция дефинирования заключается в связывании родовых и видовых признаков объекта, в построении определения через указание на род и видовое отличие. Являясь уже логическим определением, дефиниция еще непосредственно связана с изучением конкретного, единичного чувственно-данного предмета. В дефиниции фиксируется одно из «непосредственных так называемых свойств предмета — некоторое определение чувственного наличного бытия или представления» [там же]. Как логическое определение дефиниция схватывает форму всеобщего. Однако это еще абстрактно-всеобщее (логическое в его абстрактной форме), так как дефиниции на этапе аналитического познания имеют «форму простого тождества», которая исключает «переход в другое и соединение разного. Здесь тождество еще не соотнесено с различием, поэтому еще не может быть выявлена существенность или несущественность той или иной дефиниции. Образование дефиниций — лишь

первый шаг на пути развития понятия. Дефиниция представляет собой еще первое, еще не развитое понятие» [43, 3, 258].

Следующим шагом является «членение», через которое совершается переход от аналитического познания к синтетическому. Переход от аналитического познания, фиксирующего в абстрактно-общей форме отдельные стороны, свойства, признаки, к синтетическому «вызывается необходимостью перехода от формы непосредственности к опосредствованию, от абстрактного тождества к различию» [43, 3, 253]. Синтетическое познание в противоположность аналитическому стремится «к схватыванию многообразия определений в их единстве», оно есть «некоторое развитие различий» [там же].

Членение «составляет основу и возможность синтетической науки, некоторой системы и систематического познания» [там же]. Сущность членения заключается в установлении взаимосвязи разнообразных дефиниций, систематизации знания, построении классификаций объектов. Самым существенным моментом познания здесь является обнаружение связи, опосредствования между признаками, оказывающимися общими у различных объектов, и признаками, по которым эти объекты различаются. На этом этапе движения к синтетическому познанию ставится задача, «с одной стороны, упорядочить найденное в эмпирическом материале особенное, а с другой — посредством сравнения найти и его всеобщие определения. Эти определения тогда признаются основаниями членения, которые могут быть многообразны, точно так же могут иметь место столь же многообразные членения сообразно этим основаниям» [43, 3, 265]. Всеобщие определения выступают в качестве принципов классификации. Однако на этом этапе познания принципы классификации носят еще случайный, произвольный характер, а сами классификации оказываются искусственными. От членения познание переходит к собственно синтезу, для которого характерна выработка научных положений, научных идей. В то время как «дефиниция содержит лишь одну определенность, членение — определенность по отношению к другим определенностям», на этапе выработки научного положения познание рассматривает «различие предмета внутри самого себя и соотношение различных определенностей» [там же, 268]. Момент синтетичности имеется и в дефиниции, и в членении. Но синтетическое в дефиниции и членении есть принимаемая извне связь. В противоположность дефиниции научное положение раскрывает внутреннюю связь.

Диалектика тождества и различия, лежащая в основе научных положений, позволяет выявить конкретность, многообразие и целостность объекта. Научное положение — это понятие, «развернутое в свои определенные, реальные различия» [43, 3, 268].

Рассмотренный Гегелем логический процесс движения от анализа к синтезу является одним из всеобщих моментов познания, постоянно воспроизводящихся при изучении любого объекта, и составляет важнейшую черту перехода от эмпирического к теоре-

тическому уровню познания. Описывая становление естествознания как науки, Ф. Энгельс отмечал, что на первом этапе своего развития естествознание в основном было эмпирическим. Перед естествоиспытателями стояла задача познания тех частностей, из которых складывается общая картина природных явлений. Эти частности вырываются из их естественной и исторической связи и каждая из них исследуется в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. [см. 1, 20, 20]. Такой подход представляет собой аналитическое исследование природы. Но после того как естествознание накопило значительный эмпирический материал, перед ним возникает новая задача — «упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи», «задача приведения в правильную связь между собой отдельных областей знания» [1, 20, 366]. Решение этой задачи требует синтетического исследования природы и перехода к теоретическому уровню познания.

Развитие познания от дефиниций к членению, а затем к научному положению происходит путем последовательного перехода «от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. *без конца*» [4, 29, 227].

На основе имеющейся совокупности дефиниций происходит синтез знания, дающий первое приближение к целостному пониманию объекта (сущность первого порядка). Последующее выявление и аналитическое исследование новых сторон и отношений объектов, открытие новых областей исследования, изучение новых структурных уровней организации материи вызывают необходимость нового синтеза, в результате которого приходят к более глубокому пониманию сущности объекта исследования (сущность второго порядка). Этот более глубокий уровень познания вновь дополняется аналитическим исследованием и т. д. В этом непрерывном углублении познания анализ и синтез выступают по отношению друг к другу то как предпосылка, то как результат.

В реальном научном познании анализ и синтез выступают как диалектически соотносящиеся противоположности: одно совершается через другое, через свою противоположность. «Анализ и синтез не протекают изолированно друг от друга... Ибо части целого (его абстрактные моменты) выделяются путем анализа именно в той объективно обоснованной последовательности, которая выражает их генетически прослеживаемую связь, их сцепление между собой, т. е. их синтетическое единство, и каждый акт анализа непосредственно представляет собой шаг на пути синтеза — по пути выявления связи между частями целого» [64, 261].

С переходом познания на теоретический уровень каждый новый синтез знания приводит к появлению новых научных идей и теорий, новых научных дисциплин. Так, например, в эволюционной теории Ч. Дарвина были обобщены и синтезированы факты, накопленные в процессе изучения организменного и видового уровней организации жизни. В XX в. началось интенсивное изучение молекулярных основ биологических процессов. Результаты этого

изучения были обобщены в теории гена, теории мутагенеза, теории биологического катализа и т. д. Возникли новые научные дисциплины — молекулярная генетика, биоорганическая химия. Исследование молекулярного уровня жизни расширило и углубило представления об организменном и видовом уровнях организации живого. В связи с этим были предприняты попытки выявить основания теоретической биологии и построить синтетическую теорию эволюции, в которой классические эволюционные представления синтезировались с новейшими научными данными о молекулярном уровне организации жизни.

В последние десятилетия в связи с появлением новых областей исследования, углубленным изучением явлений микромира, освоением космоса, в связи с широкими исследованиями на «стыках» наук синтетические процессы в естествознании получили значительное развитие и привели к возникновению обширного комплекса пограничных наук и дисциплин общенаучного характера. В фундаментальных науках синтез проявился в разработке интегрально обобщенных понятий, в построении теорий, охватывающих все более широкий круг природных явлений. Синтетические процессы в естествознании выразились также в разработке общенаучных методов исследования, во взаимодействии методов различных наук при изучении природных явлений и процессов. Одним из характерных проявлений синтетических процессов в современной науке стало сближение естественных, общественных и технических наук.

Научная теория выступает как наиболее развитая форма синтеза знаний в современной научной практике. Именно в форме теории может быть выработана внутренне расчлененная и целостная характеристика объекта исследования. Построение теории и представляет собой приведение в систематическую связь всей совокупности данных об объекте исследования, выявление координации и субординации свойств и связей объекта. Иначе говоря, построение научной теории выступает в настоящее время формой реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении.

В требованиях, содержащихся в данном методе, реализуется диалектическое единство анализа и синтеза в научном познании. Во-первых, в этом методе содержится требование опираться при исследовании целого на его наиболее развитую форму («анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»), в которой наиболее отчетливо проявляется все многообразие свойств и связей целого, их необходимый или случайный характер, основные тенденции развития целого.

Изучение развитой, классической формы предмета позволяет выявить решающий критерий для оценки всего богатства определений, возникающих в ходе исследования целого, для выявления основных, центральных по своему значению абстракций и для приведения абстракций в единую систему, наиболее естественным образом выражающую сущность исследуемого явления или процесса. Принципиальное значение в связи с этим имеет следующее

положение К. Маркса: «Наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме» [1, 46, I, 41].

Таким образом, изучение развитой формы целого создает предпосылки для правильного аналитического расчленения объекта исследования. И вместе с тем развитая форма целого указывает путь теоретической реконструкции целого (теоретического синтеза знаний).

Во-вторых, в методе восхождения от абстрактного к конкретному содержится требование выявить «элементарную клеточку», представляющую собой абстракцию, в которой выделено и зафиксировано основное противоречие целого, соотношение противоположностей, определяющих его развитие. В развитой форме целого эти противоположности проявляются в наиболее полной и отчетливой форме, выступают не как случайные, а как всеобщие условия образования и движения целого. Поэтому выявление и анализ наиболее развитой формы целого оказывается важнейшей предпосылкой выделения элементарной клеточки. Понятие элементарной клеточки, следовательно, фиксирует не абстрактно-общее, а такое общее, которое выражает тенденцию, закон развития в его наиболее существенных отношениях, но выражает их в весьма абстрактной форме, в которой не представлен ни исторический конкретный путь развития целого, ни богатство присущих ему взаимосвязей.

Таким образом, требование выявить элементарную клеточку ставит перед исследователем аналитическую задачу вычленить простейшую, «чистую» форму основного противоречия целого, абстрагировав ее из многообразных форм его проявления.

Соответственно такому пониманию аналитического познания обнаруживается и более глубокая сущность синтетического познания: синтез представляет собой такое движение к системе дефиниций, которое имеет целью раскрыть конкретный путь развития основного противоречия и его разрешение путем перехода в новые формы.

Устанавливаемая в методе восхождения от абстрактного к конкретному взаимосвязь анализа и синтеза конкретизируется в марксовом методе посредствующих звеньев. Сущность последнего заключается в нахождении всех посредствующих звеньев в соотношении противоположностей (как сторон противоречия) в процессе исторического развития данного противоречия. Аналитическая деятельность по выявлению посредствующих звеньев здесь теснейшим образом связана с синтетическим охватом движения всего целого и всех его многообразных модификаций. Метод посредствующих звеньев, как отмечал К. Маркс, должен использоваться при разрешении противоречия между общим законом и более развитыми конкретными отношениями. Закон, тем более всеобщий закон, представляет собой абстракцию, в которой вы-

ражена внутренне необходимая взаимосвязь сторон объекта, причем эта связь выражена как некоторое инвариантное отношение, постоянно сохраняющееся и воспроизводящееся несмотря на различные условия, в которых объекты могут оказаться. Условия не отменяют это отношение, но лишь ведут к различным формам его проявления. Обнаруживающееся в познании противоречие между общим законом и конкретными, развитыми формами существования объекта должно, как отмечал К. Маркс, разрешаться путем нахождения посредствующих звеньев, а не путем прямого подведения конкретного под абстрактное, непосредственного приспособления конкретного к абстрактному [см. 1, 26, III, 85]. В некоторых случаях выведение эмпирических явлений непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же хитроумная подгонка их под этот закон могут привести к грубым ошибкам [см. 1, 26, I, 64]. Поэтому, отмечал Маркс, выведение при помощи целого ряда посредствующих звеньев отлично от простого подведения под закон [см. 1, 2, 187—188]. Таким образом, анализ, направленный на выявление закона и посредствующих звеньев между законом и конкретными формами его проявления, необходимо дополняется синтетическим охватом всего движения целого в его исторически конкретных формах.

Содержащееся в методе восхождения от абстрактного к конкретному требование опираться в исследовании на наиболее развитую форму объекта, выявлять элементарную клеточку и находить посредствующие звенья выражается в логической структуре и синтетических функциях научных теорий. Теория выступает «как система категорий и законов, отображающих в своей структуре сущность предмета исследования в целом, т. е. его целостную структуру» [86, 194]. Отражая целостную структуру предмета исследования, теория сама представляет собой некоторое целое. Таким ядром теории оказывается научная идея. Теория как внутренне завершенная и целостная система категорий представляет собой логическое развитие научной идеи [см, 86, 198—199].

Формирование идеи связано с выявлением основного противоречия, присущего предмету исследования, с установлением и исследованием характера взаимоотношения противоположностей как сторон противоречия, с нахождением посредствующих звеньев в отношениях противоположностей. Суть идеи «заключается в том, что она устанавливает в общей форме связь между членами антиномии. Она поэтому с самого начала синтетична и является результатом теоретического анализа, сводящего все особенные, сложные формообразования предмета к общей основе. Этой основой является простейшее отношение как единство противоположностей» [86, 198].

Развитие научной идеи в процессе построения теории происходит в определенной логической последовательности и осуществляется путем перехода от одних категорий теории к другим. В построении теории ряд категорий выполняет функции «узловых», опорных пунктов, ступеней познания. Каждая из «узловых» кате-

торий «обладает определенной логической функцией в процессе построения, создания теории» [86, 202].

З. М. Оруджев выделяет три основные категории в категориальной структуре теоретической системы: исходную, центральную и завершающую. Исходная категория выражает субстанциальное единство всей предметной области теории, центральная — сущность, завершающая — необходимую форму проявления сущности [см. 86, 206]. Особенность узловых категорий заключается в том, что каждая из них дает характеристику объекта как целого. Вместе с тем каждая узловая категория выявляет некоторый особый, специфический аспект, «срез» целостности объекта (например, целостность объекта рассматривается с точки зрения субстанциального отношения, сущности или формы ее проявления). «Выходя» на целостность объекта, узловые категории оказываются узловыми пунктами синтеза знаний о предмете исследования. И вместе с тем через узловые категории происходит аналитическое вычленение определенных аспектов, «срезов» целостного объекта.

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному, когда происходит восхождение от одной узловой категории теории к другой, эти моменты анализа и синтеза взаимосвязаны диалектически.

Синтетические процессы в научном познании, связанные с выявлением промежуточных звеньев, переходом от одной узловой категории к другой, осуществляются не только на основе одного логического исследования, но и требуют обязательного дополнения логического исследования историческим. Историческое исследование позволяет выявить те конкретные формы, в которых реально проявляется и развивается основное противоречие целого. Поэтому теоретическое исследование объекта, построение теории на каждом своем этапе требуют обращения к эмпирически данному материалу. Выделение объекта как целого, как конкретной, внутренне связанной системы «есть результат не теоретического познания, а практического выделения предмета» [9, 272].

Синтетическое познание имеет место не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне познания. Уже в процессе выявления абстрактно-общих признаков обнаруживаются наиболее простые, «зачаточные» формы синтеза. Эти формы, как отмечал Г. В. Ф. Гегель, схватывают два типа всеобщности: «Всеобщность во времени, если данное свойство постоянно, между тем как другие свойства оказываются преходящими при устойчивости целого; или всеобщность, проистекающая из сравнения с другими конкретными целыми и потому не выходящая за пределы того, что присуще им всем» [43, 3, 258].

Вместе с тем в реальной научной практике обобщения на эмпирическом уровне познания не ограничиваются выявлением абстрактно-общих признаков. И на эмпирическом уровне процесс исследования подчинен задаче познать «„не только абстрактно-всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особого и отдельного!)!!» [4, 29, 90].

Глубокое понимание природы и процесса становления эмпирического обобщения мы находим в работах В. И. Вернадского. В понимании Вернадского эмпирические обобщения представляют собой прежде всего форму первичного синтеза, в котором схвачены закономерные соотношения между различными природными явлениями и процессами. «В эмпирическом обобщении, хотя и выдвигаются на первое место некоторые определенные признаки явления, в общем всегда сказывается влияние и всех других, принятых во внимание при установке научного факта, — всего явления целиком» [36, 238]. Эмпирические обобщения представляют собой системы определенных научных фактов, они являются основной формой такого рода систем [см. 37, 77].

При изучении биосферных систем природа эмпирического обобщения-синтеза проявляется наиболее отчетливо вследствие того, что синтетический подход, учитывающий взаимодействие множества разнообразных природных факторов, является исходной предпосылкой исследования биосферных систем как интегральных развивающихся образований.

Эмпирическое обобщение-синтез играет существенную роль и при изучении отдельных форм движения материи, отдельных свойств и процессов. Это происходит потому, что даже при изучении отдельного свойства или процесса в «чистом» виде всегда в явной или неявной форме, в той или иной степени учитывается связь исследуемого свойства или процесса с другими свойствами или процессами.

Этот учет связи свойства или процесса с другими свойствами или процессами, однако, не получает непосредственного отражения в содержании дефиниций, формулируемых в результате изучения данного свойства или процесса. Дефиниции оказываются как бы очищенными от тех синтетических процессов, которые сопутствовали их формированию. Не проявляются эти синтетические процессы и в ходе логического построения теорий, в которые включены данные дефиниции. В то же время факты, раскрывающие процесс формирования дефиниций, роль в этом процессе эмпирического обобщения-синтеза, обычно становятся достоянием дисциплин, изучающих историю науки и научных открытий. Однако эта завершенность имеет относительный характер. Время от времени в поле научного исследования попадают такие явления, которые не укладываются в сложившиеся рамки науки, не могут быть объяснены на основе уже открытых закономерностей. Хотя это могут быть отдельные факты, противостоящие огромной массе высокоупорядоченного материала, тем не менее именно эти единичные факты могут заставить перерабатывать весь материал науки в целом. В этом случае происходит поиск более широких и качественно иных закономерностей, которые способны охватить как прежние, так и новые факты.

Что же это за единичные факты? Это те факты, через которые происходит проникновение в качественно новые области действительности, что ведет к формированию новых областей исследова-

ния. Как только новая область исследования выделена, так сразу же обнаруживается некоторая всеобщая сторона того отдельного, единичного факта, с которым первоначально столкнулся исследователь. После этого факты подобного рода могут быть многократно выявлены при исследовании различных явлений действительности.

Естественно, что подобного рода единичные факты становятся тем фокусом, вокруг которого происходит новый синтез в науке. Открытия в области физики на рубеже XIX—XX вв. вызвали коренную ломку господствовавших физических представлений, поставили задачу нового синтеза в физике, установления новых закономерностей и доведения их до всеобщей формы.

В процессе синтеза, охватывающего новые области действительности, создаются новые интегрально-обобщенные понятия. «Разработка интегрально-обобщенных понятий — весьма характерная черта современного проникновения естествознания на новые уровни структурной организации материи. В качестве прообраза таких понятий могут служить, например, понятия центра массы и момента инерции, позволившие перейти от механики материальной точки к механике определенных материальных систем, и прежде всего к механике твердого тела» [139, 430]. Процессы обобщения наиболее сильно сказываются на изменениях логической структуры научных теорий [см. 139, 436], ведут зачастую к построению новых, более общих теорий, охватывающих более широкую область действительности в сравнении с прежними теориями.

В новом синтезе вместе с тем осуществляется преемственность между существующими и новыми представлениями. В этом движении к новым синтезам осуществляется восхождение от более абстрактного уровня знания к более конкретному. Преемственность между прежними и новыми представлениями осуществляется на основе закономерностей. Эти закономерности выделены и зафиксированы в виде принципов развития науки, например, принципа соответствия, принципа дополнительности и т. п. Раскрывая характер соотношения старых и новых представлений, эти принципы содержат в себе указания на способ организации, способ синтеза научного знания, включая в себя требование, согласно которому способ синтеза должен отражать наиболее фундаментальные черты действительности. Именно вследствие этого обстоятельства ряд принципов, таких, например, как принцип симметрии, принцип сохранения, принцип инвариантности, принцип изоморфизма и т. п., не только представляет собой выражение глубоких закономерностей самой действительности, но указывает на способ организации научного знания, активно используется в процессе его синтеза.

Таким образом, диалектическая взаимосвязь анализа и синтеза составляет один из наиболее характерных моментов научного познания. Эта диалектика носит всеобщий характер, охватывая все звенья процесса познания, и содействует его непрерывному углублению и обогащению.

§ 2. Закономерности взаимосвязи аналитических и синтетических процессов и их отражение в различных видах анализа и синтеза

Закономерности взаимосвязи аналитических и синтетических процессов объективно присущи человеческому познанию. Они проявляются независимо от того, осознает их познающий субъект или нет, реализует их в своем методе познания или не реализует, учитывает сознательно их в своей познавательной деятельности или не учитывает.

Действительная взаимосвязь аналитических и синтетических процессов в познании долгое время оставалась непонятой. Известная самостоятельность и качественная определенность этих процессов при метафизическом подходе к ним, естественно, маскировала истинную взаимосвязь между ними и обусловила формирование неправильных представлений об этой взаимосвязи и о самих процессах. Это в конечном счете приводило к выработке неправильных методов познания, к бесплодным спорам по поводу этих методов. Одни мыслители (Кондильяк, Кузен и др.) чрезмерно преувеличивали роль аналитических процессов в познании, абсолютизировали аналитический метод познания, считали его единственным методом, способным привести к истинному знанию. Другие (Конт, Спенсер и др.) превозносили синтетические процессы и сводили на нет роль аналитических процессов в познании, в связи с чем в качестве единственно правильного метода выдвигали синтетический метод. Те же, кто был свободен от подобных односторонних увлечений и отводил одинаковую роль аналитическим и синтетическим процессам в познании (Гоббс, Локк и др.), не видели их органической связи, их единства, изображали их как сосуществующие. Действительную взаимосвязь между этими процессами впервые обнаружил Гегель. Он доказал несостоятельность как противопоставления аналитических и синтетических процессов, так и (тем более) несостоятельность их разрыва. Согласно его учению, аналитические и синтетические процессы органически связаны друг с другом, представляют диалектическое единство противоположных сторон, тенденций. Каждый шаг развития идеи (познания), по Гегелю, настолько же аналитичен, насколько и синтетичен. Когда, по Гегелю, абсолютная идея находит и познает определенное в своем предмете или в самой себе, ибо духовность есть имманентный принцип и душа предмета, она аналитична. Предмет расчленяет себя в самом себе на себя и другое. Но она также и синтетична, ибо предмет в процессе познания являет себя как некоторое другое, определяет себя из себя самого как другое по отношению к себе. Диалектический метод представляет собой единство анализа и синтеза. Но в силу идеализма Гегель во многом мистифицировал эту проблему. Взаимосвязь аналитических и синтетических процессов в познании была впервые материалистически осмыслена лишь марксистской философией.

В чем же суть взаимосвязи аналитических и синтетических про-

цессов в познавательной деятельности людей? На первый взгляд аналитические и синтетические процессы несовместимы, отрицают друг друга. Разложение единого целого на отдельные элементы (стороны) исключает соединение отдельных элементов в единое целое. В действительности же аналитические и синтетические процессы не только совместимы, но предполагают друг друга, не могут существовать друг без друга. Аналитический процесс (анализ) невозможен, если не совершился синтез, ибо анализ должен разлагать на отдельные элементы (стороны, свойства) какое-то целое; всякое же целое есть результат синтеза, следствие процесса соединения определенных элементов. Для того чтобы был возможен анализ, например, какого-либо чувственного восприятия или представления, должно возникнуть это восприятие и представление. Оно же возникает в результате синтеза, в результате осуществляющегося соединения в единое целое — в единую целостную систему — отдельных ощущений. Точно так же обстоит дело и с синтезом. Синтез невозможен, если предварительно не осуществлен анализ. Синтез должен соединить отдельные элементы (стороны, свойства) в единую целостную систему. Отдельные же элементы возникают в результате анализа, вследствие разложения какого-либо целого на его составные части.

Итак, анализ предполагает существование своей противоположности — синтеза, так же как и синтез предполагает существование анализа. Анализ делает возможным синтез, синтез делает возможным анализ.

Далее, анализ не только предполагает синтез, который создает возможность его возникновения, но и сопровождается последним. В процессе анализа каких-либо явлений осуществляется не только расчленение их на отдельные элементы (свойства), но и объединение отдельных свойств. В частности, свойства, повторяющиеся у ряда наблюдаемых предметов, объединяются в единое целое и выражаются через одно общее понятие. Нам могут сказать, что процесс анализа не всегда сопровождается процессом образования новых понятий. Это верно, но всякий анализ сопровождается осмысливанием сторон анализируемого предмета, подведением их под уже существующие общие понятия, а это тоже своего рода синтез. Таким образом, в момент осуществления анализа имеет место и синтез, т. е. анализ сопровождается синтезом, неразрывно связан с ним. Но синтез, в свою очередь, сам сопровождается анализом. При его осуществлении всегда имеет место анализ. Всякое синтезирование, соединение в единое целое тех или иных элементов, свойств, сторон тел сопровождается анализированием последних, выделением в них тех или иных моментов, определяющих их место в целом.

Но если в момент осуществления синтеза имеет место анализ, а в момент осуществления анализа имеет место синтез, то не ликвидируется ли тогда всякое различие между синтезом и анализом, не стирается ли качественная определенность каждого из указанных процессов? Разумеется, нет. Являясь взаимосвязанны-

ми, пронизывая друг друга, данные процессы, однако не теряют своей качественной определенности, не растворяются друг в друге, а сохраняют свою специфику. Процесс расчленения единого целого на составные элементы хотя и сопровождается процессом соединения их, но уже не друг с другом, а с другим целым или с элементами других целостных систем. Таким образом, хотя синтез и присутствует в анализе, сопровождает его, но не уничтожает, не ликвидирует его как анализ. Синтез лишь способствует осуществлению стоящих перед анализом целей, позволяет осмыслить его результаты. Подобное явление имеет место и при синтезе. Соединение отдельных элементов в единое целое хотя и сопровождается расчленением определенных целостностей и выделением отдельных сторон, но оно не касается, не задевает синтезируемого целого, не уничтожает его, а, наоборот, способствует его осуществлению. Например, при составлении целостного представления или понятия о каком-либо объекте имеет место анализ понятий или представлений, отражающих отдельные стороны данного предмета, который не только не препятствует синтезу, но, наоборот, способствует соединению этих понятий или представлений в единое целое, в целостное понимание данного предмета.

Итак, при всем единстве, при всем взаимопроникновении анализа и синтеза они представляют собой качественно различные, прямо противоположные процессы.

Рассмотренные здесь закономерности взаимосвязи анализа и синтеза в познавательной деятельности людей имеют свою объективную основу. Они являются специфическим проявлением общих закономерностей, свойственных всем явлениям окружающего мира. В самом деле, в окружающем мире всякое материальное образование представляет собой целое, состоящее из определенных элементов.

Единство расчлененности материального образования на отдельные части и органической связанности в нем этих частей особенно четко выступает при рассмотрении предметов и явлений внешнего мира с точки зрения диалектики элементов и структуры. Элементы — это компоненты, составляющие какое-либо целое и находящиеся между собой в определенной взаимосвязи и взаимозависимости; структура — способ сочетания и взаимосвязи элементов целого. Каждый элемент, будучи качественно обособленным, имеет определенную самостоятельность, относительную независимость в рамках целого, но вместе с тем он существенным образом зависит от других элементов, составляющих данное целое, от характера связи с ними. Этими связями в определенной степени определяются его место, роль и значение в целом, его качественные и количественные характеристики. С другой стороны, сама связь между элементами зависит от их природы, от их качественных и количественных характеристик. Другими словами, элементы, на которые расчленяется тот или иной предмет, и свойственная этому предмету структура — способ связи элементов, находятся между собой в необходимой взаимозависимости, в диа-

лектическом единстве. Единство элементов и структуры составляет метод; познать предмет как систему или как элемент соответствующей системы путем одного анализа нельзя, анализ должен сочетаться с синтезом.

Далее, всякий акт возникновения или исчезновения какого-либо явления представляет собой единство двух процессов — распада (расчленения) того или иного целого на определенные элементы и возникновение новых качественно определенных явлений. Так, процесс уничтожения (распад) нейтрона как качественно определенного целого является в то же время процессом рождения других качественно определенных частиц: протона, электрона и нейтрона. Процесс образования молекулы, например, хлористого натрия, есть в одно и то же время и процесс соединения этих атомов в новые молекулы. В живых существах данная закономерность особенно наглядно проявляется в процессе ассимиляции и диссимиляции.

Таким образом, процессы расчленения единого целого на составные части и соединения отдельных частей в единое целое и закономерности, проявляющиеся при этом, характерны не только для познавательной деятельности людей, но имеют место в каждом материальном образовании, в каждом конкретном явлении. Эти процессы являются универсальными, всеобщими. Всеобщность закономерностей взаимосвязи аналитических и синтетических процессов познавательной деятельности людей создает реальную возможность использования их при разработке принципов диалектического метода познания.

Сознательное использование людьми той или иной закономерности аналитических и синтетических процессов в своей познавательной деятельности существенным образом связано с соответствующей ступенью развития познания. Оно зависит от степени познания человеком окружающего мира и степени осмысления самих познавательных процессов. Каждая новая стадия в познании человеком окружающего мира приводит к более глубокому постижению отдельных закономерностей познавательной деятельности людей и к определенной степени реализации их в этом методе. Все это обязывает нас рассматривать анализ и синтез как определенные стороны метода познания на фоне движения познания от одной ступени развития к другой.

Познание, как известно, начинается с эмпирического восприятия предметов и явлений окружающего мира, с живого созерцания. Данной стадии развития познания соответствует и особый вид анализа и синтеза, так называемый прямой анализ и синтез. Здесь анализ выступает как непосредственное мысленное расчленение воспринимаемых предметов, явлений на отдельные элементы (свойства), синтез — как непосредственное соединение в единое целое вычлененных в процессе анализа отдельных сторон (свойств). Процессы анализирования и синтезирования здесь еще органически не связаны друг с другом, а объединены механически, без учета их реальной связи. Здесь реализован пока еще лишь

один момент объективной взаимосвязи анализа и синтеза, а именно относительная самостоятельность и обособленность этих процессов друг от друга. В данном своем выражении анализ и синтез хотя и приводят к вычленению общего из отдельного и отделению его от единичного, но не могут обеспечить различение существенного от несущественного, необходимого от случайного. Эта форма анализа и синтеза полезна и необходима на первой, начальной стадии познания. Однако ее нельзя возводить в абсолют, объявлять единственным методом истинного знания. Именно такое положение данный вид синтеза и анализа занимал в теориях познания Гоббса и Локка.

Расширение сферы применения данного вида анализа и синтеза, использование его для осуществления целей больших, чем простое ознакомление с фактами или первоначальная обработка чувственных данных, неизбежно оставляет познающего в рамках фиксирования общего, лежащего на поверхности, и исключает всякую возможность проникновения в сущность. Но познание не останавливается на простой регистрации явлений и наблюдаемых в них общих сторон (свойств). Оно стремится проникнуть внутрь этих явлений, разгадать их причину и объяснить из нее наблюдаемые свойства.

При переходе познания со стадии фиксирования общих свойств к определению причин, их обусловливающих, к объяснению их природы данный вид анализа и синтеза становится непригодным. Возникает необходимость в новом виде анализа и синтеза. Этот новый вид, который мы будем называть возвратным, представляет собой уже не механическое расчленение целого на составные части и восстановление целостного предмета путем механического объединения его частей. Аналитические и синтетические операции при данном виде анализа и синтеза органически вплетены в единый процесс раскрытия того или иного явления. Здесь в процессе разложения целого на части и соединения частей в целое осуществляется не просто ознакомление с исследуемыми предметами, явлениями, как это было при непосредственном анализе и синтезе, но прежде всего, выявление определенной причинно-следственной связи. Причинно-следственная связь является здесь своего рода стержнем, вокруг которого вращается вся аналитическая и синтетическая деятельность мышления и которым эта деятельность направляется и объединяется. В самом деле, имеющееся следствие, а впоследствии и предполагающая причина определяют здесь и отбор явлений для анализа, и порядок расчленения их на части, и вычленение одних сторон, и игнорирование, оставление без внимания других, и, наконец, направленность синтезирования.

В этой форме анализа расчленяется лишь то, что не связано непосредственно с постигаемой причинно-следственной связью, так же как и синтез соединяет лишь то, что предполагается обусловленным причинно-следственной связью. Здесь анализ и синтез, хотя еще органически не связаны, но уже объединены более тесно, чем в первом случае. Например, хотя синтез и следует пос-

ле анализа, но он уже не представляет самостоятельного, независимого от анализа процесса, он, по сути дела, продолжает и завершает анализ. В самом деле, анализ непременно приводит к предположению о причине исследуемого явления, но, чтобы убедиться в истинности сделанного предположения, исследователь должен соединить исследуемое явление с предполагаемой причиной, объяснить его из нее и превратить тем самым гипотезу в достоверное знание. Если бы анализ здесь не дополнялся синтезом и синтез не продолжал анализ, то воспроизведение в сознании причинно-следственной связи было бы невозможно.

Наиболее детальную разработку и реализацию данный вид анализа и синтеза получил в учении Бэкона об индуктивном методе познания [см. 32, 110—234] и в миллевских методах исследования причинно-следственной связи (в частности, в методе согласия, методе различия, методе остатков, методе сопутствующих изменений) [см. 106, 351, 396].

В дальнейшем в процессе развития науки познание от объяснения отдельных сторон материальных образований, от раскрытия отдельных причинно-следственных связей, от определения природы отдельных свойств переходит к более или менее полному воспроизведению их сущности. Новая стадия познания обусловливает возникновение нового вида анализа и синтеза, который можно назвать структурно-генетическим. Данный новый вид анализа и синтеза характерен тем, что здесь расчленение целого на части и объединение частей в целостную систему осуществляется в процессе движения познания от основы к обоснованному. Его применение связано с разработкой Гегелем и Марксом метода движения познания от абстрактного к конкретному. Согласно этому методу, познание сущности исследуемых предметов должно осуществляться путем вычленения решающих сторон, звеньев или отношений, историческое развитие которых обусловливает формирование сущности исследуемых материальных образований. Эти сущностные отношения принимаются за исходные начала, за исходную «клеточку» и затем прослеживается их развитие и влияние на все другие стороны явления. Вычленив такие стороны (отношения), познающий субъект прослеживает все этапы развития исследуемого целого. Анализ и синтез, осуществляемые в процессе такого исследования, повторяют в сознании процессы расчленения и соединения, характерные для развивающегося объекта. В связи с этим движение нашего познания здесь представляет собой не что иное, как отражение реального движения явлений объективного мира [см. 1, 13, 497]. Движение мысли, анализирующей и синтезирующей предмет, и движение самого исследуемого предмета здесь проходят одни и те же этапы, идут в одном и том же направлении. И поскольку мышление в своем движении воспроизводит в сознании все основные этапы, которые прошел предмет в своем развитии, постольку и результаты мышления более или менее точно воспроизводят результаты развития предмета — его сформировавшуюся сущность.

Всестороннюю разработку и широкое практическое применение структурно-генетический вид анализа и синтеза получил в работах К. Маркса, особенно в его «Капитале». В «Капитале» Маркс применил данный вид синтеза и анализа к познанию сущности буржуазного общества, буржуазной экономической формации. Начав с товара как одного из наиболее общих, простейших отношений и проследив его развитие и влияние на все другие стороны общественной жизни, он воспроизвел в системе объективных понятий сущность буржуазного общества, дал конкретную картину его развития и функционирования.

Одной из характерных особенностей рассматриваемого вида анализа и синтеза является то, что здесь анализ и синтез находятся в органическом единстве, т. е. совершаются одновременно. Каждый шаг анализа здесь есть в то же время и шаг синтеза и наоборот. Иначе говоря, в момент осуществления синтеза осуществляется анализ и наоборот. Например, объяснение из развития товарных отношений таких явлений буржуазного общества, как деньги, прибавочная стоимость, рабочая сила, капитал и т. д., представляет из себя не только анализ, но и синтез, не только расчленение анализируемого объекта на его отдельные проявления, но и воспроизведение всей системы отношений этого объекта с порожденными им в процессе своего развития явлениями. Это указывает на то, что закономерности взаимосвязи анализа и синтеза в данном методе познания полностью (или более или менее полно) соответствуют закономерностям взаимосвязи объективных аналитических и синтетических процессов познавательной деятельности людей. Одновременно необходимо подчеркнуть, что здесь при использовании данного метода в познании объекта анализ и синтез повторяют и воспроизводят в идеальной форме действительный процесс движения объекта. Поэтому закономерности соответствуют определенным всеобщим закономерностям процессов расчленения и соединения явлений внешнего мира. Здесь наблюдается явное совпадение диалектики, логики и теории познания. В самом деле, закономерности расчленения и соединения, свойственные всякому материальному образованию, всякому явлению, совпадают с объективными закономерностями аналитических и синтетических процессов познавательной деятельности человека и вместе с тем являются отдельными сторонами логического метода познания, сознательно используются людьми в виде определенных приемов или правил в их познавательной деятельности.

Итак, в процессе движения познания от явления к сущности анализ и синтез как определенные стороны (моменты) метода познания не остаются неизменными, раз и навсегда данными. Они в связи с переходом познания в своем развитии с одной стадии на другую изменяются, развиваются, от низших форм переходят ко все более высоким, все более и более соответствующим объективным закономерностям аналитических и синтетических процессов познавательной деятельности людей, а также все более адекватно отражают закономерности внешнего мира.

Раздел III. ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

В данном разделе речь пойдет о формах движения мысли в процессе функционирования и развития познания, о диалектике их взаимосвязи и взаимопереходов. Формы мышления представляют собой отражение действительности: с одной стороны, объективных отношений, связей, с другой — практики, предметно-преобразующей деятельности людей. Основными формами функционирования и развития мышления являются понятия, суждения, умозаключения, теории и т. д.

Глава I. ПОНЯТИЕ

В истории логики и философии встречались различные точки зрения относительно того, какая форма движения мысли является исходной в структуре человеческого мышления. Как отмечает А. М. Плотников, «Гегель, И. Ф. Гербарт, Э. Кассирер, В. И. Чичерин, Ф. Диндс и др. главной, основной логической формой считали понятие, И. Кант, Хр. Зигварт, А. Тренделенбург, В. Виндельбанд, А. И. Введенский и др. — суждение, Д. И. Милль, С. Джевонс, В. Вундт, Г. Брэдли, С. И. Поварнин и др. — умозаключение» [39, 27].

Расхождение в точках зрения объясняется не тем, что эти авторы больше исследовали ту или иную форму движения мысли и в силу этого увидели в ней преимущества перед другими. Дело в том, что понятие, суждение и умозаключение играют различную роль в мышлении в зависимости от того, на какой ступени своего развития оно находится. Гегель, например, осмысливал теоретический уровень мышления, где понятие является исходной и основной формой движения мысли. Целостную сущность предмета невозможно отразить помимо теоретического («спекулятивного», как сказал бы Гегель) понятия. Кант имел дело с эмпирическим естествознанием, философско-теоретически обобщал эмпирический уровень науки, где теоретическое понятие выступает результатом движения мысли, а не его отправным пунктом. Поэтому допущение существования научного знания вне понятия для Канта вполне логично. Абстрактная постановка вопроса о том, какая форма движения мысли является исходной или основной в мышлении вообще, совершенно несостоятельна. Структура теоретического

мышления существенно отличается от структуры мышления на эмпирическом уровне, последняя, в свою очередь, не совпадает со структурой мышления на обыденном уровне знания. Поэтому различны не только место и роль основных форм движения мышления в его стркутуре в зависимости от его уровня развития, но и их собственная структура (т. е. сущность основных форм движения мысли) на разных уровнях познания. Общим для основных форм движения мышления является зависимость от объективного источника их происхождения. Все формы мышления являются идеальным выражением практических действий человека по преобразованию предметов внешнего мира. «Когда Гегель старается — иногда даже: тщится и пыжится — подвести целесообразную деятельность человека под категории логики, говоря, что эта деятельность и есть „заключение" (Schluß), что субъект (человек) играет роль какого-то „члена" в логической „фигуре" „заключения" и т. п., — **ТО ЭТО НЕ ТОЛЬКО НАТЯЖКА, НЕ ТОЛЬКО ИГРА**, — пишет В. И. Ленин. — **ТУТ ЕСТЬ ОЧЕНЬ ГЛУБОКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ЧИСТО МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ. НАДО ПЕРЕВЕРНУТЬ: ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ»** [4, 29, 172].

Понятие как одна из форм мышления, «фигур» логики также является логическим выражением определенной структуры практической деятельности человека — именно той, в которой он выделял предметы по их первоначально одинаковым признакам, затем — свойствам, затем — необходимым (структурным) связям, вырабатывая соответственно целостные представления о них. О том, что логические категории также имеют объективное происхождение, специально писал К. Маркс в письме Ф. Энгельсу: «Но что сказал бы старик Гегель, если бы узнал на том свете, что *общее* [*Allegemeine*] означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а *частное* [*Sundre, Besondre*] — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность [Sondereigen]. Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из «наших отношений» [aus «unserem Verkehr»]» [1, 32, 45].

Поскольку объектом нашего рассмотрения является теоретическое мышление, то предметом анализа в данном случае будет теоретическое понятие, выступающее исходным пунктом и клеточкой теоретического познания.

Обыденное и эмпирическое знание также может выступать в форме представлений-схем и эмпирических понятий, но специфическая форма движения теоретического познания — теоретические понятия или иначе — категории.

На обыденном уровне знания имена с их значениями, пред-

ставления-образы соединяются с помощью логических постоянных в суждения, а последние — в умозаключения. В результате получаются представления-схемы, т. е. представления, выражающие необходимые черты предмета или элементы образа. Абстрактные рисунки первобытных людей — это как раз представления-схемы, формирующиеся на уровне обыденного мышления в его самой элементарной, простейшей форме.

Эмпирическое понятие также представляет собой схему, которая образуется некоторой совокупностью суждений. Совокупность связанных между собой определенной закономерностью суждений образует умозаключение. Эмпирическое понятие, таким образом, предполагает наличие как суждения, так и умозаключения. Например, эмпирическое понятие температуры (в отличие от обыденного общего представления о теплоте и холоде) уже предполагает наличие какого-либо способа ее измерения, определенной точки отсчета, отношения градаций и т. д., а это предполагает использование умозаключений.

Эмпирическое понятие связано с эмпирической теорией, обобщающей непосредственные необходимые отношения и связи между явлениями, которые носят характер количественных зависимостей. Эти соотношения и связи не обязательно имеют определенные числовые значения, но должны подаваться тем или иным способам измерения. Так, эмпирическое понятие механического движения, в отличие от общего представления о движении, связано с введением способа измерения движения с помощью формулы $V = \frac{s}{t}$.

Эмпирическое понятие стоимости дополнило общее представление о ней как о цене тогда, когда была выявлена непосредственная количественная связь между трудом и стоимостью. Возможность установления непосредственной количественной зависимости между двумя явлениями или свойствами является необходимым условием образования эмпирического понятия. Этим научно-эмпирическое понятие отличается от обыденного понятия (представления-схемы).

В теоретическом понятии (категории) устанавливается опосредствование единства между противоположными эмпирическими понятиями. Содержанием теоретического понятия является закон. Так, содержанием теоретического понятия стоимости является закон стоимости, а категория инерции имеет своим содержанием закон инерции.

В западной литературе по логике науки распространено позитивистское представление о различии между эмпирическими и теоретическими понятиями, которое видится в том, что эмпирические понятия относятся к наблюдаемым, а теоретические — к ненаблюдаемым объектам. Но объекты, не наблюдаемые вчера, сегодня могут стать и очень часто становятся наблюдаемыми, как это было в физике, генетике и других науках. В общественной жизни объекты теоретического познания всегда наблюдаемы, если

не отождествлять объект и предмет науки (объект науки — это выделенный нашим сознанием относительно целостный «кусок» действительности, а предмет науки — это совокупность законов, которым подчиняется движение этого объекта). Наконец, вышеприведенное различие ничего не говорит о сущности (содержании и структуре) как эмпирического, так и теоретического понятий, а лишь отсылает нас к особенности их объектов, которые, конечно, не являются самими понятиями и находятся вне их. Поэтому, в частности, Р. Карнап так и не указал критерия, с помощью которого можно было бы отличить теоретические понятия от эмпирических, сославшись лишь на психологический фактор (например, отсутствие у физика «сомнения в коренном различии характера теоретических законов, которые должны быть сформулированы» [68, 306]). Качественную границу между ними он вообще отрицает.

Между тем качественное различие между теоретическим и эмпирическим понятиями заключается в том, что теоретическое понятие является по своей структуре опосредствованным единством противоположных эмпирических понятий. Так, понятия меновой стоимости и потребительной стоимости в товаре суть эмпирические понятия, объекты которых поддаются непосредственному восприятию и измерению, в то время как стоимость, являющаяся единством этих противоположностей, непосредственному восприятию и измерению не поддается и измеряется опосредствованно — через труд (ее меновая стоимость не совпадает с ее действительной стоимостью). В понятии инерции также устанавливается опосредствованное понятием массы единство между механическим движением и покоем (Г. Герц писал, что «представление Галилея об инерции устанавливает связь между пространством, временем и массой» [46, 17], которые непосредственно воспринимаемы органами чувств и поддаются непосредственному измерению.

В истории философии эту «антиномичность» (т. е. противоречивость структуры теоретических понятий науки) зафиксировал И. Кант, который, однако, считал, что таких противоположных пар определений всего четыре. В его время действительно естествознание в целом еще не успело подняться до теоретического уровня развития. Лишь к середине XIX в. оно стало таковым, а затем и общественные науки стали достигать теоретической зрелости.

Поскольку крайние члены теоретического понятия суть противоположности, они продолжают оставаться крайними членами, полюсами понятия, пока речь идет о данном предмете познания. Их место в системе научно-теоретического знания как крайних членов отношения не всегда видно. Требуется структурный логико-методологический анализ системи знания, чтобы выявить их место в этой системе, ибо чем выше развито теоретическое знание, тем в большей мере внимание сосредоточено на посредствующих звеньях системы, число которых возрастает. В генетике, например, не ограничиваются уже непосредственным сопоставлением поня-

тий наследственности и изменчивости, как в начале XIX в., хотя эти противоположности продолжают играть роль крайних членов в системе теоретической биологии. В «Капитале» К. Маркс сам указал на то, что в анализе кризисов (который дается лишь в конце, в III томе его главного труда) по-прежнему проявляется исходная противоположность стоимости и потребительной стоимости.

Посредствующие звенья связывают противоположные понятия в единое теоретическое понятие, и каждое новое понятие характеризуется все новыми посредствующими звеньями. Поэтому переход к более развитому теоретическому понятию осуществляется именно путем выявления и анализа все новых посредствующих звеньев.

Такой способ движения знаний является теоретическим. Он отличается от эмпирического тем, что в нем противоположные элементы знания связываются между собой не непосредственно, а путем анализа посредствующих звеньев, в то время как на эмпирическом уровне элементы понятия с объектом связываются непосредственно. Каким бы сложным ни оказался переход от данных эксперимента к образованию «абстрактного объекта» (математическая точка, не имеющая протяженности, идеальный газ и т. д.) или какой-либо абстракции вообще (постоянство скорости света, постоянная Планка и т. д.), путь, который приводит к этому результату. является эмпирическим, ибо пролегает от объекта к элементам знания, а не от одного элемента знания к другому, противоположному. Эмпирическое понятие выражает связь между свойствами объекта, но эта связь носит непосредственный характер и может быть опосредована лишь количественной зависимостью (например, в понятии скорости устанавливается непосредственная зависимость пространственных характеристик объекта от времени).

Теоретическое же понятие невыводимо из опыта непосредственно. Если бы оно выводилось непосредственно из опыта или наблюдения, оно было бы эмпирическим. Поэтому оно либо подтверждается, либо опровергается лишь косвенно — через соответствующие следствия теории. Проверить действие закона стоимости непосредственно нельзя. Эта проверка осуществляется лишь через цены, соотношение спроса и предложения и т. д.

Теоретическое понятие невыводимо из опыта или других областей знаний. В противном случае такое понятие было бы чисто формальным или тавтологическим. Эту противоречивость теоретического понятия в математике, например, уловил, А. Эйнштейн. Он писал, что «природные математические понятия могут быть подсказаны опытом, но ни в коем случае не могут быть выведены из него», что «любая попытка чисто логического вывода основных понятий и принципов механики из отдельных опытов обречена на неудачу» [167, 64].

Эта особенность теоретического понятия породила не только мнение, будто оно относится к «ненаблюдаемым объектам», но

даже будто бы «использование понятий не связано необходимо с убеждением или предположением о существовании мыслимых в них объектов. «Некоторые теоретические понятия, — пишет один из сторонников такого мнения, — вводятся лишь как некие инструменты познания (параллели, меридианы, силовые и геодезические линии, векторы, графы и т. п.)» [57, 376].

Не говоря о том, что приведенные примеры неоднородны (ибо не существуют так же объективно и независимо от деятельности человека, как меридианы и т. д.), заметим, что в приведенных примерах речь как раз должна идти о реальных пространственных и иных соотношениях объективного мира. Именно благодаря этому обстоятельству данные понятия и выполняют роль инструментов познания мира. Если не учитывать этого, мы получим в результате весьма упрощенную конструкцию, согласно которой «эмпирические понятия возникают в результате анализа некоторых данных в опыте предметов и явлений», в то время как «теоретические, наоборот, являются средствами введения в науку тех или иных объектов» [57, 376]. Тут нельзя не отметить более тонкую постановку вопроса А. Эйнштейном, которую мы уже упомянули и согласно которой понятия теоретической науки все же связаны с опытом, но не могут быть получены непосредственно из него.

И действительно, нет таких теоретических понятий, элементы, стороны, аспекты которых имели бы внеопытное происхождение. И если мы можем найти в опыте аналог не всей структуре теоретического понятия, а лишь отдельным элементам его структуры и содержания, то это объясняется тем, что сознание всегда связано с опытом и связь с опытом всегда односторонняя. Поэтому эмпирическое знание всегда односторонне по сравнению с теоретическим. В опыте тяготение всегда представлялось человеку либо как свободное падение тела (соответствующий эмпирический закон был сформулирован Галилеем), либо как тяжесть, либо как круговое движение планет (соответствующие эмпирические законы были сформулированы Кеплером) и т. д. И только в универсальной структуре закона Ньютона понятие тяготения обрело теоретическое содержание. Точно так же и понятие стоимости до XIX в. воспринималось либо как скопление вещей, богатств (потребительная стоимость), либо как успех торговой или сельскохозяйственной деятельности, т. е. всегда односторонне.

Представление о теоретическом понятии как понятии якобы чисто мысленного происхождения связывают со старым предрассудком формальной логики, согласно которому понятие значением истинности не обладает, ибо ничего не утверждает и не отрицает относительно объективной действительности. Эта позиция не может не вызвать возражений, поскольку даже такое понятие, как «бог», служило в истории предметом страстных идеологических битв (одни считали подобные понятия ложными, другие — истинными), и никому в голову не могло прийти, что эти понятия нельзя оценивать с точки зрения значения истинности.

Что касается теоретических понятий вообще, их логическая

структура вполне позволяет оценивать их содержание с точки зрения значения истинности. Эта структура представляет собой связь элементов содержания понятия в целостность, крайние члены которой являются противоположностями. Но такая структура, установление связей между представлениями и эмпирическими понятиями, невозможна помимо утверждений, высказываний и отрицаний, которые, по традиции, признаются обладающими значением истинности. Согласно таблицам истинности в формальной логике не только отдельные высказывания, но и их отношения оцениваются «истинно» или «ложно». В структуре теоретических понятий мы как раз имеем дело именно с системой суждений, которые сами по себе могут и не иметь теоретического содержания. Но помимо всего прочего любое научное понятие, если оно не отождествляется с именем, простым термином, существует в форме суждений (определений) или совокупности суждений (определений). Ленинское определение материи есть форма существования понятия материи и отличается от термина «материя» именно тем содержанием, которое выражено в соответствующем суждении или высказывании.

Итак, теоретическое понятие связано с опытом, хотя непосредственно из данных опыта не выводится, т. е. не является прямым его обобщением. Теоретическое понятие является результатом не столько обобщения данных опыта (обобщение — лишь момент образования и развития его), сколько теоретического синтеза результатов эмпирического обобщения опыта, знания. Выписав положение Гегеля о том, что «эмпирическое, постигнутое в его синтезе, есть спекулятивное понятие», В. И. Ленин сформулировал следующее положение: «Совпадение понятий с „синтезом", суммой, сводкой эмпирии, ощущений, чувств *несомненно* для философов всех направлений» [4, 29, 257]. В. И. Ленин опустил здесь слово «спекулятивное», которое означает «умозрительное», ибо теоретическое понятие не является умозрительным, хотя и включает в себя элемент умозрения. Одной из особенностей теоретического понятия является то, что более общее понятие вместе с тем более конкретно и богато по своему содержанию. Традиционная, формальная логика, сформулировавшая закон обратного отношения объема и содержания понятия, имела дело либо с общими представлениями, либо с обыденными понятиями (т. е. с теми же общими представлениями, отражающими необходимые, существенные свойства, характеристики предмета), либо в лучшем случае с эмпирическими понятиями. Поэтому она могла сформулировать лишь такой тип зависимости: чем более общим является понятие, тем меньше черт, признаков и свойств предметов оно отражает в своем содержании. Наоборот, частное понятие конкретнее и богаче по своему содержанию, чем общее. Теоретическое понятие по мере развития становится одновременно и более общим, всеохватывающим и более конкретным, содержательным (как бы в «нарушение» закона формальной логики об обратном отношении объема и содержания понятия). Теоретическое понятие благодаря

своей структуре позволяет сохранять особенное и даже индивидуальное в общем, что послужило основанием для гегелевского различения двух типов общего — абстрактного и конкретного. Последнее, по Гегелю, включает в себя также и богатство особенного. По поводу соответствующих слов Гегеля В. И. Ленин заметил: «Прекрасная формула: „Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного" (все богатство особого и отдельного!)!!» [4, 29, 90].

Можно привести множество примеров подобных понятий (собственно, каждое узловое теоретическое понятие в составе теории таково), но мы довольствуемся двумя. Первым примером будет классический пример из «Капитала» К. Маркса (кстати, В. И. Ленин, говоря о конкретно-всеобщем понятии, сослался именно на «Капитал»). Понятие (категория) прибавочной стоимости в политической экономии капитализма является более конкретным, чем понятие стоимости, поскольку включает в себя или охватывает отношение между трудом и капиталом, т. е. дополнительное свойство «самовозрастания» стоимости, которое отсутствует в понятии стоимости. Понятие прибавочной стоимости является также и не менее общим, так как включает в себя как обычные меновые отношения (оплата рабочей силы и средств производства по стоимости), так и новый, особенный случай «самовозрастания» стоимости.

Другим примером является современное понятие относительности, содержание которого выражено в преобразованиях Лоренца. Из преобразований Лоренца видно, что современное понятие относительности применимо к тем случаям, которые выражены в преобразованиях Галилея (где пространственные, временны́е и некоторые другие параметры материи в различных инерциальных системах отсчета инвариантны), и к тем, которые были во времена Галилея науке неизвестны, а именно случаи движения тел с околосветовой скоростью (где инвариантность пространственных, временны́х и других параметров материи нарушается). Это значит, что современное понятие относительности является более общим, чем классическое, так как охватывает более широкий круг явлений. С другой стороны, оно более конкретно и богато по содержанию, так как отражает такие особенности движения, которые отсутствуют в классическом понятии относительности.

Однако допущение подобных понятий приводит к противоречию с упомянутым законом формальной логики, согласно которому чем богаче содержание понятия, тем оно у́же по объему и наоборот. И действительно, особенность теоретических понятий прямо противоположна действию этого закона формальной логики. Но как справедливо заметил И. Я. Чупахин, «упомянутый закон, как и всякий закон вообще, не имеет исключений» [39, 24]. Отсюда следует, что теоретическое понятие в своем движении подчиняется одновременно действию двух противоположных законов: закона обратного отношения объема и содержания понятия и закона от-

рицания отрицания в процессе восхождения мышления от абстрактного понятия к конкретному. Однако действию первого закона подвергаются лишь *элементы* теоретического понятия (эмпирические понятия), в то время как действию закона отрицания отрицания подвергается теоретическое понятие как *целое* — как единая система всех эмпирических понятий, образующих его структурные элементы. Так, теоретическое понятие прибавочной стоимости имеет в качестве своих элементов эмпирические понятия «необходимый труд», «прибавочный труд», «рабочая сила как товар». Специфическими элементами теоретического понятия стоимости являются эмпирические понятия: «меновая стоимость», «потребительная стоимость», «абстрактный труд», «товар», «обмен». И когда мы имеем в виду все перечисленные объекты, формулируя содержание теоретических понятий стоимости и прибавочной стоимости, то, разумеется, отвлекаемся от особенностей того или иного товара, той или иной способности к труду, того или иного вида труда и т. д. Здесь действие закона обратного отношения объема и содержания понятия неограниченно. Его действие видоизменяется при восхождении теоретического мышления от понятия стоимости к понятию прибавочной стоимости, которая есть так же стоимость, но усложненная дополнительными моментами, понятиями («рабочая сила как товар», «необходимый труд», «прибавочный труд»). Здесь действие этого закона формальной логики (как, впрочем, и остальных) сохраняется, но лишь как подчиненный момент действия диалектического закона отрицания отрицания в процессе восхождения мышления от абстрактного к конкретному.

Таковы главные особенности теоретического понятия.

Глава II. СУЖДЕНИЕ

§ 1. Диалектика в содержании суждения

Сопоставляя суждение с понятием, нетрудно заметить раздвоение второго в первом. То, что в понятии дано слитно, нерасчлененно («Иван как человек»), получает в суждении раздвоенность на два элемента («Иван есть человек»). Моменты понятия (Иван, человек) поляризуются в суждении на субъект и предмет. Уже в этом проявляется диалектика суждения, его внутренняя противоречивость, отражающая противоречие самих вещей, их структуры.

Так как в суждении имеются содержание и форма, то анализ диалектики суждения должен осуществляться как со стороны содержания, так и со стороны формы. Суждение диалектично во всех своих проявлениях, во всех составляющих его моментах. Содержание суждения образуют входящие в него конкретные мысли, форму — способ связи этих конкретных мыслей. Диалектика в содержании суждения проявляется прежде всего в том, что один

термин суждения выражает предмет, а другой — признак, составляющие противоположности объективной действительности. Как предмет, вещь есть нечто субстанциальное, устойчивое, не зависящее от того или иного своего отдельного признака, нечто многообразное, целокупное, тотальное, неисчерпаемое в своих свойствах; будучи субстратом, она есть носитель этих свойств. Признак, напротив, есть нечто, зависящее от предмета, включающееся в него, обусловленное им. Например, в качестве предмета выступает «дом», представляющий собой совокупность многих свойств, качеств, отношений. Он — и жилище, и здание, и сооружение, имеет какую-то высоту, кубатуру, материал, из которого построен и т. д. Признаком же дома будет «деревянный», «двухэтажный», «построенный в 1985 году» и т. п. Каждый признак характеризует предмет лишь с какой-то одной его стороны, и в этом смысле не необходим, а случаен. В реальной действительности предмет проявляет себя тем или иным признаком в зависимости от того, какому действию подвергается он со стороны других предметов. Если на растение действует огонь, оно горит, если ураган — ломается, если вода — растет.

Отмеченная раздвоенность вещей на предмет и признак фиксируется в суждении структурными элементами — субъектом и предикатом, причем один из них выражает предмет, а другой — признак; термин не может выражать одновременно и предмет, и признак. И в этом, как говорилось, существенное отличие суждения от понятия, в котором подобного раздвоения нет («Иван как человек»).

Поскольку речь идет о содержании суждения, то выражение в последнем предмета и признака субъектом и предикатом не отличается стабильностью. То субъект представляет предмет, а предикат признак, то, наоборот, признак выступает на стороне субъекта, а предмет на стороне предиката. В суждении «снег бел» субъект (снег) выражает реальный предмет, а предикат (бел) — реальный признак, в суждении же «белое есть снег» картина обратная: субъект (белое) соответствует признаку, предикат (снег) — предмету. Все зависит от того, что желают вывести в суждении на первый план — предмет или признак, а это в свою очередь определяется практикой. Следовательно, с точки зрения содержания суждения было бы ошибочно полагать, будто всегда субъект выражает предмет, а предикат — признак. Тем более ошибочно считать, что подобная стабильность однозначно связывается с грамматическими подлежащими и сказуемыми или частями речи (существительными и глаголами). Как бы, однако, ни варьировалось отражение в терминах суждения предмета и признака, само их отношение всегда диалектично. Безразлично, выступает ли предмет на стороне субъекта, а признак — на стороне предиката или наоборот.

Подобно диалектике предмета и признака, в суждении проявляется также диалектика его «объема» и «содержания».

Как известно, одни логики (Боэций, Кант) интерпретируют

отношение терминов в суждении только по объему, утверждая, что объем субъекта включается в объем предиката. Другие логики (Бенеке, Лотце) рассматривают данное отношение лишь с точки зрения содержания — содержание предиката входит в содержание субъекта. Каждая из этих теорий является односторонней, открывает в суждении объем и содержание друг от друга. В действительности же отношение между субъектом и предикатом суждения есть отношение одновременно и по объему, и по содержанию. В суждении «липа есть дерево» первое отношение состоит в том, что понятие «липа» включается в объем понятия «дерево», предикат «дерево» представляет множество, класс, одним из элементов которого является «липа». В этом суждении между терминами имеется и отношение по содержанию: содержание предиката включается в содержание субъекта. Субъект «липа» представляет множество признаков реальной липы, один из которых выявлен в предикате «дерево». Как видим, отношение субъекта к предикату и предиката к субъекту двойственно: и по объему, и по содержанию. Причем каждый раз роль субъекта и предиката неодинаковая — то первый включается во второй, то второй — в первый. Кроме того, в обеих названных теориях объем прочно закрепляется за субъектом, а содержание — за предикатом, с чем тоже нельзя согласиться. Ведь бывает и наоборот. Так, в суждении «некоторые деревья липы» именно субъект (деревья), а не предикат (липы) воплощает содержание, объем же представляется в предикате. Значит, в суждении существует не только двоякое отношение терминов по объему и содержанию, но и поляризация моментов этого отношения. Когда субъект выступает представителем объема, роль представителя содержания выпадает на долю предиката. Если же, наоборот, субъект представляет содержание, тогда предикат обязательно выступает представителем его противоположности — объема. Одно и то же отношение субъекта к предикату и предиката к субъекту характеризуется прямо противоположными свойствами: то субъект включается в предикат, то предикат — в субъект. Диалектика членов суждения в двух этих видах отношения проявляется в том, что включение субъектом предиката по содержанию есть вместе с тем и включение предикатом субъекта по объему.

Рассмотрим выражение в суждении другого противоречивого отношения: «единичное — всеобщее». Единичное — это то, что присуще одному, всеобщее — то, что свойственно всем представителям данного класса. Единичное и всеобщее диалектически связаны между собой, относительны, хотя в каждом конкретном случае они всегда отличаются полной своей определенностью. Если в понятии единичное и всеобщее даны слитно, нерасчлененно, то в суждении соответственно его двучленной структуре они раздваиваются, поляризуются между субъектом и предикатом. Единичное выступает на стороне одного полюса, одного термина, всеобщее — на стороне другого. Если брать термины суждения в их содержательном значении, то их роль совершенно неодина-

кова: то, что выражает первый, не может в том же суждении выразить второй. Лишь в других суждениях эта роль может измениться. С точки зрения содержания в одном суждении единичным выступает субъект, всеобщим — предикат, в другом — наоборот. В суждении «Иван есть человек» единичное воплощено в субъекте, всеобщее — в предикате, в суждении же «один из людей — Иван» единичное воплощено в предикате, всеобщее — в субъекте. Следовательно, роль субъекта и предиката суждения неодинакова: то субъект выражает единичное, а предикат — всеобщее, то предикат выражает единичное, а субъект — всеобщее.

Разумеется, такое изменение функций субъекта и предиката с переходом от одного конкретного суждения к другому, при котором каждый из них играет роль то единичного, то всеобщего, отнюдь не устраняет самого противоречия между ними. Несмотря на то, что единичное и всеобщее варьируют между субъектом и предикатом, они в каждом отдельном случае распределяются полярным образом. Когда единичное выступает на стороне субъекта, всеобщее обязательно будет на стороне предиката; если же на стороне субъекта стоит всеобщее, то единичное становится на сторону предиката. Всякая попытка изгнать из суждения противоречие единичного и всеобщего (она, в частности, имеет место у сторонников так называемой теории квантификации предиката, превращающих суждение «металлы проводники» в суждение «металлы суть некоторые проводники») ни к чему положительному привести не может.

В суждении проявляется диалектика тождества и различия. Во-первых, в самих актах утверждения и отрицания: первое (утверждение) означает отождествление представленных в субъекте и предикате объектов, отрицание — различение их. Говоря «протон есть элементарная частица», мы связкой «есть» указываем на тождество понятий протона и элементарной частицы. Высказывая же суждение «протон не есть электрон», мы, напротив, выражаем отличие протона от электрона. Во-вторых, тождество и различие проявляются в каждом виде суждения безотносительно к тому, утвердительно оно или отрицательно. Утвердительное суждение, фиксируя в явной форме тождество субъекта с предикатом, имплицитно выражает отличие субъекта от всех других предикатов. В суждении «протон — элементарная частица» содержится в невыявленном виде и мысль о том, что протон отличен от тех частиц, которые не являются элементарными. Отрицательное суждение «протон не есть электрон», фиксируя в явной форме отличие протона от электрона, предполагает также тождество протона неэлектронам (мезон, например, тождествен протону в том, что он неэлектрон). В более явной форме единство тождества и различия проявляется в так называемых частных суждениях. Если в суждении утверждается, что «некоторые войны прогрессивны», то это означает, что есть некоторые другие войны, которые являются не прогрессивными. Налицо тождество и различие по отношению к прогрессивному.

Далее, о тождестве и различии в суждении можно говорить в плане сходства и несходства между собой двух сравниваемых объектов, представленных в субъекте и предикате. Данный аспект наиболее интересный, и потому на нем следует остановиться специально.

Любое суждение: «лилия есть растение», «роза красна» и т. п. — показывает по существу, что отражаемый объект есть одновременно и он и не он, и лилия и не лилия, и роза и не роза. Если бы это было не так, суждение превратилось бы в пустую тавтологию: «лилия есть лилия», «роза есть роза». Утверждая «лилия есть растение», мы выявляем в лилии ее свойство, тождественное с другими растениями (маком, деревом и т. п.), что фиксируется в предикате. В противоположность последнему субъект указывает на отличие объекта, на его специфику. Когда мы говорим «лилия», мы выделяем объект, носящий это имя, среди других объектов того же класса (сказав «мак есть растение», мы уже выделяем субъектом суждения другой объект). Следовательно, различие выступает на стороне субъекта, тождество — на стороне предиката. Так распределяются тождество и различие в суждениях, в которых субъект менее общее по объему понятие, чем предикат. Противоположным образом обстоит дело в суждениях, где субъект — более общее понятие, чем предикат, скажем, «некоторые слова суть наречия». Тут тождество представлено на стороне субъекта (глаголы, числительные и т. п. — тоже слова), а различие — на стороне предиката (выделяя «наречия», мы отличаем их от других элементов класса слов, не являющихся наречиями).

Однако независимо от того, выражает ли субъект тождество вещей, а предикат — различие или, наоборот, предикат — тождество, а субъект — различие (в зависимости от соотношения их объемов), противоречие этих двух основных характеристик всякого бытия обязательно получает в суждении свое полярное выражение: тождество фиксируется в одном термине суждения, различие — в другом.

В силу сказанного нельзя согласиться со сторонниками так называемой теории спецификации предиката суждения (автор ее — У. Джевонс), которые признают в суждении лишь отождествление субъекта и предиката и отрицают различие. Высказывание «млекопитающие суть позвоночные» они превращают в высказывание «млекопитающие суть млекопитающие позвоночные».

Проявлением в суждении противоречия тождества и различия является также отношение соответствия и несоответствия его терминов друг другу, на что указывал и Гегель. Данное противоречие особо выделил Ф. Энгельс: «Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в *каждом предложении*, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. *Лилия* есть *растение*, *роза красна*: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим» [1, 20, 529—530].

Итак, имеющиеся в содержании суждений противоречия предмета и признака, единичного и всеобщего, тождества и различия фиксируются в терминах суждения, в субъекте и предикате не одинаковым образом. В одних суждениях предмет, единичное, тождество выражаются субъектом, признак, всеобщее, различие — предикатом, в других суждениях — наоборот.

§ 2. Диалектика формы суждения

Исследования диалектики формы суждения в отвлечении от «количества» и «качества», «модальности» и других его характеристик позволяют выявить общий закон действия в суждении диалектики. Если ограничиться изучением диалектики содержания, неизбежен будет ошибочный вывод, будто диалектика свойственна лишь некоторым, а не всем суждениям. Форма суждения заключает в себе те же противоречия, что и содержание, только они здесь отличаются большей определенностью.

Выше субъект суждения был определен как то, о чем высказывается нечто, предикат — как то, что высказывается о первом, но не наоборот: субъект не может быть тем, что высказывается, а предикат — тем, о чем высказывается. Но это и означает, что субъект суждения соответствует в реальной действительности предмету, а предикат — признаку. Не случайно среди философов, занимающихся формальной логикой, распространена следующая дефиниция субъекта и предиката: первый есть «знание о предмете», второй — «знание о признаке» [см. 151, 37]. Именно так определяют термины суждения независимо от того, представлены в них видовые понятия или родовые. Скажем ли мы «все липы деревья» или «некоторые деревья липы», в любом случае субъект этих суждений будет представлять предмет («предметность»), предикат — признак. Функция, роль субъекта и предиката, безразличная к их конкретному содержанию, состоит именно в этом. Как в грамматической системе частей речи существительное есть то, что указывает на предмет, а прилагательное то, что фиксирует признак, независимо от места, которое они могут занимать в конкретном предложении, так и в логическом суждении субъект и предикат по своей роли, функции представляют: первый — предмет, второй — признак. Собственно, то же самое относится к выполнению ими функций единичного и всеобщего. Субъект выполняет роль единичного, предикат — роль общего безотносительно к тому, стоит ли в качестве субъекта видовое понятие, а в качестве предиката родовое («липы — деревья») или, наоборот («некоторые деревья — липы»).

Во всяком суждении субъект как таковой представляет единичность вещей, предикат — их общность. В. И. Ленин диалектику единичного (отдельного) и общего видел в любом суждении (предложении), а не в некоторых. «Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* **любого**: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как

гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: **отдельное есть *общее*»** [4, 29, 318]. Следовательно, единичное и общее, нерасчлененные в понятии, раздваиваются в суждении: единичное воплощается в субъекте, общее — в предикате.

Нам остается рассмотреть еще одно противоречие формы суждения — противоречие тождества и различия. В содержании суждения, как указывалось, строгой определенности в распределении тождества и различия между субъектом и предикатом не существует. Иногда субъект представляет тождество, а предикат — различие, в других суждениях наоборот. В самой форме суждения, в выполнении терминами своей функции, роли подобная неопределенность отсутствует, роль их вполне определенна. Так как субъект суждения указывает на то, о чем высказывается другое, то он фиксирует момент различия. В суждении «Жучка есть собака» Жучка рассматривается как нечто отличное от других представителей класса собак. В противоположность этому предикат имеет своим назначением выражать тождество объекта другим объектом. Говоря «Жучка есть собака», мы предикатом собака выявляем общую черту Жучки со всеми другими представителями класса собак.

С чисто формальной стороны, т. е. со стороны формы, суждение означает положение: «субъект есть предикат». Однако субъект выражает предмет, единичное, различие, в отличие от предиката, выражающего признак, всеобщее, тождество. Поэтому в самой форме суждения по существу содержатся утверждения: «предмет есть признак», «единичное есть всеобщее», «различие есть тождество». Каждое из данных утверждений воплощает единство противоположностей. В связи с этим, учитывая особую роль предиката в суждении — именно как носителя нового знания, — можно выделить три его особенности. В предикате суждения 1) предмет представлен в качестве его противоположности — как признак; 2) единичное представлено как общее; 3) различие представлено как тождество.

Но учитывая, что в чисто логическом плане предикат есть нечто иное, как выражение субъекта, перечисленные особенности предиката являются в то же время и особенностями субъекта: 1) признак представлен как его противоположность, предмет; 2) всеобщее — как единичное; 3) тождество — как различие. Отсюда видно, что в суждении единство противоположностей (предмета и признака, единичного и всеобщего, различия и тождества) проявляется дважды: один раз в субъекте, второй раз — в предикате. Причем эти два единства совсем не одинаковы. В субъекте признак, всеобщее, тождество даны лишь потенциально, в виде возможности выявления их в предикате, предмет же, единичное, различие представлены в субъекте актуально, ибо последний действительно, реально исполняет их функции. Что же касается предиката, то тут соотношение обратное: признак, всеобщее, тождество представлены в нем актуально, предмет, единичное, различие — потенциально.

Итак, в суждении субъект и предикат выступают как противоположности, которые одновременно и отрицают, и предполагают друг друга. Субъект и предикат распределяются в каждом суждении между различными терминами. Утверждая за термином функцию субъекта, мы тем самым отрицаем за ним функцию предиката, и, наоборот, предикатная функция термина исключает его субъектную функцию. Вторая сторона противоположности субъекта и предиката — их единство — состоит во внутренней зависимости их друг от друга, в обусловленности субъектом предиката, а предикатом субъекта. Они соотносительные, необходимо связанные между собой члены суждения. Субъект есть субъект только по отношению к предикату, а предикат есть предикат лишь в отношении к субъекту. Если бы не было одного, невозможно было бы и существование другого. Они нераздельны: нет одного без другого. Ф. Энгельс с полным основанием писал, что «подобно тому как электричество, магнетизм и т. д. поляризуются, движутся в противоположностях, так и мысли. Как там нельзя удержать одну какую-нибудь односторонность... так и здесь тоже» [1, 20, 528].

Общеизвестно, что одни формальные логики, рассматривая суждения, заявляют, что последнее аналитично, ибо расщепляет существующее в природе единство предмета и признака на противоположности. Другие, наоборот, склонны видеть в суждении лишь синтетическую природу, поскольку-де оно лишь соединяет то, что в действительности разъединено. В свете изложенного ни с одним из данных взглядов согласиться невозможно вследствие их односторонности, однобокости. На самом деле в любом суждении имеются и анализ, и синтез, и расчленение суждения на субъект и предикат и соединение субъекта и предиката в единое целое суждение.

В философской литературе встречаются ошибочные точки зрения по данному вопросу. Например, К. С. Бакрадзе пишет: «Вещи и явления действительности могут быть противоречивы,.. но понятия о них, суждения о них, если они истинны, не могут быть противоречивыми, не могут содержать в себе противоречие» [16, 337]. И далее — чтобы в этом отношении не было никаких недомолвок — автор продолжал: суждения «не содержат в себе противоречия, не содержат ни формально-логического, ни диалектического противоречия» [16, 345]. Ошибочность подобных высказываний более чем очевидна.

§ 3. Диалектическая классификация суждений

Диалектика позволяет разработать диалектическую классификацию суждений, которая отличается от формально-логической классификации тем, что строится на принципе субординации, движения от низших форм суждения к высшим. Разумеется, в данной классификации учитывается специфика суждения, отличающая его от понятия. Как известно, понятия клас-

сифицируются по ступеням единичности, особенности, всеобщности, образуя модусы. Не исключая подобные модусы, в классификации суждений необходимо выявлять и нечто специфически им присущее — фигуры. Однако начнем с модусов, выражающих развитие содержания суждения.

В формальной логике классификации суждений строится то в зависимости от субъекта (единичные, частные, общие), то в зависимости от предиката (например, у М. И. Каринского — суждения существования, суждения о предмете, суждения об отношении предметов). Поскольку субъект и предикат внутренне связаны между собой, являясь выражением один другого, классификация суждений по субъекту не может не быть одновременно классификацией их по предикату (хотя мы будем опираться на предикат, поскольку именно он является носителем нового знания в суждении). Сказанное же о предикате будет относиться к субъекту и равно ко всему суждению в целом.

Диалектическая классификация суждений призвана изобразить развитие суждения от низшего к высшему, ступени движения познания, углубления последнего в сущность вещей. Она должна начинаться с простого содержания и заканчиваться самым сложным. Так как суждение есть раскрытие понятия, то ступени развития последнего — единичность, особенность, всеобщность — будут и ступенями содержательного развития суждения.

Суждение единичности (единичный модус) — это такое суждение, которое отображает отдельное, единичное, большей частью случайное свойство объекта. Например, «дом построен в 1945 году». Дом мог быть построен и в другие годы, не переставая от этого быть самим собой. Признак «построен в 1945 году» для дома совершенно несуществен, единичен, относится не ко всем домам. Поэтому познавательная ценность данного модуса невелика.

С чисто логической точки зрения недостаток суждения единичности заключается в его ограниченности. Здесь предмет (а значит, и субъект) выявляет всего одну группу признаков своего содержания, тогда как в нем их имеется три (единичность, особенность, всеобщность). Данный недостаток обусловливает противоречие. По всей возможности предикат способен заключать единичное, особенное и всеобщее содержание, а на ступени единичного модуса у него выявлено лишь одно, первое содержание (единичность). Движущей силой развития суждения является как раз это обнаруженное в практике противоречие. Оно и требует переходить к новому суждению, суждению особенности.

В суждении особенности (особенный модус) отображается особенная группа признаков, присущих не только одному, но и другим объектам. «Дом есть здание», «дом есть сооружение», «дом имеет фундамент, стены, крышу» — все это суждения особенности, если «дом построен в 1945 году» принять за суждение единичности (вообще, только в сопоставлении между собой можно установить, какое суждение единичное, а какое особенное).

Суждение особенности возникает как результат обобщения многих единичных суждений, выступая своеобразным их итогом. На основе одного единичного суждения нельзя получить суждение особенности, на основе ряда единичных суждений — можно. Суждение «дом есть здание» формулируется после того, как установлено, что дом имеет фундамент, стены, крышу, двери и т. п. — все то, без чего здания не бывает.

С точки зрения содержания знания суждение особенности более полно выражает природу вещей, охватывая их не только с единичной стороны, но и с особенной. Суждение «дом есть здание» заключает в себе больше сведений сравнительно с суждением «дом построен в 1945 году», причем больше не только с количественной стороны, но и с качественной. Данное обстоятельство делает суждение особенности более ценным и более содержательным сравнительно с суждением единичности. Если это последнее отличается односторонностью, известной случайностью и если оно, отражая только единичные признаки вещи, находится с ней в известном противоречии, то этого нельзя сказать о суждении особенности. Тут данное противоречие уже «снято», и вещь имеет особенные признаки, и суждение отражает их в своем содержании. Разумеется, здесь противоречие «снято» в диалектическом, а не метафизическом смысле, т. е. при сохранении всего положительного, что было свойственно суждению единичности.

Однако диалектика особенного модуса состоит в том, что в нем устраняется одно, старое, противоречие и обнаруживается другое, новое противоречие. Как нетрудно догадаться, последнее заключается в следующем. Объективная вещь имеет наряду с единичными и особенными признаками, фиксируемыми в только что рассмотренных модусах, также признаки всеобщие. А суждение особенности характеризуется отображением лишь первых двух признаков, без всеобщих. Таково противоречие между суждением особенности и познаваемым объектом, свидетельствующее о неполноте содержания данного модуса.

Так как здесь мы имеем дело с действительной познавательной формой мышления, а не с априорной идеальной схемой кантовского или гегелевского типа, то данное противоречие разрешается на основе практики. Именно она раскрывает недостаточность суждения особенности, выявляя в вещах наличие также момента всеобщности. В логическом плане необходимость перехода к модусу всеобщности коренится в самой потребности привести в соответствие содержание предиката суждения, обнаруживающего всего лишь две группы признаков, с тремя действительно имеющимися в вещах.

Суждение всеобщности (модус всеобщности) тем и отличается от рассмотренных модусов, что в нем отображаются всеобщие признаки познаваемого объекта наряду с единичными и особенными. Эти последние не отбрасываются, а тоже включаются в суждение всеобщности — в «снятом» виде. Примером данного модуса выступает суждение «дом есть здание, предназначенное для жилья».

Тут предполагаются всеобщие признаки, свойственные всем без исключения домам, притом только им одним. Приведенное суждение включает в себя и признаки единичности, и признаки особенности, поскольку здесь всеобщее берется в его конкретном виде.

Достоинство суждений всеобщности — в их глубине и полноте отображения признаков объекта. Общие свойства (в нашем примере «здание, предназначенное для жилья») богаче и глубже выражает сущность объекта, чем особенные и тем более единичные свойства, взятые в их изолированности. Вместе с тем они полностью выделяют данный объект среди других объектов взятого класса. Поэтому в познавательном отношении такие суждения наиболее ценны, они раскрывают большие возможности для использования объекта в практической деятельности. На этой ступени содержание суждения раскрывает себя всесторонне: три группы признаков в объекте и три группы признаков в суждении. Это значит, что в плане содержания суждения никакого несоответствия между ним и отражающимся в нем объектом уже не существует. Мы можем открывать в предмете новые свойства, можем констатировать дополнительно те или иные его признаки, фиксировать в нем те или другие моменты, но раз мы высказали о нем суждение всеобщности, мы тем самым установили закон. Дальше закон этот может лишь в какой-то мере уточняться, конкретизироваться, получать иное выражение, но он не может быть отменен или заменен каким-то новым, другим законом.

Сказанное о трех модусах суждения вовсе не означает, будто сами эти модусы не могут подразделяться на свои разновидности, не могут иметь своих модификаций. Такие модификации есть, но их разбор не составляет задачу нашего исследования.

Суждения единичности, особенности, всеобщности отличаются между собой не только развитием их предиката, на что обращалось внимание выше, но и их субъекта. Это и понятно, если учесть неотделимую связь предиката с субъектом. Когда предикат («построен в 1945 году») единичен в своем содержании, то это значит, что единичным будет и его субъект («дом» берется с единичной стороны). А когда предикат («здание, предназначенное для жилья») всеобщ, то это значит, что и «дом» берется со стороны всеобщности. Словом, единичному, особенному, всеобщему предикатам суждений в нашей классификации соответствуют единичный, особенный, всеобщий субъекты суждений.

Различная по степени сложность рассмотренных модусов делает их ступенями, этапами развития суждения и познания вообще. Три группы признаков объекта выявляются в познании не сразу, а постепенно, притом именно в данной их последовательности. Природа суждения такова, что сначала оно отражает единичные признаки вещей, потом — особенные и уже затем — всеобщие. В этом состоит поступательное развитие суждения. Переходя от фиксирования единичных признаков к фиксированию особенных, затем к фиксированию всеобщих, мы развиваем суждение, возво-

дим его с низшей ступени на высшую. Начальное из них отражает сущность первого порядка, два других — сущности высших порядков, так что указанные ступени развития суждения стоят друг к другу в отношении субординации, генетического подчинения.

Характерной особенностью рассмотренного логического развития суждения является его совпадение с историческим развитием. В нем отображается история движения имеющегося в суждении знания. На такое совпадение впервые в логике указал Ф. Энгельс, которого вообще следует считать основоположником научной, диалектико-материалистической классификации суждений. Логически, указывает Ф. Энгельс, суждения классифицируются по степени сложности на суждения единичности, особенности, всеобщности. Суждение всеобщности выводится из суждения особенности, последнее — из суждения единичности. Такова внутренняя логика, необходимость группировки суждений. Но данная группировка обосновывается и историей познания, историей развития суждений, в которых выражается наше знание о действительности. Ф. Энгельс приводит пример открытия закона превращения энергии. В доисторическую эпоху, указывает он, людям было известно, что трение производит теплоту. Однако лишь спустя тысячелетия они сформулировали суждение: «трение есть источник теплоты». Прошло еще много тысячелетий, пока в 1842 г. на основе эмпирических данных не было сформулировано новое суждение: «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту». Наконец, развитие практики, а вместе с тем и научных знаний привело к формулировке суждения: «любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться в любую другую форму движения». «Мы можем рассматривать первое суждение, — пишет Ф. Энгельс, — как суждение единичности: в нем регистрируется тот единичный факт, что трение производит теплоту. Второе суждение можно рассматривать как суждение особенности: некоторая особая форма движения (а именно: механическая) обнаружила свойство переходить при особых обстоятельствах (а именно посредством трения) в некоторую другую особую форму движения — в теплоту. Третье суждение есть суждение всеобщности: любая форма движения оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения. Дойдя до этой формы, закон достиг своего последнего выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой форма и содержание одинаково всеобщи, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы» [1, 20, 540].

Можно еще привести пример с развитием представлений о материи. В древности материю определяли в виде какого-то конкретного, отдельного, единичного вещества — огня, воды, воздуха и т. п., высказывая суждение единичности. Французские материа-

листы XVIII в. в понимании материи возвысились на ступень суждения особенности: «материя есть всякое вещество». И только в марксизме удалось достичь ступени суждения всеобщности: «материя есть объективная реальность, существующая независимо от нас и познаваемая нами с помощью органов чувств».

То, что суждение в своем развитии проходит ступени единичности, особенности, всеобщности, строго говоря, еще не составляет его специфики. Аналогичные ступени развития проходит и понятие. Подлинная специфика суждения обнаруживается в его фигурах. Она обусловлена самой формой суждения, функциями, ролями его субъекта и предиката. Фигуры тоже составляют необходимый элемент классификации суждений.

Единичная фигура характеризуется выполнением субъектом суждения роли единичного, а предикатом — роли всеобщего. Выше об этом уже говорилось: субъект, выражая предмет, различие, выполняет тем самым функцию единичного, а предикат, выражая признак, тождество, — функцию всеобщего.

Непосредственной предпосылкой единичной фигуры служит всеобщий модус суждения, на ступени которого раскрываются все три группы признаков субъекта и предиката: единичное, особенное, всеобщее. Пока все три группы признаков не выявлены, невозможен переход к фигурам суждения, нельзя обнаружить функции, роли составляющих суждения элементов. Ведь первые связаны с развитием содержания, а вторые — с формой, но, как известно, форма всегда детерминируется содержанием.

Преимущество единичной фигуры сравнительно с модусами (в том числе и всеобщим) заключается в следующем: здесь выявляется роль терминов суждения (субъекта и предиката), причем независимо от того, какие конкретные предметы и признаки они выражают. Скажем ли мы «липы — деревья» или «некоторые деревья — липы», субъект исполняет функцию единичного, предикат — функцию всеобщего. В любом суждении субъект по своей роли, функции есть единичное, а предикат — всеобщее. С точки зрения самой формы здесь не может быть так, чтобы субъект выполнял роль всеобщего, а предикат — роль единичного. Но уже отсюда видна ограниченность данной фигуры суждения: его структурные элементы — субъект и предикат — предстают односторонне: функция единичного закрепляется за одним, функция общего — за другим. Для устранения такой односторонности необходимо, чтобы каждый термин суждения мог играть и другую роль: субъект — роль всеобщего, а предикат — роль единичного. Это достигается во второй фигуре суждения, фигуре всеобщности.

Всеобщая фигура. Не составляет труда заметить, что всеобщая фигура является лишь обращенной формой единичной фигуры. Если эта последняя имеет вид Е — В (единичное — всеобщее), то фигура всеобщности — вид В — Е (всеобщее — единичное). В содержательном плане переход от фигуры единичности к фигуре всеобщности можно проиллюстрировать на примере суждения-дефиниции, т. е. такого суждения, которое является вместе

с тем определением. Действительно, если справедливо: «дом есть здание, предназначенное для жилья», то справедливо будет и обратное: «здание, предназначенное для жилья, есть дом». В суждении-дефиниции допустимо субъект и предикат менять местами: первый поставить на место второго, а второй — на место первого. Это и означает, что прежний субъект станет выполнять роль предиката, а прежний предикат — роль субъекта.

Данная фигура является всеобщей потому, что, завершая движение суждения по фигурам (третьей фигуры суждения быть не может), она содержит в себе все достоинства первой фигуры. Субъект здесь не просто единичное, но единичное такое, которое раньше было ее общим. Точно так же предикат не просто всеобщее, но всеобщее, обогащенное единичным.

Таким образом, суждение имеет две фигуры, обусловленные двучленностью его структуры (понятие одночленно, поэтому у него нет фигур, а имеются лишь модусы). В одной фигуре (первой) субъект является единичным, предикат всеобщим, во второй, наоборот, предикат — единичное, субъект — всеобщее. Суждение потому и является суждением, что может выступать двумя фигурами: единичной (Е — В) и всеобщей (В — Е).

Тут обнаруживается еще одна, притом весьма примечательная особенность фигур суждения: в них элементы суждения, субъект и предикат, раскрываются каждый, по существу, как суждение. Субъект раскрывает себя в качестве суждения именно в том, что в первой фигуре предстает по своей роли как единичное, во второй — как всеобщее. Предикат раскрывается в качестве суждения потому, что в первой фигуре роль его всеобщая, во второй — единичная. А выявление понятием своих ролей (субъект и предикат) и есть процесс суждения. Правда, в первой фигуре субъект выражает свою всеобщую роль, а предикат свою единичную роль лишь в возможности, но не в действительности. Точно так же (только в возможности) во второй фигуре предикат играет роль единичного, а субъект — роль всеобщего.

В фигурах и субъект, и предикат раздваиваются на эти же элементы. Образуются два суждения: одно на основе субъекта, другое — на основе предиката. Раздвоение осуществляется лишь в процессе обнаружения суждением его двух фигур или, если пользоваться принятой терминологией, в результате обращения. Следовательно, термины суждения — субъект и предикат — есть одновременно и понятия, и (если учитывать выполняемую ими роль) суждения. Субъект есть понятие и суждение, и предикат есть понятие и суждение. При этом понятиями они выступают в суждении актуально, суждениями — потенциально, в их возможности выполнять в двух разных фигурах различные функции — единичного или всеобщего.

Отмеченному факту раздвоения терминов суждения на два момента предстоит сыграть решающую роль в выведении третьей формы мышления, умозаключения. Дело в том, что оно содержит необходимость перехода от суждения к умозаключению, кореня-

щегося в следующем. В своем содержании суждение, как и понятие, имеет три группы признаков (три модуса). А терминов у него всего два — субъект и предикат. Роль терминов выполняют лишь единичная и всеобщая группы признаков, особенная группа признаков подобную функцию не выполняет. Таким образом, существует определенное несоответствие, противоречие между тремя модусами суждения и его двумя фигурами, противоречие, которое разрешается в умозаключении.

Глава III. ПРОБЛЕМА ВЫВЕДЕНИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

В истории домарксовской философии было высказано множество ценных идей о логической функции диалектики в раскрытии закономерностей связи между качественно различными объектами и разными формами мышления. Постепенно некоторые диалектические положения стали проникать и в специальные науки. В XIX в. в ряде естественных наук начинается изучение развивающихся объектов (геология, биология), происходит систематизация огромного разнородного эмпирического материала. Поэтому, как отмечал Ф. Энгельс, «именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для перехода от одной области исследования к другой» [1, 20, 367]. Но проникновение отдельных диалектических идей в математику и естествознание еще не привело к торжеству диалектического метода. Например, как отмечал Ф. Энгельс, «это нисколько не мешает, однако, тому, что большинство математиков признавало диалектику только в области математики, а довольно многим среди них не мешает в дальнейшем оперировать всецело на старый ограниченный метафизический лад теми методами, которые были добыты диалектическим путем» [1, 20, 125].

Даже после революции в физике на рубеже XIX—XX вв., а затем и в некоторых других естественных науках, в буржуазной методологии науки продолжается господство метафизических принципов в логической систематизации знаний. Известно, например, что Б. Рассел, как и неопозитивисты, давал резко отрицательную оценку диалектическому методу Гегеля в целом [см. 130, 761—762].

В этой связи возникает вопрос: каким образом могло осуществляться успешное развитие частных наук в условиях отрицания или недооценки роли диалектики в познании их объектов? Для ответа на этот вопрос важнейшее значение имеет следующее положение Ф. Энгельса: «Люди мыслили диалектически задолго до того, как узнали, что такое диалектика...» [1, 20, 146]. Такой

неосознанный, стихийный способ диалектического мышления продолжает играть важную роль и на всех последующих этапах становления человеческого сознания. «Очень часто нам приходится, — пишет Луи де Бройль, — переходить от одного рассуждения к другому посредством акта воображения или интуиции, который сам по себе не является рациональным актом» [26, 294].

Однако важнейшая закономерность становления человеческого сознания и заключается в том, что интуитивно осуществляемые мысленные процессы постепенно разворачиваются в виде логических, ибо последние представляют собой высшую специфически человеческую форму опережающего отражения действительности. Это относится, например, к становлению самой логической науки [см. 87, 6], к развитию психологии мышления [см. 143, 182—199] и т. д. Причем если в развитии специальных наук до недавнего времени логическая систематизация знаний производилась главным образом на основе точных, однозначных законов, то этот этап можно считать уже пройденным. Возрастание значения вероятностных, статистических методов в физике, биологии, кибернетике, социальных науках и т. д., комплексный характер большинства научных и других социальных проблем в эпоху НТР, требующих участия специалистов разного профиля, использования достижения различных наук, — все это в еще более острой форме поставило вопрос о необходимости использовать в логической функции законы диалектики.

Данная тенденция проявляется в самых разных формах. Так, в развитии самой современной формальной логики все большее значение приобретают различные многозначные и другие неклассические логические системы, в которых осуществлены некоторые шаги к выработке адекватных логических средств выражения изменяющегося знания [см. 95, 5]. «Поэтому гносеологической основой многозначной логики в определенной мере выступает единство абсолютной и относительной истин, что сближает ее с диалектической логикой» [119, 9]. В математике эта тенденция выражается в создании различных «мягких» (нежестких) языков, в развитии «теории катастроф» и ряда других теорий, которые также пытаются преодолеть ограниченность двузначной формальной логики.

Более тщательный логический анализ структуры так называемых точных научных теорий обнаруживает, что мысленные процессы, которые ранее рассматривались как подчиняющиеся только принципам формальной логики, оказываются более сложными, выходящими за рамки формальной логики. По существу об этом же говорят и работы финского логика Я. Хинтикки, который, обсуждая проблему соотношения аналитического и синтетического в логическом выводе, показал, что если с точки зрения так называемой «глубинной информации» «логический вывод не дает нам новой информации о реальности, сверх того, что уже и так содержится в посылках такого вывода» [157, 217], то с точки зрения «поверхностной информации» верно обратное. «Наше поня-

тие поверхностной информации дает нам меру информации, которая может увеличиваться в процессе логических и математических рассуждений» [157, 218].

Формально-логическая система оперирует относительно неизменными, готовыми понятиями. Задача формальной логики состоит в извлечении из процесса познания лишь момента устойчивости, относительной неизменности понятий в чистом виде [см. 12, 317]. М. В. Попович отмечает, что «логическая реконструкция отдельных участков знания требует допущения очень сильных идеализаций» [128, 155]. Все это приводит к тому, что в современной науке все более важной становится проблема использования в логической функции положений диалектического типа, т. е. таких, которые выражают единство устойчивости и изменчивости, законы изменения объектов познания. Это касается как специальных наук: законов развития их объектов, статистических и других законов-тенденций, так и общефилософских диалектических законов, общих диалектико-логических принципов выведения знаний.

Раскрытие таких принципов, по-видимому, нужно начинать с ядра диалектики — закона единства и борьбы противоположностей. В этой связи важно отметить, что уже в истории домарксовской философии содержались некоторые весьма ценные идеи по данному вопросу. Так, в частности, анализ диалектики Платона позволил сделать вывод о том, что у него не только крайние состояния системы — ее возникновение и гибель, — но и ее промежуточные состояния, такие, как увеличение и уменьшение, уподобление и становление неподобным, разъединение многих и соединение (многих) в единое — одним словом, все виды *переходов* из одного состояния в другое... *заданы* уже крайними переходами из бытия в небытие и обратно. Таким образом уже у Платона содержались ценные идеи о важной роли единства и борьбы крайних противоположностей в объяснении переходов между различными состояниями объектов, а следовательно, и для логического выведения знаний об этих состояниях.

Однако в древней философии проблемы диалектической логики еще не выделились более или менее четко в отдельную область знания. Ценные диалектические идеи в ней нередко сочетались с разрывом противоположностей, с абсолютизацией одной из них. Важнейшее значение в разработке закономерностей диалектического выведения знаний сыграла диалектика представителей немецкой классической философии, и в первую очередь Гегеля. Величайшую ценность имеет положение Гегеля о том, что противоречие движет миром. Он применил закон единства противоположностей в его логической функции для выведения всей системы философских категорий, причем такое выведение, по Гегелю, совпадает с историей становления мира, является ее обобщением. Имманентное возникновение противоречия в явлениях бытия, тождественных у Гегеля с мышлением, и есть причина развития мышления, идеи, которую он рассматривает как исходный прин-

цип своей системы. В результате такого становления идея превращается из одного своего состояния в противоположное, т. е. тезис превращается в антитезис, затем осуществляется синтез противоположностей на более высокой ступени развития идеи [см. 43, V, 33, 36, 78, 314]. Такой принцип, утверждает Гегель, является «единственно нужным для того, *чтобы получить научное поступательное движение*» [43, V, 33]. Отсюда он получает не только определенный порядок категорий своей системы, но и их субординацию, ибо высшие ступени идеи содержат в себе предшествующие в «снятом» виде.

Ограниченность гегелевского понимания диалектического выведения знаний, вытекающая прежде всего из идеалистического принципа его системы, известна. Она состоит в определенной абсолютизации абстрактного по отношению к конкретному, эмпирическому, логического по отношению к историческому, в «растворении» (пользуясь термином П. В. Копнина) онтологии и гносеологии в логике и т. п. Однако, на наш взгляд, один из принципиальных недостатков гегелевской системы в этом отношении проанализирован в литературе недостаточно. В этой связи важное значение имеет критический анализ гегелевского метода К. Марксом, данный им в работе «К критике гегелевской философии права», где он писал: «Главная ошибка Гегеля заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее,* между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно *существенное противоречие*» [1, 1, 324]. Эту мысль развивал В. И. Ленин; «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также» [4, 29, 227]. Мы полагаем, что в раскрытии общих принципов диалектического вывода знаний важнейшую роль играет положение о противоречии в сущности предметов.

Любое отдельное явление материального мира с точки зрения диалектики образуется единством противоположных сторон (свойств, сил, тенденций изменения и т. п.), а поэтому и сущность данного явления, представляющая собой систему внутренних устойчивых отношений в нем, должна рассматриваться как некоторый постоянный результат взаимодействия этих противоположностей. В тех случаях, когда такое взаимодействие противоположностей (относительно) уравновешивается, явление существует в виде устойчивого в определенных пределах предмета. Когда же взаимодействие противоположных сторон, образующих сущность явления, не уравновешивается, то его результат существует в виде процесса, изменение которого, однако, подчиняется определенной закономерности. Например, движение планет по определенной закономерной траектории вокруг Солнца также образуется единством и борьбой противоположных сил — притяжения и отталкивания.

Таким образом, с точки зрения закона единства и борьбы про-

тивоположностей сущность любого явления реального мира, а отсюда и любой закон, входящий в эту сущность, представляет собой некоторый устойчивый результат взаимодействия тех противоположностей, которые образуют данное явление. Однако, во-первых, любое отдельное явление образовано не одной парой противоположных сторон, а сложной их системой. Во-вторых, обычно результат взаимодействия любых двух противоположностей не бывает абсолютно точным, застывшим результатом, а существует только как тенденция, включающая в себя колебания вокруг данного постоянного устойчивого результата, т. е. противоположности всегда взаимопроникают друг в друга. Поэтому в любом конкретном материальном явлении «случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам» [1, 21, 306], представляет собой форму проявления необходимости, а необходимость всегда нарушается случайными отклонениями. Всем этим и объясняется то обстоятельство, что большинство законов науки непосредственно не совпадает с эмпирическими знаниями о конкретных явлениях. «Научные истины, — писал К. Маркс, — всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» [1, 16, 131].

Для того чтобы логически систематизировать знания о тех объектах, которые вначале предстают перед нами как качественно различные, нужно прежде всего раскрыть их общую глубоко скрытую сущность. Тем самым такие объекты становятся единством общего (абстрактного) и различного (конкретного). Как известно, величайшей заслугой К. Маркса при построении теории политэкономии буржуазного общества является раскрытие двойственной природы содержащегося в товаре труда, т. е. установление того, что труд представляет собой единство абстрактного и конкретного. К. Маркс писал, что «этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии...» [1, 13, 22]. Именно на его основе К. Маркс и сделал вывод о том, что субстанцией стоимости товаров является абстрактный труд. Затем необходимо раскрыть также закономерную связь между общим, абстрактным и особенным, конкретным. В этой связи нужно отметить, что уже древние философы обратили внимание на диалектический характер связи общего и единичного, единого и множественного, целого и частей. Так, Платон, говоря о своем понимании диалектики, писал, во-первых, что это «способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения», и, во-вторых, что это «способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них» [123, 205]. Причем, как отмечает А. Ф. Лосев, «общее у Платона — закон для возникновения и понимания единичного» [98, 14].

Итак, как раскрытие законов, непосредственно не совпадаю-

щих с эмпирическими знаниями об объектах, так и использование этих законов для предсказания результатов нашей деятельности с конкретными объектами может происходить благодаря тому, что сущность (законы) объекта связана с эмпирически обнаруживаемыми его свойствами, определенными диалектическими закономерностями — сущность проявляется, явление существенно. Наиболее общие из этих закономерностей выражаются во взаимосвязи таких категорий диалектики, как «общее» и «единичное», «необходимое» и «случайное», сущность» и «явление», категорий теории познания — «абстрактное» и «конкретное», «теоретическое» и «эмпирическое» и т. п. Многие частные законы современной науки также раскрывают диалектическую связь противоположных сторон своих объектов. Например, вероятные и статистические законы раскрывают связь необходимого и случайного. Именно на основе применения всех этих законов диалектического типа и совершается диалектическое выведение знаний о качественно различных объектах или разных противоположных сторонах какого-либо объекта.

Важнейшей формой раскрытия теоретических законов науки, не совпадающих с эмпирическими знаниями о ее объектах, является идеализация этих знаний. Хотя в советской философской литературе об идеализации написано уже немало, однако ее систематическое исследование с точки зрения диалектики еще не осуществлено. С точки зрения развиваемого здесь принципа «противоречия в сущности предмета» идеализация должна рассматриваться как выявление необходимости, сущности в «чистом» виде путем отвлечения от тех сторон конкретного объекта, которые нарушают эту необходимость, сущность, отклоняются от нее. Как известно, суть любой идеализации состоит в том, что, выявляя некоторую тенденцию в изменении или соотношении свойств эмпирического объекта и предполагая, что эта тенденция достигает своего предела, который никогда не наблюдается в эмпирическом объекте, мы получаем идеализированный объект, точно подчиняющийся определенному теоретическому закону.

Поскольку «чистая» необходимость, раскрывающаяся посредством идеализации, представляет собой некоторый постоянный результат взаимодействия противоположностей, отсюда следует вывод о том, что идеализация является основной формой диалектической индукции, что ее суть и основные виды можно раскрыть с помощью закона единства и борьбы противоположностей. Действительно, идеализированные объекты, представляющие собой некоторые абсолютно устойчивые, неизменные предметы (например, атомы в классической физике), нужно рассматривать как предположение о том, что действие противоположностей, образующих эти объекты, полностью уравновешивается, а идеализированные процессы, характеризующиеся абсолютно неизменными параметрами (например, скорости распространения некоторых физических полей), — как предположение о том, что результат взаимодействия противоположностей представляет собой посто-

янную величину. В тех случаях, когда действие одной противоположности намного превышает действие другой, создаются идеализированные объекты, определенные параметры которых характеризуются бесконечно большими или бесконечно малыми, в частности равными нулю, величинами (например, бесконечная скорость распространения света в механике Ньютона, безразмерная точка в математике и т. п.). Такая идеализация обусловлена предположением, что одна из противоположностей, образующих объект, действует слабо и тем самым позволяет выявить действие другой противоположности в «чистом» виде.

К. Маркс при раскрытии исходного принципа всех товарных отношений — закона стоимости — по существу использовал диалектическую индукцию, идеализацию эмпирических знаний об объектах. То же самое можно сказать и о раскрытии других важнейших законов политэкономии буржуазного общества, в частности ее основного принципа — закона прибавочной стоимости, который дал возможность объяснить сущность процесса образования капитала. В связи с этим К. Маркс писал: «Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо их сначала свести к последним, т. е. отвлечься от этого обстоятельства как совершенно случайного, чтобы иметь перед собою в чистом виде явление образования капитала на почве товарного обмена и при исследовании его не дать ввести себя в заблуждение побочными обстоятельствами, затемняющими истинный ход процесса» [1, 23, 176—177]. Только на основе такого подхода К. Марксу удалось раскрыть сущность прибавочной стоимости, показать, что рента, прибыль, проценты, получаемые банками от капитала за ссуду денег, в буржуазном обществе представляют собой особые конкретные формы прибавочной стоимости.

Так как идеализация нередко связана с выявлением одной из противоположных сторон конкретного объекта в чистом виде, то возникает проблема соотношения двух таких противоположных идеализаций. Так, один из основателей квантовой механики Луи де Бройль пишет: «Такие простые образы, как частица, волна, точка, строго локализованная в пространстве, состояние вполне определенного движения, представляют собой, в сущности, некоторые абстракции, идеализации. В большинстве случаев эти идеализации приблизительно соответствуют действительному положению вещей, хотя и имеют определенные границы применимости. Применение каждой из этих идеализаций возможно лишь до тех пор, пока не окажется необходимым использование «дополнительной» идеализации» [26, 12].

Всякая идеализация связана с предположением о достижении определенной тенденцией своего предела. В этой связи важнейшее значение имеют те виды идеализации, в которых такие пределы становятся бесконечно большими или бесконечно малыми. Ф. Энгельс рассматривал переход от конечных к бесконечным величинам «как применение диалектики к математическим отношениям». Говоря о математике бесконечного, он писал, что «здесь

именно *количественная* разница *однородных* величин заостряет *качественное* различие до несоизмеримости» [1, 20, 574]. Вместе с тем именно путем этих видов идеализации раскрываются некоторые чрезвычайно важные фундаментальные законы объектов познания. В частности, еще Н. Кузанский писал: «...бесконечность заставляет нас преодолевать всякую противоположность» [80, 17]. Действительно, если мы предполагаем, например, что радиус окружности достигает бесконечной длины, то это приводит к преодолению качественной противоположности между кривой и прямой линиями, к их совпадению в этом пределе, т. е. кривая и прямая могут теперь рассматриваться как разные формы проявления более общей сущности.

В литературе довольно широко распространен следующий взгляд на результаты идеализации, в частности на законы логики. Поскольку последние являются «лишь абстрактным, идеализированным отображением определенных взаимосвязей вещей» [96, 17], постольку, «считаясь с фактом активности сознания, нельзя согласиться с таким онтологизирующим взглядом, который отождествляет каждую отдельную логическую форму с каким-либо элементом действительности и который не принимает во внимание креативный элемент в логических системах» [96, 15—16]. В этих рассуждениях некритически смешиваются две проблемы. Конечно, все наши понятия (а не только возникающие в результате идеализации), как правило, могут быть только относительно истинным отражением действительности, приблизительно верно совпадать с соответствующими им «элементами» объективных явлений. Отличие результатов идеализации от «обычных» понятий заключается в том, что они непосредственно не совпадают с обобщением данных чувственно-практической деятельности. Однако из этого вовсе не следует вывод о том, что такие результаты являются только следствием творческой активности мышления, т. е. чисто субъективными, что они не имеют своего объективного содержания. Конечно, в материальном мире нет конкретных объектов, которые бы соответствовали таким понятиям, как «геометрическая точка», «идеальный маятник» и т. п. Но значит ли это, что данные понятия только «искажают» соответствующие им стороны материальных объектов, а не отражают какие-либо глубоко скрытые от нас стороны в «чистом» виде?

С точки зрения марксистско-ленинской теории истины все формы нашего мышления только потому могут верно предсказывать результаты общественной практики, что они представляют собой правильное отражение действительности. Это относится и к понятиям, возникающим в результате идеализации. В этой связи В. И. Ленин отмечал, что Гегель прав, когда он возражает против того, «что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственного и временного вещества чувственности...» [4, 29, 154]. Так, стоимость, говорит В. И. Ленин, есть категория, которая лишена вещества чувственности, «но она *истиннее,* чем закон спроса и предло-

жения» [там же]. Действительно, объективно существуют не только те общие, необходимые стороны явлений, которые отражаются в понятиях, непосредственно соответствующих повторяющемуся в нашей чувственно-практической деятельности, но также и те стороны, которые представляют собой глубоко скрытую от чувственного опыта тенденцию к образованию устойчивых отношений в сущности явлений.

Такое понимание результатов идеализации знаний о конкретных объектах позволяет объяснить и огромную роль в современной науке формализации знаний об объектах. С логической точки зрения формализация заключается в получении из исходных суждений логических следствий в соответствии с определенными правилами вывода. Однако поскольку все элементы формализованного вывода отражают обычно в идеализированном виде определенные необходимые стороны объектов материального мира, то в онтологическом отношении суть формализации заключается в абстрагировании формы самого объекта от его конкретного содержания и в оперировании этой формой. Если путем идеализации конкретного знания об объектах мы раскрываем какие-либо их законы, то формализация дает возможность получать чисто логически одни законы из других, т. е. проникать в мир связи «чистых» законов. Этим, в частности, и объясняется всевозрастающая роль математики в современном естествознании, т. е. то обстоятельство, что многие математические теории, формулы, полученные в результате внутренней логики развития математики, применения в ней методов формализации, затем становятся основой для раскрытия фундаментальных законов какой-либо области природы. Такой процесс связан с противоположным диалектическим движением мышления от абстрактного к конкретному, т. е. с содержательной интерпретацией математических формализмов, с эмпирической интерпретацией теоретических терминов науки и т. п. Большую роль в раскрытии диалектических закономерностей взаимоперехода между всеми этими формами абстрактного и конкретного знания играет мысленный эксперимент [см. 131]. Тем самым положение о «непостижимой эффективности математики в естествознании» (Е. Вигнер) свидетельствует как раз о непонимании диалектической связи результатов формализации с конкретными объектами природы, т. е. эта эффективность находит рациональное объяснение с точки зрения принципов диалектической логики.

Поскольку положения диалектики раскрывают закономерную связь взаимодействующих, взаимопроникающих друг в друга противоположных сторон объектов, то любое из этих отношений может быть применено в его логической функции для перехода от абстрактных теоретических объектов к более конкретным формам мышления, отражающим эти объекты. Тем самым диалектическая логика систематизирует различные формы суждений и умозаключений, или, по словам Ф. Энгельса, «выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а

не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих» [1, 20, 538].

Важно отметить, что диалектический вывод знаний является содержательным, т. е. он не ограничивается установлением (и оперированием) общих форм умозаключений, а рассматривает данные умозаключения как отражение взаимосвязи конкретных объектов, наполняет их конкретным содержанием. Тем самым мы всегда стремимся, чтобы логическое применение законов диалектики соответствовало тем знаниям об объектах, которые нам представляются наиболее достоверными, подтвержденными практикой. Это значит, что практика опосредованно входит в каждый элемент диалектического выведения знаний.

Отсюда следует, что диалектическое выведение знаний осуществляется в соответствии как с общими законами диалектики, так и со специфическими законами развития объектов определенной области действительности. Так, разработка теории видообразования Дарвином означала, по словам Ф. Энгельса, что «вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально *дедуцируется* из другого путем установления его происхождения...» [1, 20, 542]. Дедукция знаний о каком-либо объекте на основе определенного диалектического закона может дать следствие в виде как аналитического, так и синтетического суждения. С аналитическим выведением мы имеем дело, например, в случае предсказания на основе закона развития новых объектов, еще не существовавших качественных состояний. Такие предсказания по отношению ко всей совокупности свойств конкретного объекта, осуществляющиеся на основе одного или даже целой системы законов, обычно являются неточными, проблематичными. Однако в вышеприведенном примере речь идет не о предсказании еще неизвестных видов организмов, а о классификации уже известных видов. Тем самым аналитическое выведение знаний о новом виде из знаний об исторически ему предшествующем виде представляет собой только определенную основу более сложного процесса, в котором эта основа превращается в синтетический процесс, ибо при «дедуцировании видов» на основе законов их развития устанавливается связь между всей системой знания как об исходном, так и новом виде организмов.

Для понимания диалектической природы законов развития важное значение имеет идея, разрабатываемая, в частности, философом-марксистом из ГДР Гербертом Герцем, о том, что в «структуру законов развития входит структура статистических законов» [45, 53]. Отсюда следует, что применение какого-либо закона развития для логического получения знаний о конкретном объекте никогда не может ограничиться только аналитическим выводом, что результаты последнего должны конкретизироваться, превращаться в синтетическое суждение.

Содержательный характер диалектического выведения зна-

ний дает возможность использовать в нем принцип единства логического и исторического, т. е. применять в качестве особых правил логического выведения знаний положения, в которых в обобщенном виде выражается история объекта. Таким образом, исходный фундаментальный закон теории конкретизируется путем введения опосредствующих звеньев. Положения, играющие роль таких звеньев, и выражают определенные исторические формы проявления исходного принципа или какого-либо исходного закона, конкретизирующего этот принцип. Так, раскрыв противоположность между абстрактным и конкретным трудом, между потребительной и меновой стоимостями товаров, К. Маркс диалектически выводит из закона стоимости все другие важнейшие экономические категории посредством конкретизации этого закона. Он, в частности, указывает на то, что «эта противоположность развивается дальше, проявляется, реализуется как раздвоение товара на товар и деньги» [1, 26, III, 86]. Такое выведение является обобщением истории развития товарных отношений, в которой и происходит «раздвоение товара на товар и деньги».

Далее, установив, что такой фактор, как удлинение рабочего дня на капиталистических предприятиях противодействует общему закону понижения нормы прибыли, К. Маркс пишет: «Этот фактор не уничтожает общего закона. Но он делает то, что этот закон действует скорее как тенденция, т. е. как закон, абсолютное осуществление которого задерживается, замедляется и ослабляется противодействующими обстоятельствами» [1, 25, I, 257]. Поэтому диалектическое выведение знаний с помощью посредствующих звеньев позволяет разрешить противоречия, которые возникали между «общим законом и более развитыми конкретными отношениями», законом и фактическими знаниями об экономических явлениях. Например, К. Маркс объясняет, что посредством «очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев», опосредствующих связь стоимости товаров с ценами их производства, можно установить, как «цены производства различных товаров, согласно ранее изложенным законам, отклоняются от их стоимостей» [1, 25, I, 343].

Стремление к максимальному выражению взаимосвязи всех знаний об объектах какой-либо науки в логической форме выражается в том, что при построении теории, включающей в себя знания о качественно различных объектах, применяется (например, в методе восхождения от абстрактного к конкретному) целая система теоретических законов. На основе этих законов и осуществляется конкретизация исходных более абстрактных положений теории. Однако поскольку любой закон отражает только общее, повторяющееся в объектах, то никакая система законов не в состоянии выразить всю конкретность объектов, включающую в себя все единичные и случайные стороны. Каким же образом тогда осуществляется мысленное предсказание результатов нашей деятельности с конкретными объектами реального мира на основе раскрытия их законов? Можно ли его объяснить как ло-

гический процесс мышления? Этому вопросу большое внимание уделил В. И. Ленин. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отметил: «Мысль включить *жизнь* в логику понятна — и гениальна — с точки зрения *процесса* отражения в сознании... человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой» [4, 29, 184]. Но только в марксистской философии данная мысль получила свое последовательное развитие в положениях о практике как основе познания, конечной цели познания и критерии его истинности. В требования диалектической логики В. И. Ленин включил следующее: «Вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [4, 42, 290].

Глава IV. НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ

Важнейшей формой воспроизведения в мышлении сущности исследуемого объекта является теория. Основными этапами становления научной теории являются: 1) возникновение теоретической проблемы; 2) разработка теоретической идеи, являющейся абстрактным разрешением проблемы и общей схемой теории; 3) построение категориальной структуры теоретической системы знания.

Необходимо различать понятия «проблема» и «задача». Для этого важно выделить уровни развития теоретической проблемы.

В развитии проблемы можно выделить два уровня: научно-эмпирический и теоретический. На обыденном уровне мышления тоже имеется представление о проблеме. Но мы его не рассматриваем, так как оно не связано с научным познанием.

Научно-эмпирическая проблема отображает необходимость научного объяснения, понимания фактов и явлений предметной области познания, исходя из имеющейся теории или гипотезы. Она выражает противоречие между эмпирической теорией и требующим объяснения фактом или явлением. «Постановка проблемы, — пишет Н. К. Вахтомин, — связана с наличием фактов и необходимостью их объяснения» [33, 217]. Так же как и любое диалектическое противоречие, данное противоречие имеет свое опосредствование, промежуточные звенья, в обнаружении которых оно находит разрешение. Исходной формой научного разрешения научно-эмпирической проблемы является гипотеза. Данный тип проблемы и ее разрешение еще не приводят к теоретическому уровню развития познания. Здесь имеет место расширение научно-эмпирического знания или в лучшем случае образование эмпирической теории, которая отображает сущность объекта не в ее целостности, а лишь с той или иной стороны. Задачу целостного изображения сущности предмета решает только теоретическая система знания.

Если научно-эмпирическая проблема выступает как противоречие между знанием и непознанным (или необъясненным) явлением, то теоретическая проблема — между знанием и незнанием, вернее между двумя взаимоисключающими истинными эмпирическими теориями одного и того же объекта. Теоретическая «проблема, пишут Ф. Кумпф и З. М. Оруджев, — образуется... из антиномии двух эмпирических теорий, точнее, их основных тезисов, положений» [86, 195]. Если разрешение научно-эмпирической проблемы приводит к развитию или усовершенствованию уже имеющейся системы знания, то возникновение теоретической проблемы означает начало высшего уровня познания объекта [1].

Абстрактной формой разрешения теоретической проблемы выступает теоретическая идея. Чем она отличается от гипотезы? Гипотеза — это статус идеи, пока последняя не разработана в систему понятий. Это одна из ее характеристик. После того как идея разработана, она перестает быть гипотезой.

В истории философии и науки под гипотезой понималось и понимается недоказанное предположение, допущение или, как говорит И. Кант, «достоверное мнение», основной задачей которого является объяснение определенного класса явлений. «Наблюдение, — пишет Ф. Энгельс, — открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон» [1, 20, 555]. Следовательно, в результате накопления и исследования определенного количества «опытного материала» гипотеза из предположения превращается в закон, т. е. перестает быть предположением. Отличие же закона от гипотезы очевидно. Так же отличается от гипотезы теоретическая идея, относящаяся к сущности предмета в целом.

Теоретическая идея выступает как абстрактное разрешение теоретической проблемы и общая схема синтеза противоположных «полюсов», т. е. понятий. Следовательно, идея есть схема, основа построения научной теории. Так, например, идея зависимости психики человека от его чувственно-предметной общественной деятельности абстрактно разрешает основное противоречие психологии и в общей форме синтезирует понятия материального и

[1] Американский философ, профессор Н. Кертж говорит, что открытие и исследование проблемы, «порожденной возникновением противоречия или объединения двух квазидополнительных теорий... представляет собой исходный пункт развития в науке» [72, 318—319]. Противоречие, или «конфликт», между теориями завершается «созданием более глубокой теории, которая объединяет и ассимилирует их, наполняя их большим содержанием» [там же, 311—312]. Возникновение конфликта между двумя теориями одного и того же уровня и его разрешение посредством создания третьей, объединяющей их теории Н. Кертж называет «диалектическим восхождением» [там же, 313].

психического. Идея К. Маркса о природе языка как материализации мысли есть разрешение противоречия между знаком и значением. Современное научное языкознание базируется именно на этой идее и конкретизирует ее в системе своих категорий. Общей схемой построения исторического материализма служит марксова идея общественно-экономической формации, синтезирующая категории общественного бытия и общественного сознания. В биологии идее естественного отбора Ч. Дарвина предшествовала следующая антиномия: «Все даже наиболее отдаленные между собой существа несут очевидные следы общего происхождения, и в то же время существа наиболее сходные разобщены между собою, не могли произойти одни от других» [153, 29—30]. Идея (или как говорит К. А. Тимирязев, «начало» естественного отбора) разрешила данную антиномию, «стоящую препятствием на пути всех предшествовавших попыток эволюционных теорий» [там же, 33], выступив схемой синтеза категорий наследственности и изменчивости и основой, «архитектоникой» эволюционной теории Ч. Дарвина.

Гипотезу и теоретическую идею следует различать и по способу и результату доказательства. Доказательство гипотезы включает в себя подтверждение посредством «опытного материала» и заканчивается формулировкой (открытием) нового закона, созданием новой эмпирической теории или обнаружением нового, ранее неизвестного науке явления. Доказательство же идеи — посредством превращения (развертывания) ее в теоретическую систему знания — заканчивается построением новой научной теории. Например, В. И. Ленин пишет, что со времени появления «Капитала» гениальная идея материализма — материалистическое понимание истории — превратилось в научно доказанную теорию [см. 4, 1, 136, 139—140].

Результат развертывания теоретической идеи в целостную теоретическую систему знания получает свое выражение в категориальной структуре научной теории. Категориальная структура, нами понимается как опосредованная переходами взаимосвязь узловых (основных) категорий теории, каждая из которых имеет определенное философское содержание.

Непосредственной целью теоретического познания является раскрытие сущности предмета в ее целостности (т. е. в единстве ее противоположных сторон), изучение становления, развития и разрешения внутренних противоречий предмета. Результаты, полученные теоретическим познанием, выражаются, словами Гегеля, в «истинной форме» истины, т. е. в теоретической системе знания [см. 43, IV, 3]. Она состоит из множества взаимосвязанных категорий, среди которых выделяются три узловые (основные) категории. Например, система категорий психологии, по мнению А. Н. Леонтьева, должна строиться на основе трех наиболее важных категорий. «Это — категория предметной деятельности, категория сознания и категория личности» [93, 12]. Среди советских специалистов по политической экономии имеется тенденция

к созданию системы категорий и законов политэкономии социализма на основе выделения и обоснования трех основных категорий. «Исходное отношение, основное отношение, производственные отношения. Таковы, — пишет В. В. Куликов, — три основных звена в любой системе экономических категорий и законов» [84, 16].

Исходя из логической последовательности категорий и их функций в теории, узловые категории можно обозначить как исходную, центральную и завершающую. При этом завершающая категория не означает конец теоретического познания объекта, соответственно не исключает дальнейшего развития теории путем конкретизации, обогащения содержания основных категорий теории и включения новых понятий в ее структуру.

Образование категориальной структуры научной теории именно тремя узловыми категориями объясняется, во-первых, закономерными этапами истории объекта познания. Как известно, любая материальная система имеет: 1) историю развития на собственной основе и 2) историю разложения или перехода к более высокоорганизованной системе. Согласно марксистско-ленинской методологии построения теории все эти пункты истории объекта получают отображение в структуре теории. Так, например, К. Маркс, характеризуя свой метод исследования системы буржуазной политэкономии, отмечал, что «правильное рассмотрение» и отображение ее структуры должны начаться с такого исторического периода, когда происходил процесс превращения стоимости из случайного момента в господствующее всеобщее отношение. Этот пункт принадлежит к «истории образования капитала» [1, 16, I, 449]. Далее, на основе анализа первого пункта, который дает правильное понимание современности, исследование раскрывает развитие данной структуры на собственной основе. Этот пункт составляет «современную историю» капитала. И наконец, «это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» [там же].

Во-вторых, количество узловых (а не всех) категорий, образующих категориальную структуру теории, определяется уровнями отношений самого объекта. Таковыми являются субстанциальные отношения, сущность и явление.

Категориальная структура научной теории, в зависимости от наличия или отсутствия каждого из узловых понятий, может быть логически завершенной или не завершенной. Логически завершенная категориальная структура формируется только на высшем уровне научного познания и на определенном этапе развития объекта и истории его познания. Такая категориальная структура имеется, например, в «Капитале» К. Маркса, ибо его теория капиталистического способа производства является вершиной исследования домонополистического капитализма.

О том, что у предшественников К. Маркса окончательно сло-

жились не теоретические понятия, т. е. категории прибавочной стоимости и прибыли (хотя у Д. Рикардо имеются теории прибавочной стоимости и прибыли, пусть он их и не различал) [см. I, 46, II, 182], красноречиво свидетельствуют марксово «общее замечание» и теория прибавочной стоимости» [см. 1, 26, I, 6].

Почти аналогичную историю имеет создание теории империализма. До ленинского этапа исследования в многочисленных научных трудах об империализме не были разработаны категории монополии, финансового капитала и государственно-монополистического капитализма. Поэтому до создания ленинской теории империализма особенность монополистического капитализма, его сущность не была понята и раскрыта. Вершиной теоретического исследования империализма явилось ленинское исследование. Только в диалектике основных категорий ленинской теории империализма глубоко и всесторонне раскрыта сущность империализма.

Исходной категорией ленинской теории является категория монополии, с раскрытия содержания которой начинается развертывание теоретической идеи. Она выражает всеобщее, субстанциальное отношение, основное противоречие предмета. Но здесь противоречие выступает в форме антиномии, раскрывающей объективное единство противоположностей. В категории монополии антиномия есть отношение между «гигантским прогрессом обобществления производства» и частнокапиталистической формой присвоения. Аналогичную структуру имеет категория стоимости в «Капитале» К. Маркса, категория деятельности в психологии [см. 93, 12—13].

Исходная категория теории выделяется путем критического анализа истории познания и теоретического анализа предмета в ходе сведения особенных формообразований предмета к его простейшему отношению.

Категории стоимости, монополии, деятельности являются исходными в соответствующих теориях не только потому, что они совпадают с исторически первым противоречивым отношением объекта. Они выступают таковыми и потому, что они отображают субстанциальное отношение предмета, «творящего» конкретные формы нового качественного образования и подчиняющего себе также те отношения, которые имели место еще до возникновения предмета. С выявления субстанциального отношения предмета начинается его теоретическое познание. Характеризуя категорию монополии ленинской теории империализма, М. М. Розенталь писал: «...категория эта по своему содержанию очень объемная, и если применить к ней философское понятие, трудно подыскать более правильное и точное понятие, чем понятие субстанции» [132, 149].

Благодаря своему содержанию исходная категория с самого начала определяет границы исследования и выступает принципиальной основой построения системы теоретического знания и понимания целостного характера всей теории. Отмечая значение ло-

гической функции исходной категории для политэкономии. А. И. Кащенко пишет: «Чтобы представить всю систему экономических категорий как единое целое, необходимо знать исходную, определяющую и всеобщую экономическую категорию» [129, 183].

Воспроизведение субстанциальной основы предмета является важной исходной задачей теории. Однако главной задачей теории является выражение сущности объекта. Категория, которая ее отражает, является центральной. От правильного, научно доказанного выбора и раскрытия ее содержания зависят все содержание и дальнейшая логика развертывания категорий теории. Видный советский специалист по лингвистике Р. А. Будагов, анализируя современное состояние теории языка, пишет, что «подлинным признаком современности лингвистического анализа является категория значения, точнее, то, как истолковывается категория значения в конкретном исследовании. Если ученый вовсе отказывается от этой центральной для лингвистики категории, то его работа не может быть современной» [29, 248—249].

Центральная категория теории противоположна исходной. Например, в категории монополии ленинской теории империализма в основном выражается стремление монополии к утверждению могущества капитала в отдельной отрасли экономики. «Определяющим критерием империалистических монополий является обладание значительной экономической силой, достаточной для установления господства в той или иной отрасли капиталистической экономики...» [67, 25]. В центральной же категории финансового капитала отображается разрушение этой односторонности капитала, несвязанность финансового капитала с той или иной отраслью буржуазной экономики.

Противоположность центральной категории теории исходной имеет место и в других науках. Например, в психологической теории ее исходная категория — категория деятельности — выражает чувственно-практическую, объективную деятельность общественного индивида. Центральная же категория — сознание — идеальную, субъективную форму деятельности.

В силу противоположности исходной и центральной категорий научной теории последняя «не может быть непосредственно дедуцирована из исходной. Всякий переход от одной категории к другой, противоположной, предполагает включение («введение») в это движение привходящих, посредствующих звеньев, которые сочетают в себе черты предыдущей и последующей категорий (противоположностей)» [118, 23]. Так, в психологии переход от категории деятельности к категории сознания осуществляется путем анализа процесса интериоризации, который в реальности опосредствует связь сознания с чувственно-практической деятельностью [см. 93, III].

В ленинской теории империализма категория финансового капитала не «дедуцируется» прямо и непосредственно из категории монополии, а вскрывается исторически закономерный процесс об-

разования финансового капитала и анализируется найденное в эмпирическом мире промежуточное звено, через которое осуществляется этот переход или которое само есть этот переход.

В структуре теории империализма В. И. Ленина таким посредствующим звеном, являющимся одним из необходимых ступеней логики восхождения, выступает понятие банка. Без анализа этого понятия невозможно научное понимание и раскрытие содержания категории финансового капитала. Ленин осуществил логический переход от понятия монополии к понятию финансового капитала через обнаружение и анализ этого посредствующего звена. В эпоху империализма банки уже нельзя однозначно («или — или») отнести либо к сфере обращения, либо к сфере производства. Они суть их подвижная граница, непосредственное единство, выражающееся, например, в «личной унии» банков с промышленностью. Это — непосредственное единство некоторых свойств противоположностей (производства и обращения). С другой стороны, сами банки связаны с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия [см. 4, 27, 344].

Нетрудно увидеть, что ленинский метод определения центральной категории по своему содержанию является способом выражения результата через механизм исторического процесса его порождения. По своей логической форме этот метод предстает как выведение из исходной категории (монополии) — центральной (финансового капитала) путем анализа такого эмпирического факта, как банки, и включения соответствующего понятия в структуру теории.

Центральная категория теоретической системы знания есть один из важнейших после исходной категории этапов восхождения от абстрактного понятия к конкретному в процессе построения теории. В то же время она выражает определенный этап истории предмета — его развертывание и развитие на собственной основе. В категории деятельности в психологии раскрывается порождение, формирование человеческой психики. В исходной категории лингвистики — категории (отражения) знака — выражаются закономерности возникновения языка, а в категории значения — его развитие и совершенствование [см. 27, II; 28, 32—69].

В теории империализма В. И. Ленина категория монополии выражает историю становления «хозяйственной основы», новой формы капитализма. Центральная же категория отображает дальнейшее развитие отношения собственности в форме финансового капитала и вместе с тем дальнейшее обострение основного противоречия капитализма.

Ни категория монополии, ни категория финансового капитала несводимы к непосредственно чувственно данному. Они как бы лишены эмпирической данности. Согласно В. И. Ленину, тресты, картели и акционерные общества не являются монополией или финансовым капиталом, они суть формы проявления последних [см. 4, 30, 173]. Из этого не следует отрицание объективности со-

держания исходной и центральной категорий. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин писал, что «*все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [4, 29, 152].

Однако научная теория должна объяснить изменения существующих и появление новых явлений, относящихся к данной предметной области. Объяснение осуществляется посредством выведения понятий, выражающих формы проявления сущности. Содержание этих понятий соответствует эмпирическим фактам. Они в структуре теории выступают следствиями, т. е. выводятся из центральной категории и раскрываются на основе последней. Одно из следствий теории является основным и придает ей логическую завершенность. Оно выражает необходимую форму проявления уже ставшей сущности предмета (т. е. его развитого состояния). Основное следствие теории является завершающей категорией, без нее невозможно создать целостную теоретическую систему знания. Советский специалист по политэкономии А. И. Кащенко пишет, что выделение исходной и центральной категории является необходимым, но не единственным и последним условием создания целостной системы категорий политической экономии социализма. Для успешного осуществления этой цели требуется еще и «завершающее логическое звено» [129, 184—185, 187].

Завершающая категория не может быть непосредственно выведена из центральной категории. Марксистско-ленинская методология построения теории требует выявления посредствующих звеньев и «включения» их между центральной и завершающей категориями.

В той или иной науке порой уже имеются все основные категории, но отсутствуют переходные понятия, без которых невозможно доказать статус основных категорий. Тогда проблема взаимодействия, вернее, переходов узловых категорий, т. е. обнаружения посредствующих звеньев их отношений, становится основной проблемой этих наук. Такая ситуация существует, например, в лингвистике. Р. А. Будагов пишет, что взаимодействие между знаком и значением (соответственно переход от исходной категории к центральной) «составляет душу самой науки о языке. Лишить ее этой важнейшей проблемы взаимодействия — это прежде всего безмерно обеднить самый предмет лингвистики» [27, 50]. Решение этой проблемы заключается в обнаружении промежуточных звеньев этого отношения. А ее нерешенность является источником и основой формализма в языкознании. К. Маркс указывал на недопустимость непосредственного выведения основных категорий теории друг из друга и связь таких попыток с «ложной метафизикой» и «схоластикой» [см. 1, 26, I, 64].

В ленинской теории империализма завершающей категорией выступает категория государственно-монополистического капитализма. Переход к ней от центральной категории осуществляется путем анализа такого эмпирического явления, как новая роль

буржуазного государства в хозяйственной жизни монополистического капитализма, и включения соответствующего понятия в структуру теории в качестве опосредствующего понятия.

Образование и дальнейшее развитие финансового капитала с необходимостью сопровождаются возникновением постепенно расширяющейся экономической функции буржуазного государства, заключающейся в решении хозяйственных проблем крупного капитала. В эпоху империализма буржуазное государство начало непосредственно участвовать в экономической жизни монополистического капитала, в результате чего возникает государственно-монополистический капитализм. Он получает свое выражение в содержании завершающей категории ленинской теории империализма.

Завершающая категория раскрывает возможность перехода к новой системе, «зародыш» такого противоречия, которое становится генетической основой возникновения качественно новой конкретности [см. 118, 26]. Еще Гегель гениально угадал диалектику связи и преемственности развития действительности. «Во всякой системе, — писал он, — наиболее абстрактное является первым членом, а истиной каждой сферы является последний член, но столь же верно, что этот последний член является лишь первым членом некоторой высшей ступени» [44, 35]. Согласно этому каждая философская наука, по Гегелю, переходит в последующую: «Наука логики» в «Философию природы», она в свою очередь — в «Философию духа».

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что империализм является переходным, умирающим капитализмом. Этот момент перехода, обострение внутренних противоречий и объективная необходимость превращения всего капитализма в свою противоположность, наиболее полно резюмируется в содержании завершающей категории теории империализма. Характеризуя государственно-монополистический капитализм как «материальную подготовку», «преддверие» социализма, Ленин писал: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией» [4, 34, 192].

Исходя из высказываний В. И. Ленина, можно согласиться с точкой зрения Б. П. Колтакова, что исходной категорией политической экономии социализма является категория социалистической государственной монополии [75, 20—21]. Но переход к последней от категории государственно-монополистического капитализма, как качественный скачок требует (как и в самой действительности) определенных условий, т. е. своих особых опосредствований.

В действительности такой переход осуществляется социалистической революцией и государством диктатуры пролетариата, а в теории — включением полученных путем теоретических исследований понятий в структуру логического перехода категорий друг в друга.

Завершающая категория научной теории не исключает развитие и совершенствование данной теории. Она лишь одна из узловых категорий теории, направляющих исследование объекта, и отображает качественную границу развития предмета, внутри которой происходит изменение многообразных свойств, реализация определенных возможностей объекта. Развитие и усовершенствование теории осуществляются посредством включения новых, выражающих вновь возникшие свойства, и обогащения уже имеющихся категорий. Ярким примером является развитие теории империализма В. И. Ленина.

За 60 с лишним лет после создания В. И. Лениным теории империализма в экономике и политике монополистического капитализма возникли новые явления, требующие теоретического осмысления. «Марксистско-ленинская партия, — говорилось на XXVI съезде КПСС, — не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, творческому развитию марксистско-ленинской теории» [5, 77]. В результате коллективных исследований объективных изменений монополистического капитализма коммунистическими и рабочими партиями и учеными-марксистами многие категории ленинской теории империализма обогатились и в систему ее категорий включился ряд таких новых понятий, как «государственно-монополистическое регулирование», «империалистическая интеграция» и т. д. [см. 126, 91]. Но в основе разработки новых и обогащения уже имеющихся категорий лежит ленинская теория империализма. И это потому, что она выражает «имманентные» империализму узловые отношения, которые сохраняются, пока существует данный объект.

Глава V. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО *

Никакая логика немыслима без соответствующей теории доказательства. Доказательство, которое имеется в диалектической логике, есть теоретическое доказательство.

Ф. Энгельс, критикуя Е. Дюринга, специально подчеркивал, что в развитии теоретической науки диалектико-логическое доказательство (совпадающее с процессом развития знания, т. е. являющееся чем-то большим, чем простое доказывание) давно является фактом. Уже с появлением высшей математики обнаружилась недостаточность формально-логического доказательства. Критикуя Дюринга, Энгельс прямо подчеркивал, что «почти все доказательства высшей математики, начиная с первых доказательств дифференциального исчисления, являются, с точки зрения элементарной математики, строго говоря, неверными. Иначе оно и не может быть, если, как это делается здесь, результаты,

* Глава перепечатывается с некоторыми изменениями из книги: Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979.

добытые в диалектической области, хотят доказать посредством формальной логики» [1, 20, 138].

§ 1. Постановка проблемы в логике Гегеля

Основы теоретического доказательства были впервые разработаны в философии Гегеля, бывшего современником формирования теоретического естествознания, история которого началась с создания И. Ньютоном первой системы теоретической физики.

К XIX в. выявились и особенности теоретического доказательства, которые были обобщены Гегелем как способ «спекулятивного», философского доказательства.

В учении Аристотеля о доказательстве содержались элементы как формального доказательства, так и теоретического. Отсутствие научного, теоретического познания лишало Аристотеля возможности разработать самостоятельную теорию теоретического доказательства. Но он поставил важный вопрос о совпадении доказательства и процесса познания. Впоследствии эти элементы аристотелевского учения сложились в две самостоятельные теории доказательства — теорию формального доказательства и теорию теоретического доказательства.

Заслуга Гегеля в том, что он поставил на диалектическую основу вопрос о сущности теоретического доказательства. Правда, поскольку синонимом теоретического знания для Гегеля служило философское знание, то теоретическое доказательство он рассматривал как единственную форму подлинного доказательства, свойственную только философии.

Доказательство, по Гегелю, возможно и необходимо лишь в синтетическом познании. В аналитическом познании имеются не доказуемые положения, а лишь задачи. «Аналитическое положение содержит задачу уже как решенную самое по себе...» [43, III, 250]. Тавтологичность доказательства аналитических положений Гегель рассматривает в таком доказательстве, как отсутствие «перехода к чему-то иному» [43, III, 251].

Подобная мысль высказывается и логическими позитивистами, но в отношении всякого логического доказательства, чего в гегелевской концепции нет. Так, Л. Витгенштейн утверждал, что в «логике процесс и результат эквивалентны (поэтому нет никаких неожиданностей). Доказательство в логике есть только механическое средство облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена» [40, 88]. Логический процесс здесь сам по себе отождествляется с аналитической функцией мышления. «Предложения логики суть тавтологии, — говорил он. — Предложения логики, следовательно, ничего не говорят. (Они являются аналитическими предложениями)» [там же, 83]. Что касается предложения математики, то оно «не выражает никакой мысли» [там же, 89]. Безусловно, Гегель с его утверждением о синтетической природе предложений геометрии стоит несравненно

выше в понимании природы научного познания, чем многие представители современного позитивизма.

В синтетическом познании Гегель выделяет три основных момента: дефиницию, членение и научное положение, снимающее разобщенность определений в членении и подлежащее доказательству.

Дефиниция очищает понятие от внешних черт предмета посредством абстрагирования и выделения в предмете общих и существенных свойств. Она является поэтому результатом анализа и одним из исходных моментов синтеза. Но она явно недостаточна для самого процесса доказательства, ибо никогда не может охватить всех особенных форм предмета (включая и так называемые «контрпримеры»).

Поэтому следующим моментом движения синтетического знания является членение, призванное охватить все многообразие сторон, форм предмета. Действительно, в физике — это таблицы наблюдений, в биологии — классификации и т. д. То, что подвергается членению, бесспорно, есть общее, хотя, переходя от одной дефиниции к другой, мы переходим от особенного к особенному. Поэтому переход от одной дефиниции к другой есть в своей основе и переход от всеобщего к особенным определениям. Благодаря этому, с точки зрения Гегеля, становится возможным синтетическое, а стало быть, и систематическое познание. «Принадлежащее понятию движение от всеобщего к особенному, — пишет он, — составляет основу и возможность синтетической науки, некоторой системы и систематического познания» [43, III, 262].

То, что охватывает все особенные определения предмета в их единстве, представляет собой научное положение. Доказательство призвано выявить связь, содержащуюся в научном положении, продемонстрировать его необходимость. Содержанием научного положения является идея. Стало быть, доказательство есть демонстрация необходимости идеи, ее реализация.

Согласно Гегелю, идея вырабатывается за пределами данной науки, лежит в основе ее исходных положений, доказательство которых средствами данной науки невозможно. И в определенной степени это действительно так. Как известно, Ламарк выдвинул идею изменчивости видов для объяснения многообразия особенных форм живых организмов, упорядоченных с помощью разнообразных классификаций, т. е. членений. Однако положение Ламарка нуждалось в доказательстве — в демонстрации тех связей, которые скрыто объединяют всю эту «дизъюнкцию» живого в единое целое. Неудача Ламарка не отменяет того, что это была истинная идея. Следует отметить, что сама идея эволюции зарождалась не только в биологии, но и в геологии, истории и других областях знания. Поэтому-то для Ламарка и существовала проблема перехода от истинной идеи к конкретному, специфическому материалу. Сама по себе идея развития доказывается не только биологией, но и другими науками, прежде всего философией.

Гегель объясняет это обстоятельство следующим образом: 1) предпосылки (основа) науки (теории) не абсолютны (только в философии предпосылки абсолютно достоверны) и доказываются за ее пределами (кроме философии); 2) ограниченность основы научного построения преодолевается в ходе дальнейшего развития самой теории (это действительно и для самой философии). Рассмотрим оба пункта.

1. Исходные положения науки в форме аксиом, постулатов и т. д. действительно не доказываются в рамках данной науки или теоретической системы и поэтому часто ошибочно принимаются, считает Гегель, «за нечто абсолютно первое, как если бы они сами собой не нуждались ни в каком доказательстве. Если бы это было так на самом деле, то они были бы чистыми тавтологиями...» [43, III, 270]. На это же обстоятельство указывал Ф. Энгельс [см. 1, 20, 572]. Относительность исходных положений — аксиом той или иной науки отмечается ныне многими учеными. Так, С. А. Яновская пишет, что «при разных аксиоматических построениях одной и той же математической дисциплины аксиомы и теоремы меняются местами» [170, 266]. М. Бунге указывает на тот факт, что теорема Пифагора в обобщенной форме принимает в геометрии Римана статус аксиомы [31, 16].

Следует заметить, что и в философии исходные положения всегда были относительными (а не абсолютно достоверными, как думал Гегель о своей философии) и доказывались тоже лишь за ее пределами. Поэтому-то материализм и менял свою форму в связи с составляющими эпоху открытиями в других науках. Положения о материальности мира и изменчивости материальной субстанции, из которых исходит диалектический материализм, являются, подчеркивал Ф. Энгельс, результатом длительного исторического развития естествознания и философии.

2. Доказательство связано с диалектикой опосредствования. Поскольку оно обладает логической природой, то не эмпирическое обоснование предпосылок научного положения доказывает последнее, а дальнейшее развитие его определений.

Гегель утверждал, что «средний термин», т. е. опосредствование, «составляет нерв доказательства» [43, III, 275]. Начало и результат познания можно связать только через опосредствование, а от его характера эта связь и зависит. По этому «третьему», т. е. опосредствованию, мы различаем доказательство как движение от содержания к содержанию и доказательство как «формальное умозаключение», между членами которого по содержанию нет качественных различий, поэтому они становятся полностью взаимозаменяемыми, а движение мысли приобретает чисто формальный характер. Но нет такой науки, где бы это было осуществимо до конца.

И действительно, всякая наука, в том числе и математика, периодически спускается в «обосновательный слой» (если употребить выражение И. Лакатоса), перестраивая его в свете новых и часто «неожиданных» результатов. Необходимость такого

движения применительно к философии была обоснована Гегелем. «При новой основе, — писал он, — образуемой результатом как ставшим отныне предметом, метод остается тем же, что и в предыдущем предмете. Различие касается лишь отношения основы как таковой, правда, она и теперь основа, однако ее непосредственность есть лишь форма, так как она была в то же время результатом, поэтому ее определенность как содержание есть теперь уже не нечто просто принятое, а нечто выведенное и доказанное [43, III, 304]. Формулируя этот способ движения теоретического знания, Гегель ближе всего подошел к пониманию сущности теоретического доказательства.

Однако учение о теоретическом доказательстве было последовательно разработано в философии марксизма-ленинизма.

§ 2. Доказательство в марксистской диалектической логике

То, что в гегелевской логике составило важный, но не развернутый вывод, в марксистской диалектической логике явилось предметом глубокой, обстоятельной разработки; то, что у Гегеля было лишь постановкой вопроса, в марксистской философии получило свое научное разрешение. Это касается двух главных идей: (1) если в формальной логике процессы познания и доказательства разделены, то процесс теоретического познания есть одновременно процесс доказательства исходной общей идеи; (2) в теоретическом доказательстве доказуемое положение и основа совпадают, то, из чего исходят (основа), и то, к чему приходят, — не совершенно разные вещи и в то же время не абсолютно одно и то же (основа в результате познания выступает как «нечто выведенное и доказанное»).

Рассмотрим эти положения с точки зрения теории доказательства в диалектической логике.

В абстрактной, т. е. формально-логической, теории доказательства в структуру всякого доказательства входят тезис, доводы и демонстрация.

Различение двух типов доказательства началось с конкретизации тезиса доказательства. В диалектической логике утверждается, что доказательству в процессе развития теоретического познания подвергаются не только отдельные высказывания, но и развивающееся понятие, содержащее идею и представляющее собой определенную совокупность высказываний. Это положение (правда, в мистифицированной форме) было выдвинуто еще Гегелем. Строго говоря, доказывается не теория, а теоретическая идея, еще не разработанная в теорию, не ставшая теорией. В таком виде исходная теоретическая идея имеет статус гипотезы. Она утрачивает этот статус как только теория построена. Теория не может быть гипотезой. Она есть доказательство истинности исходной идеи, но сама может подвергаться проверке, т. е. подтверждаться или не подтверждаться. При этом теория должна

браться в ее полном объеме, включая и ее конкретные следствия, имеющие эмпирическую значимость, иначе невозможно будет говорить о подтверждении или неподтверждении теории. Проверка теории, включающая в себя прямое подтверждение, является последним актом в доказательстве теоретического положения, делающим доказательство окончательным.

Идея является результатом теоретического анализа, представляющего собой конкретное единство индукции и дедукции и осуществляющегося по принципу: раздвоение единого на противоположности и изучение их соотношения, единства. Идея разрабатывается посредством синтетического движения мысли, при котором в «пространство» между исходными противоположными утверждениями (входящими в состав идеи) включаются посредствующие звенья. Совокупность высказываний, образующих эти противоположности и связывающих их друг с другом пока абстрактно, без явных посредствующих звеньев, является основанием теоретического построения.

Но что понимать под основанием теории, науки? В самом общем смысле слова основания теории суть исходные термины и предложения.

В зависимости от оснований строится и доказательство.

Если основание представляет собой непротиворечивую систему исходных положений, то такое построение может осуществляться чисто формальным путем в соответствии с установленными правилами. Никаких явных привходящих моментов (положений) здесь не требуется. Посредствующие звенья вытекают из исходных положений, а не разрабатываются за пределами системы, чтобы затем быть в нее включенными. Поэтому именно от характера посредствующих звеньев зависит характер самого построения. Если они не являются привходящими, не берутся извне, то система формальна и переход к новой системе возможен лишь путем пересмотра основания — подключения нового положения (аксиомы, постулата) к прежней системе исходных положений и отбрасывания положения, полностью исчерпавшего себя.

Но может ли формальное движение знания вести к получению нового содержания, несмотря на отсутствие в его движении привходящих моментов? Конечно, может. Соединение формального движения с получением нового содержания, нового знания осуществляется благодаря именно синтезу уже имеющегося в аксиомах знания. И такое движение знания есть сам этот синтез посредством определенных логических правил. Поэтому построение формальной системы знания, дающего новое содержание, есть «перебор» возможных «комбинаций» синтеза имеющихся положений. Вот почему Гегель в свое время считал геометрию с ее аксиоматическим методом примером синтетического знания. Этот синтез и есть то новое, что получается в результате формального доказательства.

Такое построение знания в основном тождественно формальному доказательству. Но последнее тем не менее не совпадает с

относительно завершенной теорией. В соответствии с теоремой Гёделя в ее составе всегда появляются такие высказывания, которые недоказуемы и неопровержимы в ней. Поэтому в каждой системе истинных высказываний больше, чем доказанных. «Как показало современное развитие математической логики, — пишет С. А. Яновская, — не существует такого, включающего арифметику натуральных чисел, исчисления, запас доказуемых предложений которого исчерпывал бы запас истинных предложений арифметики» [170, 257]. «Первая часть программы Гильберта, — отмечает американский логик С. Клини, — требовала формализации теории чисел, анализа и подходящей части теории множеств в некоторой формальной системе. Теорема Гёделя показывает, что это не может быть полностью выполнено даже для теории чисел» [74, 303].

Дело в том, что вообще ни одна относительно завершенная непротиворечивая система несводима к своим основаниям. Формальное доказательство является поэтому частью, моментом относительно завершенной, целостной системы теоретического знания, оно не исчерпывает и теоретического доказательства.

Формальное доказательство, если оно базируется на одной аксиоме, тавтологично и целиком сводимо к этому основанию. Но уже два исходных и независимых друг от друга положения делают возможным последующий синтез и получение нового содержания. В любой сфере знания такой способ движения необходим. «Капитал» К. Маркса является, например, образцом непротиворечивого доказательства основной идеи, хотя и не в этом суть логики «Капитала».

Что же такое формальное доказательство? Вот как определяет его видный представитель математической логики в США А. Тарский: «...формальное доказательство предложения состоит в построении конечной последовательности предложений, такой, что (1) первое предложение есть какая-либо аксиома языка, (2) каждое из последующих предложений есть или некоторая аксиома, или *непосредственно* выводимо с помощью *одного из правил вывода* (курсив наш. — *З. О.*) из каких-либо предложений, предшествующих ему в этой последовательности, и (3) последним предложением в этой последовательности является S «[151, 143]. Такое же определение сути формального доказательства дает и американский логик А. Черч: «Конечная последовательность, состоящая из одной или большего числа правильно построенных формул, называется *доказательством*, если каждая правильно построенная формула в последовательности либо является аксиомой, либо *непосредственно выводится по одному из правил вывода* (курсив наш. — *З. О.*) из предыдущих правильно построенных формул последовательности» [161, 49—50].

Таким образом, формальное доказательство регулирует (и рассматривает) непосредственные связи предложений (непосредственный вывод вполне возможен по одному из правил вывода системы знания). При этом само формальное следование осуще-

ствляется таким образом, что новое предложение может вытекать из предыдущего предложения или оказывается синтезом предшествующих предложений и аксиом. В таком случае формальное доказательство утрачивает свою тавтологичность, ибо синтезирует то, что выступает как единое лишь в возможности, поскольку, как правило, исходные положения (аксиомы в том числе) независимы друг от друга.

И тут мы можем получить ответ и на другой вопрос: как попадают в непротиворечивую теоретическую систему истинные, но формально недоказуемые в ней предложения?

Дело в том, что формальное доказательство рассматривает переход от одного высказывания к другому, а от одной аксиомы перейти непосредственно к другой аксиоме или предложению, полученному из другой аксиомы, невозможно. Тем не менее такой переход совершается. Очевидно, что для такого соединения независимых друг от друга высказываний нужны понятия, лежащие за пределами этих аксиом и предложений теоретической системы. Строгий анализ теории и выявляет этот момент. Так, в системе аксиом Пеано содержатся «интуитивные понятия» (такие, как «свойство»), что мешает всей системе быть строгой формализацией [см. 103, 115]. Пятая аксиома Пеано в формулировке С. А. Яновской гласит: «...всякое наследуемое (т. е. переходящее от числа, обладающего им, к следующему числу) свойство единицы принадлежит всем числам» [170, 258]. В качестве неопределяемых понятий в системе аксиом Пеано С. А. Яновская называет также «1», «=» и «следующее».

Все подобные понятия определяют способы синтеза исходных положений друг с другом и с другими предложениями науки. Д. Гильберт был прав, не желая выяснять природу того, что лежит в основе исходных определений. Иначе, как предсказывал Гегель, дальше основ невозможно было бы сделать ни одного шага[1]. Они сами доказуемы за пределами системы. Понятие «свойство» — явно результат философского развития, а такие математические действия, как последовательное расположение в ряд и приравнивание, — результат обобщения практических действий. Эти понятия выступают как бы своеобразными скрытыми посредствующими звеньями, откуда следует, что никакой абсолютно непосредственный синтез невозможен. Гегель говорил, что понятие параллельности лежит за пределами самой евклидовой геометрии. Аксиома о параллельных Евклида действительно не совпадает с понятием параллельности, а лишь утверждает одно из его определений, свойств. Аксиома Лобачевского является утвержде-

[1] Говоря о том, что «Тейлор развивает» «основу системы» Ньютона (теорема о биноме выступает как всеобъемлющая общая оперативная формула основанного им дифференциального исчисления), а Лагранж уже непосредственно развивает теорему Тейлора, К. Маркс далее проводит следующую аналогию: «Таким же образом Фихте примыкал к Канту, Шеллинг — к Фихте, Гегель — к Шеллингу, причем ни Фихте, ни Шеллинг, ни Гегель не исследовали общей основы Канта, идеализма вообще; иначе они не смогли бы развивать ее дальше» [3, 209].

нием о другом свойстве параллельности, т. е. представляет собой другое определение параллельности, аксиома Римана — третье.

Неформальная система базируется на такой основе, которая позволяет вводить в логическое построение явные опосредствующие звенья, носящие привходящий характер. Для этого система исходных положений должна сама представлять диалектическое противоречие, т. е. единство противоположностей. Теоретическое построение здесь вообще выступает как логический процесс доказательства единства противоположностей, ибо идея, которая лежит в основе теории и которая доказывается этой теорией, и есть это схематическое единство противоположностей, которое в ней скрыто содержится. Поэтому можно сказать, что квантовая механика доказывает единство корпускулярных и волновых свойств движущихся микрообъектов, ибо даже экспериментальное обнаружение этих свойств у них еще не есть доказательство и раскрытие этого единства, но источник основной квантовомеханической идеи. И идея Дарвина об эволюции включала в себя противоречивое отношение единства наследственности и изменчивости, которые раньше рассматривались в отрыве друг от друга, порождая неверные классификации. Развитие генетики позволило не только теоретически доказать, но и перестроить ту основу, которую заложили Ламарк и Дарвин. Основой теории стала система понятий, выражающих генетический код, и отношение «наследственность — изменчивость» превратилось в систему «наследственность — генетический код — изменчивость».

Таким образом, ход теоретического доказательства заключается в том, чтобы усложнить исходное отношение противоположностей посредством включения все новых промежуточных звеньев: понятий, представлений. В этом суть теоретического выведения новых категорий, понятий, в котором формальный вывод содержится как подчиненный момент. Теоретическое доказательство, следовательно, совпадает с построением теории. При этом совершается переход от одного опосредствующего звена к другому путем одновременного использования различных способов доказательства, не являющихся теоретическими.

Способ выведения, при котором соединение исходных противоположностей становится более конкретным благодаря включению в определенном порядке проанализированных опосредствующих звеньев, дает в результате ту же самую основу, из которой исходили. Но теперь она выступает как конкретное отношение, система понятий, опосредствующих эту связь. И постольку все теоретическое построение есть не что иное, как развитие исходной основы, которая в результате и предстает, по выражению Гегеля, как «нечто выведенное и доказанное».

К. Маркс в «Капитале» следующим образом изображает свое теоретическое построение: «...по мере того, как мы все дальше и дальше проникаем в эту экономику, мы должны, с одной стороны, раскрывать все новые и новые определения этого противо-

речия, а с другой стороны, показывать, как в более конкретных формах его повторяются и содержатся его более абстрактные формы» [1, 26, II, 567]. Рикардо, отмечает Маркс, «хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости*, вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие,* со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы, или раскрыть развитие самой этой основы» [там же, 160].

Исходная полярность классической механики — отношение «движение — масса» возникло, как известно, с введением И. Кеплером понятия массы как отрицания движения, его противоположности [см. 54, 59—63]. Хорошо известно также, что в основных законах Ньютона связь массы с движением конкретизирована введением понятий силы и тяготения. Эти законы, в которых продолжает сохраняться исходная основа (отношение «движение — масса»), позволили получить закон эллиптического движения планет как следствие построенной «первой теоретической системы физики» (А. Эйнштейн). Основная полярность движения и массы сохраняется в усложненной форме в законе эквивалентности ($E=mc^2$) А. Эйнштейна. И эти два полюса (движение, взятое в обобщенной форме энергии, и масса) связаны посредством промежуточного члена «с» (скорости света).

Таким образом, в теоретическом построении результат (доказанное), так же как и в формальном, и эмпирическом доказательствах, дан заранее. Но только здесь это — основа, из которой исходят для того, чтобы ее перестроить, изменить. Это перестроенная основа как «нечто выведенное и доказанное», как результат, а не как «исправленная догадка». Вот почему теоретическое доказательство и исследование совпадают, а «выведенное и доказанное» совпадают и в то же время не совпадают с исходной основой.

Но наряду с целостным доказательством общей идеи, которое обеспечивается построением теории, существует еще понятие окончательного доказательства. Оно связано с проблемой проверки следствий построенного теоретического доказательства. Если теоретическое построение является доказательством общей исходной идеи, основы, т. е. представляет собой перестройку основания, развитие его, то окончательное доказательство представляет собой не доказательство общей идеи, а проверку всего теоретического построения в целом, включая и идею[2]. Оно есть продолжение теоретического доказательства и осуществляется путем установления связи между следствиями теоретического построения и эмпирическими данными — фактами, явлениями и т. д. «Мы все согласны с тем, — писал Ф. Энгельс, — что в любой на-

[2] На это обращал внимание Ф. Энгельс. Если химии удастся изготовить живой белок в том виде, в котором он возник объективно, писал он, «то диалектический переход будет здесь доказан также и реально, т. е. целиком и полностью. До тех пор дело остается в области мышления, alias гипотезы» [1, 20, 571].

учной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам *фактов,* стало быть, в естествознании — из различных предметных форм и различных форм движения материи и что, следовательно, также и в теоретическом естествознании нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем» [1, 20, 370—371].

Здесь два момента имеют важное значение — объяснение и подтверждение. Там, где непосредственное подтверждение отказывает, свою роль играет объяснение.

Различие между подтверждением и объяснением заключается в следующем. Подтверждению подлежат непосредственно следствия теории, объяснению же подлежат факты и эмпирические явления. Положительной формой проверки является подтверждение на типичном случае, т. е. факте, явлении, не противоречащих общему положению. Там, где подтверждение не имеет места (противоречащий случай), там вступает в силу объяснение. Если последнее невозможно дать на основе общего положения, доказательство оказывается ошибочным или недостаточным, односторонним. Тогда нужна новая теория, или заменяющая старую, или дополняющая ее. Объяснение вообще следует рассматривать и как более сложную процедуру положительной проверки теории, чем подтверждение. Если теоретические положения (точнее, теоретически доказанные следствия теории) не подтверждаются, то отсюда вовсе не следует, что теорию надо заменить. И если какой-то новый факт противоречит следствиям теории, то отсюда не следует, что последняя опровергнута.

Бывают случаи, когда общее положение непосредственно исключается тем или иным фактом, явлением. Так, Ньютон вывел эмпирические законы Кеплера из своего закона всемирного тяготения, показав, что они суть следствия его теоретической системы. Одним из таких следствий являлось положение об эллиптическом движении планет, однако оказалось, что ряд планет движется не совсем по эллипсу. Закон, таким образом, столкнулся с исключениями. Но закон не должен знать исключений.

Вот как об этом говорит Р. Фейнман: «Если все планеты притягиваются друг к другу, то сила, управляющая, скажем, обращением Юпитера вокруг Солнца, это не совсем сила притяжения к Солнцу; ведь есть еще и притяжение, например, Сатурна. Оно невелико (Солнце куда больше Сатурна), но оно *есть,* и потому орбита Юпитера не может быть точным эллипсом; она чуть колеблется относительно эллиптической траектории, так что движение несколько усложняется. Были предприняты попытки проанализировать движение Юпитера, Сатурна и Урана на основе закона тяготения. Чтобы узнать, удастся ли мелкие отклонения и неправильности в движении планет *полностью объяснить только на основе одного этого закона* (курсив наш. — *З. О.*), рассчитали влияние каждой из них на остальные. Для Юпитера и Сатурна все сошло как следует, но Уран — что за чудеса! — повел се-

бя очень странно. Он двигался не по точному эллипсу, чего, впрочем, и следовало ожидать из-за влияния притяжения Юпитера и Сатурна. Но и с учетом их притяжения движение Урана *все равно* было неправильным; таким образом, законы тяготения оказались в опасности (возможность эту нельзя было исключить). Двое ученых, Адамс и Леверье в Англии и Франции, независимо задумались об иной возможности: нет ли там еще *одной* планеты, тусклой и невидимой, пока еще не открытой» [155, 1, 130]. Как известно, положение планеты Нептун было математически рассчитано, и она была обнаружена. Математический расчет здесь был эмпирическим. Это — движение мысли от общего теоретического положения к факту, движение через случайные величины параметров. Важно подчеркнуть, что посредствующие звенья, связывающие положения теории с эмпирическими фактами, характеризуются нередко случайностью значений параметров в отличие от опосредствующих звеньев внутри теоретического построения.

Возьмем еще один пример — противоречие между теорией стоимости и конкретными актами обмена. Основным положением теории стоимости является положение о равенстве величин стоимости обменивающихся товаров, что в практике обмена в условиях буржуазного общества, как правило, не имеет места. Вследствие того что экономический закон «подтверждался» лишь в порядке исключения, вульгарная политэкономия отбросила сам этот закон. Между тем К. Маркс объяснил противоречие между общим законом и фактами его «нарушения», модифицировавшими действие закона, с помощью таких опосредствующих звеньев, как понятия цены, спроса и предложения.

Таким образом, мы видим, что общая идея, даже если она логически, теоретически доказана и базируется на весьма достоверных исходных положениях, тем не менее может подвергнуться сомнению, пока не будет доказана окончательно, т. е. пока не будет дано объяснение всех возможных явлений, включая и противоречащие случаи. Но для этого надо из общего положения получить особенные, связав последние с помощью опосредствующих звеньев с фактами.

Таким образом, необходимо целостное, систематическое построение, в которое как элемент включено и объяснение. Вот что писал К. Маркс: «Задача науки состоит именно в том, чтобы раскрыть, *как* закон стоимости прокладывает себе путь. Следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все явления, кажущиеся противоречащими закону, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости всевозможные категории, которые должны быть выведены, предполагает *данными,* чтобы доказать их адекватность закону стоимости» [1, 32, 461].

Прямое и непосредственное сопоставление фактов, явлений с общими законами приводит к вульгаризации, эмпиризму, о чем применительно к политэкономии К. Маркс заметил следующее:

«Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее. А вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее. К чему же тогда вообще наука?» [там же].

И здесь встает весьма существенный вопрос теории доказательства в диалектической логике. Проверка теоретического построения по его следствиям невозможна без объяснения. Но объяснение не исчерпывает проверки. Для отдельных эмпирических положений достаточно отдельного наблюдения, отдельного опыта и т. д. Но для проверки теоретического построения необходимо практическое подтверждение.

Не всякое подтверждение достаточно для теоретического закона. Ведь последний раскрывает необходимость во всей ее полноте и всесторонности, т. е. целостности. А «эмпирическое наблюдение, — пишет Ф. Энгельс, — само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость» [1, 20, 544]. И это понятно: отдельные эмпирические процедуры связывают наше сознание лишь с отдельными признаками и свойствами объектов, которые в зависимости от условий меняются, принимают случайные значения, характеристики. Лишь практика как активное преобразование объекта, его воспроизведение обладает характером целостности, совпадает с логикой движения предмета, а следовательно, и с логикой теории, ее структурой. Вот почему «доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде...» [там же].

Именно практика обеспечивает проникновение в сферу необходимого и всеобщего в объекте. Рационалисты, как известно, полагали, что достоинством всеобщности и необходимости обладает лишь мышление, понятие. В немецкой классической философии господствовал взгляд, что объективная значимость категорий мышления объясняется их всеобщностью и необходимостью. Но впервые марксистская философия выдвинула положение, что практика — не область господства лишь случайного, что здесь действует общее и необходимое, взятое в единстве с их чувственными проявлениями.

Особенностью практики как решающего критерия истины, делающего окончательным теоретическое доказательство, является также ее целостность. Это всестороннее, т. е. целостное, подтверждение того или иного следствия теории, стало быть, самой теории. В практике воспроизводится объект (или процесс) в целом, т. е. во всех своих необходимых элементах, в их взаимосвязи. Поэтому в практическом подтверждении исключена возможность односторонности, присущей обыденному опыту или простому наблюдению. В отличие от опыта и других процедур эмпирической проверки практика выявляет глубинную, внутреннюю структуру предмета, которую теория и воспроизводит.

Практическую проверку может обеспечить эксперимент, который, в отличие от других форм практики, подчинен сугубо познавательным целям. Роль практики может выполнить и опыт, если он многократно повторен [см. 1, 23, 439] и продуман так, чтобы охватить все основные случаи и стороны. Опыт тождествен практике, если он берется во всем общественно-историческом объеме. Опыт, взятый как узкая практика группы, класса, интересы которых ограничены защитой частной собственности, может служить подтверждением ошибок и заблуждений.

Признание понятия окончательного доказательства иногда пытаются выдать за «догматизм», ссылаясь на то, что в будущем всегда найдутся факты, которых теория объяснить не сможет. Еще в начале нашего столетия В. И. Ленин дал отповедь такому утверждению: «Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — то отсюда вытекает признание единственным путем к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения. Например, Богданов соглашается признать за теорией денежного обращения К. Маркса объективную истинность только «для нашего времени», называя «догматизмом» приписывание этой теории «надысторически-объективной» истинности («Эмпириомонизм», книга III, стр. VII). Это опять путаница. Соответствия этой теории с практикой не могут изменить никакие будущие обстоятельства по той же простой причине, по которой *вечна* истина, что Наполеон умер 5-го мая 1821 года. Но так как критерий практики, — т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов, значит делать непростительную уступку буржуазной экономии» [4, 18, 146].

Отрицая возможность окончательного доказательства теоретических истин, нередко отождествляют относительность научного знания с опровержимостью. Но это различные вещи. Опровергаются не относительные истины, а заблуждения и ошибочные положения. Опровержение теоретических истин есть псевдоопровержение. Если речь идет об их уточнениях (под влиянием новых фактов, открытий), то это отнюдь не опровержение, а их дальнейшее развитие. К. Поппер и его последователи, как известно, настаивают на том, что опровержение научных положений, самих теорий и законов необходимо и неизбежно. Но уже обращалось внимание на принципиальную непоследовательность данного подхода, наделяющего опровергающую позицию (соответствующие положения науки) непогрешимостью, т. е. неопровержимостью. Попытка противопоставить окончательному доказательству теоретических положений всеобщую их опровержимость встречает отрицательную оценку и критику и в среде западных логиков науки.

Решающие аргументы против релятивистского отрицания окон-

чательного доказательства теоретических положений науки содержит марксистская диалектическая логика, выдвигающая понятие общественной практики. Использование результатов научно-теоретических истин, какими бы ненадежными ни были отдельные средства эмпирической проверки. Практика — основа и венец теоретического доказательства. В практике доказывается объективность логических законов, связей, с помощью которых построено доказательство, и в этом смысле она — основа последнего, источник его логической структуры. Давая целостное подтверждение теоретического построения, она выступает завершающим этапом его доказательства.

Глава VI. ФОРМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Существуют два пути развития научного знания: эволюционный и революционный.

Эволюционное развитие, не предполагающее какого-либо радикального обновления теоретического фонда знаний, заключается в расширении области приложений наличных теорий за счет их распространения на новые явления действительности. Оно осуществляется в результате: 1) вывода следствий (любая «рутинная» деятельность ученых в науках логико-математического цикла); 2) приспособления общей теории к решению частных задач путем присоединения соответствующих допущений (механика точки — механика сплошных сред); 3) сращения математического формализма с конкретной теорией, приводящего к образованию новых представлений и систем понятий (аппарат математической статистики и теории вероятностей — термодинамика — статистическая физика); 4) развития теории за счет введения новых предложений (усовершенствования гелиоцентризма Кеплером); 5) поиска моделей и семантической (эмпирической) интерпретации теорий (деятельность Бельтрами, Клейна, Пуанкаре и других по истолкованию неевклидовых геометрий).

В самом общем, но точном смысле особенности эволюционного развития научного знания описываются механизмом гомогенной и гетерогенной редукции[1]. Гомогенная редукция, т. е. такая, где редуцируемая теория и теория, к которой первая редуцируется, выражаются на одинаковом языке, представляется вариантом довольно тривиального расширения фонда знаний. В таком случае одна (расширяемая) теория выступает базисом, из которой в качестве следствия вытекает родственная теория. Общая схе-

[1] Термин «гомогенная» и «гетерогенная» «редукция» введены в научный обиход Нагелем [см. 202]. Отдавая отчет в очевидном несовершенстве этих терминов, мы тем не менее все-таки решаемся на их использование, учитывая определенные сложившиеся в методологии исследовательские и лексические традиции. В дальнейшем, как будет видно из контекста, термин «редукция» будет использоваться не как синоним «сведения», а как имя собственное.

ма прогресса в этом случае такова: $T_1H \rightarrow T_2$ (где T_1 — базисная, T_2 — производная теория; H — множество дополнительных гипотез, расширяющих T_1). Пример — классическая механика и полученная из нее более частная классическая теория гравитации.

Гетерогенная редукция охватывает отношение уже не между родственными, а между качественно различными теориями, сформулированными на разных языках. Поэтому, поскольку производная теория T_2 в данном случае содержит набор таких концептуальных единиц, которые попросту отсутствуют в арсенале T_1, операция тривиального синтаксического включения T_2 в T_1 оказывается невозможной. Следовательно, в данном случае общей схемой прогресса будет следующая: $T_1RS \rightarrow T_2$ (где R — множество переходных предложений, а S — совокупность семантических допущений) [см. 104, 32]. Пример — синтез электростатики и теоретической механики, образование обобщенной математической теории потенциала. С одной стороны, существовал круг чисто физических идей и способов исследования электричества, представленный, скажем, деятельностью Кулона. С другой стороны, существовали чисто математические аналитические методы теоретической механики, разрабатываемые Эйлером, Лагранжем, Лапласом и др. Пуассон соединил эти две области, рассмотрев закон Кулона с математической точки зрения и решив с его помощью «математическую задачу о распределении заряда на различных проводниках и системах проводников» [59, 296].

С логической точки зрения принципиальной характеристикой эволюционного развития выступает наличие дедуктивной связи между базисной и производными теориями. Последнее нужно понимать прежде всего в том смысле, что построение производной теории (T_2) всегда в качестве необходимого условия имеет признание истинности базисной теории (T_1), ибо если результаты T_1 истинны, то результаты T_2 не могут быть ложными.

Если же дедуктивная связь между T_1 и T_2 нарушается, есть все основания говорить о революционном развитии науки.

Революционное развитие науки, предполагающее существенное обновление и модификацию ее концептуального арсенала, заключается в углублении предшествующих представлений относительно сущности исследуемых явлений. Революция в науке — это всегда форма разрешения противоречия между эвристическим потенциалом наличного знания и тем фактическим материалом, который подлежит осмыслению в его рамках. Чем обусловлены революции в науке?

В качестве наиболее общих можно указать на следующие две причины. Во-первых, это непредикативность знания [см. 127, 177—178], которая состоит в том, что всякое эволюционное развитие сопровождается перестройкой логических, внутринаучных и философских оснований знания, которые в конечном счете исчерпывают имманентные возможности саморазвития, вызывая необходимость качественных, революционных преобразований. Во-вто-

рых, это невозможность бесконечной ассимиляции наличной теорией новых эмпирических фактов. Всякая теория предполагает ассимиляцию определенного поля эмпирических данных. Однако на известной стадии наступает «сатурация», т. е. момент, начиная с которого теория не в состоянии более объяснять, описывать и предсказывать эмпирические данные. Для того чтобы как-то восстановить утраченный баланс между теорией и эмпирией, модифицируют теоретический аппарат — вводят дополнительные гипотезы, ad hoc допущения и т. п., приводящие к взаимосогласованию теории и эмпирии. Несмотря на это ассимиляция теорией эмпирических контрпримеров посредством ad hoc модификаций небезгранична: в результате теория лишается предсказательного потенциала, превращаясь в искусственное описание a tergo. К тому же перманентное усложнение концептуального и описательного теоретического аппарата приводит к фактической невозможности оперативного его использования в практической работе, демонстрируя тем самым его внутреннее несовершенство. В результате выявления последнего в ходе разносторонней рефлексии наличного знания ставится задача создания кардинально новой системы знания, реализация которой ассоциируется с революционным способом прогресса науки.

Ближайшими предпосылками революций в науке являются: а) самоисчерпаемость, отсутствие эвристического потенциала наличного знания для объяснения, описания и предвидения явлений; б) становящиеся все более искусственными модификации аппарата теории, призванные приспособить его для решения внутритеоретических задач; в) противоречия, антиномии, обнаруживаемые в наличной системе знания, которые «дискредитируют» традиционные алгоритмы постановки и решения проблем.

Однако этих причин для осуществления революции недостаточно. Необходимо еще возникновение новой идеи, т. е. знания того, как и в каком направлении наличное знание перестраивать. В этом смысле следует отдавать отчет, что усмотрение в фактах, противоречащих теории и тем самым дискредитирующих утверждаемые ею тактику и стратегию исследования, антиномий возможно лишь при хотя бы зачаточном наличии новой теории. Подтверждением этого выступает история отказа от концепции эфира в классической физике, сопровождавшаяся переходом к релятивистским представлениям.

При логической оценке революционного развития науки следует указать на разрыв дедуктивной связи между предшествующим и последующим знанием. Это означает, что новая теория ни при каких обстоятельствах не может быть получена в качестве логического следствия из старой. Отношения между новой и старой теориями в данном случае описываются не в терминах принципа дедуктивной выводимости, а в терминах принципа соответствия.

Принцип соответствия как универсальный методологический принцип решает следующую проблему. Всякая новая теория (T_2),

какой бы нетрадиционной она ни была, возникает как результат разрешения противоречий в старой теории (T_1), и в силу этого не может не использовать некоторых элементов из ее проблемного, категориального и т. д. фонда. Из этого вытекает, что дистанцированность T_2 от T_1 не абсолютна, ибо всегда имеется возможность их познавательного сопоставления. Принцип соответствия как раз и реализует требование преемственности между новыми и старыми теориями. В формулировке И. В. Кузнецова он гласит: «Теории, справедливость которых была экспериментально установлена для определенной группы явлений, с появлением новых теорий не отбрасываются, но сохраняют свое значение для прежней области явлений как предельная форма и частный случай новых теорий. Выводы новых теорий в той области, где была справедлива старая «классическая теория», переходят в выводы классической теории» [81, 8].

Учитывая это, необходимо критически оценить широко распространенную в западной философии науки концепцию несоизмеримости. Тезис о радикальной несоизмеримости теорий искусственен. С позиций этого тезиса дело представляется таким образом, что взаимозаменяемые теории разрабатываются где-то вне науки. Скажем, если утверждать, что релятивистская и классическая механика абсолютно несоизмеримы, СТО вообще не имеет права рассматриваться как последующая физическая теория, возникающая в ходе разрешения кризиса, охватившего классическую физику. Но тогда не ясно, как она возникла.

Представляется явно преувеличенным и утверждение о несоизмеримости понятий взаимозамещаемых теорий. Так, взаимосвязь понятийного аппарата релятивистской и классической механики, несмотря на их нетождественность, очевидна. Например, хотя ньютоновская и эйнштейновская «массы» имеют различный семантический и операциальный смысл, трактовка массы как «меры инертности» остается справедливой для обоих случаев: эйнштейновская масса не становится каким-то другим абсолютно отличным от ньютоновской массы объектом.

Концепции несоизмеримости теорий, фактически отрицающей взаимосвязь предшествующих и последующих этапов в развитии знания, диалектический материализм противопоставляет марксистскую теорию развития науки, понимающую развитие как последовательное преемственное движение от старого к новому, сопровождающееся углублением выработанных ранее представлений и их воспроизведением на качественно более высоком уровне.

Основу диалектико-материалистической концепции развития научного знания составляют принципы отражения, историзма, практической детерминированности познания, единства эволюционных и революционных изменений, преемственности в развитии, а также учение о диалектике относительной и абсолютной истины и противоречивости познавательного процесса.

В самом общем виде диалектико-материалистическое истолкование сущности развития научного знания таково.

Реальное функционирование в науке некоторой теории невечно, что вытекает из относительности познания, из того, что эвристический потенциал всякой теории, предназначенной для концептуализации жестко фиксированной предметной области, не может быть обоснованно экстраполирован на иные требующие соответствующей концептуализации предметные области. Поэтому наиболее глубинной (опосредованной) причиной необходимости преобразования теории является рано или поздно проявляющаяся ее объективная неуниверсальность, самоисчерпаемость, другими словами, ее несоответствие всевозрастающим запросам научной и материально-производственной практики. Ближайшей же (непосредственной) причиной необходимости прогрессивных изменений в науке выступает обнаружение логических и фактуальных противоречий в теориях. Осуществляясь как эволюционным, так и революционным путем и поставляя способы «снятия» данных противоречий, эти изменения обусловливают переходы к более совершенным формам организации знания. В оценке последних материалистическая диалектика исходит из того, что каждая из исторически реализованных форм организации знания «есть этап на пути восхождения к конкретному воспроизведению объективной действительности в теоретических понятиях» [57, 259]. В этом смысле необходимость преобразования теорий определяется переходом к более совершенному и адекватному (конкретному) знанию. Диалектико-материалистическая теория изменения знания, интерпретирующая его сущность под углом зрения последовательного приближения к действительности на основе накопления достоверного познавательного содержания по мере диалектического перехода от старых теорий к новым, лишена несовершенств разрабатываемых в западной философии науки концепций научного прогресса и представляется единственно адекватной теорией развития знания.

Если анализировать это зафиксированное самым беглым образом истолкование прогресса науки, то целесообразно исходить из следующей схемы последовательного становления нового знания.

Новая теория появляется как результат снятия противоречий в старой за счет разработки нетрадиционной эвристики. Как она возникает? При ответе на этот вопрос обычно апеллируют к интуиции, которая расценивается как основной генератор нового. Оснований для подобной позиции предостаточно. В самом деле, деятельность всякого научного работника в значительной мере запрограммирована: она запрограммирована всевозможными предписаниями, императивами, регламентациями, рекомендациями, схемами типовых принципов анализа, исследовательскими программами, эвристическими инструкциями, нормами, эталонами и т. д.

Весь этот арсенал определяет и задает общезначимый «нормальный» типовой концептуальный, методический и методологический ритм научной деятельности. Совершенно ясно, что в его

рамках создается и продуцируется, так сказать «заранее», рационально запланированное новое. Ничего принципиально нового создано и продуцировано здесь быть не может. Отсюда обоснованность апелляции к интуитивно-бессознательным, недискурсивным, иррациональным пластам, которые призваны решить проблему возникновения принципиально нового. Кант, например, именовал «бессознательное» «акушеркой мысли») [см. 193, 65].

Поскольку дальше общих ссылок на интуицию в решении вопроса об источнике новых идей в науке зачастую не шли, а задача логической реконструкции интуитивных актов (может быть, в силу своей самопротиворечивости) решена не была, проблема возникновения нового знания во многом оставалась неэксплицированной.

Для продвижения к проблеме поставим вопрос: что такое интуиция как источник нового? В плане ответа на данный вопрос подчеркнем следующее: 1) в основе интуитивной деятельности всегда — дефицит информации для возможности дискурсивно-логической обработки и проработки знания; 2) определяющий интуитивные акты психический мутагенез, будучи ответствен за порождение нового, осуществляется «путем рекомбинации следов полученных извне впечатлений», не контролируясь «осознанным волевым усилием; на суд сознания подаются только результаты... деятельности» [142, 26]; 3) лежащая в фундаменте открытия интуиция отнюдь не случайная, сверхъестественная или непостижимая мутация мысли. Во-первых, само «сверхсознание производит первичный отбор возникающих рекомбинаций и предъявляет сознанию только те из них, которым присуща известная вероятность их соответствия реальной действительности» [142, 26—27]. Иначе говоря, имеющие интуитивную генеалогию идеи — идеи в самом строгом смысле слова «безумные», но не «сумасшедшие». Во-вторых, деятельность «сверхсознания» изначально «канализирована качеством доминирующей потребности и объемом ранее накопленных знаний» [142, 28]. Следовательно, «час» открытия должен «пробить», новые идеи должны «витать» в воздухе.

Общеметодологические идеи о неслучайности открытий — в силу «запрограммированности» психического мутагенеза, наличия целенаправляющих доминант в виде потребностей элиминации «горящих точек», детерминированности сверхсознания наличным запасом знаний и практического опыта — конкретизируются такими моделями. Одна интерпретирует открытие как поризм, т. е. непредвиденный, незапланированный, неявляющийся непосредственной целью исследования, а потому неожиданный для исследователя результат, полученный как промежуточное следствие при решении научной задачи. Таков, например, факт открытия в математике мнимых чисел, которые, как указывает Клейн, снова и снова появлялись при вычислениях помимо и даже против воли того или другого математика, и лишь постепенно, по мере того как обнаруживалась польза от их употребления, они получали все более и более широкое распространение [см. 73, 90].

Идея поризма эвристична. Она позволяет отвергнуть распространенный, но малоприемлемый взгляд, по которому открытие — нелогичный, иррациональный акт — следствие дискурсивно непостижимого, необъяснимого наития. Действительно, «обычно рассуждают примерно так: если бы научное открытие было логическим следствием имеющегося знания, оно было бы предсказуемо и тем самым уже не было бы научным открытием. Тем более оно не смогло бы быть неожиданным. Но так как научное открытие непредсказуемо и неожиданно, то оно нелогично» [52, 114]. Поризм опровергает подобные рассуждения: «непредвиденность» и «неожиданность» как результат неформализуемости творческой деятельности уже не могут «служить аргументом в пользу нелогичности или иррациональности», «отпадают и аргументы, направленные против «логичности» научных открытий» [там же].

Другая модель уточняет детали механизма рекомбинации нового из наличного запаса знания, всего актуального опыта. Для разрешения проблемы в качестве первого шага следует противопоставить две вещи: науку и ее непосредственного творца — ученого. А именно необходимо исходить из того, что иногда ученый не действует так, как наука (научное сообщество), точнее, он действует так, как наука не предписывает действовать. Поскольку научное мышление стандартизировано, подчинено жестким программам-образцам, что в значительной мере закрепощает деятельность научного работника, постольку всякое отступление ученого от программ-образцов уже с чисто формальной стороны представляет предпосылку возникновения нового[2]. С содержательной точки зрения объяснение феномена появления нового знания приходит с сознанием того, что реально ученый работает не в одной, а в нескольких исследовательских программах (в силу своей общеобразовательной, профессиональной и т. д. полифункциональности), точки пересечения которых представляют пункты кристаллизации нового. Так, развенчание теории самозарождения Пастером, оказавшее заметное воздействие на прогресс биологической науки, было возможным в силу его физической подготовки, позволившей ему проводить более тщательную стерилизацию испытуемых растворов и т. д.

Таким образом, источник нового в науке согласно данной модели усматривается в том, что ученый использует в некоторой исследовательской области такие программы и принципы анализа, которые не утверждены в ней как стандартные, более конкретно — этот источник усматривается в гибридизации исследовательских программ [см. 134].

Данные модели, как видно, проливают некоторый свет (о каком-то окончательном решении проблемы говорить преждевре-

---

[2] Вопрос о проведении рациональной границы между обоснованным и необоснованным отступлением от принятых исследовательских стандартов, как демонстрирует опыт функционирования науки, никогда не бывает прост, и, по-видимому, не может получить «окончательной» экспликации.

менно) на динамику становления нового знания от самых начальных этапов этого процесса, что само по себе представляется обнадеживающим, так как, по крайней мере, позволяет не отдавать проблему целиком и полностью на откуп психологии.

После формирования новой теории, возникающей как результат решения противоречий в старой, начинается значительный и трудный процесс ее объективации. Гносеологическое содержание этого процесса — наделение теории онтологической интерпретацией, отождествление ее с определенным фрагментом реальности и вписание в наличную картину мира.

С точки зрения динамики процесса объективации теории возможны два варианта.

А. Результат объективации новой теории, соответствующей ее интерпретации, которая, собственно, выступает объектом теоретического знания, не является несовместимым с существующей интерпретацией явлений данного класса, даваемой старой теорией. Данная ситуация описывает случай объективации теорий в рамках эволюционного пути развития знания, например в результате пролиферации или модификаций господствующих исследовательских программ, не приводящих к кризису «нормальной» науки.

Б. Результат объективации новой теории оказывается несовместимым с традиционной интерпретацией событий, даваемой старой теорией. Эта ситуация описывает случай объективации теорий в рамках революционного пути развития знания, например в результате радикального отказа от господствующих исследовательских программ, что связано с кризисом «нормальной» науки.

Здесь могут возникать следующие случаи.

1. Предпринимается попытка логически совместить новую и старую интерпретации. Данная попытка реализуется как тенденция объективировать содержание новой теории в границах старой картины мира. Примером может служить астрономическая система Тихо Браге, который, ясно представляя внутринаучные достоинства гелиоцентризма по сравнению с геоцентризмом, тем не менее не решается на полное и окончательное принятие первого по мировоззренческим соображениям, возродив эклектическую модель Гераклида Понтийского.

2. Предпринимается попытка истолковать новую интерпретацию как паллиативное и в целом приемлемое для науки явление, которое должно — чем скорее, тем лучше — «сойти со сцены» и уступить место «добрым» старым представлениям. Такова, к примеру, тенденция расценивать квантовую механику как неполную феноменологическую теорию, которая требует переформулировки на динамически-детерминистский язык.

3. Предпринимается попытка показать противоречивость и несостоятельность новой интерпретации с намерением исключить ее из пределов науки. Скажем, известные стремления показать парадоксальность представлений о дискретности энергетических состояний атомных объектов с позиций классической физики.

4. Пожалуй, наиболее интересный случай, являющийся неизбежным финалом предыдущих: после окончательного принятия новой и крушения старой интерпретации предпринимается попытка выяснить их взаимоотношения на основе принципа соответствия. Упорядочение имевших место в науке интерпретаций по данному принципу, означающее в конечном счете а) установление единства предметных знаний и б) углубление теоретических представлений об изучаемых явлениях действительности и составляет объективную основу качественного прогресса науки, выражаемого не формулой «от того, что мы знаем», как считает, к примеру, Кун, но формулой «к тому, что мы хотим знать». Последнее, как нетрудно видеть, позволяет отвергнуть деструктивное убеждение в том, что «науки (теории) бывают просто разными», которое отрицает возможность прогрессивных изменений в сфере знания, и принять конструктивное убеждение в том, что «науки (теории) бывают более совершенными», которое позволяет адекватно обосновать концепцию научного прогресса.

Общей приемлемой схемой, моделирующей рост теории, может быть следующая. Появление новых эмпирических данных или требования семантической, а также логической оптимизации знания вызывают необходимость модифицировать наличное знание. Эти модификации с генетической точки зрения возникают либо как поризм, либо как следствие реализации продуктивно-творческого, интуитивного потенциала познания на основе рекомбинации элементов наличного опыта (в частности, путем гибридизации принятых исследовательских программ).

Полученные в результате модификаций знания новации оформляются и организуются в теории, из которых логически дедуцируются опытно опробуемые следствия; в случае их совпадения с экспериментально удостоверяемым положением дел теории подтверждаются и внедряются в практику. Дальнейший прогресс теорий определен деятельностью по их логическому, операциональному, экспериментальному и семантическому совершенствованию согласно известным критериям «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания».

Так как теоретический и фактуальный базисы знания совпадают не в полной мере, в перспективе этот естественный цикл науки воспроизводится вновь и вновь.

Наглядное формульное выражение данной схемы применительно к непосредственной единице науки — научной теории, которая не является прямой и примитивной коагуляцией наблюдений (эмпирических данных), таково: $E—I—T_P—T_C—E^1$ (1), где E — эмпирические факты-провокаторы, I — интуиция, T_P — теоретические принципы, T_C — эмпирически проверяемые следствия из теории, E^1 — поле возможных эмпирических подтверждений теории.

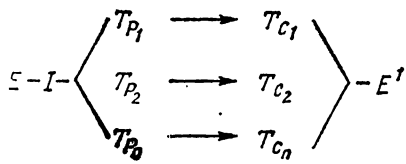
Динамика новых циклов с учетом расширения эмпирического базиса теории соответственно описывается формулой $E_i—J_i—T_{P_i}—$

$-T_{C_i}-E_i^1$ (2), что демонстрирует спиралевидное развитие науки согласно ее диалектической природе [см. 161].

E в (1) и E_i в (2) отличаются соответственно от E^1 и E_i^1 как интенсионально: E и E_i являются аномалиями с позиций старой теории, которая не может их ассимилировать, и «провокаторами» новой теории, которой еще нет, тогда как E^1 и E_i^1 — логически выводятся из теории в качестве «запрограммированных» следствий, так и экстенсионально: E^1 и E_i^1 включают класс предсказываемых теорией потенциальных верификаторов, а потому шире E и E_i.

Запас прочности развития теории — ее эвристичность, нетривиальность — не бесконечен: по мере исчерпания своего идейного заряда, свидетельством чему является рано или поздно наступающая деформация «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», теория уступает место идущей на смену ей преемнице. Собственно этим и объясняется круговорот циклов в науке.

Диахронный разрез проблемы дает формулу прогресса, несколько отличную от приведенной выше, полученной в рамках типологического разреза. Поскольку связь концептуального (B_K) и эмпирического (B_E) базисов неоднозначна, что означает недедуцируемость B_K из B_E и нередуцируемость B_K к B_E, постольку генеалогия нового знания в формульной записи такова:



т. е. из (E—I) следует множество теоретических картин (ΣTP) — альтернативных исследовательских программ, теоретизаций и описаний. Интересно, что из (ΣTP) не вытекает множество эмпирических картин (ΣEP). Последнее соответствовало бы методологической доктрине пантеоретизма, гипертрофирующей факт теоретической нагруженности E и B_E. На деле автономные ингредиенты (ΣTP), различающиеся концептуально (они получены вследствие расслоения, пролиферации B_K); имеют единый B_E, фиксируемый и данный через призму стандартного (для локальной ситуации) операционального базиса B_O — измерительная, вычислительная, приборная, аппаратурная база.

Относительная стабильность и независимость B_O и B_E от B_K и обеспечивает возможность первым выступать инструментом испытания и критического обоснования второго, результатом чего являются выбраковка компонентов B_K, дающих ΣTP, и утверждение какого-то предпочтительного варианта, становящегося общепризнанным. Последнее важно подчеркнуть по двум причинам: во-первых, чтобы показать несостоятельность как «критически

рационалистического», так и «исторического» направлений постпозитивизма: одно понимает B_E лишь как механическое средство отбора иррационально возникающих элементов B_K; другое истолковывает B_E лишь как придаток B_K, лишенный самостоятельной познавательной роли; во-вторых, чтобы последовательно провести диалектико-материалистический взгляд, согласно которому B_K и B_E — структуры, хотя и самостоятельные, однако не однопорядковые: B_E — более фундаментальна как с точки зрения генеалогии B_K, которая может быть значительной и трудно представимой, но обязательно опытно-эмпирической, так и с точки зрения обоснования B_K, которое в конечном счете всегда опытно-экспериментально.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной книге сделана попытка как можно полнее обосновать взгляд на диалектическую логику как логику теоретического познания, сущность которого заключается в создании целостной, внутренне завершенной картины исследуемого объекта во всей противоречивости его движения, со всеми взаимосвязями и опосредствованиями.

На выполнение этой задачи, как показано в книге, «работают» все принципы диалектической логики, весь ее категориальный аппарат. Нацеливая исследования на воспроизведение объекта в его конкретно-исторической целостности, диалектическая логика вместе с тем помогает выяснить, через какие ступени шло теоретическое познание объекта и какие категории играют узловую роль в раскрытии его сущности.

Уже немецкой классической философией было показано, что процесс познания противоречив и что выделение и исследование всеобщих форм проявления этой противоречивости составляет задачу диалектической логики, развитой Гегелем и его предшественниками на идеалистической основе.

Однако необходимо было сделать еще один важный шаг: нужно было показать, что противоречивость процесса познания является отражением и имеет своим источником противоречивость самой объективной действительности. Этот шаг, давший диалектической логике материалистическую основу, был сделан К. Марксом и Ф. Энгельсом. Ими было показано, что научное понимание предмета и целей, принципов и категорий диалектической логики возможно при условии обращения к общественно-исторической практике и в особенности к высшей ее форме — революционно-практической деятельности рабочего класса. Общественно-историческая практика представляет собой тот объективный процесс, в ходе которого развертывается, непрерывно углубляясь и принимая все более разнообразные формы, взаимосвязь объективной и субъективной диалектики. Практика служит, с одной стороны, источником теоретического познания действительности, а с другой стороны — теоретическое познание само оказывается необходимым условием дальнейшего развития практики. По мере ее развития расширяется область теоретического познания. Соответственно росту теоретического познания расширяются возможности преобразования человеком природы, которая все более и более начинает носить «печать» его деятельности. В условиях научно-технической революции, когда наука становится непосредственной производительной силой, происходит все более тесное и многообразное переплетение двух форм объективного процесса, о

которых писал В. И. Ленин — природы и целеполагающей деятельности человека. В этих условиях сознательное применение диалектической логики становится всеобщим и необходимым условием человеческой деятельности.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин дали нам классические образцы сознательного применения диалектической логики. С тех пор немало теоретических открытий было сделано путем сознательного применения диалектической логики. В то же время она стихийно применяется повсюду во всех областях знания, достигших теоретического уровня развития.

В последние десятилетия заметно возросли исследования в области диалектической логики. Споры о ее предмете, особенно горячие в конце 50-х, в 60-х и начале 70-х годов, уступили место разработке ее конкретных принципов и положений, ряд которых изложен в данной книге.

Проделанная работа позволяет наметить некоторые перспективные направления дальнейшего развития исследований по диалектической логике.

В ряде работ основательно рассмотрены многие принципы диалектической логики (принцип противоречия, совпадения исторического и логического подходов, отрицания, развития, всесторонности рассмотрения и многие другие), однако вопрос о том, как их связать в единую органическую систему, исследован слабо. О логическом выведении в диалектической логике написано несколько работ, однако они носят скорее общий, а потому и не достаточно конкретный, характер. Еще предстоит раскрыть конкретные связи между формами мышления в процессе теоретического познания и главное — выяснить соответствие этих связей определенным принципам логики.

Другое важное направление — разработка в систематической форме теории доказательства теоретических положений. Как известно, существует мнение, что традиционное, формально-логическое или формальное доказательство является универсальным и достаточным для доказательства теоретических положений. В связи с этим необходимо заметить, что всякая логика включает в свой состав теорию доказательства. В диалектической логике также имеется учение о доказательстве, однако оно еще не приобрело форму систематически разработанной теории.

Третьим направлением развития диалектической логики является разработка категориальной структуры научной теоретической системы знания. В рамках такой научной дисциплины, как логика науки, проведено довольно много исследований по структуре научных теорий. Однако выявление и анализ основных категорий всей теоретической системы знания, включающей в себя всю совокупность теорий, изучение целостной взаимосвязи теорий — задача исключительно диалектической логики. Выполнить эту работу — значит раскрыть в то же время целостную категориальную структуру и самой диалектической логики как научной системы знания.

Исторические решения XXVII съезда КПСС выдвигают на первый план целый комплекс наиболее актуальных проблем диалектической логики.

Важнейшей задачей является разработка категории диалектического противоречия, опирающаяся на исследование закономерностей и тенденций мирового развития. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС было подчеркнуто, что история общества представляет собой закономерный поступательный процесс, противоречия которого не только выражают приговор старому миру, всему, что мешает двигаться вперед, но и являют собой источник, движущую силу общественного прогресса. Диалектическая логика призвана внести вклад в исследование основных групп противоречий общественного развития — противоречий, связанных с отношениями между государствами двух систем, двух формаций, внутренних противоречий капиталистического мира, противоречий между империализмом и развивающимися странами, а также противоречий глобального масштаба, затрагивающих самые основы существования цивилизации.

Разработанный КПСС стратегический курс на ускорение социально-экономического развития страны ставит задачу углубленного анализа динамики количественных и качественных показателей развития страны, охватываемых во всем их многообразии и взаимосвязи. В логическом и методологическом обеспечении решения этой задачи немаловажная роль принадлежит принципам и категориям диалектической логики.

Научно-техническая революция резко заостряет внимание к ряду узловых проблем диалектической логики — таким как проблема взаимосвязи объективной и субъективной диалектики, вопрос о сущности и историческом развитии форм мышления, о практике как основе и критерии истины и т. д. Разработку этих проблем следует вести с учетом того, что научно-техническая революция, как отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС, дала начало гигантскому приращению материальных и духовных возможностей человека и ведет к совершенствованию общественных отношений, перестройке мышления, выработке новой психологии, к утверждению динамизма как образа жизни, нормы бытия.

Материалы XXVII съезда КПСС существенно обогащают важнейшую черту диалектической логики, заключающуюся в раскрытии взаимосвязи познания действительности и творческого к ней отношения, ее революционного преобразования. Теоретическая работа в этом направлении должна опираться на исследование характерной закономерности развития социалистического общества — всестороннего раскрытия интеллектуальных и нравственных богатств человека и общества, развития инициативы и творчества масс, осуществления подлинно революционных преобразований.

Теснейшая взаимосвязь теории с практикой, нацеленность на решение актуальных проблем современности являются основой творческого развития марксистской диалектической логики.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947.
3. Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
5. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
6. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция). М., 1986.
8. Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. М., 1970.
9. Абдильдин Ж. М. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967.
10. Алексеев М. Н. Диалектическая логика. М., 1968.
11. Аристотель. Соч. в 4-х тт. М., 1975.
12. Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.
13. Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.
14. Астафьев В. К. Законы мышления в формальной и диалектической логике. Львов, 1968.
15. Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М., 1980.
16. Бакрадзе К. С. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958.
17. Барг А. М. Учение об общественно-экономических формациях. — В кн.. Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970.
18. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
19. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1909.
20. Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Одесса, 1907.
21. Блауберг И. В., Юдин Э. В. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
22. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963.
23. Борзов С. Г. Противоречия, развитие, практика. Саратов, 1966.
24. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966.
25. Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962.
26. Бройль Л. де. Революция в физике (новая физика и кванты). М., 1963.
27. Будагов Р. А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1978.
28. Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1976.
29. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка. М., 1977.
30. Булыгин И. А., Пушкарев Л. Е. Источниковедение. — В кн.: Советская историческая энциклопедия. М., 1965.
31. Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967.
32. Бэкон Ф. Новый органон. М., 1963.
33. Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. М., 1973.
34. Введенов М. Ф., Сачков Ю. В. Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971.
35. Веккер Л. М. Восприятие и основы моделирования. М., 1964.
36. Вернадский В. И. Биосфера. М., 1967.
37. Вернадский В. И. Размышление натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.
38. Вигнер Е. Вопросы диалектики и логики. Л., 1971.
39. Вигнер Е. Этюды о симметрии. М., 1971.
40. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
41. Воробьев М. Ф. В. И. Ленин о материалистической основе диалектической логики. — В кн.: Вопросы диалектической логики. Л., 1971.
42. Вяккеров Ф. Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963.

43. Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1929—1956.
44. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974.
45. Герц Г. Закон. Развитие. Случайность. — Вопросы философии, 1978, № 8
46. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. М., 1949.
47. Гейзенберг В. К. Развитие понятий в физике XX столетия. — Вопросы философии, 1968, № 1.
48. Глаголева Э. Н. Истинны ли противоположные определения, входящие в научно-теоретическое понятие. — В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979.
49. Горлянский В. А. Диалектическое противоречие и его структура. — Вопросы философии, 1965, № 10.
50. Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1981.
51. Гриценко И. И. Историческое и логическое в марксистской философии. Ростов, 1969.
52. Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982.
53. Дарвин Ч. Соч. М.—Л., 1935—1953.
54. Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. М., 1967.
55. Диалектика и научное познание. Ташкент, 1979.
56. Диалектика, логика и методология науки. Свердловск, 1978.
57. Диалектика научного познания. М., 1978.
58. Добрияков В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968.
59. Дрофман И. Всемирная история физики. М., 1974.
60. Жданов Ю. А. Новое понятие современной теоретической химии. — Вопросы философии, 1977, № 1.
61. Зигварт Хр. Логика. Спб., 1908.
62. Иванова К. И. Принцип причинности в системе принципов научного познания. Ташкент, 1974.
63. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960.
64. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. — В кн.: История марксистско-ленинской диалектики от возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971.
65. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984.
66. Ильенков Э. В. Субстанция. — В кн.: Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
67. Империализм и кризис мирового капитализма. М., 1971.
68. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971.
69. Кедров Б. М. Предмет материалистической диалектической логики и его отличие от предмета формальной логики. — В кн.: Диалектика и логика. Законы мышления. М., 1962.
70. Кедров Б. М. Научная концепция детерминизма. — В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973.
71. Кедров Б. М. О детерминизме. М., 1973.
72. Кертж Н. М. Интертеоретическая критика и развитие науки. М., 1978.
73. Клейн Ф. Вопросы элементарной и высшей математики. Одесса, 1912.
74. Клини С. Математическая логика. М., 1973.
75. Колтаков Б. П. Методологические проблемы исходной категории в политической экономии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 1975.
76. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
77. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
78. Копнин П. В. Логика научного исследования. М., 1965.
79. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969.
80. Кузанский Н. Избранные философские произведения. М., 1937.
81. Кузнецов И. В. Принцип соответствия в современной физике, его философское значение. М.—Л., 1948.
82. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1979.

83. Кузьмин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966.
84. Куликов В. В. К вопросу об исходном и основном отношениях социализма. М., 1975.
85. Куликов Л. А. Понятие детерминизма в марксистско-ленинской философии. М., 1973.
86. Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979.
87. Кураев В. И. Диалектика содержательного и формального в научном познании. М., 1977.
88. Купцов В. И. Рецензия на кн.: Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. — Философские науки, 1976, № 1.
89. Лекторский В. А., Швырев В. С. и др. Философия, методология, наука. М., 1972.
90. Ленинский сборник. 2-е изд. М.—Л., 1931.
91. Ленинская теория империализма и современность. М., 1977.
92. Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения. М., 1908.
93. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
94. Лессинг Г. Избранное. М., 1980.
95. Логика и эмпирическое познание. М., 1973.
96. Логико-методологическое исследование. М., 1980.
97. Лойфман И. Я. Принципы физики и философские категории. Свердловск, 1973.
98. Лосев А. Ф. История античной эстетики. (Софисты. Сократ, Платон). М., 1969.
99. Маньковский А. А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса. М., 1961.
100. Материалистическая диалектика в 5-ти тт. М., 1981.
101. Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания. Алма-Ата, 1979.
102. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982.
103. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М., 1971.
104. Меркулов И. П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980.
105. Методологические проблемы системных исследований. — В кн.: Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1981.
106. Миль Д. С. Система логики. М., 1914.
107. Митин М. Б. Идеи В. И. Ленина и современность. М., 1981.
108. Нарский И. С. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.
109. Науменко Л. К. О методологии системного подхода к общественным наукам. — В кн.: Проблемы научного коммунизма. М., 1969.
110. Науменко Л. К. Диалектика Гегеля и системный подход. — Философские науки, 1974, № 4.
111. Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968.
112. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
113. Огурцов А. П. Этапы интерпретации системности научного знания (античность и наше время) — В кн.: Системные исследования. М., 1974.
114. Оринбенков М. С. Проблемы субстанции в философии науки. Алма-Ата, 1975.
115. Оруджев З. М., Аверьянов А. Н. Диалектическое противоречие в развитии познания. — Вопросы философии, 1979, № 2.
116. Оруджев З. М., Шулевский Н. В. Диалектическая логика и логика науки. — Вестник МГУ. Сер. философия, 1977, № 3.
117. Оруджев З. М. Логическое и историческое в «Капитале». — В кн.: «Капитал» Маркса и современность. М., 1960.
118. Оруджев З. М. Теория как система категорий. Развитие теорий. — В кн.: Диалектика и методологические проблемы развития науки. Баку, 1976.
119. Павлов В. Г. Гносеологические основы многозначной логики. — В кн.: Проблемы философии. К., 1979.

120. Панкратов Н. И. Основные элементы структуры диалектического противоречия. — В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1973.
121. Панченко А. И. Логико-гносеологические проблемы квантовой физики. М., 1981.
122. Панкин М. С. Искусство и наука. Проблема, парадоксы, поиски. М., 1982.
123. Платон. Соч., М., 1968—1972.
124. Платон и его эпоха (к 2400-летию со дня рождения). М., 1979.
125. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
126. Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1981.
127. Попович М. В. О философском языке науки. К., 1966.
128. Попович М. В. Философские вопросы семантики. К., 1975.
129. Проблемы дальнейшего развития политической экономии. М., 1975.
130. Рассел Б. История западной философии. М., 1959.
131. Рахманов А. А. Методологический анализ роли мыслительного эксперимента во взаимосвязи физической теории и техники. К., 1979.
132. Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1967.
133. Розов В. И. Пути научного открытия. — Вопросы философии, 1981, № 3.
134. Рожин В. П. В. И. Ленин и проблемы материалистической диалектики. Л., 1970.
135. Румянцева Э. А. Инженерно-математический стиль мышления в современной науке. Минск, 1978.
136. Садовский В. Н. Основания общей теории системы. М., 1974.
137. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы развития. — В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. М., 1980.
138. Самощенко Н. С. Свобода воли и юридическая ответственность. — В кн.: Комплексы изучения мира и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975.
139. Сачков Ю. В. Принципы обобщения в синтезе знаний. — В кн.: Система исследования методологических проблем. М., 1980.
140. Сейфуллаев Р. С. Концепция причинности и ее функции в физике. Новосибирск, 1973.
141. Симонов А. А. Неосознаваемое психическое подсознание и сверхсознание. — Природа, 1983, № 2.
142. Ситковский Е. П. Принципы научной систематики категорий диалектической логики. — В кн.: Диалектика и логика научного познания. М., 1966.
143. Славская К. А. Мысль в действии. М., 1968.
144. Солопов Е. Ф. Предмет и логика материалистической диалектики. Л., 1973.
145. Солопов Е. Ф. Введение в диалектическую логику. Л., 1979.
146. Сорокин А. А. Субстанция и принцип монизма в «Капитале» Маркса.— В кн.: История материалистической диалектики. М., 1971.
147. Степанов Н. И. Концепция элементарности в научном познании. М., 1976.
148. Столяров В. И. Исторический метод познания в современной науке. М., 1973.
149. Сэв Л. О структурализме. — Проблемы мира и социализма, 1971, № 1.
150. Таванец П. В. Вопросы теории суждения. М., 1955.
151. Тарский А. Истина и доказательства. — Вопросы философии, 1972, № 2.
152. Теория материалистической диалектики. О единичном, особенном, всеобщем. М., 1978.
153. Тимирязев К. А. Значение переворота, произведенного в современном естествознании Дарвиным. — В кн.: Дарвин Ч. Происхождение видов. М.— Л., 1937.
154. Успехи физических наук. М., 1968.
155. Фейман Р., Лейтон Р., Сэндс И. Феймановские лекции по физике. Вып. 1. М., 1967.
156. Философская энциклопедия. М., 1962.

157. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
158. Черников В. В. О соотношении структуры диалектического противоречия и закона исключенного третьего. — Общественные науки, 1974, № 5.
159. Чернух А. М., Александров П. Н., Алексеев О. В. Микроциркуляция. М., 1975.
160. Черняк В. С. Опыт структурного анализа. История науки. — Вопросы философии, 1979, № 4.
161. Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960.
162. Чусовитин А. Г. Взаимодействие и причинность в физике. — В кн.: Современный детерминизм и наука. Новосибирск, 1975.
163. Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983.
164. Диалектическое и научное познание. Ташкент, 1979.
165. Шептулин А. П. Определение предмета диалектической логики. — В кн.: Принципы диалектической логики. М., 1982.
166. Широканов Д. И. Диалектика познания и категория субстанции. Минск, 1974.
167. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.
168. Югай Г. А. Философские проблемы теоретической физики и биологии. М., 1976.
169. Югай Г. А. О категории субстанции в марксистской философии. — В кн.: Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968.
170. Яновская С. А. Содержательная истинность и формально-логическая доказуемость в математике. — В кн.: Практика и познание. М., 1973.
171. Andreski S. Social sciences as sorcery. N. Y., 1973.
172. Arnold U. Oerlegungen zum Verhältnis von Freiheit und Gasetz. — In: Geschichte und System. Wien, 1972.
173. Ayer A. J. The central question of philosophy. L., 1973.
174. Bartsch G., Klimaszewsky G. Materialistische Dialektikihre Grundgesetze und Kategorien. B., 1975.
175. Bennet J. O. A process view of causality. — Studies in process philosophy. Hague, 1974.
176. Bennet J. O. Natural and nomological necessity. — In: New scholastisisims. Wash., 1975, vol. 49, N 4.
177. Blauche R. L'induction scientifique et lois naturelles. P., 1975.
178. Bradley R. The causal-principle. — Canadian Journal of philosophy. Edmonton, 1974, vol. IV, N 1.
179. Brand M. and Swain M. Causation and necessary and sufficient conditions... — Philosophical studies. Dordrecht, 1974, vol. 25, N 5.
180. Brown H. J. Problem Changes in science and philosophy. — Metaphilosophy, Oxf., 1975, vol. VI, N 2.
181. Dorter K. Ontology and contingency. — Idealistic studies. 1978, vol. 8, N 2.
182. Dray W. Laws and explanation in history. L., 1957.
183. Fusk M. Nature and necessity. Bloomington, 1973.
184. Frankel H. Harre on causation. — Philosophy of science. East Lausing, 1976, vol. 43, N 4.
185. Frey G. Philosophie und Wissenschaft. Stuttgart-Berlin-Koln-Mainz, 1970.
186. Harre R. Surrogates for necessity. — Mind, L., 1973, vol. 82, N 827.
187. Harre R. and Madden E. H. Causal powers Totowa. N. J., 1975.
188. Hartman E. Uber die dialektische Method. B., 1868.
189. Hempel C. G. Dispositional explanation and the covering lawmodel. — Boston Studies in the philosophy of Science, 1976, N 32.
190. Johnson A. H. Experimental realism. L., 1973.
191. Jouari J.-P. La dialectique objective et son apperience metaphysique. Cahiers du Centre d'Etudes et de Recherches Marxiste. P., 1977, N 137.
192. Kaeser E. Physical laws, physical entities and ontology. — Dialectica, 1977, N 3—4.
193. Kant I. Gesamelte Schriften. Bd XV. B., 1902.
194. Lauener H. Zur philosophischen Problematik des Begriffes der Kausalität. — In: Dialectica, 1974, vol. XXVIII, N 1—2.
195. Lefebrre H. Logique formelle, logique dialectique. P., 1969.

196. MacIntyre A. Causality and history. — Essays on explanation and understanding. Dordrecht, 1976.
197. Mackie J. L. The cement of the universe. A study of causation. Oxf., 1974.
198. March A. Das neue Denken der modernen Physik. Hamburg, 1957.
199. Marx K. Kapital, Bd 1. Hamburg, 1867.
200. Mayo B. The incoherence of determinism. — Philosophy. L., 1969, vol. XLIV, N 68.
201. Meessen A. Freiheit Determinismus und Zufall im Rahmen der klassischen Physik. — Zufall, Freiheit, Vorschung. Munchen, 1975.
202. Nagel E. The Structure of Science. L., 1961.
203. Nickles Th. Covering law explanation. — Philosophy of science, 1971, vol. 38, N 4.
204. Nielsen K. Is to abandon Determinism to withdraw from the Enterprise of science? — Philosophy and Phenomehological Research, 1967, vol. XXVIII, N 1.
205. Nisbet R. The social lond. N. Y., 1970.
206. Plantinga A. The nature of necessity. Oxf., 1974.
207. Popper K. Conjectures and refutations. N. Y., 1965.
208. Porter D. H. History as process. — History and theory, 1975, vol. 14, N 3.
209. Rieser M. Struktur der Geschehnisse bei Kausalverknüpfung. M., 1976.
210. Schlegel R. Historic views of causality. — In: Causality and physical theories. N. Y., 1974.
211. Stegmüller W. Das Problem der Kausalität.—Probleme der Wissenschaftstheorie. Wien, 1960.
212. Strobl W. Ontologie der Naturgesetze. — Akten des XIV Internationalen Kongresses für Philosophie. Wien, 1968.
213. Sydney Hook. Dialectical materialism and Scientific method. Manchester, 1955.
214. The British Journal for the Philosophy of Science, 1971, vol. XXII, N 3.
215. Titze H. Formales a priori beim Kausalbegriff und des Kausalprinzip. — Zeitschrift fur philosophische Forschung, 1976, Bd XXX; Hf. 4.
216. Wright G. H. Determinism and the study of man. — Essay on explanation and understanding, 1976.

Айер А. 127
Алексеев М. Н. 9
Аристотель 112, 123
Аскин Я. Ф. 126
Астафьев В. К. 68

Бакрадзе К. С. 231
Барг Г. 9
Бахтин М. Н. 56
Бенкет И. 128
Бергсон А. 66
Богомолец А. А. 75
Бранд М. 131
Браун Н. 121
Бредли Р. 121
Бриллюэн Н. Л. 101
Бройль Л. де 239, 244
Брянский В. П. 7
Будагов Р. А. 254, 256
Бэкон Ф. 40

Вахтомин Н. К. 249
Веккер Л. М. 166
Вернадский В. И. 207
Вигнер Е. 64
Витгенштейн Л. 138, 259

Гайденко П. П. 240
Гартман Е. 70
Гегель Г. В. Ф. 31, 48, 57, 65, 73, 93, 113, 184, 200, 206, 241, 257, 259, 260, 261, 262, 265
Гейзенберг В. 94
Гемпель К 138
Герц Г. 219
Глаголева Э. Н. 167

Декарт Р. 41
Дортер К. 136
Дрей У. 140

Жуари Ж.-П. 6

Зигвард Хр. 66

Каезер Е. 138
Кант И. 41, 219, 250
Кащенко А. И. 254
Копнин П. В. 8, 33, 44, 45
Куайн У. 133
Кузанский Н. 245
Кузьмин В. П. 172, 177—179
Куликов В. В. 252
Кумпф Ф. 98, 250
Климашевский Г. 9
Клини С. 264

Лауэнер Х. 127, 129
Леви-Брюль Л. 48
Лейбниц Г. 75
Лекторский В. А. 36
Ленин В. И. 6, 11, 14, 15, 20, 29, 35, 45, 46, 48, 54, 64, 67, 71, 74, 77, 83, 87, 89, 90—92, 95—98, 102, 105, 106, 109, 111, 112, 116, 138, 139, 152, 162, 163, 165, 166, 169, 170, 174, 181, 184, 217, 222, 223, 229, 241, 245, 249, 251, 256, 257, 271, 284
Леонтьев А. Н. 251
Лессинг Г. Э. 56
Лефевр А. 8
Лосев А. Ф. 242

Макинтейр А. 123
Маркс К. 23, 26 70, 82, 95, 96, 118, 147, 165, 178, 183, 185, 186, 190, 199, 217, 220, 241, 242, 244, 248, 252, 266, 267, 269
Мах Э. 131
Меессен А. 134
Мейо Б. 121
Мэкки И. 123, 129

Нагель Е. 122
Нарский И. С. 167
Нильсон К. 122

Оруджев З. М. 98, 206, 250

Пенкин М. С. 55
Плантинго А. 133
Плотников А. М. 216
Попович М. В. 240

Райт Г. 138
Ризер М. 121
Рожкин В. П. 16
Розенталь М. М. 253

Садовский В. Н. 175

Свайн М. 131
Ситковский Е. П. 17
Солопов Е. Ф. 16
Степанов Н. И. 173

Тарский А. 264
Тимирязев К. А. 251
Титце Х. 122

Уоткинс Дж. 123

Фаск М. 133
Фейнман Р. 268
Френкел Х. 127

Харре Р. 128, 134, 135
Хинтикки Я. 239
Хук С. 58, 63

Черч А. 264
Чупахин И. Я. 223
Чусовитин А. Г. 126

Шептулин А. П. 18, 35
Шинкарук В. И. 9
Шлегель Р. 122, 124
Штегмюллер У. 131
Штробла У. 139

Эйнштейн А. А. 220, 267
Энгельс Ф. 14, 15, 17, 18, 20, 25, 50, 59, 66, 99, 103, 104, 107, 113, 114, 117, 125, 127, 166, 185, 202, 228, 231, 235, 238, 244, 246, 246, 247, 250, 258, 267, 280

Яновская С. А. 261, 264, 265

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абстрактное 48, 66, 193
  и конкретно-всеобщее 204
Абстракция 157, 200
Анализ 69, 200
  и синтез 193, 202, 204, 209, 263
Антиномия 169, 170—171, 219

Борьба (противоположностей) 58, 162—163

Внутреннее
  и внешнее 94—96, 193
Восхождение от абстрактного к конкретному 118, 156, 199
  и всестороннее раскрытие сущности предмета 157, 158
  и единство анализа и синтеза 191—194, 199, 200
  и закон отрицания отрицания 153, 154
  и метод посредствующих звеньев 165—167, 169, 204, 255
  и научная теория 203
  и познание сущности 196, 198
Всеобщее
  и закон развития 204
  как логический критерий 93

Гипотеза 20, 250, 262

Детерминизм 101, 107, 119
Диалектика 19, 20, 45, 66, 70, 91, 112
  и закон единства и борьбы противоположностей 58
  и закон отрицания отрицания 60, 154
  и закон перехода количественных изменений в качественные и обратно 58—60, 98
  и переход от явления к сущности 61
  субъективная 104
Доказательство
  в синтетическом познании 259
  диалектико-логическое 76, 258
  и опосредствование 261
  и опровержение 271
  окончательное 267
  теоретическое 258, 266
  формальное 263—266

Единство
  диалектики, логики и теории познания 5—10, 16—19, 22, 23
  в «Капитале» К. Маркса 5, 6
  внутреннее 193
  объективности и партийности 82
  отражения и изменения мира 27
  принципов целостности и историзма 178
  противоположностей и конкретное тождество 116

Закон
  диалектики 33, 46, 59, 62, 65, 68
  диалектической и формальной логики 77, 78
  достаточного основания 75—77
  и принцип 158, 159
  исключенного третьего 72—75
  как общая, необходимая, существенная связь 137—140
  как форма всеобщности в природе и обществе 188
  логики 21, 33, 34

мышления 33, 58, 72, 77, 78
противоречия 68—72
тождества 65—68, 112
функционирования и развития познания 65, 188, 189

Идея 205, 250, 260
и ее доказательство 269
научная 201, 205
Идеализм 24, 62, 66, 80, 87, 112, 127, 131, 134, 138, 194, 195
Идеалистическое истолкование логики 23—26, 35, 62—64, 69
Индукция 44
Интуиция 277
Истина 22, 25, 26, 29, 202
абсолютная 102, 103
и логика 15, 23, 25
как процесс 23, 29—32
конкретность 104, 105, 199
формальная 22
Историзм
и логическая структура 143
и принципы развития 142
Исходная «клеточка» научного познания 92, 93, 204, 214
Категории как ступени познания 11, 12
Конкретное 93, 104, 111
и конкретно-историческое понимание предмета 145, 150
как результат восхождения от абстрактного к конкретному 193
как синтез определений 193, 199
чувственное 193, 195

Логика
диалектическая 14—16, 18, 23, 34, 35, 44, 65, 67
и диалектика 22
и законы и формы мышления 21, 24
и история ее развития 39—44
и методология диалектического материализма 20
и теория логического вывода 15
как философская наука 22
науки 35, 39, 44
символическая 32, 42, 44
формальная 18, 19, 20, 42, 60, 65, 68, 74, 111, 112, 222
Логические связи 46—50
Логическое и историческое 151, 155

Материализм 80, 84
Метод 20, 29, 35, 49, 62, 70, 84
Методология 20, 36, 63, 155
Метафизика 58, 59, 70, 88
Мировоззрение 69, 76
Мышление 17, 18, 37
формальное 38, 41, 57, 67, 102, 104
научно-эмпирическое 49
художественное 54—57

Наука 51
революция в науке 273—275
Необходимость
логическая 129, 133
и случайность 135

Обобщение
и научные принципы 208
эмпирическое 207
Объективность 80, 81, 88
Объективизм 82, 85, 86
Объяснение и подтверждение 268
Определение
как форма всеобщего 200
теоретическое 108—100
Определенность 67, 102, 104
качественная 98
Отражение 27, 34, 60
Отрицание отрицания 60, 61

Позитивизм 35, 36, 194
Познание 19, 33
Понятие
теоретическое 220
эмпирическое 218
Посредствующие звенья 48, 51, 53, 159, 165, 169, 204, 220, 263
Практика 28, 45, 47, 51, 54, 88, 101, 152, 270—272
Принцип
всесторонности рассмотрения 91—98, 156—159
детерминизма 119—141
историзма 141—162
конкретного тождества 111—119
объективности рассмотрения 80—88
определенности 98—111
причинности 120—133
противоречия 162—171
системности 171
системности и теоретического мышления 172, 176, 201
Принципы диалектической логики 80
всеобщность и объективность причинно-следственных связей 121—125
необходимый характер причинно-следственных связей 129—131
причинность и взаимодействие 120, 125, 184
Проблема 249
Противоречие 71, 162
диалектическое и формально-логическое 69, 71, 170
и внутренняя противоречивость 113, 151, 152

и его разрешение 170
и содержание теоретического мышления 163
и субстанциальное отношение 186
и элементы его структуры 167
теоретическое 169

Редукция 272, 273

Синтез 44
и логическая структура научной теории 205, 206
переход от анализа к синтезу
Субстанция
и взаимодействие 184, 185
и сущность 183
как всеобщее основание системы 185
как единство материи и движения 182
Субстанциальный подход 180
Субстанциальное свойство 96, 180

Теория
и ее категориальная структура 252
и метод 63, 64
и практика 53—64
как наиболее развитая форма синтеза 203
как форма познания 249
научная 203
200—202
синтетическое познание 201, 260
Система
и структура 211
и элементы 211
как противоречие 177
Системность и элементаризм 173, 174
Сознание 18, 28, 55
Структура научной теории
категориальная 206, 252
Софистика 88—91, 152
Структурализм 174, 175
Философия науки 36
Формы
мышления 217
развития научного знания 272

Целое
и часть 93
органическое 193—195, 203, 204

Эклектика 88—91, 96, 97
Эксперимент 50
Элементаризм 174
Эмпиризм 194
Эмпирическое 50, 91, 104
и обобщение 207
и теоретическое 157, 163, 202, 206, 217—220

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Раздел I. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КАК НАУКА

Глава I. Предмет диалектической логики 14
Глава II. Диалектическая логика — учение об истине 21
Глава III. Диалектическая логика и логика науки 35
Глава IV. Практика — основа формирования и развития логических связей 45
Глава V. Основные законы мышления в диалектической и формальной логике 58

Раздел II. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Глава I. Объективность рассмотрения 80
§ 1. Основные требования принципа объективности . . . 80
§ 2. Принцип объективности и критика софистики и эклектики 88
Глава II. Всесторонность рассмотрения 91
Глава III. Принцип определенности 98
Глава IV. Принцип конкретного тождества . . 111
Глава V. Принцип детерминизма 119
§ 1. Принцип причинности, его основные требования 120
§ 2. Принцип необходимой связи 133
§ 3. Сведение к закону как одно из требований принципа детерминизма 137
Глава VI. Историзм как принцип диалектической логики 141
§ 1. Содержание и структура принципа историзма . . . 141
§ 2. Единство исторического и логического и его связь с всесторонностью рассмотрения 156
Глава VII. Принцип противоречия 162
Глава VIII. Принцип системности 171
Глава IX. Субстанциональный подход как принцип диалектической логики 180
Глава X. Восхождение от абстрактного к конкретному 190
Глава XI. Единство анализа и синтеза как принцип диалектической логики 199
§ 1. Анализ и синтез в развитии научного познания . . 199
§ 2. Закономерности взаимосвязи аналитических и синтетических процессов и их отражение в различных видах анализа и синтеза 209

Раздел III. ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ 216
Глава I. Понятие 216
Глава II. Суждение . . . 224
§ 1. Диалектика в содержании суждения . 224
§ 2. Диалектика формы суждения 229
§ 3. Диалектическая классификация суждений 231
Глава III. Проблема выведения в диалектической логике 238
Глава IV. Научная теория как форма познания 249
Глава V. Теоретическое доказательство 258
§ 1. Постановка проблемы в логике Гегеля 259
§ 2. Доказательство в марксистской диалектической логике 262
Глава VI. Формы развития научного знания 272

Заключение . . . 283
Литература . . . 287
Указатель имен . . 293
Предметный указатель 295

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА